

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь
1936 года 3

СТАТЬИ

А. Б. Миндлин — Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу» 13

А. А. Кошкин — Дипломатическая прелюдия войны на Тихом океане 27

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Л. С. Леонова — Владимир Иванович Вернадский 44

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

О. Л. Шахназаров — Старообрядчество и большевизм 72

ПУБЛИКАЦИИ

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926 98

СООБЩЕНИЯ

В. Е. Яманов — Рорик Ютландский и летописный Рюрик 127

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ш. Мухамедина** — Конфискация байских хозяйств в Казахстане 138
- Ю. А. Борисёнок, В. А. Лобач** — Формирование белорусско-российского порубежья 143

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Т. А. Володина** — «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. 147
- Е. С. Сенявская** — Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Война 1941—1945. Факты и документы 162
- В. Я. Гросул** — Роль религии в формировании южнославянских наций 163
- В. Ф. Козлов** — Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. Исторические очерки 166
- Е. М. Макаренкова** — М. Ц. Арзаканян. Генерал де Голль на пути к власти 169
- А. Г. Глебов** — В. П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов 170
- А. С. Лавров** — А. Берелович. Иерархия равных. Русское дворянство при старом порядке (XVI—XVII вв.) 173

Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 года

№ 3. Стенограмма очной ставки между Пятаковым и Бухариным в ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1936 года ¹

ЕЖОВ — В своих показаниях, данных вами в течение трех допросов, вы показали относительно состава так называемого запасного троцкистского ² центра, куда вы входили, и относительно блока с правыми. Вы это подтверждаете?

ПЯТАКОВ — Подтверждаю.

ЕЖОВ — Нельзя ли рассказать нам кратко, главным образом касаясь фактической стороны, с кем из правых непосредственно вы лично поддерживали связь?

ПЯТАКОВ — Связь началась с 1928 года. В конце 1928 г. ко мне на квартиру в Гнездиновском переулке, я лежал тогда больной, зашел Бухарин, по своей собственной инициативе. Бухарин находился в очень большом возбуждении, давал крайне пессимистическую оценку положению вещей в стране, говорил относительно того, что страна идет к разрушению, крайне неодобрительно характеризовал партийное руководство, которое неумело ведет это руководство ³.

Помню даже, что на мое замечание о том, что странно говорить о разрушении, когда строятся новые заводы, создаются новые предприятия, Бухарин тогда сказал: тяжело думать, что все это достанется не нам, а перейдет в другие руки, т. е. перейдет в руки капиталистических предприятий. Это был первый разговор.

Через несколько дней после этого меня перевели в Кремлевскую больницу. В Кремлевскую больницу Бухарин тоже пришел и вел разговор со мной на эти же темы. Он опять неодобрительно отзывался о Сталине, Молотове, Кагановиче и Ворошилове, давал крайне резкие и отрицательные характеристики. Говорил относительно того, что правые во главе с ним, Рыковым и Томским ⁴ начинают борьбу и для этого создают организацию, готовят платформу, соответствующее письмо.

Это был конец 1928 г. и начало 1929 года. Так как я часть этого разговора относительно оценки положения вещей в стране рассказал Сталину, после этого, по-видимому, наступил период охлаждения. Это был 1929—1930 год.

В 1931 г. у меня состоялась встреча с Седовым ⁵, о которой я показывал наряду с другими вещами. Седов говорил относительно того, что ему

Окончание. См. Вопросы истории, 2002, № 3.

известно об активизации работы правых, что троцкистский центр, который к тому времени образовался в Союзе, связан с правыми и что, с его точки зрения, речь идет о возобновлении крупной борьбы, причем всякие средства должны быть пущены в ход. Вопрос блока с правыми или, как тогда Седов передал, контактирование с правыми, является неизбежным.

Так как Седов, как я уже показал, был для меня не партнером в обсуждении политических вопросов, я выслушал от него только то, что он передал со слов Троцкого, и не ставил перед ним вопроса, на какой основе создается блок и т. д. Тем более что он мне передал ⁶, что в Союзе троцкистский центр установил эти связи.

Троцкий знал мои отношения с Бухариным; он предлагал мне возобновить связь с Бухариным, так как с Рыковым у меня никогда личных отношений не было. После возвращения в Союз в 1932—1933 г. Бухарин неоднократно бывал у меня, так как работал в наркомате тяжелой промышленности и встречи с ним были довольно легки. В этом смысле связь была установлена. Причем Бухарин говорил, что ему крайне трудно припомнить отдельные разговоры, кроме тех, которые обозначены какими-то внешними событиями. Разговоров было много, десятков, полтора. И в этих разговорах Бухарин неизменно давал примерно такую же оценку пессимистического характера, чрезвычайно неодобрительно отзывался о руководителях партии и говорил относительно того, что связь существует, что, несмотря на тот разгром, который был произведен, основа организации правых сохранилась и работа возобновляется.

Я не могу припомнить сейчас, было ли это в начале или в середине 1932 года. Точной даты я не могу припомнить. Но я рассказал Бухарину относительно своей встречи с Седовым, относительно террористических установок Троцкого, относительно блока с правыми. Бухарин не выразил никакого особенного удивления, из чего я сделал вывод, что из других источников это ему более или менее известно. Больше к этому вопросу мы не возвращались.

Я сейчас не могу припомнить, когда Бухарин, ушел из Наркомтяжпрома. Кажется, это был конец 1933 года. После его ухода у меня с ним личные связи больше не возобновлялись, кроме эпизодических и случайных встреч совершенно не политического характера. И связь с Бухариным ⁷ перешла к Радеку.

О своих встречах с Бухариным ⁸ я говорил Сокольникову ⁹ во время разговора, который имел место в середине 1935 года. Об этом я говорил и Томскому во время разговора в начале 1936 года ¹⁰. Вот это в основном все о Бухарине.

Теперь относительно Томского. Когда с Сокольниковым, у меня ¹¹ был разговор в середине 1935 г., и ему было известно о необходимости установления связи с правыми, тогда же был поднят вопрос относительно встречи либо Сокольникова, либо моей с Бухариным, Рыковым и Томским. Сокольников взялся переговорить с Томским и имел этот разговор. Я давал эти показания и об этом разговоре записано в протоколе допроса. Что касается меня, то я не мог к Томскому заехать, ни он ко мне не мог заехать. На одном из заседаний Политбюро в течение 10—15 минут мы с Томским имели разговор, причем из этого разговора явствовало, что с Сокольниковым он виделся, разговаривал и одобряет ¹² блок с нами, троцкистами.

Темой моего разговора был не принципиальный вопрос относительно необходимости контакта с правыми ¹³, а вопрос относительно организации встречи, так как для всех нас было крайне неясно, как дальше действовать. Поэтому была задумана совместная встреча Сокольникова, Радека, Серебрякова ¹⁴ и меня, с одной стороны, и Томского, Рыкова и Бухарина, с другой стороны, чтобы обсудить весь вопрос в целом.

ВОРОШИЛОВ — В каком году?

ПЯТАКОВ — В начале 1936 года. Томский целиком одобрил план совместной встречи, хотя это была крайне затруднительная вещь, и сказал тогда же, что он лично согласен с этим, но должен будет посоветоваться с Бухариным и Рыковым и тогда даст окончательный ответ. На этом дело

закончилось. Встреча эта не состоялась по чисто тактическим соображениям.

ЕЖОВ — Было ли известно Бухарину о составе объединённого троцкистского центра? ¹⁵

ПЯТАКОВ — Безусловно, известно.

ЕЖОВ — Известно ли ему о том, что основой основ борьбы они считали террор? ¹⁶

ПЯТАКОВ — Безусловно известно. Это явствовало из разговоров с ним.

ЕЖОВ — Знал ли он о наличии запасного центра?

ПЯТАКОВ — Этого я ¹⁷ сейчас точно не помню.

ЕЖОВ — Вы подробно информировали его об установках, полученных от Седова?

ПЯТАКОВ — Достаточно подробно.

ЕЖОВ — Была ли тогда речь о вредительстве?

ПЯТАКОВ — Упомянулось и об этом.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — С какого года вы начали работу?

ПЯТАКОВ — С возвращения из Берлина, с 1932 года.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Все эти годы вы были вредителем в Наркомтяжпроме?

ПЯТАКОВ — Очевидно, да.

ЕЖОВ — С Бухариным вы были связаны до 1933 года?

ПЯТАКОВ — Да.

ЕЖОВ — После этого было обусловлено передать связь на Радека?

ПЯТАКОВ — Поскольку было известно, что Бухарин переходит в «Известия», такая передача была обусловлена.

ЕЖОВ — Информировал ли вас Радек относительно его связи с ¹⁸ Бухариным?

ПЯТАКОВ — Он мне говорил об этом в конце 1935 года, если не ошибаюсь.

СТАЛИН — У троцкистов все нити вели в центр, который имел дело с какими-либо группами или лицами, возглавлявшими террористические группы. Насчет правых можно это сказать, что они тоже так делали?

ПЯТАКОВ — Насчет Томского можно определенно сказать. Насчет Бухарина не могу сказать. Не знаю, были ли у него непосредственные связи. Когда был арестован Цейтлин ¹⁹, Бухарин прибежал ко мне, крайне возбужденный, и говорил относительно того, что арест Цейтлина показывает еще раз относительно того курса, который взят, и что если мы будем так дальше себя вести, то нас всех арестуют и изничтожат.

СТАЛИН — А насчет Томского вы не сомневались?

ПЯТАКОВ — Нет, у него были связи.

СТАЛИН — Высказываний террористических у него не было?

ПЯТАКОВ — Во всяком случае он не возражал.

ВОРОШИЛОВ — А вы достаточно конкретно говорили?

ПЯТАКОВ — Конкретно шел разговор ²⁰ о директивах Троцкого, переданных мне Седовым. Организационных вопросов с Бухариным мне не приходилось обсуждать.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Много вы насадили вредителей в промышленности?

ПЯТАКОВ — Список людей известен. Я их назвал на следствии ²¹.

ЕЖОВ — Он дополнительно дал еще ряд фамилий за последние дни.

БУХАРИН — Я могу сказать только то, что в 1928 г. я действительно посетил Пятакова, о чем я рассказал здесь в связи с другим. Все остальное относительно моей информации и того, будто бы я знал о Седове, террористических установках и вообще этих разговорах, — все это от начала до конца Пятаков выдумал.

Конечно, я нахожусь в положении человека, которому могут верить и могут не верить. Я не могу вытащить какой-нибудь палки, которая бы служила вещественным доказательством, что это не так.

Пятакову я был непосредственно подчинен, работал в Наркомтяжпроме.

Никогда в жизни я не мог провести через него каких-нибудь своих вопросов, потому что Пятаков издевательски относился к моей работе. Это можно подтвердить чем угодно. Однажды, когда речь шла об освоении техники, Пятаков высказал взгляд, что это пустяки. Я купец, сказал он, мне нужен определенный чистоган. Тогда я ему сказал: ты будь хоть таким купцом, каким был Савва Морозов, купцом просвещенным, а не лабазником.

Я ничего не мог провернуть через Пятакова и поэтому приходилось ходить к Серго. Буквально ко всему, к проблеме освоения техники, к технической пропаганде, науке, Пятаков относился с суверенным презрением, и я ничего не мог добиться. Это общеизвестно, тысячи людей могут это доказать. Так как я всегда ценил Пятакова как теоретическую силу, я подступал к нему с разговорами: что нового в промышленности, ты должен знать. Он никогда мне на это ни слова не отвечал, никогда не говорил, что проблемного намечается в области промышленности.

СТАЛИН — Разговоров по душам не вели?

БУХАРИН — Нет.

ВОРОШИЛОВ — Как ты объяснял это его отношение к тебе?

БУХАРИН — Я объяснял это таким образом: так часто бывает у людей. Например, Покровский был профессором и всю жизнь боролся против профессуры. И я считаю, что у Пятакова было такое же отношение к науке.

ВОРОШИЛОВ — Ты старый приятель по загранице с ним. Неужели в те моменты, когда ты приходил к нему, вы никогда не говорили на политические темы?

БУХАРИН — Абсолютно никогда, потому что Пятаков держался по отношению ко мне, как ножом отрезанный.

СТАЛИН — Ты же к нему в больницу ходил?

БУХАРИН — Да, я ходил.

СТАЛИН — А потому все это оборвалось?

БУХАРИН — Да. Я показывал Пятакову и дал прочитать этот документ, в котором была фраза о том, что жалко, если заводы достанутся белогвардейцам, причем речь шла не о капитализации этих заводов в силу внутренних причин, а речь шла о том, что на нас могут напасть и они достанутся белогвардейцам.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Ты Сосновскому жаловался, что тебя клюют. А Пятакову ты жаловался?

ПЯТАКОВ — Он насчет Цейтлина жаловался.

ОРДЖОНИКИДЗЕ — Непонятно что-то.

БУХАРИН — Значит, я действовал нецелесообразно с вашей точки зрения. Такой уж я непонятный психологический субъект. Но я утверждаю, что никаких пессимистических оценок о положении в партии не давал.

СТАЛИН — Это же неверно!

БУХАРИН — Я не понимаю, у вас какое-то страшно добродушное отношение.

ВОРОШИЛОВ — Потому что мы знаем, что когда ты в панике, ты с этим столом готов разговаривать.

БУХАРИН — Какая же паника? Это был 1933—1934 год.

Пятаков говорит, будто я утверждал, что у правых возобновляется работа. Я повторяю, очень трудно разобраться в этом. Мне говорят: ты, сукин сын, говорил то-то и то-то. Я ничего не могу сказать и говорю: не я, а ты, сукин сын. Но говорить о том, что работа возобновляется, я не мог по той простой причине, что за это время ни с одним человеком из бывших правых не виделся.

СТАЛИН — Мог похвастаться перед ними.

ПЯТАКОВ — А насчет ареста Цейтлина?

БУХАРИН — Я вам не жаловался. И вообще вы со мной никогда не говорили по каким-либо политическим вопросам. О Цейтлине я с Пятаковым тоже не говорил и никаких lamentаций ему не высказывал. Вообще Пятаков держался ко мне очень холодно. Он посылал ко мне своих дочек, говорил мне: милый Коля, а когда я прочитал ему свой документ, он сейчас

же об этом сообщил, сам не будучи партийным человеком. Это же и есть тактика: других топить для того, чтобы приобрести себе капитал.

ЕЖОВ — Зачем это Пятакову нужно? Почему он не говорит о том, что встречался с Рыковым или другими?

БУХАРИН — Очень просто. Я работал под его начальством, и ему всегда легко сказать, что мы с ним встречались и говорили.

ЕЖОВ — Запутался ты.

БУХАРИН — Для своей совести я не запутался ни на одну секунду.

СТАЛИН — Почему ты не жаловался, что тебя клюют, что тебя окружает атмосфера недоверия?

БУХАРИН — Я вам неоднократно писал относительно целого ряда вещей.

СТАЛИН — Это верно. Но не может быть, чтобы ты ему не жаловался?

БУХАРИН — У нас с ним были не совсем такие отношения. Пятаков держал себя в наркомате, и это было, очевидно, его тактической линией, как большой деловой барин. О пустяках я не говорю, о политике я не говорю, об общих проблемах я не говорю. Для меня важно дело. Вот какую ультраквалифицированную, деляческую фигуру разыгрывал из себя Пятаков и давал это почувствовать при каждом разговоре. Приходишь к нему с вопросами науки или техники, он говорит: это не деловое. И он строго выдерживал стиль своей работы. Он хорошо играл эту роль и, должно быть, многое сделал в этом направлении. В то же время он разыгрывал из себя человека в высшей степени душевного. Страшно скрытный, очень властный, он метил на очень далекие прицелы, зная себе крупную цену, не желая размениваться на мелочи.

ПЯТАКОВ — Несмотря на всю характеристику, которую вы мне дали, вы не будете отрицать того факта, что по своей инициативе в 1928 г. вы пришли ко мне и «душевно», разговаривали насчет Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

БУХАРИН — Я этого не помню.

ПЯТАКОВ — А я хорошо помню.

КАГАНОВИЧ — А что вас сблизало в 1928 году?

БУХАРИН — В 1928 г. я сам принес Пятакову платформу и дал ее прочитать.

ПЯТАКОВ — Кончать надо с этим, Николай Иванович!

БУХАРИН — Да что кончать! Вы хотите меня потопить и делаете это именно потому, что знаете, что я давным давно с этим кончил. Я знаю, в каком положении я нахожусь, когда один за другим показывают такие вещи против меня, и все-таки я буду стоять на своем, на своем и на своем!

АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 260, л. 73—83.

Правленный машинописный экземпляр.

№ 4. Н. И. Бухарин — И. В. Сталину²², 15 декабря 1936 года

Тов. И. В. Сталину.

Лично.

Дорогой тов. Сталин,

Сегодняшняя статья в «Правде»²³ (а все знают, что означают такие статьи) уже исходит из «доказанности» неслыханно тяжких обвинений против лидеров правых (и, очевидно, в том числе и меня).

Эта статья меня прямо свалила.

Нужно сказать, что и на Пленуме ЦК, и на очных ставках, когда на меня обрушивались чудовищные обвинения, мне казалось, что о мою голову рвутся бомбы, а я остаюсь каким-то чудом цел. Иногда мне представлялось, что все это происходит не со мной, а в каком-то кинематографе — до того трагически нелепым, просто *невозможным* ощущал я каждое обвинение. Здесь просто нет слов человеческих, чтобы выразить все это...

Нужно сказать, что *прошлое* у меня изрядно выветрилось из памяти: я жил последние годы совсем другими эмоциями и мыслями, и как мне ни отравляли жизнь некоторые люди, особенно меня любящие, я захвачен был

могучим потоком творчества и отражал это во всей своей работе. Я поэтому не мог и вспомнить ряда фактов. А вот потом только вспомнил.

Вот, например, очная ставка с Куликовым. Куликов утверждал, что мы вместе хотели «сманеврировать», а они выскочили раньше, почему я «обиделся». Я смутно вспомнил, что отход их был 1) и *неожиданен* и что они 2) (Угланов плюс Куликов) демонстративно отмежевались от меня. Куликов это *решительно отрицал*.

Но вот я за эти дни раздобыл «Правду» 1929 года. Там, в № от 18 ноября 1929 г., стр. 2, в конце заявления Угланова — Куликова говорится:

«Перед нами встает вопрос: что дальше? Быть ли на отлете от партии и рабочего класса и *поддерживать тт. Бухарина, Рыкова и Томского* или идти в ногу со всей партией? Мы считаем нужным быть вместе с партией и рабочим классом и победоносно бороться за социалистическое строительство.

Н. Угланов.

Е. Куликов».

Эта нарочитая, персональная форма, демонстрация *отмежевки*, противопоставление Бухарина и т. д. рабочему классу и партии тогда (разумеется, не теперь!) произвела на меня такое впечатление, что сформировалось мнение: *подальше от Угланова!* Вот как было дело в действительности, и можно установить точно, что с той поры между мной — с одной стороны, и *Углановым и его людьми* — с другой, наступила почти полная *размычка*. Ну как же можно тут допустить, что после того, как порвались отношения, после подачи мной заявления, во время случайной уличной встречи, через сравнительно большой промежуток времени и после ругательного напора со стороны Куликова (публично от меня отрекшегося, да еще в какой форме), да еще при наличии горького осадка против Куликова, я говорил о ...терроре! (У меня, Коба, глаза лезут на лоб от одного того, что я вынужден оправдываться по таким пунктам.) Это же сказки для детей!

Или то, что Куликов говорил о Рютинской платформе. Ведь сам Куликов говорил, что видел меня последний раз *весной* 1932 года. А дата рютинской платформы — *более поздняя*. Как же он мог что-либо слышать о ней от меня? А ведь он так говорил! А я тогда не сообразил (вообще у меня из-за мучений ослабела память и замедлилась сообразительность — мне нужно больше времени, чтобы распутывать клеветнические узлы). Вообще, разве не нелепо думать, что я, считавшийся идеологическим лидером и специалистом по писанию, нуждался в чужих платформах и в Рютине, если бы я вообще в платформах тогда нуждался??!

Последний раз я видел Угланова после долгого перерыва перед отъездом в отпуск *летом 1932 года*. Ни о какой платформе не было речи. Я боялся, что Угланов начнет шебаршить, снова махать руками и т. д. Я боялся, что это возможное шебаршеньё опрокинется и на нас, что и меня будут обвинять в нелояльности к партии. Поэтому я пошел к Угланову и настаивал на полной лояльности. Угланов согласился. Это я хорошо помню. А потом что-то у них, очевидно, изменилось. Но об этом я не знаю. И все это для меня представляет уже загадку. Не исключая того, что Угланов мог «для авторитета», лживо пускать в оборот и мое имя, ибо он — почти *неменяемый (из-за болезни)* человек (а вовсе не скала). Но я тут абсолютно ни при чем, как ни при чем и в соответствующей «работе» Слепкова и К⁰, которую он, очевидно, повел, несмотря на свое мне заявление о согласии с партией.

Все это я мог бы сказать на ставке с Куликовым, да не нашелся. А ведь здесь есть над чем задуматься.

Но я откровенно скажу: *я многого просто не понимаю*. Я понимаю поведение троцкистов, включая Пятакова, Сосновского. Это — тактика, столь же изощренная (но другая), как и в 1928 г., когда Пятаков «душевно» разговаривал и сейчас же сообщал (я не против этого, но форма, но форма!). Теперь он кается и тут же по сему случаю топит невинного (на тебе, сволочь; думал, что будешь работать, а тебе за отход от всякой оппозиции я камень смертный навешу). Я ушам не верил, когда Сосновский даже

детали придумывал (только с запиской просчитался!). Но, повторяю, все это понятно более или менее.

Что мне не понятно — это Куликовы, Котовы и т. д. Я говорю только о себе. Но все же не могу не сказать, что, когда говорят, будто Котов утверждает, что Рыков торопил его с терр. актом, — ну, знаешь, я никогда не верю, хоть теши на моей голове осиновый кол.

Вспоминаю один случай, относящийся, кажется, к [19]30 году. Однажды ко мне заявился с провокационными разговорами некий Ванька Коротков, бывший с.-р., каторжанин. Я изругал его и заявил, что позвоню в ГПУ. Он быстро ушел. Сообщать я не сообщал по той простой причине, что хорошо знал о его работе в ГПУ. А знал я опять-таки по очень простой причине: я и Дзержинский были его партийными крестными отцами; мы вводили его в партию, а затем в ГПУ, я вместе с ним «разлагал» эсеров и т. д. После этого посещения (я между прочим, знал — не помню от кого, что Коротков этот возвращается в углановской среде и что он имел какое-то касательство и к заявлению Угланов — Куликов) Коротков «пропал».

Мне иногда приходит в голову: а что если и сейчас есть этакий *старатель*? Почему бы ему не быть? Да еще в такой атмосфере! Да еще при условии, когда ответственные работники партии говорят обо мне как об уже виновном! Да при условии, когда обвинение выставлено и другими, и опубликовано? Да когда этой ценой обвиняемые могут пытаться создавать себе видимость «искренности до конца»? (Как у Сосновского: ни концлагерь, ни Кабарда, ни человеческое отношение к нему, ни постановление П. Б. о нем — его не заставили раскаться по существу, а вот арест прояснил его разум в одну ночь, а «искренность» его «доказывается» тем, что даже Бухарина, столь человечно к нему относившегося, он «во имя партии» «разоблачает»! И с каким спокойствием! Его прямо не узнать было по сравнению с тем измученным Сосновским, который приходил в редакцию, когда получил от меня записку...)

Но у меня ограниченные данные. А у тебя — *все* или *могут* быть все. Тебе виднее...

Теперь, после статьи в «Правде», я политически *убит*. Это уже такой градус, когда все тускнеет. Уверен, что когда-нибудь и ты увидишь, что здесь была сделана вами ошибка. Еще раз говорю тебе: у меня нет никакой злобы: такова проклятая полоса. Но тем не менее жалко гибнущей чести революционера и связанной с ней жизни. Ведь ты понимаешь, что политическая смерть — это все. Нет слов, чтоб выразить всю муку от ложных обвинений, оскорблений, всего позора, от которого до абсолютного отчаянья — один маленький шаг.

Что мне теперь делать? Я забился в комнату, не могу видеть людей, никуда не выхожу. Родные — в отчаянье. Я — в отчаянье, ибо почти бессилён бороться с клеветой, которая со всех сторон душит. Я надеялся, что ты все же имеешь на руках то добавочное, что меня хорошо знаешь. Я думал, что ты знаешь меня больше, чем других, и что при всей правильности общей нормы недоверия этот момент войдет в качестве какой-то слагаемой величины в общую оценку. Но вышло, видно, так, что враждебные мне силы действуют, а я ведь и ответить на все не могу, ибо не знаю, а если отвечаю, то в сверхударном порядке (как на очной ставке).

В газетах, стало быть, «началось» уже до конца дела.

Чем же жить, скажи?

Ведь, у тебя, вероятно, такое представление: пусть и то Бухарин будет благодарен, что с ним цацкаются — все же он, по-видимому, во многом виноват. Ну а если Мехлис переборщит — не беда. Да и чего *особенно* жалеть-то?

А на самом деле все не так. Я верой и правдой работал. И с душой. И с увлечением. В людях плохо разбирался — верно. Это мой порок. Но *сражался за партию*. Приобрел ненависть врагов (потому парижские фашисты-троцкисты — ведь это же факт! — хотели мне мстить).

За границей звали — «философ сталинизма». Изжил, надеюсь, самые глубокие основы своих ошибок. Много натерпелся, передумал горы. И все

М. Мухомов
Бухаре
Мухомов / Мухомов, Бухаре
Мухомов / Мухомов, Бухаре
Мухомов / Мухомов, Бухаре
Мухомов / Мухомов, Бухаре

Тов. В. СТАЛИНУ
 Членам ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Внезапно в "Правде" появилась провокативная статья, в которой бывшие лидеры правой оппозиции (а, следовательно, очевидно, и я, Бухарин) обвиняются в том, что они шли рука об руку с троцкистами-диверсантами, Геславо и т.д.

Одним я еще и еще раз заявляю:

1. Ни словом, ни делом, ни замыслом я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами (таких бы то ни было мастей). Я считаю чудовищным даже намеком на такое обвинение. Все последние годы и верой и правдой служил партии.

При всех и всяких обстоятельствах, всюду и всегда я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями и как бы они ни прикрывали эту клевету "благородными" побуждениями.

С ком. прив.

Н. БУХАРИН.

П.С. Во время очной ставки, когда присутствовали члены ЦК, я вставлял свои записки о показаниях Муликоса и др.

1203/16 и 362

же падаю под ударами такой рассчитанной и организованной клеветы, что даже самые светлые умы партии, которым я так предан теперь, карают за не совершенные преступления.

Ты сказал на Пленуме: «Бухарин бьет здесь на искренность»²⁴.

Ты ошибаешься: я ни на что не «бью».

Я в таком душевном состоянии, что это уже только полубытие. Я думаю уже в категориях, которые пишутся с большой буквы, о последних, предельных величинах работы, чести, жизни, смерти.

Погибаю из-за подлецов, из-за сволочи людской, из-за омерзительных злодеев.

Твой Н. БУХАРИН.

15 декабря 1936 года.

Москва.

АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 262, л. 24—27.

Автограф; л. 17—23. Копия.

№ 5. Н. И. Бухарин — И. В. Сталину, членам политбюро ЦК ВКП(б), 15 декабря 1936 года

Тов. И. В. Сталину.

Членам ПБ ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Сегодня в «Правде» появилась отрицательная статья, в коей бывшие лидеры правой оппозиции (а следовательно, очевидно, и я, Бухарин) обвиняются в том, что они шли рука об руку с троцкистами и диверсантами. Гестапо и т. д.

Сим я еще и еще раз заявляю:

1. Ни словом, ни делом, ни помышлением я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами каких бы то ни было мастей. Я считаю чудовищным даже намек на такое обвинение. Все последние годы я верой и правдой служил партии.

2. При всех и всяких обстоятельствах, всюду и везде, я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями и как бы они ни прикрывали эту клевету «благородными» побуждениями.

С комму[унистическим] прив[етом],

Н. БУХАРИН.

П[ост] С[криптом]. Во время очной ставки, когда присутствовали члены ПБ, я позабыл свои записи о показаниях Куликова и др. на столе, в зале заседания.

15 дек[абря] 1936 года.

Москва.

АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 262, л. 30.

Автограф; л. 29. Копия;

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 58, оп. 1, д. 6, л. 82. Черновой автограф.

Резолюция: «Тов. Мехлису. Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину. И. Сталин»

РГАСПИ, ф. 45, оп. 1, д. 710, л. 179.

Машинописный экземпляр с автографом Сталина.

Примечания

1. Исправленный заголовок документа. Первоначальный заголовок: «Показания Пятакова от 7.XII.1936 г.».— *Ред.*

2. Вписано от руки: «троцкистского». — *Ред.*

3. Первоначально было написано: «эту работу». — *Ред.*
4. Томский (Ефремов) М. П. (1880—1936) — член партии с 1904 года. С 1918 г. секретарь ВЦСПС. В 1919—1921 гг. и 1922—1929 гг. председатель ВЦСПС. В 1929—1930 гг. зам. председателя ВСНХ СССР. С 1932 г. зав. Объединением государственных издательств (ОГИЗ). Член ЦК партии в 1919—1934 гг. (кандидат с 1934 г.); член Политбюро ЦК в 1922—1930 годах. Покончил жизнь самоубийством. См. КУЛИКОВА И. С., ХАЗАНОВ Б. Я. Михаил Павлович Томский. — Вопросы истории, 1988, № 8.
5. Седов С. Л. — сын Троцкого, в эмиграции с 1929 г., являлся доверенным лицом отца. Направляя в 1932 г. в СССР близкого к нему человека, Седов дал ему следующую установку: «В среде бывших оппозиционеров имеется два течения капитулянтов: первое — радековская группа, окончательно порвавшая с Троцким. С этой группой он ни в коем случае не должен входить ни в какие сношения» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 9, с. 48, 49).
6. Первоначальная редакция: «было передано». — *Ред.*
7. Слова «с Бухариным» вписаны от руки. — *Ред.*
8. Слова о «своих встречах с Бухариным» вписаны от руки. — *Ред.*
9. Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888—1939), член большевистской партии с 1905 года. С 1926 г. зам. председателя Госплана, в 1928 г. председатель правления нефтесиндиката. С 1929 г. полпред СССР в Великобритании, затем зам. наркома иностранных дел СССР. С 1935 г. первый зам. наркома лесной промышленности СССР. Член ЦК в 1917—1919 гг., 1922—1930 гг., кандидат в члены ЦК в 1930—1936 годах. В 1936 г. репрессирован. Убит в тюрьме в 1939 году. См. ГЕНИС В. Л. Григорий Яковлевич Сокольников. — Вопросы истории, 1988, № 12.
10. Далее вычеркнуто: «разговора, о котором я показывал». — *Ред.*
11. Слова «у меня» вписаны от руки. — *Ред.*
12. Далее вместо слов «всё это» написано от руки: «блок с нами троцкистами». — *Ред.*
13. Слова «с правыми» вписаны от руки. — *Ред.*
14. Серебряков Л. П. (1888—1937), участник Октябрьской революции 1917 г., в 1920—1921 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. на руководящей работе в профсоюзах, Политуправлении РСФСР, в Наркомате путей сообщения. Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. С 1931 г. работал в Центральном управлении шоссейных дорог и автотранспорта. В 1927 г. был исключен из партии, в 1930 г. восстановлен. В 1936 г. вновь исключен, в 1937 г. расстрелян.
15. Первоначальная редакция: «Известно ли Бухарину о составе центра? — *Ред.*
16. Далее вычеркнута фраза. — *Ред.*
17. Первоначальная редакция: «не могу сказать. Но вообще говоря связь со мной предполагалась как связь с троцкистами». — *Ред.*
18. Слова «его связи с» вписаны от руки. — *Ред.*
19. Здесь и далее: правильно — Цетлин. — *Ред.*
20. Конец фразы вписан от руки вместо текста: «Конкретно шёл разговор с Седовым». — *Ред.*
21. Первоначальная редакция фразы: «Кроме них нет никого». — *Ред.*
22. На документе рукой Сталина написано: «Молотову, Кагановичу, Ворошилову. Ст.». — *Ред.*
23. Имеется в виду редакционная статья «Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма», опубликованная под рубрикой «В помощь пропагандисту» (Правда, 15.XII.1936). «Действительность показала, — говорилось в статье, — что троцкистско-зиновьевские шпионы, убийцы, диверсанты и агенты Гестапо работали рука об руку с правыми реставраторами капитализма, с их лидерами».
24. Вопросы истории, 1995, № 1, с. 9.

Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу»

А. Б. Миндлин

На следующий день после октябрьского манифеста 1905 года началось наступление консервативных социальных групп, убедившихся в неспособности царской власти справиться с революцией. Одной из таких групп было дворянство, главным образом крупные и отчасти средние землевладельцы, которые не хотели терять власть и политические привилегии. Поэтому возникла идея создания дворянского объединения в масштабе страны, которое могло бы координировать деятельность губернских дворянских обществ, существовавших до этого времени совершенно разобщенно.

В январе 1906 г. дворянские собрания Курской и Тамбовской губерний приняли решение организовать всероссийский съезд дворян. На их обращение положительно ответили 27 дворянских обществ (6 отказались, а 14 вообще не отреагировали). В апреле в Москве начала работать подготовительная комиссия по созыву учредительного съезда. Она разослала в губернские собрания следующее письмо: «Тяжелое время, переживаемое Россией вообще, а дворянским сословием в особенности, дало повод к возникновению в среде отдельных дворянских обществ мысли о необходимости для дворянства сблизиться и, независимо от разделения на отдельные дворянские общества по губерниям, объединиться в один общий всероссийский съезд дворянства»¹.

С 21 по 28 мая того же года в Петербурге на съезде уполномоченных 29 губернских дворянских обществ была учреждена общероссийская организация объединенного российского дворянства. Она была сформирована при полной поддержке правительства в качестве силы, способной — по мысли ее творцов — остановить революцию. Съезд утвердил устав организации. § 1 устава гласил: «Съезды уполномоченных дворянских губернских собраний имеют целью объединить дворянские общества, сплотить дворянство в одно целое для обсуждения и проведения в жизнь вопросов интереса общегосударственного, а равно и сословного»².

Основные функции организации, которую кратко стали называть «Объединенное дворянство», выполняли съезды уполномоченных, избравшихся на три года губернскими дворянскими собраниями. Между съездами действовал Постоянный совет, получивший вскоре широкие распорядительные права, в том числе право обращения от своего имени к правительству. С момента создания и в течение всего срока существования «Объединенное дворянство» выступало с антисемитских позиций.

Первый председатель Постоянного совета (1906—1912 гг.), крупный землевладелец граф А. А. Бобринский составил в 1906 г. записку по вопросу о предоставлении равноправия евреям. В ней он повторил расхожее мнение о их негативных чертах — расчетливости, холодности, бессердечии к другим, любви к деньгам, кастовой обособленности, создавших «из этой нации опасную для других расу». Тип российских евреев представлялся Бобринскому таким: «Повсюду шмыгающие, бойкие, хитрые, умные, практичные, торгующие... обмеривают и обвешивают, но только у них и можно купить нужный товар; они... скупают по выгодной цене рожь... Они содержали кабаки и спаивали крестьян... Это евреи приказчики, агенты, банкиры, кишачие как муравьи, проникающие и пролезающие всюду, выносливые, вечно подвижные... выколачивают из всякой дряни алтыны, из них рубли, а там червонцы и миллионы». Далее он писал, что результатом такого давления в экономической области явились «погромы, безобразия и дикая форма протеста». Однако в разных государствах устанавливают всякие ограничения, создают черты оседлости, отказывают в правах гражданства. Подобные меры, с одной стороны, ограждают иные страны «от еврейской эксплуатации», с другой — «усиливается сплоченность еврейства; к прежним условиям их единения добавляется роль гонимых, притесняемых и известный мученический венец». Этот стимул вселяет в евреев «чувство обиды, горечи и мести». В другом (недатированном) документе Бобринский выступал как противник равноправия евреев; по крайней мере, «равноправие должно быть дано не вдруг... Надо сперва, чтобы евреи изменили свое враждебное отношение к России... при этом, конечно, не следует притеснять евреев и надо тщательно пересмотреть существующие ограничительные законы; некоторые из них, например, о черте оседлости должны быть смягчены»³. В неопубликованной статье «Только не назад. Беседы на современные вопросы» (1913 г.) Бобринский продолжил изложение своих взглядов по еврейскому вопросу, практически тех же, что и в двух предыдущих документах, но в большем объеме. Он разделил российских евреев на пять категорий.

Первая — еврейская беднота в западной и южной России, слабосильная и малоспособная к физическому труду, темная, неразвитая и необразованная, хотя по уровню грамотности все же выше необразованных русских, не приносящая пользы государству; «всякое преследование их в смысле изгнания из насиженных гнезд являлось бы несправедливым для культурной страны, с другой стороны — допустить свободное их передвижение по всей России было бы весьма легкомысленно... нет поводов для них снимать и остальные запреты, как-то: право приобретать имущество или поступать на службу, так как государству нет причин развивать эту категорию подданных».

Вторая категория — интеллигенты, выбившиеся из нищеты, открыто не проявляющие крайних политических тенденций. Они «затаили в себе горечь претерпленных в течение всей жизни обид и мстят за них, составляя пассивную поддержку всякому движению против государственного строя... Они-то и наущают еврейскую бедноту всяким ухищрениям и обманам для обхода закона... Эта интеллигенция и есть виновница ненависти, которую испытывают к евреям русские люди... видя евреев во главе политических убийств и революционных движений». Русские, не вникая в сущность вопроса, видят во всех евреях причину наших бедствий, — заявлял Бобринский. Он писал, что русские желали бы удаления евреев из страны, тогда она вздохнула бы свободнее. Бобринский отмечал, что вторая категория евреев вредна для государства и что отменить ограничения для них невозможно.

Третья категория — открытые революционеры, являющиеся продуктом крайнего озлобления.

Четвертая категория — евреи, с детства обеспеченные материально и становящиеся людьми, полезными обществу. Они понимают, что в преследовании евреев виноваты не отдельные люди, а общие исторические условия развития страны. Государство должно сделать так, чтобы евреи

этой категории «испытывали к нему такие же сыновьи чувства, как и лица других вероисповеданий».

Пятая категория — евреи-солдаты. Бобринский предлагал правительству «заслуженных солдат иудейского вероисповедания» всячески «выдвигать, отличать и поощрять», дать им «свободный доступ во все места империи», права приобретения земли и службы.

Для успешного решения еврейского вопроса Бобринский считал необходимым пересмотреть законы о евреях таким образом, чтобы не возникало их различных толкований, и тем самым преградить путь произволу администрации; дать возможность каждому еврею стать полезным членом общества и установить для таковых широкие льготы; не пожалеть крупных затрат на создание сети государственных еврейских школ, в которых евреям прививали бы стремление к объединению с русскими. Как только правительство приступит к решению перечисленных задач, разумные евреи «должны отбросить помыслы о немедленной отмене ограничений». Пока они должны «бороться против революционного движения еврейской молодежи... клеймить попытки к насилию и убийству со стороны своих единоверцев, прекратить пассивную поддержку революции»⁴.

Под стать своему председателю были как члены Совета, так и уполномоченные дворянских обществ. Уже на I (учредительном) съезде «Объединенного дворянства» делегат Б. Г. Бланк поставил вопрос о недопустимости равноправия евреев с русским населением. Согласно его аргументации, хотя положение евреев тяжелое и «они не виноваты в том, что не имеют своего государства и не имеют понятия о том, что такое родина», было бы опасно уравнивать евреев в правах с крестьянством, 80% которого составляет неразвитое население⁵.

10 ноября 1906 г., перед началом II съезда, проходившего с 14 по 18 ноября, Бланк внес в Совет заявление, вторично требуя возбудить перед съездом вопрос о недопустимости равноправия евреев с русскими. Совет постановил ввиду позднего срока поступления заявления и сложности вопроса на съезд его не выносить, а рассмотреть к следующему съезду. На заседании Совета 13 ноября Бланк вновь просил Совет разрешить ему прочитать на съезде свою записку о евреях, не откладывая до следующего съезда, поскольку вопрос не терпит отлагательства, ибо, как он слышал, правительство намерено вскоре издать в порядке 87-й статьи Основных законов новый закон о смягчении некоторых ограничительных мер против евреев⁶.

Действительно, между роспуском I и созывом II Думы Совет министров, еще испытывая на себе влияние революционных волн, признал целесообразным внести в законодательство некоторое облегчение правового положения евреев, дать им кое-какие поблажки, пересмотрев ряд пунктов Временных правил о евреях от 3 мая 1882 года. Несмотря на то, что, по словам премьер-министра П. А. Столыпина, проект готовился в условиях полной конфиденциальности, о намерениях правительства стало известно, и это немедленно вызвало бурный протест в реакционных кругах.

Ряд членов Совета поддержал Бланка, указав на опасность для государства, если вопрос будет скороспело решен бюрократическим путем, а не в общем законодательном порядке. Проектируемые изменения разрослись в воображении выступавших до размеров введения равноправия евреев. Отсюда возникло заявление, что равноправие «встретит в народе сильный протест, и может загореться новая революция уже против правительства, а для самих евреев закон этот... обратит против них народное негодование».

Во время работы II съезда, 15 ноября, на заседании Совета Бланк зачитал свою записку. В ней говорилось, что он «сам не чужд гуманности и чувства справедливости и был бы счастлив, если бы съезд изыскал такое разрешение данному вопросу, которое бы, твердо оградив народ русский, могло не нанести вреда евреям, умерив лишь их излишние вождедения». По утверждению Бланка, евреи считают, что они — народ, избранный богом, и мир должен принадлежать им. Эта цель оправдывает в их глазах все средства. Они не усвоили понятие отечества, поэтому нельзя поверить, «что

с уравнением их в гражданских и политических правах с русским народом они будут относиться к нашему отечеству как к своему народу». Далее Бланк заявлял, что наличие всемирного еврейского союза и еврейской революционной организации, именуемой «Бунд», в которую входят интеллигентные евреи и вся еврейская молодежь, приводит к убеждению: идеи социализма и принудительного отчуждения частновладельческих и других земель исходят от евреев. Они стремятся, уничтожив крупную и среднюю земельную собственность, при достигнутом равноправии, закабалить неразвитое крестьянство и захватить раздробленную между крестьянами землю.

При обсуждении записки Бланка члены Совета говорили, что правительство, желая дать евреям равноправие прежде открытия Думы, хочет их умиротворить и тем остановить революцию и что вряд ли евреи удовлетворятся незначительными уступками, а потребуют большего. Установление равноправия представляет опасность в связи с новым законом о крестьянских землях, которые введены в сферу кредита, а значит и в сферу влияния еврейского капитала⁷. На съезде при обсуждении доклада о предполагаемой реформе избирательного закона П. Н. Крупенский предложил выделить евреев в отдельную избирательную курию, «чтобы не дать им возможности вредить другим»⁸.

По поводу предположений Совета министров выступил В. М. Пуришкевич, один из основателей и руководителей «Союза русского народа» (СРН), впоследствии создавший организацию той же черносотенной направленности «Русский народный союз имени Михаила архангела». Пуришкевич рассказал, как отреагировал СРН на известие о готовящемся законопроекте. Он заявил, что, когда несколько дней назад Совет министров принципиально решил вопрос о расширении четы оседлости (Пуришкевич недоговаривал — речь шла не только об этом, но и о некотором расширении прав евреев), Главный совет СРН обратился ко всем своим 205 отделам на местах с настоятельной рекомендацией «просить Государя Императора воздержаться от утверждения проекта» Совета министров. По прошествии 24-х часов перед императором выросла стопка из 205 телеграмм с указанной просьбой. Завершая выступление, Пуришкевич сказал: «Нас называют реакционерами, но прочтите нашу программу, национально-либеральная она. И только в одном вопросе стоим мы на твердо консервативной почве, которая не подлежит никакому изменению, — в вопросе еврейском. Когда еврей станет хозяином положения, Россия перестанет существовать».

Бланк представил съезду свою записку, по которой Совет дал заключение, принятое съездом в качестве постановления. В нем говорилось, что слух о готовящейся отмене ограничительных мер в отношении евреев возбудил в общественном мнении тревожное настроение. В основе исключительных законоположений лежало требование оградить от евреев «государственную народность», так как это пагубное влияние проявилось в последнее время в России с чрезвычайной силой. В ситуации продолжающихся «революционных преступлений и оскорблений, наносимых национальному и религиозному чувству, всякая уступка еврейским притязаниям может отразиться в народном сознании как проявление слабости правительства. Подрывая к себе доверие, оно обратит общее негодование не против евреев только, но и против государственной власти». Поэтому любые изменения законодательства о евреях требуют всестороннего обсуждения и должны рассматриваться в общем законодательном порядке, то есть с обсуждением в Думе и Государственном совете, а не так, как первоначально предполагал Столыпин, — по 87-й статье⁹. 11 декабря Совет направил Столыпину письмо с соответствующим ходатайством по еврейскому вопросу.

25 декабря председатель Совета министров ответил, что предположения правительства по данному вопросу будут представлены на рассмотрение Думы и Государственного совета¹⁰.

Правительственный антисемитизм в третьиюньский период существенно усилился. Производился пересмотр прав отдельных категорий евреев на проживание вне черты оседлости, занятия промыслами и торговлей. Эти

шаги делались на фоне оголтелой травли евреев крайне правыми думскими депутатами, в частности, Н. Е. Марковым, одним из лидеров СРН.

Руководители и вообще представители Объединенного дворянства в немалом количестве входили и в Думу и в Государственный совет, присоединяясь к тем или иным правым фракциям, но там они были, как правило, фигурами второго плана, оставаясь прежде всего деятелями дворянской организации. В Думе они уступали в известности и влиянии таким деятелям, как Марков и Пуришкевич, также входившим в дворянское объединение. Однако их скандальные голоса часто раздавались как в Думе, так и на дворянских съездах. Например, Маркову ничего не стоило заявить на заседании Думы в мае 1909 г.: «Идея равноправия всех подданных русского царя независимо от религии, независимо от племени — это идея безнравственная, не государственная, идея разрушительная и пагубная для государства». Марков рекомендовал создать «отдельные военные части еврейские: пусть их во время войны ставят вперед; если они побегут, их можно расстрелять»¹¹.

Не оставалось в стороне от антисемитской истерии и Объединенное дворянство в целом. В марте 1910 г. проходил VI съезд. К съезду канцелярия Совета дворянских обществ подготовила справку по еврейскому вопросу из двух частей. Впоследствии, с 1911 по 1916 г., вышли еще 11 частей. Справка, изданная в качестве «шпаргалки» для Совета, представляет собой компиляцию источников, извлеченных из архивов ряда государственных российских учреждений. Если отвлечься от недоброй политической цели авторов справки, имеющей антисемитскую направленность, то эти материалы ярко освещают многие еврейские трагедии XIX — начала XX века.

С целью ориентировки в материалах, которые Совет представил для обсуждения уполномоченным дворянских обществ на VI съезде, далее приведено краткое содержание записки негласного лидера российских евреев во второй половине XIX в. барона Г. О. Гинцбурга «Еврейский вопрос и антиеврейское движение в 1881 и 1882 гг.», включенной во вторую часть справки¹².

Записка Гинцбурга, составленная, по-видимому, во второй половине 1882 г., попала без указания автора в 1884 г. к известному еврейскому историку С. М. Дубнову. В 1909 г. тот опубликовал часть записки, считая ее анонимной. Записка состоит из пяти глав. В 1-й главе рассмотрена практика действовавшего на то время законодательства о евреях. Во 2-й главе опровергаются различные обвинения, направленные против евреев. 3-я глава освещает погромы 1881—1882 гг., деятельность губернских комиссий по еврейскому вопросу и Комитета о евреях (Гинцбург назвал его центральным комитетом), подготовившего материалы для Временных правил о евреях от 3 мая 1882 года¹³. В 4-й главе автор изложил свой взгляд на истинные причины погромов и вообще антиеврейского движения в России, а также оценил некоторые меры правительства по предотвращению дальнейших погромов. В 5-й главе Гинцбург доказывал необходимость решения еврейского вопроса в России на основах гуманности и терпимости в интересах государства.

Материалы 1-й и 2-й частей справки были представлены делегатам VI съезда, одновременно с докладом члена Совета и управляющего его делами С. А. Панчулидзева. В начале доклада он привел обширную цитату из работы публициста М. И. Мыша, который доказывал, что евреи не являются инородцами, так как «евреи состоят в русском подданстве и исправляют все обязанности, лежащие на русских подданных», «они могут быть лишь членами единого русского народа, а не инородцами, хотя бы и отличались вероисповедными особенностями»¹⁴.

Панчулидзева не видел ничего оскорбительного в наименовании «инородцы». Выделение евреев в особую группу он объяснял политическими причинами: «евреям органически присущи антигосударственные свойства»; чтобы оградить от соприкосновения с ними часть населения, которая не контактировала раньше с еврейством и не могла противостоять ему, и была

введена черта оседлости. Другой мотив издания законов о евреях — экономический. Правительство неоднократно пыталось приобщить их «к полезному труду» и отвлечь «от труда, вредного для коренного населения», а также ассимилировать евреев, для чего назначило льготы за переход в христианство. Еще меньше успеха принесли мероприятия по их превращению в земледельцев.

Далее автор доклада привел два взгляда на проблему, сформировавшихся при Александре II. Сторонники первого взгляда считали, что религиозный фанатизм и предрассудки можно искоренить посредством образования еврейской молодежи в общих с русскими учебных заведениях, что также будет способствовать сближению евреев с русским населением. Некоторые вообще высказывались за отмену исключительных законов о евреях, в том числе ликвидацию черты оседлости. Сторонники второго взгляда скептически относились к указанным предложениям.

В ходе военных реформ рекрутская повинность была в 1874 г. заменена всеобщей воинской повинностью. Панчулидзе утверждал, что евреи всячески уклонялись от военной службы. «Закон о всеобщей воинской повинности не словами, а цифрами показал, что еврей космополит, что у него нет отечества и потому он не может подняться до понятия о защите его». Далее докладчик заявил, «что все революционное движение захвачено еврейством». Многие положения Панчулидзе подтверждал ссылками на документы из упомянутой «Справки». В заключение он предложил съезду одобрить ряд новых ограничений для евреев¹⁵. Помимо доклада, Панчулидзе в одном из выступлений заявил, что категорично высказался за удаление евреев со всякой без исключения государственной и общественной службы, поскольку считает евреев в подавляющем большинстве революционным элементом¹⁶.

На основе доклада Панчулидзе съезд решил проводить законопроект о недопущении евреев и выкрестов из евреев к отбыванию воинской повинности, к поступлению в военноучебные заведения и в сухопутные и морские войска на правах вольноопределяющихся или охотников, к участию в земских избирательных собраниях и съездах, на земскую и гражданскую службу, на службу по городскому общественному управлению. Они не подлежали внесению в списки присяжных заседателей, не могли назначаться и избираться в должности по судебному ведомству, а также быть присяжными и частными поверенными¹⁷. Принятая по предложению Маркова резолюция гласила: «Признавая безусловную необходимость положить предел дальнейшему усилению иудейского засилья и влиянию на государственную, общественную, духовную и экономическую жизнь русского народа, съезд постановил благодарить С. А. Панчулидзе за составленным им доклад по еврейскому вопросу и поручить Совету выработать положения, должностные стать основой дальнейших решений по данному вопросу»¹⁸.

Съезд также решил указать правительству на необходимость строго следить за соблюдением процентной нормы евреев в средних и высших учебных заведениях, ибо эта норма постоянно нарушается. 8 апреля 1910 г. Совет решил направить постановление съезда по вопросу о евреях в Совет министров. 22 сентября Бобринский послал письма Столыпину и ряду министров: VI съезд Объединенного дворянства, напоминал он им, обратил внимание на нарушение процентной нормы в высших и средних учебных заведениях, что обусловило «чрезмерный наплыв туда евреев»; Совет снова ходатайствовал перед правительством о необходимости точно соблюдать нормы¹⁹.

Постоянный Совет учредил несколько комиссий, периодически переутверждая и отчасти обновляя их состав; комиссии должны были разрабатывать и представлять Совету свои рекомендации. Одной из значимых была комиссия по еврейскому вопросу. По решению съезда Совет поручил этой комиссии выработать проект основных положений по еврейскому вопросу. На заседании 30 декабря 1910 г. председатель комиссии М. Я. Говорухо-Отрок заявил, что доклад Панчулидзе не исчерпывает сути дела. В док-

ладе не упоминается об ограничении евреев в политических правах. «Сохранив в полном объеме право избирать и быть избранным в законодательное учреждение, еврей всегда будет иметь огромное влияние на жизнь русского народа, и было бы разумно лишить их и политических прав, приравняв к иностранцам, как в Румынии».

Развернулась дискуссия. Панчулидзе, возражая председателю комиссии, утверждал, что приравнять евреев к иностранцам практически невозможно. Марков же предложил законодательным путем «создать для евреев такое положение, что их пребывание в России сделается невозможным. Лишенные прав русских подданных, они массами будут эмигрировать, и государство должно оказывать им содействие». Комиссия решила представить Совету, помимо изложенных в докладе Панчулидзева, следующие предложения: в политических правах евреи и выкресты из евреев должны быть приравнены к иностранцам; нельзя расширять черту оседлости; необходимо уничтожить «все изъятия и уклонения» от закона о черте еврейской оседлости; следует установить уголовные кары для тех, кто будет играть роль подставных лиц для евреев при нарушении последними закона; надлежит лишить евреев и выкрестов из евреев права приобретать либо получать иным способом и владеть недвижимой собственностью — за исключением городов черты оседлости. На заседании 12 января 1911 г. Комиссия дополнила перечисленные предложения запретом евреям избирать и быть избранными в законодательные учреждения империи, участвовать в городских избирательных собраниях.

Совет посвятил рассмотрению предложений Комиссии четыре заседания (15 и 27 января, 6 и 11 февраля). Член Совета генерал Н. Н. Янушкевич привел данные о большом недоборе в армию евреев-новобранцев в 1901—1908 гг. и о значительном количестве евреев-солдат, сдавшихся в плен во время войны с Японией. Поэтому Янушкевич предложил изъять евреев из состава вооруженных сил, что, по его мнению, было «возможно лишь при условии совершенного удаления евреев из пределов родины или путем возложения на них денежного налога».

Большинство членов Совета заявило о трудновыполнимости ряда мер, предложенных Комиссией, и высказалось за более общую форму законодательных предположений относительно евреев, тем более что ни одна из проектируемых предыдущими съездами мер не была реализована. Принятая Советом резолюция была представлена VII съезду (9—15 февраля 1911 года)²⁰.

Как раз в день открытия съезда Государственная дума приступила к обсуждению законопроекта об отмене черты оседлости, внесенного в Думу 31 мая 1910 г. за подписями 166 депутатов. Хотя рассматривался только вопрос о передаче проекта в думскую комиссию, на заседании разгорелась ожесточенная борьба. По словам В. А. Маклакова, «было бы трудно, конечно, отрицать симптоматический характер законопроекта»²¹.

Правые депутаты, которые были особенно возбуждены, поручили высказать их точку зрения Маркову. Тот следующим образом возражал против законопроекта. Во-первых, его авторы утверждали, что черта оседлости противоречит Манифесту 17 октября, а также принципам государственности. Но, по мнению Маркова, иудеи не могут быть приравнены к остальным гражданам империи, ибо преступники не должны приравниваться к негрешникам, а иудейская раса — человеконенавистническая, отбрасывающая все нормы христианского правосознания, признаваемые всеми христианскими народами обязательными. Поэтому иудеев следует подчинять ограничениям, которые защищают народ от их натиска. Русские люди по отдельности не в состоянии бороться с иудеями своими средствами; это под силу только государству. Манифест не мог изменить взгляд русского народа на евреев и уравнивать их с русским народом одним росчерком пера. Во-вторых, защитники законопроекта говорили о том, что установление черты оседлости наносит государству прямой вред, насильственно ограничивая для огромной массы людей поле приложения труда. С этим согласиться нельзя, продолжал Марков, ибо «еврей только тем и живет, что

потом и кровью русского народа». В-третьих, авторы законопроекта говорили о взимании с евреев ограничительных поборов. В этом вопросе Марков согласился с ними — разворачивается не только низшая администрация, но и высшая. Требуется все эти административные лазейки закрыть. Поэтому не только нельзя отменять черту оседлости, а необходимо запретить властям в каких бы то ни было случаях допускать проживание евреев вне черты оседлости. В-четвертых, в законопроекте подчеркивалось, что существование черты оседлости воспитывает в русских вредное в государственном отношении сознание правомерности угнетения целых национальностей, составляющих часть населения империи. Марков на это возражал, что угнетение евреев не противоречит идеалам здоровой государственности, ибо государство не богадельня. Иудеи только сто лет несли тяготы государственные, а русские — целую тысячу лет. Затем Марков патетически воскликнул: ведь русские ваши братья и сестры, а иудеи чужие вам люди.

Далее Марков заявил, что в то время, когда проходит заседание Думы, комиссия по еврейскому вопросу совета Объединенного дворянства предложила собирающемуся VII съезду резолюцию, которая и будет обсуждена. Заключение Марков выступил словами: для решения еврейского вопроса есть единственное правильное средство — «массовое выселение евреев, куда угодно, но только подальше от России»²².

Борьбу против смягчения ограничений для евреев правые вели как в Думе и в своей прессе, так и в дворянской организации. На VII съезде в прениях по докладу о высшем образовании Пуришкевич заявил, что в центральном ведомстве Министерства народного просвещения «полное засилье жидов». Марков же предложил лишить евреев права участия в законодательной жизни государства, не допуская их на государственную и общественную службу. «Раз признается, что евреи так вредны, то с ними совместно невозможно учить и воспитывать наших детей. Врачами, по крайней мере для лечения христиан, евреи быть не должны». Затем Марков повторил сказанное в Думе о необходимости изгнания евреев из России и добавил: «Мы боремся и все государства мира борются с социализмом... Нас ждет вторая революция, которую снова подготавливают иудеи... Высшие учебные заведения — это авангард, затем пойдут рабочие, затем, может быть, и крестьяне... Допущение снятия черты еврейской оседлости, даже молчание в столь исторический момент о том, что черта оседлости должна быть во что бы то ни стало сохранена и даже по возможности стеснена, — это было бы актом государственной измены».

С тех же позиций выступил А. С. Шмаков — присяжный поверенный, автор ряда антисемитских книг и брошюр; защитник погромщиков в судебных процессах по делам о еврейских погромах в 1903—1905 гг., гражданский истец по делу Бейлиса. Шмаков произнес речь со ссылками на еврейское вероучение с целью доказать существование верховного еврейского правительства, повелевающего народами, творящего историю и жадущего захватить власть над миром. Съезд постановил выразить благодарность Шмакову и напечатать его речь отдельной брошюрой²³. Такая брошюра вышла и была передана Шмаковым в Совет с просьбой на основании постановления съезда растиражировать ее и разослать уполномоченным дворянских обществ. На заседании Совета 28 апреля 1911 г. Панчулидзеv сказал, что текст брошюры значительно расходится со стенограммой речи Шмакова на съезде и что критика Священного Писания в брошюре недопустима. Поэтому Совет решил указанную брошюру от имени Объединенного дворянства не издавать; в трудах VII съезда поместить стенограмму действительной речи; о причинах неисполнения постановления съезда доложить следующему съезду. Однако Шмаков позже существенно дополнил брошюру и выпустил книгу о международном еврейском правительстве²⁴.

На основании резолюций комиссии по еврейскому вопросу и самого Совета редакционная комиссия съезда предложила ему доклад, который и был принят съездом в качестве постановления. В этом документе повторялся ряд пунктов постановления VI съезда по еврейскому вопросу и добавлены новые: не допускать евреев, хотя бы и выкрестов, на государственную

службу, где она связана с административной, судебной или законодательной деятельностью, даже в избираемых законодательных учреждениях и лишить их как активного, так и пассивного избирательного права; русскую и вообще христианскую молодежь совершенно изолировать от еврейской, упразднить вовсе процентную норму в учебных заведениях, предоставив евреям пользоваться лишь точно определенными учебными заведениями, учредив таковые при «справедливом» «воспособлении из средств казны»; евреи, хотя бы и выкресты, не должны получать прав российского дворянства; черта еврейской оседлости и все ограничительные постановления о евреях должны оставаться в силе.

Предложения о недопущении евреев к некоторым свободным профессиям (адвокаты и пр.) и к службе в городских и земских учреждениях, как требующие подробного обсуждения, решено было передать в Совет для доклада следующему съезду, а предложение Совета о признании евреев иностранцами было отклонено²⁵.

Представители правительства не высказывались ни на заседании Думы, ни на дворянском съезде. Но свою точку зрения об отмене антиеврейских ограничений правительство определило совершенно демонстративно: 10 февраля 1911 г., на следующий день после заседания Думы, Совет министров принял постановление (утвержденное царем 11 марта) об ограничении количества евреев, сдающих экзамены в средних учебных заведениях в качестве экстернов, общей процентной нормой (от 3 до 15%), но исчисляемой по отношению не к общей численности экзаменуемых, а к количеству экстернов²⁶. Тем самым евреям практически запрещалось сдавать экзамены экстерном, ибо у христиан, как правило, не было никакой необходимости в экстернате.

После VII съезда деятельность правых в данной области отчасти переместилась из собственно дворянской организации в Думу. 27 апреля 1911 г., отвечая в Думе на запрос по поводу неправомерного применения правительством 87-й статьи для принятия закона о западном земстве (по этому закону, в частности, евреи не допускались к участию в земских выборах и не могли быть избраны в земские гласные в Западном крае), Столыпин заявил, что «в этом законе проводится принцип не утеснения, не унетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения». Пуришкевич приветствовал речь Столыпина, сказав, что это есть «проявление твердой правительственной власти». Он провозгласил следующие положения государственного национализма: в Российском государстве главенствующая роль принадлежит русской народности (велико-, мало- и белорусам); русский народ является народом-хозяином; окраинам империи, где инородческое население, туго поддающееся ассимиляции, количественно превосходит русских, права выборного самоуправления не могут быть предоставлены; евреям строжайше воспрещается занятие в империи каких-либо должностей в области государственного управления по любому из ведомств, в особенности на окраинах; евреи, изблеченные в посягательстве на занятие любой такой должности, привлекаются к ответственности.

В отличие от Пуришкевича, фракция националистов в Думе видела путь ограждения прав русского меньшинства не в отрицании выборного местного самоуправления на окраинах, а в системе выборов по двум куриям — одной для русского населения окраин, другой для инородческого. Вообще националисты утверждали, что они не шовинисты и желают культурного национального развития инородцев. Они заявляли о своем желании быть народом-освободителем и охранителем, а не работодителем. Однако националисты выделяли из ряда народностей «один особый вид инородцев», против которого рекомендовали чрезвычайные ограничительные меры. «Равноправие евреев недопустимо», — гласила их программа²⁷.

Убийство 12 марта 1911 г. А. Ющинского в Киеве положило начало «делу Бейлиса»; создававшаяся обстановка резко усилила позиции правых, в том числе Объединенного дворянства. Правые утверждали, что убийство совершили с ритуально-религиозными целями евреи. Данное утверждение

стало с этого момента в правой прессе основным аргументом против уравнивания евреев в правах с коренным населением. Пуришкевич в Думе заявил, что они, правые, и все правое русское общество, ждут в настоящее время от власти проявления твердости, непреклонности, «боясь, что оправдаются слухи о том, что дело это будет замято из-за страха перед еврейской прессой и перед наглаголющим еврейством; но этой власти мы не дождемся, по всем вероятностям, если мы сами в этом отношении будем спать». Они и не спали: 26 апреля 1911 г. 39 депутатов подали в Думе запрос министрам внутренних дел и юстиции по поводу убийства Ющинского. Ссылаясь на данные процессов по ритуальным убийствам христиан, совершенным якобы евреями, в Велиже в 1823 г. и в Саратове в 1852 г. (материалы этих и других аналогичных процессов приведены в пятой части справки по еврейскому вопросу, появившейся в 1912 г.), авторы запроса формулировали его так: «Известно ли им (министрам. — *А. М.*), что в России существует преступная секта иудеев, употребляющая для некоторых религиозных обрядов своих христианскую кровь, членами какой секты замучен в марте 1911 г. в Киеве мальчик Ющинский, как о том сообщили газеты?»

По запросу выступил Пуришкевич, заявивший, что правые не обвиняют все еврейство, а только хотят знать, существует ли среди евреев упомянутая секта. Закончил он речь словами: «Рассмотрение этого запроса есть лучший показатель того, еврейская ли у нас Государственная дума, зависит ли она от еврейских течений, еврейского направления, или мы имеем счастье, подняв этот запрос в русской Государственной думе, узнать, что она русская не только по крови, но и по духу и по направлению». На том же заседании Марков доказывал ритуальный характер убийства, ссылаясь, в частности, на Талмуд. Пуришкевич, Марков и поддерживавшие их депутаты получили достойную отповедь слева, и спешность запроса Дума отклонила ²⁸.

3 ноября 1911 г. думская комиссия по запросам высказалась за отклонение запроса от 26 апреля, а 7 ноября правые внесли в Думу второй спешный запрос, теперь уже по поводу неправильных действий чинов полиции Киева при производстве дознания по делу об убийстве Ющинского. Первым подписавшимся под запросом был Г. Г. Замысловский, вместе со Шмаковым выступавший гражданским истцом по делу Бейлиса. Заведующий Министерским павильоном при Государственной думе Л. К. Куманин позже характеризовал Замысловского в правом крыле Думы как «инспиратора и вдохновителя всех решений... Его директивам, впрочем, не без некоторого противодействия подчиняется официальный вождь фракции правых Н. Е. Марков» ²⁹. Выступая с обоснованием запроса, Замысловский вновь утверждал, что христианский мальчик зверски умучен иудеями для ритуального обряда. «Цель нашего первого запроса, — говорил Замысловский, — состояла в том, чтобы рамки исследования были расширены, чтобы производилось дело не только о данном убийстве, но и вообще об изуверской секте, которая убивает христианских детей ради их крови». Он обвинил полицию в том, что она как будто не хочет заняться этим вопросом. Закончил Замысловский словами: русское простонародье может извергнуться во всем и сказать, что «единственное средство против засилия евреев — народная с ним расправа». Однако спешность этого запроса Дума также отклонила.

23 ноября 1911 г. при обсуждении в Думе разъяснений министра внутренних дел по поводу убийства Столыпина Марков утверждал, что в этом преступлении «уже теперь можно безошибочно видеть тайную руку подстрекателей, нанявших убийцу-жида», и «нанявшие были те же жида». 15 русских губерний (черты оседлости. — *А. М.*), — заявил он, — находятся на прокормлении «жидовского племени, теперь злоумышляют и остальную Россию отдать в рабство иудейского кагала». Марков вновь говорил о мифическом тайном иудейском правительстве, всемирном израильском союзе, который ведет подпольную борьбу с русским народом ³⁰.

В конце января 1912 г. в Киеве утверждался первый акт о предании Бейлиса суду по обвинению его в убийстве Ющинского; в то же время,

а именно 27 января, правые внесли в Думу спешный запрос по поводу того, что в Киеве разрешили жить евреям-купцам первой гильдии, не имевшим ранее на то права. Замысловский, в частности, вопрошал: «За что дают противозаконные льготы жидам в Киеве, за то ли, что эти жиды замучили Андриюшу Ющинского, или за то, что из их среды вышел Мордка Богров, который убил председателя Совета министров, проводившего «дикие идеи» национализма?»

2 июня 1912 г. левые фракции Думы предложили обсудить в одном из ближайших заседаний заявление о запросе, внесенном правыми 7 ноября 1911 г., в связи со вновь открывшимися обстоятельствами по делу (убийство Ющинского было совершено не евреями, а воровской шайкой). Предложение было принято. Но Думе не довелось высказаться по указанному поводу, так как 9 июня она была распущена из-за истечения срока полномочий.

23 октября 1913 г. общее собрание присяжных поверенных Петербургской судебной палаты приняло резолюцию с протестом «против извращения основ правосудия, проявившегося в создании процесса Бейлиса, против возведения в судебном порядке на еврейский народ клеветы, отвергнутой всем культурным человечеством, и против возложения на суд несвойственной ему задачи пропаганды идей расовой и национальной вражды». По этому поводу 25 октября правые внесли в Думу очередной запрос. Представляя резолюцию как незаконную, выходящую за пределы компетенции сословия присяжных поверенных, Марков и Пуришкевич пользовались представившимся поводом, чтобы с думской трибуны повторять погромные высказывания³¹.

Как ни старалось Объединенное дворянство и прочие правые доказать ритуальный характер убийства, ничего из этого не вышло. 30 октября 1913 г. присяжные заседатели оправдали Бейлиса. Не удалось провести и новые антиеврейские законы.

Несмотря на то, что VI и VII съезды уполномоченных дворянских обществ принимали резолюции о разобщении христианской и еврейской учащейся молодежи в средних учебных заведениях и о недопущении евреев к службе в армии, комиссия по еврейскому вопросу и Постоянный совет неоднократно возвращались к обсуждению этих вопросов, особенно в 1913 и в начале 1914 года.

Внимание Совета привлекло положение девушек-евреек в средних учебных заведениях. На заседании 11 февраля 1914 г. Говорухо-Отрок указал, что женские средние школы, которые часто пользуются пособиями от земств и городов, переполнены еврейками, поэтому не хватает учительниц-христианок в низшей народной школе. Дело усугублялось, по его словам, тем, что в народных школах появится много незаполненных вакансий из-за отмены льготной шестилетней отсрочки от воинской повинности учителям-мужчинам. Потребуется много учительниц, поэтому следует в женских школах ввести процентные нормы для евреек³². Его усилия не пропали даром. 2—6 марта 1914 г. проводился X съезд уполномоченных дворянских обществ. По докладам Постоянного совета съезд признал желательным распространить действующую в мужских учебных заведениях процентную норму — на женские средние школы, а также установить для евреев, взамен воинской повинности, обязательные работы с факультативной заменой последних особым налогом³³.

Характерное объяснение произошло публично между вождями дворянской организации по поводу «Памятки Русскому народному союзу имени Михаила архангела» (1914 г.). В присутствии Пуришкевича Марков, выступая на каком-то собрании, показал эту книжку, в которой тот якобы писал: «Особенно зловредны жиды, которые хотя о своем царстве не мечтают, но стремятся беспрепятственно овладеть всей Россией, чего они отчасти благодаря попустительству плохих чиновников и достигли... Интеллигенты к русскому народу любви не питают, а хотят всех инородцев и даже жидов уравнивать с русским народом в правах». Пуришкевич отреагировал так: «Это не я писал, но во всяком случае присоединяюсь»³⁴.

На XI съезде (10—14 марта 1915 г.) еврейский вопрос не рассматривался. В условиях войны позиции Объединенного дворянства ослабли, и почти вся деятельность правых сосредоточилась в Думе.

26 августа 1915 г. шесть думских фракций объединились в Прогрессивный блок, поставивший целью проведение политики, направленной на «сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами», а в области еврейского вопроса «вступление на путь отмены ограничений в правах евреев». Речь шла о дальнейших шагах к ликвидации черты оседлости (ввиду массового выселения военными властями евреев из прифронтовой зоны правительству пришлось дать евреям-беженцам право жить в любых городских поселениях, кроме столиц и местностей, находившихся в ведении министерств императорского двора и военного ³⁵), облегчению доступа в учебные заведения и отмене стеснений в выборе профессии. Крупенский по поводу отмены ограничений для евреев высказался так: «Я прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что еврей — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства» ³⁶.

Даже такие «косметические», к тому же еще только предполагавшиеся меры по облегчению положения евреев вызвали негодование правых. Бобринский называл Прогрессивный блок «жидо-кадетским» ³⁷. 29 февраля 1916 г. при обсуждении в Думе доклада Бюджетной комиссии по смете Министерства внутренних дел Марков, обращаясь к депутатам, входившим в блок, приписывал им излишнее рвение в вопросе о равноправии евреев и обвинял в том, что они хотят иметь только то правительство, которое даст евреям равноправие. 8 марта он резко критиковал программу блока, будто бы содержащую пункт о полном равноправии евреев — «тех самых евреев, которые воюют с Россией в союзе с Германией». С таким же обвинением выступал член национальной фракции князь К. Н. Шаховской. Вряд ли они не читали декларацию блока; скорее всего, их высказывания были направлены на нагнетание страстей. Представителям фракций, входивших в блок, оправдываясь, пришлось подчеркивать, что в его программе еврейское равноправие даже не упоминается ³⁸.

19 и 20 июня 1916 г. на закрытых заседаниях думской Комиссии по военным и морским делам обсуждался отчет делегации членов Думы и Государственного совета, посетившей в мае — июне Англию, Францию и Италию. Доклады об итогах зарубежных встреч сделали участники делегации П. Н. Милоков и А. И. Шингарев. Предметом обсуждения должны были служить перспективы увеличения военной и финансовой помощи союзников, что и являлось главной целью поездки, но доклады и дебаты по ним вращались вокруг еврейского вопроса, так как оказалось, что это влияет на готовность Запада предоставить займы.

Милоков, в частности, указал на условие займа, выдвинутое фактическим главой еврейского финансового мира в США Якобом Шиффом, — облегчение жизни российских евреев ³⁹. А. Д. Протопопову (руководителю делегации), Милокову и Шингареву в Лондоне лорд Ротшильд сказал, что притеснения евреев в России мешают английскому кредиту в США. Парижский Ротшильд о том же заявил Шингареву в отношении и французского и английского кредита. Милоков огласил заключительную часть доклада правительству Франции депутата французского парламента В. Баша после его поездки в США. Баш там пытался доказать, что в России есть либеральные силы, которые решили после войны добиться дарования евреям гражданских прав. Но американские евреи не верили обещаниям, а требовали немедленных действий. В конце доклада Баш повторил условие Шиффа. Принятое почти за год до поездки делегации решение российского правительства о фактической ликвидации черты оседлости в большей ее части прошло как бы незамеченным для Запада.

Марков остался верен себе и, говоря о позиции Шиффа, повторил избитое заявление о международном еврейском правительстве, которое

приказывает России, Англии и Франции, как им поступать. По его мнению, Милюков и Шингарев поддерживали евреев якобы только потому, что «иначе нам не дадут денег». По поводу предоставления равноправия евреям после войны Марков заявил: «Если большинство выскажется за равноправие, значит тогда и быть равноправию. Но сейчас это делать — от Российской империи, от Российского государства, даже думая, что это будущая республика, останется мокрым местом»⁴⁰.

Этот эпизод можно считать завершающим антиеврейскую политику Объединенного дворянства, так как после Февральской революции фактическое существование организации прекратилось, а в мае 1917 г. Совет принял решение о самоликвидации в связи с отменой сословного деления⁴¹.

В течение почти всех десяти лет существования Объединенное дворянство в лице его комиссии по еврейскому вопросу, Постоянного совета и съездов уполномоченных дворянских обществ выдвигало антиеврейские законодательные предположения, вплоть до полного изгнания евреев из страны. И ни один из десятков высказывавшихся дворян ни разу не поднял свой голос против таких проектов. Более того, любое предложение, возникавшее в Думе, направленное на облегчение участи евреев, дворянская организация встречала в штыки.

В правительственных кругах одиозные предложения Объединенного дворянства или его представителей в Думе, рассчитанные на дальнейшее ущемление евреев, практически не рассматривались. Таким образом, Объединенное дворянство заметно не влияло в этом вопросе на внутреннюю политику России. И все же оно создавало определенную атмосферу и опосредованно препятствовало проведению реформ, помогаясь ужесточения законодательства, направленного против евреев.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 434, оп. 1, д. 3, л. 48.
2. Там же, л. 376.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1412, оп. 2, д. 700, л. 2—10; д. 451, л. 36об., 37.
4. Там же, оп. 8, д. 228, л. 6—21.
5. Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб. 1906, с. 92.
6. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 75, л. 33; д. 76, л. 39.
7. Там же, д. 76, л. 39, 43; д. 203, л. 43.
8. Труды II съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб. 1906, с. 18.
9. Там же, с. 51—53, 135—136.
10. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 203, л. 57, 58.
11. Государственная дума. Созыв III, сессия 2-я. Стенографические отчеты (СОГД III/2). Ч. 4. Кн. 2. СПб. 1909, стб. 1949; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим. 1996, стб. 354.
12. Постоянный Совет объединенных дворянских обществ. Справка к докладу по еврейскому вопросу. Ч. 2. СПб. 1910, с. 29—124.
13. Антиеврейское движение в России в 1881 и 1882 г. В кн.: Еврейская старина. Т. 1. СПб. 1909. Вып. 1, с. 88—109; вып. 2, с. 265—276; Вопросы истории, 2000, № 8, с. 55—56.
14. МЫШ М. И. Руководство к русским законам о евреях. СПб. 1904, с. I.
15. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 203, л. 368—372.
16. Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб. 1910, с. 364.
17. Свод постановлений I—X съездов уполномоченных дворянских обществ 1906—1914 гг. Пг. 1915, с. 38—39.
18. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 203, л. 457.
19. Труды VI съезда, с. 369; ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 80, л. 34; д. 203, л. 417—423.
20. Там же, д. 81, л. 3—11, 23; д. 82, л. 16; д. 203, л. 457, 458, 460, 461; д. 205, л. 12, 39—40.
21. СОГД III/3. Ч. 4. СПб. 1910, стб. 2888; ЛИПРАНДИ А. П. Равноправие и еврейский вопрос. Харьков. 1911, с. 82; СОГД III/4. Ч. 2. СПб. 1911, стб. 1543.
22. СОГД III/4. Ч. 2. СПб. 1911, стб. 1555—1568.

23. Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб. 1911, с. 142—144, 154—158, 175—190, 220—221, 223.
24. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 81, л. 46—48; Речь по еврейскому вопросу, произнесенная 12 и 13 февраля 1911 г. А. С. Шмаковым, уполномоченным московского дворянства. М. 1911; ШМАКОВ А. С. Международное тайное правительство. М. 1912.
25. Труды VII съезда, с. 318—319; Свод постановлений I—X съездов, с. 39—40.
26. ПСЗ-3. Т. 31, ст. 34900.
27. СОГД III/4. Ч. 3. СПб. 1911, стб. 2861—2862, 2893, 2910—2912; Националисты в 3-й Государственной думе. СПб. 1912, с. 144.
28. СОГД III/4. Ч. 3, СПб. 1911, стб. 2893, 3112—3117, 3119, 3123—3124, 3139—3147, 3151.
29. Вопросы истории, 2000, № 3, с. 4.
30. СОГД III/5. Ч. 1. СПб. 1911, стб. 1428—1432, 1434, 1438, 2536—2537.
31. Там же. Ч. 2. СПб. 1912, стб. 1085—1087, 1093; ч. 4. СПб. 1912, стб. 3377, 3383, 4271; IV/2. Ч. 1. СПб. 1914, стб. 313—323.
32. ГАРФ, ф. 434, оп. 1, д. 84, л. 4—5, 22—26, 29—30; д. 205, л. 40—46; д. 206, л. 350—353, 355; д. 211, л. 5—7об.
33. Свод постановлений I—X съездов, с. 40—41.
34. РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 224а, л. 1.
35. Отмена черты еврейской оседлости. Вып. 1. М. 1915, с. 3; ИОФФЕ Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году.— Вопросы истории, 2001, № 9.
36. Речь, 26. VIII.1915; Красный архив, 1932, № 50—51 (1—2), с. 149.
37. РГАДА, ф. 1412, оп. 8, д. 96, л. 24.
38. СОГД IV/4. Ч. 2. СПб. 1916, стб. 2471, 2579, 3015, 3019, 3020, 3023.
39. Красный архив, 1933, № 3(58), с. 5—23; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1278, оп. 5, д. 446, л. 265; Вестник Еврейского университета в Москве, 1996, № 2(12).
40. РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 446, л. 356, 360, 368—369, 381.
41. ГАРФ, ф. 434, оп. 2, д. 61, л. 1.

Дипломатическая прелюдия войны на Тихом океане

А. А. Кошкин

Заклячая в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете с Японией, Сталин стремился в первую очередь избежать одновременной войны на два фронта — против Германии и Японии. Это понимали в США. Американский посол в Москве Л. Штейнгардт отмечал: «Тем, кто утверждает, что советско-японский пакт представляет угрозу для Соединенных Штатов, я отвечаю, что Советский Союз имеет опасного соседа на Западе и заинтересован в обеспечении мира на Востоке. Я сам поступил бы точно также на месте Советского правительства»¹.

Но это не означало, что Москва была заинтересована в японо-американской войне. СССР было выгоднее, если бы США всеми своими силами вступили в войну не в Азии, а в Европе, против Германии.

Накануне германского нападения на СССР президент США Ф. Рузвельт сообщил премьер-министру Великобритании У. Черчиллю, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любые заявления, которые может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»². 24 июня он заявил о желании США «предоставить Советскому Союзу помощь, на которую они способны»³.

В начале июля руководство США стало получать разведанные о том, что в ближайшее время Советский Союз подвергнется нападению и со стороны Японии. Это была достоверная информация. Как известно, в конце 1940 г. американская разведка раскрыла японские дипломатические шифры. В Белом доме и государственном департаменте получили возможность читать шифр-переписку Токио с японскими посольствами, аккредитованными в других странах.

3 июля, на следующий день после проходившего в Токио «императорского совещания», на котором рассматривался вопрос об ударе по СССР, заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, срочно вызвав советского посла в США К. А. Уманского, сделал следующее заявление: «По имеющейся у американского правительства достоверной информации, правительство Японии намерено аннулировать свой пакт о нейтралитете с СССР и совершить нападение на СССР. Американское правительство уверено в достоверности этой информации так же, как оно было уверено в подлинности информации, сообщенных советскому послу в январе 1941 г. об агрессивных намерениях Германии в отношении к СССР»⁴.

Поблагодарив Уэллеса за информацию, Уманский задал ему ряд вопросов:

Кошкин Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор.

«1. Как сочетать эту информацию с самоочевидной боязнью японцев, что в случае нарушения ими мира они подвергнут свои жизненные центры риску разгрома со стороны нашей авиации, и собираются ли, по информации американского правительства, японцы вступить на путь развернутой наземной агрессии против нас или, как многие в Вашингтоне полагают, на путь морской блокады. Уэллес ответил, что на основании полученной американским правительством информации у него создается впечатление, что аннулирование пакта о нейтралитете является делом самого ближайшего будущего, что боязнь удара нашей авиации остается серьезнейшим фактором в расчетах японцев и что вполне возможно, что первым этапом их выступления против нас будет блокада, за которой, однако, в случае дальнейшего продвижения немцев, последуют и наземное и воздушное нападения. Американское правительство не сомневается в подлинности своей информации.

2. Я спросил Уэллеса, какова будет позиция американского правительства в случае, если события действительно пойдут по линии информации американского правительства. Уэллес ответил: «В случае враждебного выступления Японии против СССР, будь то блокада или прямое нападение, американское правительство наряду с политикой помощи СССР поставками немедленно прекратит всякие экономические отношения с Японией, как по линии поставок необходимого ей сырья, оборудования и нефтепродуктов, так и по линии намечавшихся финансовых операций, и нанесет в этой области японцам ощутимый ущерб». На мой вопрос, не накопили ли уже японцы своими широкими и поныне продолжающимися закупками нефтепродуктов в США значительные ресурсы, Уэллес ответил: «К сожалению, это так». Уэллес добавил, что американское правительство надеется, что военные события на западной границе СССР не отразятся на количестве сосредоточенных на Дальнем Востоке Вооруженных Сил СССР»⁵. Советский посол в тот же день подробно проинформировал Москву о содержании состоявшейся беседы.

Сведения о том, что опасность японского нападения на СССР нарастала, поступали в Москву и из других источников, причем не только от известной группы Р. Зорге.

В условиях реальной опасности для СССР войны на два фронта советское руководство было весьма заинтересовано в конкретных действиях США по предотвращению японского нападения на СССР. 8 июля 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в телеграмме Уманскому писал: «...Нам особенно интересно было бы знать, какие меры американское правительство может и хочет принять для предотвращения или затруднения выступления против нас Японии и какова будет его позиция в случае такого выступления. Мы не хотели бы, однако, придавать слишком официальный характер нашим запросам по этому поводу, но нам представляется вполне естественным, чтобы Вы попросили свидания с Рузвельтом в связи с новым положением, созданным нападением на нас Гитлера... Вы могли бы указать, что недавнее заявление Уэллеса о желательности избежания новых конфликтов в Тихом океане не обязательно будет понято Японией как предупреждение против конфликта в прилегающих к нам водах и на материке. Спросите Рузвельта, не считает ли он, что более ясным и решительным заявлением, высказанным публично или в дипломатическом порядке непосредственно японскому правительству, Рузвельт мог бы значительно уменьшить шансы выступления Японии»⁶.

На состоявшейся 10 июля беседе Уманского с Рузвельтом советский посол, выполняя инструкции Москвы, весьма настойчиво просил его четко дать понять японцам, что их направленные против СССР действия побудят США предпринять конкретные меры. Сообщая о содержании и ходе беседы, советский посол доносил в НКВД СССР:

«...Я заявил Рузвельту, что, возможно, позиция Японии еще окончательно не определилась и не ясна самому японскому правительству, внутри которого, по-видимому, происходит борьба, но что именно поэтому было бы крайне важно, чтобы американское правительство «помогло» японскому

правительству ориентировать свою политику в мирном направлении, дав публично или дипломатическим путем понять японцам, что всякие авантюры против СССР на море и на материке вызовут со стороны США такие-то и такие-то конкретные мероприятия. Мне кажется, что подобное четкое, недвусмысленное заявление действовало бы отрезвляюще, достигнув цели, в которой заинтересованы оба наши правительства: воспрепятствовать или по меньшей мере затруднить агрессию Японии против нас, нарушение ею свободы морей в Тихоокеанском бассейне... Однако Рузвельт избежал ответа по вопросу об американском предупреждении Японии. Я заявил Рузвельту, что мы отнеслись с должным вниманием к дружественному сигналу Уэллеса о враждебных по отношению к нам намерениях Японии, но, как видно из моей недавней беседы с Уэллесом и из сообщений прессы, внутри японского правительства еще есть колеблющиеся и отнюдь не поздно авторитетно нажать на него способами, которые американское правительство сочтет правильным избрать... Рузвельт ...зачитал мне цитаты из трех явно приготовленных для беседы со мной шифросводок как подтверждение противоречивой информации о политике Японии:

а. Шифровка из Чунцина сообщает из китайских источников, что японцы взяли твердый курс на нападение на нас, избрав закрытие Сангарского пролива и пролива Лаперуза в качестве первого этапа;

б. Шифровка из не названного мне Рузвельтом источника о том, что японцы сконцентрируются на проникновении в Южный Индо-Китай, создании там морских и воздушных баз и затем на проникновении в Сиам для последующей атаки в тыл Сингапуру и в Голландскую Индию и что немцы рекомендуют японцам идти именно в этом направлении, не рискуя на данном этапе столкновением с нами, а связывать американские и английские силы в Тихом океане, выжидая германской «победы» над нами, после которой японцы должны будут ударить по СССР. В качестве «цены» немцы обещают японцам наше Приморье;

в. Шифровка из китайского источника в Берлине сообщает о том, что японцы, как только договорятся через немцев в Виши о расширении их зоны влияния в Индо-Китае и без военных действий закрепятся там, перейдут к блокаде берегов СССР и затем к нападению на него.

Рузвельт заявил, что эта противоречивая информация о намерениях Японии, затрагивающих и американские и советские интересы, действительно отражает глубокий раскол внутри правящих кругов Японии, часть которых боится упустить выгодный момент для агрессии, а другая часть более реалистически осознает экономическую слабость Японии, истощенность народа, опасается экономических репрессий со стороны американского правительства, боится воздушного удара со стороны СССР. Рузвельт в заключение этой части беседы заявил следующее: «Если все же случится так, что возьмут верх авантюристические элементы, то я надеюсь, что ваша авиация выберет хороший, ветренный день и засыплет картонные города Японии доброй порцией зажигательных бомб. Японский народ не виноват, но, видно, не будет другого средства дать понять правителям Японии безумие их политики за последние годы. Тогда они поймут. Не сомневаюсь в вашем воздушном превосходстве над японцами. По нашим сведениям, у вас на Дальнем Востоке не менее двух тысяч самолетов, уже проявивших себя в стычках с японцами»⁷.

Как видно из записи этой беседы советского посла с американским президентом, Рузвельт постарался избежать прямого ответа на поставленный Москвой вопрос о конкретных мерах США по противодействию нападению Японии на Советский Союз. Будучи не уверенными, сможет ли СССР продолжать сопротивление Германии, президент США и его ближайшие советники не спешили осложнять американско-японские отношения заявлениями о переходе на сторону СССР в случае его конфликта с Японией. По сути дела Рузвельт рекомендовал советскому руководству в случае столкновения с Японией полагаться в основном на собственные силы.

Тем временем американцы продолжали осуществлять в отношении Токио тактику, сформулированную Уэллесом — «оставлять японцев

в неведении о действительных намерениях США». Советское же правительство продолжало усилия, направленные на то, чтобы добиться от США твердого заявления, которое затруднило бы развертывание агрессивных действий Японии против СССР. В ответ на это, высокопоставленные представители США в конфиденциальных беседах «успокаивали» советского посла, общаясь в Москве с созданием вокруг Японии блокадного кольца. Военно-морской министр США Ф. Нокс говорил Уманскому: «С этой задачей наш тихоокеанский флот в нужный момент справится успешно, флот в прекрасном состоянии, наши корабли лучшие в мире. В нашей блокаде будут участвовать и англичане, да и Вы не будете дремать. Японцы это не могут не понимать»⁸.

Уклончивой оставалась и позиция США в вопросе о поставках в СССР вооружения и военных материалов. Это было связано с сохранявшимися в Вашингтоне прогнозами о неспособности СССР противостоять Германии. «Высшие военные авторитеты, — свидетельствовал Уэллес, — упорно уверяли Рузвельта в том, что СССР не только не сможет сдержать германский натиск сколь-нибудь продолжительный срок, но что немцы неизбежно захватят всю Россию к западу от Урала». В июле аналитиками Белого дома высказывалось мнение о том, что СССР сможет продержаться в войне с Германией самое ограниченное время, а именно, не более 12 недель⁹.

В конце июля Советский Союз посетил личный представитель американского президента Г. Гопкинс. Цель его поездки в Москву состояла в том, чтобы выяснить, «как долго продержится Россия»¹⁰. К этому американское правительство побудило подписанное 12 июля 1941 г. в Москве советско-английское соглашение о совместных действиях в войне. Как известно, на состоявшихся переговорах с послом Великобритании С. Крипсом Сталин и Молотов напрямую заявили о неотложной необходимости создания антигитлеровской коалиции. При этом в Кремле считали, что в такой коалиции примут активное участие и Соединенные Штаты, если не сразу военное, то по крайней мере экономическое.

Прибыв в Москву 30 июля, Гопкинс был сразу же принят Сталиным. На следующий день переговоры советского лидера с представителем Рузвельта были продолжены. На них Гопкинс получил полную информацию о положении на советско-германском фронте и неотложных нуждах советских вооруженных сил. Беседы со Сталиным произвели на Гопкинса большое впечатление. В первом же отчете Рузвельту из Москвы он писал: «Я очень уверен в отношении этого фронта... Здесь существует безусловная решимость победить»¹¹. Лишь после этого правительство США стало в практическом плане рассматривать вопрос о поставках вооружения и других товаров в СССР.

2 августа между послом СССР Уманским и исполнявшим обязанности государственного секретаря США Уэллесом состоялся обмен нотами об экономическом содействии США Советскому Союзу. В согласованной с Рузвельтом ноте Уэллеса указывалось: «Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением правительства США, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, — соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»¹².

За несколько дней до визита Гопкинса в СССР правительство США было вынуждено наконец предпринять в отношении Японии конкретные санкции. Однако это было связано не с опасностью японского нападения на СССР, а с расширением японской вооруженной экспансии в южном направлении. 23 июля японское правительство принудило французское марионеточное правительство Виши подписать соглашение о размещении японских войск в Южном Индокитае. Вслед за этим Южный Индокитай был оккупирован японскими войсками. Тем самым создавалась прямая угроза Малайе, Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинам. Это был прямой

вызов США и Великобритании. Черчилль потребовал от США предпринять жесткие меры против японской вооруженной экспансии. В ответ на японские действия 26 июля США объявили о замораживании японских активов. Одновременно были поставлены под контроль все финансовые, экспортные и торговые операции с Японией.

Находясь в Москве, Гопкинс не скрывал озабоченности Рузвельта действиями Японии в Индокитае. «Рузвельт весьма заинтересован позицией Японии и теми действиями, которые она может предпринять. Имеются ли у Молотова ...какие-либо предложения о позиции США в отношении Японии?» — спросил Гопкинс во время беседы 31 июля с наркомом иностранных дел СССР. Далее он заявил, что «Рузвельт всегда считал, что Япония сейчас не хочет войны на Дальнем Востоке, так как она не уверена в своей позиции, однако она самостоятельно проводит свою политику на Дальнем Востоке, намереваясь включить в сферу своего влияния и часть Сибири. США весьма заинтересованы положением на Дальнем Востоке, так как неизвестно, куда будет направлен следующий шаг Японии. Правильным ли будет его предположение, заявил Гопкинс, что если США займут твердую позицию в отношении Японии в случае, если она двинется в сторону Советского Союза или Голландской Индии, то Япония не предпримет каких-либо агрессивных шагов?». При этом Гопкинс прямо заявил, что США «не хотят, чтобы Япония проникла в Сибирь».

Молотов не скрывал, что Москва весьма заинтересована в таком заявлении Вашингтона японскому правительству, в результате которого в Токио поймут, что в случае нападения на СССР США не будут безучастно наблюдать, а выступят на стороне Советского Союза. «Если американское правительство и президент Рузвельт сочтут возможным в той или иной форме предпринять какие-либо шаги, предупреждающие Японию о плохих последствиях выступления против СССР на Дальнем Востоке, то это будет иметь весьма положительное значение... Если Япония будет знать, что имеет перед собой две страны, являющиеся хорошими соседями, желающими сохранения мира, то ей придется считаться с таким положением, как с фактом большого значения. Это будет оказывать на Японию сдерживающее влияние»¹³, — заявил Молотов Гопкинсу.

Однако Гопкинс, как и президент Рузвельт, уклонился от обещания оказать прямое давление на Японию с тем, чтобы она отказалась от намерения напасть на СССР, сославшись на то, что «США не любят посылать ноты, дающие понять, что США не нравятся то или иное мероприятие, проводимое Японией». Однако в действительности причина уклончивой позиции правительства Рузвельта состояла в том, что на него сильное воздействие оказывали влиятельные изоляционистские круги США, которые выступали не только против политического, но и экономического сотрудничества в СССР¹⁴.

В начале августа подготовка Японии к нападению на СССР приобрела столь большие масштабы, что скрыть ее было уже невозможно. 8 августа госсекретарь США К. Хэлл заявил Уманскому, что последние данные, которыми располагает американское правительство, «снова подтверждают реальность угрозы движения японцев в северном направлении». Хэлл заявил, что не собирается, конечно, давать советы советскому правительству, которому виднее, но от своего имени рекомендует уделить этой угрозе самое серьезное внимание. Воспользовавшись этим сообщением, посол еще раз высказал позицию советского правительства о том, что «японцы поймут только ясный, решительный язык и что публичным или дипломатическим путем или прямой демонстрацией готовности США к любому положению им надо дать понять, какова будет политика США в случае японской агрессии против СССР». Оговорившись, что выражает личное мнение, Хэлл согласился, что «японцы понимают только крепкий, недвусмысленный язык»¹⁵.

В начале августа японцы потребовали от тайландского правительства предоставления им военных баз и права контроля над производством олова, каучука и риса. Среди причин, побудивших Японию укрепиться

в Индокитае и Таиланде, главное значение имела борьба за стратегическое сырье, в первую очередь за нефть. Было очевидно, что Япония, оказавшись в условиях коллективных санкций, создавала форпост для броска в Индонезию и на Филиппины, где находились источники уже разведанных запасов нефти и другого необходимого для японской экономики сырья. На Голландскую Индию приходилось 78% мировой добычи каучука и 67% добычи олова. В 1940 г. здесь было добыто 9 млн тонн нефти¹⁶.

9 августа Черчилль предложил Рузвельту проект ультиматума Японии от имени США, Великобритании и СССР, в котором заявлялось, что, если японцы вступят в Малайю или Голландскую Индию, три державы примут такие меры, которые потребуются для того, чтобы вытеснить их оттуда. Однако Рузвельт счел подобный ультиматум чрезмерным. Он заявил: «По мнению военного и морского министерств США, основная цель на Тихом океане пока должна заключаться в том, чтобы избежать войны с Японией, ибо война между США и Японией не только свяжет большую часть, если не весь американский флот, но и ляжет тяжелым бременем на нашу военную организацию и производство, в то время как они должны ориентироваться на Атлантику»¹⁷.

Поэтому Рузвельт и его ближайшее окружение решили ограничиться, хотя и достаточно твердым, но все же не столь ультимативным заявлением. 17 августа Рузвельт вызвал японского посла в США К. Номуру и вручил ему меморандум для правительства Японии. В нем содержалось следующее предупреждение: «Если Япония применением силы или угрозой таковой попытается и впредь установить военным путем свое господство над сопредельными странами, США незамедлительно предпримут необходимые для обеспечения безопасности меры»¹⁸. Хотя в меморандуме речь шла в первую очередь о предупреждении Японии по поводу возможности ее дальнейшего продвижения в южном направлении, администрация США попыталась представить американский демарш как предупреждение и по поводу японской политики в отношении СССР.

Во время беседы с советским послом 19 августа Уэллес «строго конфиденциально» сообщил, что «в результате совещания с Черчиллем (имеется в виду двусторонняя встреча 9—12 августа 1941 г. на острове Ньюфаундленд, по результатам которой была обнародована англо-американская декларация, известная как Атлантическая хартия.— А. К.) Рузвельт в день возвращения в Вашингтон, 17 августа, вызвал к себе японского посла адмирала Номуру и просил его передать японскому правительству, что в случае, если Япония предпримет новые агрессивные действия в районе Тихого океана (Уэллес при этом дважды повторил это выражение и подчеркнул, что Рузвельт не делал различия между южным и северным направлением), то США не смогут пройти мимо этого безучастно, немедленно примут ответные меры, не считаясь с возможными последствиями таковых и возлагая на японцев всю ответственность за эти последствия». Сообщая в Москву эту информацию, Уманский писал: «На мой вопрос, имеется ли японский ответ, Уэллес ответил отрицательно, а на вопрос, сделано ли такое же представление в Лондоне,— утвердительно. Поблагодарил Уэллеса за информацию, которая, как я ему заявил, вызывает тем большее удовлетворение, что соответствует духу предложений, внесенных мной Рузвельту 10 июля от имени Советского правительства»¹⁹.

Хотя руководители США дали понять, что не оставят Советский Союз в беде и в случае нападения Японии на СССР «предпримут ответные меры», в Москве не могли полагаться на это обещание. Если США не объявили войну Германии после начала второй мировой войны, тем самым обрекая своего основного союзника Великобританию на единоборство с сильным врагом, то что уж было говорить о возможности объявления Вашингтоном войны Японии в случае ее нападения на СССР. Поэтому в обстановке реальной опасности агрессии Японии против СССР, летом 1941 г. Сталин не мог принять решение о масштабной переброске советских войск с Дальнего Востока, несмотря на то, что эти войска были крайне необходимы на советско-германском фронте.

Переброска части дальневосточных и сибирских дивизий на запад стала возможной лишь после того, как Сталин получил достоверную информацию о том, что на императорском совещании 6 сентября в Токио было принято решение отложить запланированное на 29 августа 1941 г. осуществление японского плана нападения на СССР «Кантокуэн» до весны следующего года.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве проходила трехсторонняя конференция, в работе которой принимали участие от СССР — Молотов, Великобритании — министр снабжения лорд У. Бивербрук, США — А. Гарриман. Во время состоявшейся 30 сентября беседы с главами делегаций США и Великобритании Сталин уже не поднимал вопрос о военной помощи СССР со стороны США в случае японского нападения. Напротив, он говорил о том, нет ли возможности нейтрализовать Японию, «оторвать Японию от Германии». Сталин заявил: «У меня такое впечатление, что Япония — не Италия и не хочет идти в рабство к Германии. Поэтому есть основания для отрыва Японии от Германии»²⁰.

В сентябре Сталин уже достаточно уверенно заявлял о способности СССР отразить японскую агрессию. 3 сентября 1941 г. в своем послании Черчиллю он писал: «...Советский Союз, так же как и Англия, не хочет войны с Японией. Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но, если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск»²¹. Стремление Сталина нейтрализовать Японию, не допустить ее активного участие во второй мировой войне является еще одним подтверждением того, что для Москвы японо-американская война была невыгодна. В подписанном 1 октября протоколе Московской конференции США и Великобритания обязались поставлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, алюминий, олово, свинец и другие виды вооружения и военных материалов. Советский Союз в свою очередь выразил готовность снабжать Великобританию и США сырьем, в котором они испытывали нужду²². Сталин не мог не учитывать, что в случае вступления США в войну эти поставки могут резко сократиться. Уже по этой причине версия о том, что Сталин якобы был заинтересован в скорейшем начале японо-американской войны выглядит по крайней мере нелогичной.

Приняв решение воевать сначала с США и Великобританией на юге, японцы делали все возможное, чтобы создать в Вашингтоне и Лондоне впечатление о том, что Япония намерена уже в ближайшее время нанести удар именно по Советскому Союзу. Можно считать, что такая дезинформация принесла успех. Содержавшаяся в послании японского премьер-министра Ф. Коноэ президенту Рузвельту от 28 августа «надежда японского правительства на то, что США будут избегать сотрудничества с Советским Союзом», и предложение со стороны Токио организовать личную встречу Коноэ с Рузвельтом укладывались в рамки японской операции по дезинформации, призванной убедить Вашингтон в нежелании Японии идти на столкновение с США. Альтернативой же нарушавшего интересы США и Великобритании японского движения на юг было выступление Японии на севере, против СССР. Это лишний раз убеждало правительство США в «правильности» утвержденного 21 июля 1941 г. оперативного плана Тихоокеанского флота США, который исходил из неизбежности советско-японской войны²³. «Каким жизненным интересам США может угрожать Япония? — писала 27 октября 1941 г. «Chicago Tribune». — Она не может напасть на нас. Это невозможно с военной точки зрения. Даже наша база на Гавайских островах находится вне досягаемости эффективного удара ее флота»²⁴.

Не только военное, но и высшее политическое руководство США и Великобритании в своей стратегии исходило из ошибочного вывода о том, что в связи с выдвиганием германских войск к Москве приближается и срок японского удара по СССР с востока. «Я думаю, — писал 15 октября 1941 г. Рузвельт Черчиллю, — что они (японцы) направятся на север».

Английский премьер соглашался с ним²⁵. Эти ожидания еще более усилились в связи с приходом 18 октября на пост премьер-министра Японии антисоветски настроенного генерала Х. Тодзио. Ожидания японского удара по советскому Дальнему Востоку и Сибири сознательно подогревались из Токио с целью убедить Вашингтон, что новый кабинет министров начнет войну против СССР, одновременно прилагая усилия для успешного завершения переговоров об урегулировании отношений с США. Посол США в Японии Дж. Грю по сути дела способствовал осуществлению японской «операции по дезинформации». 20 октября он телеграфировал в Вашингтон: «Полагаю, еще рано рассматривать Тодзио в качестве военного деятеля, ведущего (Японию) к столкновению с США». Продление 25 ноября 1941 г. в связи с истечением срока действия «антикоминтерновского пакта» Германии, Японии, Италии и их сателлитов также создавало впечатление, что этот блок агрессивных государств главным образом преследует цель совместного сокрушения Советского Союза. Командование вооруженных сил США продолжало ожидать нападения Японии на СССР. В донесении разведки США от 29 ноября 1941 г. американское руководство информировалось о том, что «первоочередным объектом нападения Японии в ближайшие три месяца является Советский Союз». При этом выражалась уверенность, что японское правительство проявит стремление придти к соглашению с США²⁶.

То, что политическое руководство США и Великобритании верило, а кое-кто в Вашингтоне и Лондоне и были заинтересованы в неизбежности японского выступления против СССР, проявлялось в практических действиях США в вопросах оказания обещанной экономической помощи Советскому Союзу. Видя как Гитлер рвется к Москве, а японцы изготавились на дальневосточных границах СССР, прагматичные американцы не спешили вкладывать большие финансовые и материальные средства в дело помощи уже «обреченной», в глазах многих западных политиков и военных, Москве. Как свидетельствуют американские данные, до конца 1941 г., то есть в самый трудный для СССР период борьбы с гитлеровской Германией, США поставили в Советский Союз лишь 204 самолета вместо 600, предусмотренных по протоколу, танков — 182 вместо 750. Советский Союз, несший основное бремя войны, получил менее 0,1 процента от всей американской помощи воюющим государствам (на основе закона о ленд-лизе). Как признавал Гарриман, на 24 декабря 1941 г. США выполнили лишь одну четвертую часть взятых ими обязательств по первому протоколу о сотрудничестве²⁷. Заметим, что речь идет о периоде, когда США еще не были вовлечены во вторую мировую войну, а их военная экономика была на подъеме.

Установление японского военного контроля над всем Индокитаем и вынужденное введение США экономических санкций в отношении Японии свидетельствовали о том, что перспектив для нахождения взаимоприемлемых договоренностей по поводу раздела сфер влияния в Восточной Азии и на Тихом океане, и в первую очередь в Китае, практически не было. Япония открыто претендовала на единоличное господство в этом обширном регионе мира, а США не желали с этим мириться.

Еще 6 сентября на императорском совещании высшее военно-политическое руководство Японии приняло решение вступить в войну с США, Великобританией и Нидерландами, закончив все приготовления к войне к концу октября²⁸. Начать военные действия императорская ставка (дайхонъэй) предлагала в первой декаде ноября. При этом с целью введения правительства США в заблуждение по поводу истинных намерений Японии было признано целесообразным не только не прекращать переговоры в Вашингтоне, но и создать впечатление о том, что японское правительство якобы искренне продолжает искать пути предотвращения войны.

В донесении руководителя советской разведгруппы в Японии Р. Зорге от 14 сентября 1941 г. сообщалось, что представитель флота и Сиратори (видный японский государственный деятель и дипломат, в 1941 году — посол Японии в Италии. — А. К.) сказали германскому послу в Японии Ойгену Отту и германскому военно-морскому атташе в Токио, что «перего-

воры с США есть последний эксперимент, чтобы доказать народу и крупным капиталистам, что достигнуть понимания с Америкой невозможно»²⁹.

Хотя разработанные к началу ноября «новые предложения» японцев предусматривали некоторое смягчение их позиции по спорным вопросам и даже предусматривали отвод японских войск из Китая «через два года после заключения мира», а из Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии и острова Хайнань — «через 25 лет», в действительности, как заявил на императорском совещании 5 ноября министр иностранных дел Японии С. Того, «возможности достижения на переговорах соглашения, к нашему глубокому сожалению, невелики». При этом он указал, что у Японии остаются весьма ограниченные возможности для дипломатического маневрирования. На совещании было принято следующее решение:

«1. Начать военные действия в первых числах декабря; армии и военно-морскому флоту полностью завершить подготовку к операциям.

2. Переговоры с США проводить в соответствии с прилагаемым документом (вариант «А» и вариант «Б»).

3. Усилить сотрудничество с Германией и Италией.

4. Непосредственно перед началом военных действий установить тесные связи с Таиландом.

В случае, если переговоры с США к 0 часам 1 декабря принесут успех, военные действия отложить»³⁰.

Последняя фраза в этом документе могла иметь смысл лишь в той гипотетической ситуации, когда американское правительство фактически пошло бы на капитуляцию и согласилось бы на безраздельное господство Японии в обширном Азиатско-тихоокеанском регионе. То есть речь шла о маловероятном, но тем не менее учитывавшемся в Токио азиатском варианте «мюнхенского соглашения».

1 ноября, еще до императорского совещания был отдан «приказ № 1 по Объединенной эскадре», в котором говорилось: «Великая Японская Империя объявляет войну США, Великобритании и Нидерландам. Указ об объявлении войны будет опубликован в день «Х». Довести до сведения данные приказа в день «У». 5 ноября секретным приказом № 2 был установлен день «У» — 23 ноября, а 8 ноября секретным приказом № 3 «днем Х» устанавливалась дата — 8 декабря³¹.

Бывший накануне и в годы войны старшим офицером Генерального штаба японской армии полковник Т. Хаттори писал после войны: «Начальник Генерального штаба Сугияма и начальник морского Генерального штаба Нагано 3 и 5 ноября поочередно доложили императору оперативные планы и получили его высочайшее одобрение. 5 ноября верховное командование армии и флота провело военную игру в присутствии императора и разъяснило ему план операции на юге». По поводу удара по Перл-Харбору в оперативном плане военно-морского флота указывалось: «Группа кораблей, основу которой составляют шесть авианосцев, под командованием командира 1-го авианосного соединения, должна нанести внезапный удар по основным силам флота США в базах на Гавайских островах. Основная цель группы — за десять дней до начала операции выдвинуться в район Курильских островов, а за один-два часа до рассвета в день «Х», находясь в районе 110 миль севернее Оаху, силами 400 самолетов нанести внезапный удар по авиации и кораблям в Перл-Харборе». «Таким образом, — свидетельствовал Хаттори, — можно считать, что 5 ноября на совещании в присутствии императора фактически было принято решение начать войну»³². Последовавшие дипломатические маневры японского правительства главным образом преследовали цель обеспечить внезапность японского удара по Перл-Харбору.

19 ноября дальневосточный отдел Госдепартамента США разработал проект временного соглашения с Японией сроком на ближайшие три месяца с перспективой его возможного продления. Содержание проекта сводилось к следующему. В обмен на вывод японских войск из южного Индокитая предусматривалось отменить «замораживание» соответствующих фондов Японии в США, объявленное 26 июля 1941 года. США

брались содействовать в отмене аналогичных распоряжений Англией и властями Голландской Индии, а также обязались «не рассматривать неблагоприятно установление мира между Японией и Китаем»³³, на устраивающих Токио условиях. Составленный в Госдепартаменте проект временного соглашения имел слишком ограниченный характер. К тому же в нем, хотя и не прямо, но признавалась оккупация Японией северного Индокитая. Однако главным недостатком было то, что в проекте фактически не затрагивался вопрос о ситуации в Китае. Тем не менее военный министр Г. Стимсон и военно-морской министр Ф. Нокс, рассматривая соглашение как средство отсрочить войну, согласились с проектом.

Сложнее обстояло дело с одобрением проекта временного соглашения союзниками США. 22 ноября Хэлл передал проект послам Великобритании, Австралии, Голландии и Китая с расчетом на то, что правительства этих государств одобряют новую инициативу США в отношении Японии. Однако этого не произошло. Категорически против подобного «регулирования», пусть и временного, выступило китайское правительство Чан Кайши. Посол Китая в США Ху Ши прямо спросил Хэлла: «Разве такая договоренность хоть как-то свяжет руки Японии для продолжения после трех месяцев своей агрессии против Китая?». Хэллу ничего не оставалось, как признать, что «не свяжет». При этом он, как бы оправдываясь, добавил: «Думаю, шансов на то, что Япония примет наше предложение, не более одной трети»³⁴.

Это не могло успокоить китайское правительство. В эти дни Чан Кайши буквально забрасывал лидеров США телеграммами, выражавшими тревогу по поводу возможных договоренностей с Японией на основе «временного соглашения». Еще большее значение для Рузвельта и Хэлла имело то, что в поддержку китайской позиции выступил и Черчилль, который, как отмечалось выше, уже давно требовал от США более решительных действий в отношении Японии. В связи с этим было признано целесообразным усилить содержание проекта «временного соглашения», включив в него основные положения «личного плана» министра финансов США Г. Моргентау, который он представил Хэллу и Рузвельту еще 17 ноября. «Личный план» Моргентау отличался от разработанного Госдепартаментом проекта большей конкретностью в изложении как политических, так и военных и экономических проблем.

Однако в переработанном на основе предложений Моргентау проекте «временного соглашения» отсутствовали важнейшие пункты о выводе японских войск с территории Китая и отказе Японии от «тройственного пакта» с Германией и Италией. Эти пункты появились в последний момент и, видимо, были призваны лишить Японию иллюзий по поводу возможности подтолкнуть США на путь умиротворения Японии. Нельзя с полным основанием утверждать, что сделанные США предложения Японии от 26 ноября 1941 г., ставшие впоследствии известными как «нота Хэлла», действительно являлись неприкрытым ультиматумом. Об этом свидетельствуют, в частности, предшествовавшие основному тексту слова: «Строго конфиденциально. В предварительном порядке и без взятия обязательств». Хотя в создавшейся обстановке выдвинутые США условия действительно выглядели как окончательные, нельзя исключать, что это было сделано не столько с целью спровоцировать Японию на первый удар, сколько с тем, чтобы попытаться удержать Японию от начала войны.

Оценивая содержание переданного 26 ноября 1941 г. Хэллом документа как «ультиматум» японскому правительству, многие историки делают акцент на выдвинутом в нем положении о выводе японских войск из Китая и Индокитая. Однако тщательное изучение документа, официальное название которого звучало как «Общие положения предлагаемой основы для соглашения между Соединенными Штатами и Японией», позволяют придти к выводу, что при всей своей твердости в отношении японской агрессии в Китае и японской оккупации Индокитая этот документ мог явиться если не взаимоприемлемой основой соглашения, то по крайней мере предметом обсуждения в ходе продолжения переговоров, если бы этого пожелало правительство Японии.

Следует отметить, что наряду с предложениями политического и военного характера, в «ноте Хэлла» большое внимание было уделено экономическим проблемам, разрешение которых хотя и ограничивало японское доминирование в Восточной Азии, тем не менее обеспечивало Японии достойное существование в случае прекращения ею политики агрессии и угрозы силой.

Полемизируя со своими противниками, которые после войны подвергли критике избранный японским правительством курс на отклонение «ноты Хэлла» и начало войны, один из ответственных за это решение бывший министр иностранных дел Того писал: «Разумеется, после войны некоторые стали утверждать, что не было причин, в силу которых Япония не могла принять ноту Хэлла. Согласно их аргументации, Япония не согласилась с предложением о многостороннем пакте о ненападении только потому, что была заражена идеологией агрессии, и что принцип экономического равенства во Французском Индокитае был само собой разумеющимся. Возражения против вывода военных и полицейских сил из Китая, утверждают сторонники такой аргументации, были типично армейской идеей, которая не имела под собой никаких оснований. Кроме того, не оказывать режиму Вана³⁵ военную, экономическую и политическую поддержку вовсе не означало бы предательство со стороны Японии. Она могла бы пообещать, что ни при каких обстоятельствах не будет воевать против США, ибо цель самого Трехстороннего пакта состояла в предотвращении их вступления в войну. И, наконец, основания принять условия ноты Хэлла были тем более большими потому, что она предусматривала экономические меры, благоприятные для Японии»³⁶.

Безусловно, основной причиной того, что Япония не пожелала отказаться от своей экспансионистской политики было именно «заражение идеологией агрессии», конкретным проявлением которой являлся официально объявленный курс на создание силой «сферы процветания в Великой Восточной Азии», что было эвфемизмом государственной доктрины построения обширной колониальной империи в Азиатско-тихоокеанском регионе, вытеснения из АТР «белого империализма». Однако, при этом не следует забывать, что к завоеванию доминирующего положения в АТР открыто стремились и США, не говоря уже о Великобритании. Выдвинутое США требование к Японии уйти из Китая диктовалось отнюдь не стремлением обеспечить независимость этого государства, а замыслами, вытеснив оттуда Японию, занять ее место. Разница состояла лишь в том, что США стремились добиться этого по возможности экономическими методами, для чего у них были гораздо большие, чем у Японии, возможности.

Неизбежность разрешения японо-американских противоречий средствами вооруженной борьбы была осознана и сформулирована в Японии задолго до наступившей в декабре 1941 г. развязки. Есть достаточно оснований считать, что «нота Хэлла» практически уже ничего не решала и, конечно, не может рассматриваться как «причина» войны. Утверждения вышеупомянутого полковника Хаттори и многих других японских авторов о том, что «если бы не было ноты Хэлла, неизвестно, по какому пути пошла бы Япония», следует определить лишь как попытку обелить милитаристское руководство Японии и возложить ответственность за начало войны на правительство Рузвельта. В действительности, Япония пошла бы по заранее избранному пути войны независимо от того, была «нота Хэлла» или ее не было бы вовсе.

Фактом истории является то, что японское авианосное соединение под командованием адмирала Т. Нагумо покинуло пункт сосредоточения в заливе Хитоканпу острова Итуруп (Курильские острова) и направилось тайными путями для нанесения внезапного массированного удара по Перл-Харбору в 18 часов 26 ноября, когда японское правительство еще ничего не знало о «ноте Хэлла». Поступившую затем в Токио «ноту Хэлла» японское верховное командование восприняло с энтузиазмом, назвав ее «ниспосланным с небес благом» или «милостью небес» («тэнью»), ибо она давала возможность, если не оправдать японское коварство, то по крайней мере

представить дело таким образом, будто причиной начала войны явился «американский ультиматум». В стремлении напрямую связать ход переговоров и особенно «ноту Хэлла» с нападением на Перл-Харбор многие японские историки и мемуаристы пытаются утверждать, что в случае, если бы на переговорах в Вашингтоне был достигнут устраивавший Японию результат, то-де авианосное соединение должно было возвратиться в базы на территории метрополии. В действительности же, после императорского совещания 5 ноября, оказавшего решающее воздействие на политику в вопросах войны и мира, командование армии и флота рассматривало вашингтонские переговоры лишь как эффективную дипломатическую «дымовую завесу» для прикрытия выдвижения японских авианосцев на исходные позиции для удара.

Что же касается утверждений о том, что авианосное соединение адмирала Нагумо в зависимости от хода переговоров могло быть отозвано в Японию с пути к Перл-Харбору, то здесь мы имеем дело с откровенным лукавством. Такая возможность действительно допускалась, но по совершенно иным причинам. «Возвратиться на прежнюю стоянку» соединение должно было не «в случае достижения компромиссного соглашения», а лишь в том случае, если соединение будет обнаружено американцами за двое суток до назначенных «Д» (день) и «Ч» (час) атаки. Именно таким был первый из вариантов решения, которого должен был придерживаться командующий соединением при переходе в район Гавайских островов. Варианты предусматривали следующее: если соединение будет обнаружено за двое суток до намеченной атаки, командующий обязан вернуться в базу, если за одни сутки — принимает решение самостоятельно, если накануне или в день атаки — продолжает проводить операцию³⁷.

С военной точки зрения операция была проведена безупречно. В 7.50 утра 7 декабря 1941 г. (гавайское время, в Японии уже была ночь 8 декабря) ударное авианосное соединение совершило нападение на Перл-Харбор. В результате двух атак японская авиация уничтожила или надолго вывела из строя 8 линкоров, 6 крейсеров, эсминец и 272 самолета. В тот же день авианосные соединения Японии, базировавшиеся на острове Тайвань, совершили массированные налеты на аэродромы Филиппин, высадили десант на севере Малайи, атаковали британские аэродромы в Малайе и Сингапуре и высадились в Южном Таиланде. У берегов Малайи японская авиация потопила английский линкор «Принс оф Уэлс» и линейный крейсер «Рипалс».

8 декабря 1941 г. конгресс США принял резолюцию об объявлении войны Японии. В тот же день в Японии был опубликован императорский рескрипт об объявлении войны США и Великобритании. Вслед за Японией 11 декабря войну США объявили Германия и Италия. Затем в войну против Японии вступили Голландия, Франция, Китай. Началась война на Тихом океане или, как ее именовали в Японии, «война за Великую Восточную Азию» («дайтоа сэсо»). Такова история вопроса об обстоятельствах, предшествовавших началу Тихоокеанской войны.

В своих послевоенных мемуарах бывший госсекретарь США Хэлл убеждал читателей в том, что выдвигая в ноябре 1941 г. довольно жесткие требования японцам, США, кроме всего прочего, исходили из интересов Китая и СССР. Он писал: «В случае уступок со стороны США Япония получала свободу для продолжения своих операций в Китае, нападения на Советский Союз, сохранения своих войск в северном Индокитае... Президент и я пришли к заключению, что согласие с этими (японскими) предложениями потребует от США прощения прошлых японских агрессив, будет означать согласие с будущими захватами Японии, отказ от наиболее важных принципов нашей внешней политики, предательство Китая и России, признание нами роли молчаливого партнера, помогающего и поощряющего Японию в ее стремлении установить свою гегемонию в западной части Тихого океана и в Восточной Азии»³⁸. Однако США в первую очередь, если не исключительно, исходили из собственных интересов. При переговорах с Японией руководители США всячески уклонялись от каких-

либо обязательств в отношении Советского Союза в случае советско-японской войны, и в крайней ситуации, предпочли бы нападение Японии на СССР перспективе самим оказаться вовлеченными в войну с японцами. Так, в докладе командующего военно-морским флотом США Старка и начальника штаба армии Маршалла президенту Рузвельту от 5 ноября 1941 г., в частности, подчеркивалось: «Нападение Японии на Россию не оправдывает вмешательства Соединенных Штатов»³⁹ Рузвельт против этого не возражал.

Уже на следующий день после нападения японского флота на Перл-Харбор, 8 декабря, Рузвельт принимая нового советского посла М. М. Литвинова фактически высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне против Японии, а также поднял вопрос о возможности использования территории Советского Союза для нанесения бомбовых ударов по японской метрополии, что означало бы присоединение СССР к войне против Японии и являлось нарушением советско-японского пакта о нейтралитете. Кремль же интересовал в первую очередь вопрос о продолжении поставок в СССР американского вооружения. Это лишний раз подтверждает, что для советского руководства вовлечение США в крупномасштабную войну с Японией едва ли было выгодным, не говоря уж о том, что оно якобы стремилось ускорить такую войну.

Советский посол доносил в Москву: «...Он (Рузвельт) сразу начал разговор с японского нападения, спрашивая, ожидаем ли мы объявления нам войны Японией. Я выразил сомнение с точки зрения интересов самой Японии, которой вряд ли выгодно теперь ввязаться в войну с нами. На вопрос президента, много ли дивизий мы сняли с восточного фронта, я ответа не дал. Не ставя никакого вопроса о нашей позиции, Рузвельт спросил меня, кто наш военный атташе в Вашингтоне, и, как бы рассуждая про себя, сказал, что военным нужно будет с ним обсудить вопрос, не могут ли американские бомбардировщики из Манилы, сбросив бомбы над Японией, повернуть в сторону Владивостока, очевидно, чтобы там брать с собой новый запас бомб. Хотя, сказал он, американские бомбардировщики могут брать достаточное количество бомб из Манилы и вернуться туда, но в случае захода во Владивосток можно было бы брать больший груз. На мой вопрос, будет ли война с Японией длительной, он ответил утвердительно и на дальнейшие вопросы сказал, что в Японии имеется, вероятно, запас бензина и каучука на 9—12 месяцев... Рузвельт высказал сомнения в возможности удержать Филиппины. Я поставил лишь один вопрос: отразится ли новое развитие событий на обещанном нам снабжении? На что Рузвельт ответил отрицательно. Более уверенно он говорил относительно танков, которые Америке не понадобятся для войны с Японией, но менее уверенно говорил относительно самолетов...»⁴⁰

Как известно, расчеты Рузвельта на бомбардировку Японских островов с территории Филиппин существовали недолго. 2 января 1942 г. японские войска захватили Манилу, заставив американские войска покинуть Филиппины. Тем самым японцы на продолжительное время обезопасили свою метрополию от массированных американских ударов с воздуха.

Позиция Сталина в отношении высказанных Рузвельтом пожеланий была сформулирована в телеграмме Молотова Литвинову от 10 декабря 1941 года. В ней поручалось передать Рузвельту следующее: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе. В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести

войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознает, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы силу сопротивления СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии. Мы думаем, что главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия, ввиду чего ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам»⁴¹.

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на нашем месте поступил бы так же, как мы. Вместе с тем, Рузвельт просил советских руководителей не объявлять публично о нашем решении соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остается как бы не решенным. Это, по мнению Рузвельта, должно было привязать к границам СССР как можно больше японских войск с тем, чтобы они не освободились для действий против Англии и США. Он несколько раз повторил эту просьбу. Президент также просил дать ему имеющуюся у советского руководства информацию об экономическом положении Японии, о ее запасах нефти, каучука, чугуна и т. д.

Анализируя содержание послания Сталина Рузвельту, можно прийти к выводу, что советский лидер хорошо понимал важность помощи СССР Соединенным Штатам в войне с Японией, но убедительно разъяснил нецелесообразность вступления СССР в войну «в настоящий момент». Тем самым он давал понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. При этом следует иметь в виду, что ответ Сталина Рузвельту был дан 10 декабря, то есть спустя лишь четыре дня после начала контрнаступления под Москвой, окончательные результаты которого еще были до конца не ясны.

Несколько по-иному о возможности вступления СССР в войну против Японии Сталин говорил через десять дней во время бесед с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, который от имени своего правительства, как и Рузвельт, прямо поставил вопрос о помощи СССР в войне с Японией. К этому времени успех советского контрнаступления под Москвой уже определился. 16 декабря Рузвельт направил Сталину телеграмму, в которой сообщал о «всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации». В своем ответе Сталин писал: «Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской Армии. Желаю Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане»⁴².

Успешные действия советских войск под Москвой, безусловно, отразились на ходе переговоров Сталина с Иденом, что зафиксировала запись их беседы 17 декабря: «Тов. Сталин коснулся положения на Дальнем Востоке, высказав при этом мнение, что Япония, конечно, может иметь там некоторые первоначальные успехи, но что в конечном счете через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям. Тов. Сталин тогда спросил Идена: если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются и если наши войска успешно будут отеснять немцев на западе, не думает ли Иден, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах?

Иден ответил, что он готов обсуждать данный вопрос... Затем Иден спросил тов. Сталина, действительно ли он думает, что Япония может крахнуть, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

Тов. Сталин ответил, что он действительно так думает, ибо силы японцев очень истощены, и они долго не могут держаться. Если вдобавок

японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее.

Иден высказал сомнение в том, что японцы рискнут нас атаковать. Они были бы сумасшедшими, если бы это сделали.

Тов. Сталин, однако, вновь заявил, что такая возможность отнюдь не может считаться исключенной».

Из записи беседы Сталина с Иденом 20 декабря: «...Далее Иден поставил вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьезности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Сталин ответил, что, если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могли бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Сталин полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Сталин полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР.

Иден высказал опасения, что японцы в Восточной Азии смогут применить чисто гитлеровскую тактику — бить врагов поодиночке: сначала покочить с Англией, а потом напасть на Советский Союз.

Тов. Сталин возразил, что Англия не одна воюет против Японии. Вместе с ней воюют Китай, Голландская Индия и США...

Тов. Сталин спросил, что думает Иден о позиции Китая? Собирается ли он действительно воевать?

Иден ответил, что китайское правительство заявляет о своей готовности воевать.

Тов. Сталин, однако, возразил, что китайское правительство сейчас фактически ничего не делает. Затем он прибавил, что был бы готов возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, когда позиция сама собой прояснится.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев...»⁴³

Как следует из содержания бесед с Иденом, Сталин уже менее категорично, чем в ответе Рузвельту, отвергал возможность подключения СССР к борьбе с Японией. Возможно, это было сделано под влиянием успеха советского контрнаступления под Москвой, которое к 20 декабря уже принесло реальные результаты. Однако, нельзя исключать и то, что при этом преследовались весьма важные стратегические цели.

После подписания 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии Сталин в послании Черчиллю поставил вопрос о втором фронте. Речь шла о том, чтобы «был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)». Аналогичные просьбы поступали из Кремля и в последующий осенний период, когда гитлеровские войска рвались к Москве.

Нападение Японии на США и Великобританию заставило теперь уже Вашингтон и Лондон просить СССР об открытии второго фронта на

Дальнем Востоке. Не исключено, что Сталин, обещая вернуться к вопросу о подключении к борьбе против Японии, имел в виду тем самым подтолкнуть правительства западных держав в качестве ответной меры открыть второй фронт против Германии в Европе. Не случайно, в беседе с Иденом он фактически связал перспективу участия СССР в войне с Японией с «открытием второго фронта в Европе, например, на Балканах».

22 декабря 1941 г.— 14 января 1942 г. происходили переговоры в Вашингтоне с участием глав правительств и начальников штабов США и Великобритании по вопросам ведения войны с державами «оси» (конференция «Аркадия»). На этой конференции было определено, что по сравнению с борьбой против Японии первоочередной задачей является разгром Германии. Об этом же говорил Сталин в своем послании Рузвельту от 10 декабря 1941 года. На конференции был утвержден план, согласно которому предусматривалось удержание на Дальневосточном театре военных действий только таких позиций, которые обеспечивали бы жизненные интересы США и Великобритании в период сосредоточения ими сил для разгрома Германии⁴⁴. При этом в Вашингтоне и Лондоне в этот и последующие периоды исходили из того, что в будущем разгроме Японии примет участие и СССР.

Важнейшим событием, ознаменовавшим фактическое создание коалиции в борьбе против стран «оси» явилось подписание в Вашингтоне 1 января 1942 г. Декларации Объединенных Наций. Среди объединившихся для борьбы с агрессорами 26 государств ведущую роль играли СССР, США, Великобритания, Китай. Подписавшие декларацию обязались вести всеми силами войну против членов «тройственного пакта», оказывать друг другу помощь в ходе войны и не заключать сепаратного мира или перемирия с вражескими государствами. Хотя СССР в момент подписания Декларации не находился в состоянии войны с Японией, как показали последующие события, советские руководители разделяли определенные в этом документе цели борьбы со всеми агрессорами, в том числе дальневосточными.

Война на Тихом океане была составной частью второй мировой войны. Она явилась следствием многолетней борьбы ведущих держав за передел мира, установление экономического и политического контроля над богатыми природными и людскими ресурсами Азиатско-тихоокеанского регионом, в первую очередь Китаем.

Примечания

1. Документы внешней политики. Т. 23, кн. 2. М. 1995, с. 727.
2. WINANT J. G. Letter from Glosvenor Square. Boston. 1947, p. 203.
3. The Times, 23.VI.1941; Вторая мировая война. Краткая история. М. 1984, с. 185.
4. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М. 1984, с. 52—53.
5. Там же, с. 53.
6. Советско-американские отношения. Т. 1, с. 56—57.
7. Там же, с. 61—63.
8. Там же, с. 70.
9. WELLES S. Where are we Heading? N. Y. and Lnd. 1946, p. 5; CARR W. Poland to Pearl Harbor: The making of the Second World War. Lnd. 1985, p. 139.
10. ШЕРВУД Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М. 1958, с. 511.
11. История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 4. М. 1975, с. 166—167.
12. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М. 1946, с. 141.
13. Советско-американские отношения. Т. 1, с. 85—88.
14. См. ADLER S. The Isolationist Impulse. Its Twentieth Century Reaction. N. Y. 1957; DIVINE R. Roosevelt and World War II. Baltimore. 1972.
15. Советско-американские отношения. Т. 1, с. 101.
16. САВИН А. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939—1945 гг. М. 1979, с. 89.
17. КУТАКОВ Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений.

- М. 1962, с. 320; LANGER W. and GLEASON S. The Undeclared War 1940—1941. N. Y. 1953, p. 672.
18. Department of State, Foreign Relations of the United States (FRUS), Japan, 1939—1941. Vol. II. Washington. 1943, p. 556—557.
 19. Советско-американские отношения. Т. 1, с. 104.
 20. Там же, с. 120.
 21. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М. 1957, с. 20.
 22. История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 4, с. 170.
 23. См. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Vol. 17. Washington. 1946, p. 2568—2601.
 24. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга вторая. 1917—1945 гг. М. 1973, с. 186.
 25. Вторая мировая война. Краткая история, с. 166.
 26. GREW J. Ten Year in Japan. N. Y. 1944, p. 341; Hearings... Vol. 14, p. 1368—1378. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга вторая, с. 188—189.
 27. История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 4, с. 175.
 28. См. подробнее: Japan's Decision for War, Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, California. 1967, p. 133—163.
 29. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 18. Советско-японская война 1945 г.: История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М. 1997, с. 192—193.
 30. Путь к войне на Тихом океане. Приложение. Сборник документов. Токио. 1962, с. 571, 573 (на япон. яз.).
 31. КУТАКОВ Л. Н. Ук. соч., с. 339.
 32. ТАКУСИРО ХАТТОРИ. Япония в войне 1941—1945 гг. М. 1973, с. 54, 73, 80—81.
 33. КУТАКОВ Л. Н. Ук. соч., с. 342.
 34. СУДО СИНДЗИ. Человек, написавший ноту Хэлла. Токио. 1999, с. 102—103 (на япон. яз.).
 35. Марионеточное прояпонское правительство в Нанкине во главе с Ван Цзинвэем.
 36. ТОГО СИГЭНОРИ. Воспоминания японского дипломата. М. 1996, с. 344—345.
 37. ХАТТОРИ Т. Ук. соч., с. 56 (примечание редакции).
 38. Цит. по: MONTGOMERY M. Imperialist Japan. Lnd. 1987, p. 490.
 39. КУТАКОВ Л. Н. Ук. соч., с. 340.
 40. Советско-американские отношения. Т. 1, с. 143—144.
 41. Там же, с. 144.
 42. Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. М. 1986, с. 10—11.
 43. Цит. по: РЖЕШЕВСКИЙ О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941—1942 гг. М. 1997, с. 36—37, 58—59.
 44. История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 4, с. 384—385.

Владимир Иванович Вернадский

Л. С. Леонова

Владимир Иванович Вернадский — выдающийся ученый-энциклопедист, оригинальный мыслитель, историк и организатор науки — жил и работал в эпоху, насыщенную величайшими историческими событиями. «Мы пережили такое удивительное время, значение которого далеко еще не понято», — писал Вернадский. «Я видел столько удивительных людей в разных странах... И я пережил сознательно такие мировые события, которые раньше никогда не бывали»¹.

Вернадский оставил глубокий след в геохимии, минералогии, биогеохимии, геологии, метеористике, радиогеологии. Он проявлял большой интерес к гуманитарным наукам — истории, философии, филологии, а также искусству. Его мысли и поныне служат источником новых творческих исканий и открытий.

В то же время Вернадский никогда не отделял себя от судеб страны, не жил одной наукой. В 1943 г. он писал: «В центре моей семьи на первом месте всегда стояла моя научная работа. Прежде принимал большое участие в общественной жизни, в научных обществах, в политической жизни, вел всегда большую переписку как в России, так и за границей». Как вспоминал А. М. Фокин, ученый и родственник Вернадских, «смелость научной мысли у него соединялась с высоким сознанием человеческого и гражданского достоинства»².

Владимир Иванович Вернадский родился 12 марта 1863 г. в Петербурге в семье потомственного дворянина. Его отец Иван Васильевич (1821—1884) в 1849 году стал профессором Киевского университета; в 1850—1856 гг. был профессором политической экономии и статистики в Московском университете; в 1856—1868 гг. служил в Петербурге — в Министерстве внутренних дел, где принимал участие в осуществлении ряда реформ в начале царствования Александра II. В 1868 г. в связи с заболеванием Ивана Васильевича семья переезжает в Харьков. Здесь он служит директором Харьковской конторы Государственного банка. В 1876 г. Вернадские вновь возвращаются в Петербург. Мать Владимира Ивановича, Анна Петровна, урожденная Константинович (1837—1898), принадлежала к помещицкому роду, состоявшему преимущественно из военных; ее отец был генералом, губернатором одной из южных провинций. В семье Вернадских, кроме Владимира Ивановича, был рано умерший брат (1851—1874) от первого брака отца и две

Леонова Лира Степановна — доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета.

сестры — близнецы — Ольга (Алексеева) (1864—1920) и Екатерина (Короленко) (1864—1910).

В этой либерально-дворянской семье, по свидетельству Владимира Ивановича, «был культ декабристов и резко отрицательное отношение к самодержавию и крепостному праву». Духовные традиции декабристов, идеи просветителей заложили основы будущей общественно-политической ориентации Вернадского. Его отец поддерживал тесные связи с представителями демократической мысли Украины. Среди них — Т. Г. Шевченко, Н. И. Гулак, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, М. А. Максимович и др. В Московском университете он сближается с «западниками» — Т. Н. Грановским, К. Д. Кавелиным, В. П. Боткиным, С. М. Соловьевым, П. В. Анненковым и др. Иван Васильевич издавал и редактировал экономические журналы, выходившие в Петербурге и имевшие антикрепостническую направленность. Социально-политические воззрения И. В. Вернадского были известны Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову, П. Л. Лаврову, В. В. Шелгунову, А. А. Серно-Соловьевичу и другим представителям демократической общественности. Родной дядя матери — Н. И. Гулак принимал участие в создании Кирилло-Мефодиевского общества; он подвергался заключению, ссылке, а затем был вынужден жить за пределами Украины. Сильное влияние на В. И. Вернадского оказал двоюродный брат отца — Е. М. Короленко — человек высокого образования и «самых либеральных убеждений»³. С самого детства Владимир Иванович вращался среди людей, обладавших широкими научными и общественными интересами, чутко откликавшимися на явления духовной культуры и общественного движения.

В доме Вернадских было много книг и журналов, русских и иностранных, которые выписывал отец. Владимир Иванович с жадностью поглощал различные книги из библиотеки отца — о явлениях природы, географических открытиях, по истории, художественную литературу. Он рос в обеспеченной семье. «С тех пор, как я себя помню, писал он, я жил в довольстве и даже в гораздо большем, чем следовало. Наряду с этим никаких замашек барства у нас не было». Сильны были в семье национальные украинские традиции. В 1918 г. В. И. Вернадский характеризовал себя как «русского по культуре и по всему укладу моей духовной жизни, — правда, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана и с Украиной, и с украинским движением, — украинское движение не есть что-нибудь чуждое и стороннее, а есть проявление жизни единого целого — русского племени»⁴.

В 1873 г. Вернадский поступает в первый класс харьковской классической гимназии, а в 1876 г. в третий класс первой гимназии в Петербурге. В 1876 г. отец предложил ему выбрать: продолжать учебу в гимназии или перейти в Александровский (Царскосельский) лицей, что открывало широкие возможности для карьеры государственного чиновника. «В нашей семье, — писал Вернадский, — «профессор»... было понятие важное, несравнимое с чиновником, и этот культ постоянно поддерживался матерью и отцом, все время много читавшим по политическим, экономическим и статистическим наукам, выписывавшим иностранные журналы и мечтавшим вернуться в академическую среду». В гимназии, вспоминал Владимир Иванович, царил дух консерватизма; однако сам состав класса, наличие в нем одаренных личностей, живой интерес учащихся «и к жизни, и к культуре классического мира, и к древним языкам», увлеченность некоторых учеников различными научными знаниями делали духовную жизнь гимназистов весьма богатой. Среди выпускников этого класса было немало будущих выдающихся ученых.

Огромную роль в становлении Вернадского как ученого и гражданина сыграл Петербургский университет. На естественном отделении физико-математического факультета университета в те годы преподавали Д. И. Менделеев, В. В. Докучаев, А. И. Воейков, А. С. Фаминцын, Н. А. Меншуткин, А. Н. Бекетов, Н. П. Вагнер, И. М. Сеченов, Ф. В. Овсянников, А. М. Бутлеров, Ф. Ф. Петрушевский, М. Н. Богданов, А. А. Иностранцев, Д. П. Коновалов, П. А. Костычев, чьи лекции открывали новый мир,

стимулировали активные занятия научной работой. Научные интересы Вернадского были многогранны. «Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой — философская сторона математических наук, — писал он в 1889 г. супруге Наталье Егоровне. — И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественно-историческую и потом перейти на историю; не пошел по математической, потому что не верил и не верю в свои математические способности»⁵. Посещал Вернадский лекции и на других факультетах, — по истории, филологии, юриспруденции, математике и др.

Большое влияние оказало на него студенческое Научно-литературное общество. Среди его членов были юноши, ставшие впоследствии известными историками, естествоиспытателями, юристами, медиками, писателями, общественными деятелями.

В университете сформировался кружок студентов — «Братство». В него входили В. И. Вернадский, историки И. М. Гревс, А. А. Корнилов, историк и литературовед Д. И. Шаховской, востоковед С. Ф. Ольденбург, филолог Ф. Ф. Ольденбург, биологи Н. Г. Ушинский, А. Н. Краснов и др. Члены «Братства» поддерживали дружеские связи в течение всей жизни; традиции эти продолжали и их дети. Кружок не был политической организацией. В 1934 г. Вернадский так очертил круг деятельности «Братства»: «свободное научное искание в гуще жизни, направление и усиление научной мысли на рост мощи человечества на почве уважения к человеческой личности, к свободе человека не только политической, но и социальной, религиозной, национальной, бытовой, искание нового построения быта, освобождение людей от социального гнета, любовное отношение друг к другу — братьев и сестер — друзей»⁶. Как свидетельствуют воспоминания Вернадского, Гревса, Корнилова, в кружке обсуждались актуальные вопросы общественной жизни, смысла жизни, помощи в просвещении народа. Просветительской деятельности была посвящена значительная часть усилий «Братства». В приобщении народа к культуре Вернадский и его друзья видели путь укрепления государства, развития всего общества. Уже в то время для Вернадского смысл жизни заключался не только в служении науке, но и в социальной активности.

В 1885 г. он окончил Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук. Был оставлен в университете при Минералогическом кабинете, а в марте 1886 г. утвержден в должности его хранителя.

В сентябре 1886 г. состоялось венчание Владимира Ивановича Вернадского и Натальи Егоровны Старицкой (1860—1943). Их взаимные симпатии питала широкая образованность, общность духовных интересов, совместная просветительская деятельность. В письмах 1886 г., когда Вернадский только сделал предложение Наташе Старицкой, он так изложил свои представления о принципах семейной жизни: «Семья должна вырабатывать хороших работников на пользу человеческую, она должна дать счастье тем, которые составили семью, она должна связывать молодые поколения с поколением, кончающим жизнь... До сих пор господствует взгляд на главенство мужчины в семье, как главного работника; мужчина устраивает семью, он выбирает себе жену, обыкновенно гораздо моложе его самого, причем главное внимание обращает на ее красоту (оставляя в стороне такие прямые гадости, как женитьба на деньгах и т. д.). Между тем, мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны, когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях: в такой семье, где существует дружба и полнейшая искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут вместе работать на пользу общую, где дается возможность полному развитию всех сил и способностей, различных несколько для разных полов, — здесь могут вырабатываться хорошие люди и хорошие работники, такие, которые могут легко найти себе счастье. Я не говорю уже о том, счастье, поддержке, какое может и должна дать семейная жизнь и которых не может заменить никакая дружба»⁷.

Отец Натальи Егоровны — государственный деятель, выступавший за прогрессивные реформы в России. Он был председателем Коммерческого суда в Тифлисе, председателем межевой палаты, около 20 лет — членом Государственного совета, председателем департамента законов. Мать Натальи Егоровны, Мария Ивановна Старицкая (урожденная Зарудная), происходила из помещичьего рода, ее родители имели крупные поместья. Она получила всестороннее и прекрасное домашнее образование. Семья Старицких была очень дружной и они приняли Вернадского как сына. Взаимопонимание, теплота отношений сохранились на всю жизнь.

Вступив на дорогу самостоятельной жизни, Вернадский акцентирует внимание на вопросе о своем месте в обществе, характере и содержании своей будущей деятельности. Он пишет 6 июня 1886 г.: «Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди каких пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. В разные эпохи разное может она выражаться, может преобладать та или иная сторона». Вернадского все больше интересует история научного знания, взаимозависимость ученого, его открытий и исторической эпохи.

В Научно-литературном обществе, где он продолжал активно работать, его выбрали в состав Научного отдела — руководящего центра общества. Членами общества были казненные 8 мая 1887 г. за покушение на Александра III А. И. Ульянов (секретарь общества), В. Д. Генералов, Андреюшкин, П. Я. Шевырев. Как писал впоследствии Вернадский, «может быть, по моему характеру и моим общественным и философским идеалам я очень был в курсе студенческого движения». Вернадский был и председателем Совета объединенных землячеств — нелегальной студенческой организации, члены которой почти ежедневно собирались на его квартире. Он писал, что «не подозревал долго [об их тайной деятельности], однако потом Шевырев проговорился, и я спорил с ним против террора»⁸.

Вернадскому близки были народнические настроения. В его ближайшем окружении было немало народовольцев — родственников, друзей, знакомых. Взгляды молодого Вернадского были тогда достаточно радикальными, однако он принципиально отвергал террор.

В 1887 г. на него поступил донос, и Вернадскому было передано «пожелание» тогдашнего министра народного просвещения И. Д. Делянова подать в отставку из столичного университета. Близость с казненными народовольцами, возмущение циркуляром Делянова о «кухаркиных детях» привели к тому, что он был зачислен в «неблагонадежные». Большие усилия в решении проблемы выхода из сложившейся ситуации — предоставлении Вернадскому заграничной командировки — предпринял его тесть Е. П. Старицкий. По-видимому, только авторитет последнего в высших властных структурах и определил исход дела.

К концу 80-х — началу 90 годов XIX в. в основном сформировались социально-этические воззрения Вернадского. Доминанту их оставляли высокая гражданственность, гуманизм, служение благу человечества. В его дневниках и письмах — критические заметки о политическом режиме в России. Он отмечал противоречия между потребностями общественного развития страны и самодержавным строем, предлагал не препятствовать социальным изменениям в обществе, допускал и свержение самодержавно-бюрократического строя. Однако определенных представлений о путях политического преобразования общества у него еще не было.

В размышлениях Вернадского очень большое место занимает вера в могущество науки и в ее преобразующую роль, убежденность, что распространение знаний поможет осознанию массами своего положения и своей силы в обществе, повлияет на изменение социальных отношений.

С сентября 1890 г. начинается работа Вернадского в Московском университете. С января 1891 г. он систематически читает лекции по минералогии и кристаллографии на физико-математическом и медицинском факультетах, ведет практические занятия. Авторитет его в университете неуклонно возрастает. «С 1890 г. в Московском университете моя работа шла, все расширяясь. Около меня сплотились ученики, и сам я рос. Московский

период моей научной жизни был чисто минералогический и кристаллографический. Но уже в это время зарождалась геохимия, и через изучение явлений жизни я пришел к биогеохимии. Уже в это время я сразу вошел и в изучение радиоактивности. Много вдумывался, благодаря влиянию Ле Шателье, в термодинамику. История науки, особенно русской и славянской, и философия меня глубоко интересовали (Платон, Спиноза, Декарт, Кант, новые философские учения). Математика и астрономия не сходили с моего горизонта»⁹.

И в то же время Вернадский не может уйти от социальных проблем научного творчества и образования, не реагировать на правительственный произвол, на другие волнующие общество вопросы. В поле его зрения — течения общественной мысли, процессы, происходившие в России в различных слоях общества. Он следит за выступлениями рабочих, роль которых в хозяйственной и общественной жизни возрастала, анализирует взаимоотношения рабочих и социал-демократии, оценивает отдельные социал-демократические издания, пытается прогнозировать перспективы рабочего движения.

Проявляет он интерес и к социалистическому учению. Однако идеи марксизма не находят у него понимания. В октябре 1890 г. он пишет: «Социалисты не придают значения правам человека, забывая, что это *conditio sine qua non* их же практической деятельности»; «По моему убеждению, все, что дается социализмом и что может быть выщарапано именно из его теорий, составляет очень маленькую часть мировоззрения — оно должно основываться на более широких, глубоких основаниях». Социалисты в своих теоретических построениях, считает Вернадский, не учитывают изменений, постоянно происходящих в обществе: «социализм строит свои теории на основании изучения тех явлений, какие произошли в экономической жизни за последние 70—80 лет. Он исходит из предположения, что так же будет и дальше. Между тем такой вывод совершенно не обуславливается наблюдаемыми фактами». Он выступает как сторонник и поборник свободы личности, «а социализм, — полагает он, — основан всегда на подчинении личности благополучию (экономическому) большинства»¹⁰.

90-е годы XIX в. — период активного становления либерально-оппозиционных взглядов Вернадского, приведших его в кадетскую партию. В либерализме видит он силу, способную создать правовое государство. Уже в 1890 г. он выступает за оформление либерального движения — организационно и политически. По его мнению, история русского общества не способствует формированию представлений о значении, роли политических партий в государстве: «Совсем мало традиции в русском обществе и совсем среди самых светлых людей неуменье представления о государственном значении партий. Оттого ли, что никогда определенная партия не имела у нас власти?». Партия же должна, по мысли Вернадского, выработать ясную программу, где были бы четко сформулированы ее цели с учетом исторического развития России¹¹.

Гражданские качества Вернадского глубоко проявились в 1891—1892 г., когда он активно участвовал в борьбе с голодом. Общение с крестьянами помогало узнать их нужды, способствовало осознанию единства со своим народом. Находясь в Вернадовке, он записывает в своем дневнике: «Я как-то всем существом сознал, что мне дорог этот народ, что я неразрывная часть его».

Вернадский ведет активную культурно-просветительскую работу. Его не покидает мысль о достижении поголовной грамотности крестьянства. Задачи образования, повышения культурного уровня народа он рассматривает в неразрывном единстве с воспитанием в нем гражданских качеств. Весной 1892 г. Вернадский стремится наладить издание журнала, популяризирующего научные знания и выражающего «известное стремление положительных идеалов».

Особое место в общественной деятельности Вернадского занимала его земская деятельность. В 1892 г. он был избран земским гласным Тамбовского губернского собрания. Небольшое имение «Вернадовка» в Моршан-

ском уезде досталось ему после смерти старшего брата. Часть земли он передал Московско-Сызранской железной дороге для устройства станции (Вернадовка), а в нескольких верстах от нее построил школу, которую вплоть до 1917 г. содержал, снабжал пособиями, заботился о подборе и подготовке учителей, а некоторые из них на его средства получили педагогическое образование¹².

На духовное развитие Вернадского оказал влияние Л. Н. Толстой. С ним был знаком отец Владимира Ивановича. В Москве Толстой бывал на квартире Вернадских, а Владимир Иванович встречался с ним как на частных собраниях московской интеллигенции, так и посещая вместе с друзьями московскую квартиру Толстого. Их сближали критика самодержавия, сочувствие народным массам, острое неприятие всех форм гнета, стремление понять свое место в жизни, определить цель и содержание своей деятельности, внести наибольший вклад в развитие человечества.

Еще студентом Вернадский участвовал в нелегальном издании сочинений Толстого — «В чем моя вера?», «Церковь и государство», «Исповедь» и др. Нельзя не согласиться с И. И. Мочаловым, отмечавшим, что в самом факте создания студенческого «Братства», ставившего целью самоусовершенствование личности, служение народу, косвенно сказалось влияние Толстого. В работе по организации помощи голодающим Вернадский и другие члены «Братства» контактировали с Толстым. Толстой и Вернадский были в числе видных деятелей науки и культуры, пославших в апреле 1903 г. городскому голове Кишинева телеграмму протеста против еврейского погрома.

Но многие концептуальные взгляды Толстого Вернадский не разделял. 9 июня 1901 г., беспокоясь о здоровье Толстого, Вернадский писал ему из Полтавы: «Нам редко приходится видеть Вас, но мы сохраняем самое сильное и дорогое нам впечатление от всякого свидания с Вами, и с глубоким, искренним сочувствием всегда следим и считаемся с мнением Вашим и Вашей деятельностью. Хотя мы во многом придерживаемся других взглядов и мнений, чем какие охватывают Вас, — но не бесследно прошли и проходят в нашей духовной жизни Ваши стремления высказать правду, как Вы ее понимаете»¹³.

Толстой — враг всякого государства. Вернадский — убежденный государственный. Толстой критиковал строй, где царили ложь и неправда, где миллионные массы населения были обречены на угнетение, забитость, каторжный труд, нищету, одичание. Но он не предлагал эффективных средств выхода из этой ситуации. Толстовская критика государства, частной земельной собственности, его беспощадный протест против казенной церкви ограничивалась призывом к самоусовершенствованию. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в анархическое отрицание государства и отречение от политики, приводила к позиции «непротивления злу насилием», доктрине «совести» и всеобщей любви, утверждению религиозного начала жизни. Вернадский же сознательно выступал за политическую свободу против самодержавия, впоследствии активно участвовал в строительстве политической партии, в политической деятельности.

Не могла найти понимания у Вернадского и толстовская идея «опрощения». Рассуждая о том, что составляет счастье человека, Вернадский 11 мая 1884 г. пишет в своем дневнике: «Такое состоит, как в умственном и художественном кругозоре, так и в материальной обеспеченности; умственный кругозор — наука; художественный — изящные искусства, поэзия, музыка, живопись, скульптура и даже религия — мир человеческой фантазии, мир идеалов и самых приятных снов; материальная обеспеченность необходима в меньшей степени, т. к. ее удовольствия по грубости отходят на второй план, но необходимость ее слишком чувствительна, и без нее обойтись нельзя и незачем»¹⁴.

Вернадский ненавидит произвол властей, давление цензуры, засилье бюрократии, преследование свободной мысли. Он приходит к выводу: «есть времена, когда без вреда для самого научного знания нельзя стоять

в стороне от кипучих вопросов жизни», составляет свой план «принуждения правительства поступать целесообразно в интересах прогресса в России». Идея, пронизывающая предлагаемые им критерии деятельности правительства, — власть ответственна перед обществом, она должна иметь целью благополучие и порядок в обществе, жить по общим для всех граждан законам нравственности, «государство существует для граждан, а не граждане для государства»; «правительство не может исходить из корыстолюбивых каких-нибудь личных (тираны, русское чиновничество etc), семейных (русский царь) и т.п. мотивов». Поступательное развитие России Вернадский связывал с демократическим устройством общества: «Ясно, что можно сплотить, можно оживить русское общество лишь пропагандой идеи. Но идеей этой может быть что-нибудь широкое. Такова демократия».

Искренняя сопричастность к жизни своего Отечества, активная жизненная позиция были характерны для гражданского сознания Вернадского. «Тихая семейная жизнь, простое довольство, достигаемое упорным трудом изо дня в день, отдых в семье или среди простых сердцем людей, вдали от вечных, глубоких, мучительных, но прекрасных вопросов, поставленных человеческой историей. Как-то не тянет меня к такой жизни, и кажется она мне медленной смертью»¹⁵.

В начале XX в. Вернадский активно включился в борьбу за автономию университета, которую он рассматривал как проявление и фактор демократии в обществе. В своей записке «Об основаниях Университетской реформы» (1904) он изложил свой взгляд на принципиальные проблемы университетской жизни. Он считал необходимым учитывать отечественные традиции в этой области, прежде всего, менталитет университетской корпорации ученых, «по самой основе вещей» привыкших «иметь дело с свободной областью мысли, обсуждать с точки зрения разума все основы природных и общественных явлений, а тем более основы организации своего родного главного дела, своей *alma mater*». Уничтожение этих основ университетской жизни равнозначно уничтожению «самого русского университета». «Но только враги России или бессознательные их поборники могут стремиться к этому несчастью», — пишет Вернадский. Он считает невозможным политическое и административное давление на университет со стороны государства, указывает на особый характер взаимосвязи между университетом и государством и обществом: «Университеты представляют особые организации, которые только частью своих интересов связаны с государством или обществом. Основы их строя покоятся в вечных областях мысли и истины... они могущественно влияют на государство и общество, до известной степени неизбежно отражают происходящие там течения, но в то же время имеют независимую от них вековую жизнь, связанную созидательным научным вековым трудом»¹⁶.

Университетская реформа должна предусматривать полную автономию университетской профессорской корпорации; четкое определение полномочий попечителя учебного курса; право студентов на создание своих организаций; ликвидацию инспекции с полицейскими функциями; расширение доступа в университет при предоставлении университету права определения условий приема; улучшение финансирования университета.

1905—1907 — годы активного участия Вернадского в общественно-политической жизни страны. Он стоял у истоков создания кадетской партии, был бессменным членом ее ЦК, избирался в состав Московского комитета этой партии, Редакционный комитет, созданный при ЦК для рассмотрения литературы, издаваемой партий кадетов. В апреле 1906 г. он был избран членом Государственного совета. Его публицистическая деятельность в эти годы носила ярко выраженный политический характер. «Жизнь заставляет, и теперь она не дает уйти в тихую научную и философскую работу, к которой все влечет меня, и вызывает на общественное дело»,¹⁷ — пишет он Я. В. Самойлову.

В идейно-политическом наследии Вернадского отразились важнейшие аспекты политической жизни России. Он указывал на глубокие противоречия в российском обществе, противостояние власти и народа, отмечал

неадекватность отживших государственных институтов задачам демократического реформирования страны. В его работах затронуты проблемы становления российского парламентаризма. Оценивая итоги первой российской революции, он признавал ее всемирно-историческое значение.

Вернадский подчеркивал, что в стране не случайно, а исторически неизбежно назревшие преобразования приняты «формы осуществления демократических идеалов». Необходимы коренные политические реформы в русском обществе. Вопросами первостепенной важности, требующими обязательного решения, по мнению Вернадского, являлись «установление свободных условий личной и общественной жизни на принципах равенства и коренное разрешение земельного вопроса».

Русско-японская война обнажила неспособность царского правительства обеспечить в ней победу. «Вполне выяснилось, что причиной поражения является не состав русского флота и русской армии, а вся система, положенная в их основание. На арену борьбы XX века Россия выступила с государственной организацией, годной лишь для войны первой половины XIX столетия... Постепенно и шаг за шагом бюрократическое правительство разрушало и разрушает государственную мощь России, созданную вековым трудом русского народа, русских государственных деятелей».

Начавшийся после поражения декабрьского вооруженного восстания спад революционного движения сопровождался активизацией реакционных сил, террором, погромами. Размышляя о существующих в обществе вариантах преодоления «смуты и анархии», Вернадский выделяет три направления. Одна из идеологем заключается в «идеализации прошлого». В стремлении подавить народное движение, направленное против царского режима, власть вступила на путь террора, масштабы которого огромны. Однако «великое народное движение» «не может быть остановлено такими примитивными, хотя бы жестокими и ужасными средствами». Но если сторонники старого строя «раздавят движение», — ставит Вернадский вопрос, — «не подорвут ли они в случае успеха все живые силы страны?».

Вторая идейная платформа — социалистических партий. Следуя ей, пишет Вернадский, надо осуществить захват власти, установить диктатуру тех классов населения, в интересах которых должен быть перестроен государственный и общественный строй, — диктатуру пролетариата или крестьянства. «Достигнуть этого, как всякой диктатуры, можно только силой, путем вооруженного восстания или террора. Введение элементов насилия с этой точки зрения неизбежно. Ибо только тогда программа крайних групп русского общества получает практический смысл, перестает быть идеологическим созданием мечтателей». Вернадский сомневается в позитивном результате насильственных действий, запрограммированных левыми партиями.

Вернадский предлагает свое решение выхода из кризиса: «На больной вопрос общественной этики, что должен делать отдельный человек для того, чтобы помочь стране выйти из бедствия, чем он может помочь общей беде — ...ответ один: он должен войти в политическую партию, он должен участвовать в ее работах, в ее деятельности. В конечном результате совместной работы всех партий получается политическая организация народа, та сила, которая в конце концов совершенно реорганизует государство, придает ему новую форму, в которой задачи и цели государственной политики определяются волей организованного народа». Неучастие в выборах — противобщественное явление, а занявшие такую позицию граждане «живут иностранцами в своем отечестве».

Интересна оценка социалистического движения в России, данная Вернадским в 1906 году. Он отмечал наличие в программах левых партий привлекательных для масс контуров будущего, что способствует вовлечению широких народных масс в общественную жизнь, но сомневался в положительном результате нетворческого перенесения опыта социалистических партий Запада на российскую почву. Для него неприемлемы средства достижения цели, выдвигаемые социалистами, — насилие, вооруженное восстание, организованный террор, диктатура. Мирный путь — «это путь

более верный, более сильный и более скорый для достижения государственного спокойствия, народного блага, для роста и развития нашей страны и для прекращения народных бедствий и страданий, чем все другие пути, как бы на первый раз могущественны они ни казались»¹⁸.

Вернадский утверждал, что революция 1905—1907 гг. пробудила народ к политической жизни, показала возможность выбора новой формы правления в России. В 1916 г. он писал: «в эти 11 лет после 1905 г., мы впервые жили настоящей политической государственной жизнью, резко отличной от того, что мы переживали до 1905 г. Вся Россия за эти 11 лет перешла в другой период своей истории»¹⁹.

В идейно-политическом наследии Вернадского революционных и послереволюционных лет большое место занимает проблема российского парламентаризма. Он характеризует особенности создания, характер и опыт деятельности российского парламента, верхней и нижней его палат — Государственного совета и Государственной думы. Статус члена Государственного совета не помешал Вернадскому выступить с резкой критикой принципов формирования Совета, его социального состава, внутреннего регламента, не согласующимися с задачами демократического реформирования России и перспективой конституционного устройства страны.

Много внимания уделяет он партии кадетов — целям ее деятельности в Думе, средствам осуществления программы, участию в избирательных компаниях, блокировке кадетов с другими оппозиционными силами. Вернадский был уверен, что именно Партия народной свободы обладает программой, «верно отвечающей историческим условиям русской жизни», и способна, придя к власти, реализовать принципы парламентаризма и осуществить преобразование в аграрной сфере. В Государственном совете Вернадский выступал в 1906 г. с защитой своих позиций по вопросам политической амнистии, смертной казни, помощи голодающим и др.

Идеализация Вернадским первого опыта парламентаризма в России очевидна.

После роспуска Думы в 1906 г. Вернадский участвует в редактировании подготовленного П. Н. Милюковым «Выборгского воззвания». Роспуск Думы Владимир Иванович расценивает как «акт безумия и самоубийства»²⁰. Вместе с коллегами по академической курии Вернадский подал официальное заявление о выходе из Государственного совета.

К внутренней политике П. А. Столыпина, в основном противоречившей программным установкам кадетов, Вернадский относился отрицательно. Правительство Столыпина он характеризовал как неспособное и безответственное, которое «держится исключительно на грубой физической силе»²¹. Он с негодованием обвинял Столыпина в развязывании кровавого террора в стране; считал, что столыпинская политика не способна обеспечить динамическое развитие России, решить назревшие политические и социальные проблемы, что правительство Столыпина не имеет опоры в массах и нравственного авторитета. Русской бюрократии приходится вести борьбу против большинства народа, и кабинет Столыпина не может больше оставаться у власти.

В публицистике Вернадского 1908—1916 гг. значительное внимание уделяется проблемам высшей школы, которые рассматриваются во взаимосвязи с ситуацией в стране, политикой власти, действиями партий. Эффективность государственного управления, военную мощь России, ее независимость, благосостояние населения Вернадский ставил в прямую зависимость от уровня образованности стоящих у власти людей, понимания ими значения образования и науки в жизни страны. Он активно борется за демократизацию высшего образования. Спасение России, — пишет он в статье «Перед грозой» (январь 1908 г.), — зависит от поднятия и расширения образования и знания.

Резкий протест Вернадского вызвал проект университетского устава, предложенный А. Н. Шварцем. Согласно ему университет должен быть учебным, но не научным учреждением. Вернадский подчеркивает, что развитие и распространение научных знаний — полуторавековая традиция

русских университетов. «В настоящее время русские университеты являются крупными и самостоятельными очагами научной работы, стоят в этом отношении наряду с лучшими университетами Запада и Америки». На мировой арене с каждым годом все больше и больше значения приобретает научное знание, — пишет он, — и в борьбе государств и рас побеждает тот, кто является более образованным, более владеющим научной техникой и научной мыслью нашего времени²².

Государственный подход, патриотизм пронизывают выступления Вернадского, обосновывавшего необходимость постановки в России на государственный уровень работы, связанной с изучением и использованием радия.

8 ноября 1911 г., в день открытия торжеств, посвященных 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, в газете «Речь» публикуется острая полемическая статья Вернадского — «Общественное значение ломоносовского дня». Он выступает против низкопоклонства перед Западом, попыток переноса сложившихся в Германии основ образования и научной работы на русскую почву. С гордостью пишет он о вековых традициях научной работы в России, достижениях русской научной мысли, стоящей «сейчас в передовых рядах человечества. А... у себя на родине ей приходится... доказывать право на свое существование. Министр народного просвещения, при поддержке части общества, считающей себя русской, выдвигает законопроект нового обучения азов у «немцев», основанный на отрицании и незнании вековой научной работы России, принимает ряд мер, невозможных ни в одной стране, дорожающей национальным достоинством». «Едва ли есть сейчас культурная страна, которая бы, по сравнению с другими своими расходами, так мало тратила на задачи научной работы, как Россия»²³.

Работа в Московском университете принесла Вернадскому огромное удовлетворение. Однако в феврале 1911 г. — в знак протеста против введения полицейского режима в университете — он вместе с большой группой ученых ушел из университета. Он тяжело переживал уход. Университету он отдал двадцать лет своей жизни, под его руководством работали молодые исследователи и были созданы научные школы, развивались новые научные направления. Ему пришлось «оставить некоторые опыты в совершенно недоконченном виде». Расстался он и с Минералогическим институтом, ставшим при его участии «одним из самых больших в Европе». В прощальном письме группа студентов писала ему: «Вы были нашей гордостью, пока были с нами, и еще более мы гордимся Вами теперь, после того, как Вы покинули любимое свое дело, свою кафедру во имя защиты достоинства университета, профессора и свободной науки»²⁴. Исключение — в связи с уходом из университета — из Государственного совета он воспринял равнодушно.

В сентябре 1911 г. он переезжает в Санкт-Петербург, где сосредоточивается на научной деятельности в Академии наук. 12 марта 1912 г. его избирают ординарным академиком по минералогии Санкт-Петербургской Академии наук.

В годы мировой войны переплетались научная и общественно-политическая деятельность Вернадского. Он активно работает в созданной по его инициативе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), являясь председателем совета этой комиссии. Он решительно не приемлет ситуации, когда Россия оказывается всего лишь сырьевой базой западных стран, а обработка сырья производится в Англии, Франции, Германии. Продолжается его деятельность в Тамбовском земстве. В сентябре 1915 г. он вновь становится членом Государственного совета. В 1916 г. его избирают в состав Экономической комиссии Русского парламентского экономического комитета, входившего в состав межпарламентской постоянной торговой конференции союзных держав, Согласительных комиссий для обсуждения разногласий между Думой и Государственным советом по законопроекту о выделении средств на работы в порожистой части Днепра, а также по законопроекту о временном улучшении материального положения профессоров российских университетов и об изменении некоторых положений университетского устава²⁵.

26 февраля 1917 г. члены Государственного совета послали царю в Ставку телеграмму, в которой предлагали Николаю II отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному комитету Государственной думы. Среди подписавших этот документ четырех выборных членов — Вернадский²⁶.

В публицистике Вернадского, дневниках, письмах, воспоминаниях отразились главные вопросы, вставшие перед кадетской партией и Временным правительством после Февральской революции. Политической позиции Вернадского были присущи в основном те же черты и особенности, что и кадетской партии в целом, хотя он, как всегда, высказывал независимые суждения. Он не был профессиональным политиком, и в его публицистических выступлениях этого времени значительное место занимали теоретические аспекты поставленных жизнью вопросов.

Вернадский одобрял и поддерживал внешнеполитический курс Временного правительства — соблюдение обязательств перед державами-союзниками и доведение войны до победного конца. Россия и Франция, был он убежден, являются «оплотом свободы Европы от Великой Германской империи». Кадетско-государственническая идеология проявилась и в аргументах в пользу продолжения войны с целью расширения сферы влияния России на ряд территорий. В частности, он пишет: «для России выступают с железной силой вопросы экономического характера, настоятельно требующие решения вопроса о проливах, которые не могут находиться в руках чужого нам сильного государства»²⁷.

Вернадский считал Временное правительство демократическим. «Война ведется великими демократиями, в число которых вернулась, наконец, и наша родина не с завоевательными целями». В мае 1917 г. он писал о «новой свободной России». Он видит угрозу России — ее свободе, целостности, независимости в аморфности позиции, несамостоятельности большинства граждан. Он призывает соотечественников к гражданской ответственности, организованности и объединению в политические партии. «Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен смочь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны»²⁸.

Вернадский резко осуждал политику большевиков, вовлекавших народные массы в борьбу за переход всей власти к Советам, сознательно обостривших социальное и политическое противоборство. Выступления против Временного правительства — это «внутренняя кровавая распря, междоусобная война». «В борьбе за интересы одного класса большевики потеряли не только государственное сознание, они оторвались от России»²⁹, — пишет он в мае 1917 года.

4 июня 1917 г. Вернадский выступает со статьей «Об автономии». В принципе поддерживая решение VII съезда кадетской партии о местной автономии, он идет дальше обозначенных в нем границ последней. Он — за большую самостоятельность и полномочия местной власти, не исключая и федеративное устройство государства.

В марте 1917 г. Вернадский вновь был избран ординарным профессором Московского университета по кафедре минералогии и геологии с оставлением в занимаемой им должности в Академии наук. Указом Временного правительства от 11 августа 1917 г. он был утвержден в должности товарища министра народного просвещения. Он проявляет инициативу в создании новых учебных и научных центров, широкой организации внешкольного образования. Основной тезис его выступлений по вопросам науки и образования — государственные интересы России, государственное строительство и научные искания, научная работа неразделимы.

В статье Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (июнь 1917 г.) были конкретизированы основные направления

научной работы, наиболее злободневные для послефевральской России с ее экономической разрухой, дезинтеграционными процессами в национальных и окраинных районах. Вернадский отмечал, что в силу неоднородности физико-географических условий, этнического разнообразия России, в ней сильны центробежные тенденции, грозящие единству российского государства. Надо учитывать, продолжал он, что отдельные его части связаны друг с другом недавно и «были добыты суровыми, нередко кровавыми событиями истории». Между тем большое государство — великое благо для живущих в нем людей. Это прообраз мирного мирового сожительства народов. В сохранении единства Российского государства, уменьшении центробежных сил в нем Вернадский видел одну из наиболее важных задач государственной политики. И если до сих пор, считал он, центробежные стремления подавлялись «грубой силой и насильственной русификацией», питаемыми в том числе и недостаточной осведомленностью русского общества и правительства о местной жизни, местных особенностях и жизни составляющих Россию народностей, то теперь в целях государственного единства наши устремления должны идти по другому направлению. Необходимы государственная организация работы по взаимному ознакомлению проживающих в России народностей, изучению их жизни во всех проявлениях, оказание широкой государственной помощи в изучении истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, в исследовании отдельных областей нашей страны. Надо перейти, продолжает Вернадский, к «политике национальной свободы, государственной поддержки национальных учреждений народностей, при сохранении государственного единства»³⁰.

Либеральная альтернатива общественного развития оказалась нереализуемой и невостребованной в бурной революционной ситуации 1917 года. Вернадский как член Партии народной свободы отразил в своем мировоззрении основные стороны и черты ее тогдашних политических воззрений.

В Октябрьской революции Вернадский увидел разрушительную, а не созидательную силу. По его мнению, развертывалась «небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной пылинкой». Он приходит к выводу, что русский народ не подготовлен к жизни в условиях демократии: «Положение — трагическое: получили значение в решении жизненного строя силы и слои народа, которые не в состоянии понять его интересы. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки». У него складывается убеждение, что интеллигенция не знала народа. И в то же время он признавал: «в сущности массы за большевиков», «несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного».

В тревожных размышлениях Вернадского звучит и оптимистическая нота: «Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на ее антигосударственное движение... Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить». Вернадский убежден, что поворот в развитии России в 1917 г. настолько «глубок, что то, что за ним сохранится, само по себе огромно»³¹.

После победы большевиков Временное правительство, его министры не покинули своих постов. Вернадский принимал участие в работе этого подпольного правительства, а также ЦК кадетской партии, на заседаниях которого обсуждались вопросы, связанные с участием в выборах в Учредительное собрание и сопротивлением советской власти. Вернадский подписал два документа, принятые на нелегальном заседании Временного правительства в Петрограде 16 ноября 1917 г., — «Обращение к русским гражданам» и о созыве Учредительного собрания. В «Обращении к русским гражданам» сложившаяся в России ситуация характеризовалась как тягчайшая смута и разрушение государства Российского. Граждане призывались «штыку и насилию противопоставить право и закон», «сплотиться вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли»³².

18 ноября 1917 г. в газетах было опубликовано постановление Петроградского военно-революционного комитета «о переводе в Кронштадт бывших министров Временного правительства под надзор Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов»³³. В этом документе значилась и фамилия Вернадского. Жизнь его оказалась в опасности, он был вынужден скрываться. 19 ноября 1917 г. он уезжает в Полтаву, где проживали родственники его жены. Отделение физико-математических наук Академии оформило отъезд Вернадского как «командировку».

В «полтавский» период Вернадский много работает над проблемой геохимии живого вещества; устанавливает тесные связи с полтавским музеем, имевшим хорошие коллекции, особенно энтомологические, и богатую библиотеку естественно-исторической литературы; проводит вместе с сотрудниками музея геологические экскурсии, в результате чего пополняются музейные коллекции; интересуется коллекцией растений и агрономической работой на опытном поле; выступает с докладом на тему «Живое вещество» в образованном по его инициативе «Обществе любителей природы».

В Полтаве Вернадский ведет работу, направленную на консолидацию кадетских сил, на усиление их влияния в политических структурах Украины. В этот период в Полтаве находился целый ряд известных кадетских деятелей — Я. К. Имшенецкий, П. Д. Долгоруков, С. Семенченко, Е. А. Ефимович и др. Было решено создать украинскую Партию народной свободы. Вернадский вошел в комиссию для выработки устава и программы новой партии. Летом 1917 г. он часто встречается в Киеве с П. Н. Милюковым. В их беседах важное место занимает вопрос о ликвидации большевистского режима, о восстановлении единой России.

В июне 1918 г. Вернадский переезжает в Киев, приняв предложение министра народного просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского, своего старого знакомого, профессора истории Н. П. Василенко, заняться организацией широкой культурной работы на Украине, созданием Украинской Академии наук. С созданием крупного научного центра на Украине он связывал национальное возрождение Украины, развитие культурного сотрудничества и укрепление единства украинского и русского народов, упрочение на этой базе союза Украины и России в рамках единого государства. В сложных условиях — военных и политических — он ведет огромную работу по собиранию научных кадров. В октябре 1918 г. Вернадский избирается первым президентом Украинской Академии наук и сразу же публично заявляет о своем выходе из конституционно-демократической партии с мотивировкой: глава Академии должен быть беспартийным и не заниматься политической деятельностью. Однако он продолжал участвовать в заседаниях ЦК кадетской партии и «Национального центра» — созданного летом 1918 г. подпольной организации, где кадетам принадлежала главенствующая роль (цель Центра заключалась в практической связи с белогвардейским движением). В то же время в сознании Вернадского шел процесс переоценки кадетских взглядов, что отдаляло от партийной жизни. «Я сейчас очень холоден к партийным вопросам, тем более что для меня ясна ошибочность основного принципа партии Народной Свободы — принципа народовластия»³⁴, — писал он 15 (28 сентября) 1919 года.

Власть на Украине неоднократно менялась, приходилось менять места проживания. В 1917—1921 гг. Вернадский жил в Полтаве, Киеве, Ростове, Новороссийске, Ялте, Симферополе. С 1 октября 1919 г. в газете «Объединение» началась публикация его статей, отражавших взгляды на важнейшие стороны жизни послереволюционной России. В раздумьях Вернадского значительное место занимает проблема «единой неделимой России». Однако подчеркивает он, это не старый лозунг, а новый. Речь идет о воссоздании России — «новой, великой, свободной и демократической с прочно владеющим землею крестьянином. Такой России еще не было». Он убежденный сторонник сохранения единства России «в смысле великого государства, что является великим благом для общества». «Большое государство — есть всегда явление в истории прогрессивное, — а свободное большое государство дает такие возможности роста и влияния человеческой лично-

сти и такие удобства жизни, какие недоступны мелким формам государственности».

Вернадский выступает за национальное примирение, русско-украинское единение «как залог воссоздания единой, великой, неделимой России». «Культура украинская... вполне и целиком соединена с идеей единой и неделимой России и может найти в ее великих рамках полную возможность своего самого широкого проявления». Вернадский видит новую Россию единым и великим государством, федеративным или с автономными провинциями. Он противник любой диктаторской власти и не мыслит эффективного развития государства «при бесправном — *de jure* или *de facto* — положении творческих производительных сил страны, из них главнейшие — крестьянство и интеллигенция»³⁵.

Вернадский резко осуждал «красный террор», но призывал не к мести, а к «правственному возрождению». В ноябре 1919 г. по дороге из Киева в Ростов он записывает: «Мне иногда кажется, что если бы большевики заявили, что они прекращают террор и чрезвычайки, население было бы с ними в широких кругах. По крайней мере, интеллигентные слои»³⁶.

Реалии гражданской войны приводят его к выводу о невозможности реставрации дореволюционных порядков — «старая Россия не вернется», «мечтать о реставрации могут только люди, абсолютно лишенные чутья реальной действительности»³⁷ (ноябрь 1920). Он констатирует, что идеи большевизма глубоко проникли в сознание народных масс России, других стран Европы, Азии и потому быстро и легко не исчезнут.

Характерна эволюция Вернадского в отношении к «белому движению». Его привлекли программные декларации генерала А. И. Деникина, среди которых важнейшее место занимали беспощадная борьба с большевизмом и восстановление могущественной России. Далеко не во всем одобряя действия Добровольческой армии, Вернадский сначала считал необходимым поддерживать ее. Однако вскоре он глубоко разочаровался как в самом «белом движении», так и в его руководителях. «В Д. А. нет... идейного содержания, кроме восстановления старого, — пишет он 7 декабря 1919 г. — Все другие части ее программы — несерьезные приманки?». В этой армии, пишет он, «нет патриотизма» (4 декабря 1919 г.). «Мне представляется сейчас огромной опасностью то, что Д. А. стремится неуклонно к реставрации. Стоит ли тогда их поддерживать?» «Как-то мало верится в государственные черты и творчество деятелей Д. А. Серые люди из серых. В этом отношении большевики ярче»³⁸.

В конце 1919 — начале 1920 гг. ориентация Вернадского на «белое движение» сменяется надеждой на большевиков как на силу, способную собрать раздробленную Россию и восстановить ее: «Для меня сейчас не может быть лозунгом... пропаганда крестового похода против большевиков. Я думаю, интересы и спасение России сейчас в победе большевизма на западе и в Азии»; «Большевики все-таки сейчас так или иначе восстанавливают Россию»; «Но я все-таки думаю, что важен масштаб совершающегося процесса, и в этом смысле идейная сила большевизма, по его влиянию и размаху, несравнима с идейным содержанием Д. А., в общем тусклым и бледным, с ее реставрационной идеологией среднего ее сторонника»³⁹.

Вчитываясь в дневники Вернадского периода гражданской войны, поражаешься его способности вести научную работу в любых условиях. Он в постоянном творческом поиске: «моя работа всегда со мной и я могу всегда писать»; «вчера все время обдумывал весь состав своей работы о живом веществе, которую пишу». Привыкший с детства к комфорту, он вынужден жить в тяжелейших условиях. «Ужасно жить без угла, — пишет он 2 мая 1920 г. — Вот уже три года, как у нас нет home'a. Почти без вещей, все у чужих или сдвинутые в «уплотненных квартирах». «Как меняются представления и условия жизни. Ниночка (дочь. — Л. Л.) сшила мне сюртучок из мешка... Хочет учиться башмачному искусству...». Материальные лишения раздражают его прежде всего потому, что мешают научной работе. «Как это ни странно, нет бумаги и дорого. Можно купить исписанную бумагу (на одной стороне)»; «Приходится писать, до невозможности экономя бумагу! Ее нет и она недоступна по цене»; «Встаю как всегда в 4 1/2, ложусь в 8—9 вечера. Света не употребляю». «Невольно думаю о Лондоне, как-то хочется иметь в руках то могучее орудие, какое дает большая библиотека и лаборатория. Сейчас я трачу, по крайней мере, в 10 раз больше усилий для получения эффекта, чем в нормальных условиях... Ужас берет, когда оцениваешь культурный урон»⁴⁰.

Он преисполнен желанием поставить свои исследования на службу Родине во имя воссоздания и укрепления Российского государства, во имя его будущего. Он верил в Россию даже тогда, когда она была разорена, разделена на части, охвачена гражданской войной и находилась в кольце иностранных интервентов, когда в стране царила анархия, холод и голод. 11 августа 1918 г. он пишет: «Война становится поистине мировой, а Россия, пока поверженная в прах, объектом ее. А между тем я ясно чувствую, что в конце концов она является силой гораздо более значительной, чем это многие считают». Запись конца декабря 1919 г.: «Исполняю свой долг доведения до конца дела исследования Азовского моря, но не очень верю в успех при нынешнем положении фронта... Нельзя откладывать исполнение таких задач, как поднятие производительных сил на после установления нормального порядка вещей. Этот порядок, может быть, установится через годы...»⁴¹.

В конце 1919 г. у Вернадского — настойчивые мысли об эмиграции. Его пугает жизнь при большевиках. Эти настроения питаются и невозможностью вести плодотворную научную работу в сложившихся условиях. Трудно сказать, какой из факторов был для него в это время решающим. Однако логика его рассуждений, как и последующий выбор заставляют склоняться к выводу, что приоритетное значение для него имел фактор науки. «Идет катастрофа, или же большевики будут остановлены и волна пойдет обратно? Могут быть оба варианта... Мысль об эмиграции крепнет, но после разговора в Ростове с Орловым считаю невозможным не испробовать всех путей остаться в России. На днях написал Медведеву, сегодня Танфильеву — может быть, удастся устроиться в Новороссийском университете? Неясно мне, что дадут мои заграничные хлопоты... Я совершенно неясно представляю свой научный вес на Западе. Все главное печаталось по-русски. Но больше всего хочется иметь возможность научной работы». «Я очень подумываю об отъезде. Очень тяжело под большевиками. Хочется на большой простор: 2 года не знаешь, что делается на западе и в мировой литературе... Но я все таки как-то не решаюсь на этот шаг — разрыв с работой в России. А между тем работа в славянских землях даст возможность связать и их с русской культурой»⁴².

28 сентября 1920 г. Вернадский избирается ректором Таврического университета (Симферополь), где в это время работали многие известные ученые — Н. И. Андрусов, В. А. Обручев, А. Ф. Иоффе, И. Я. Тамм, В. И. Лучицкий, А. А. Байков, В. И. Палладин, Б. Д. Греков, А. К. Гудзий и др. Здесь же преподавал и сын Владимира Ивановича Георгий. Вернадский вспоминал в 1928 г.: «Я взял в это время определенный путь — не разбирая красных и белых помогать всем: массу [людей] принял, не разбирая, по старым студенческим билетам — и красных (из армий) и белых

(оставшихся) — в первые 3 дня — до 700 человек. Никто не пострадал — не из тех, не из других»⁴³.

В сентябре 1920 г. у Вернадского была возможность, воспользовавшись предложением, поступившим от Британской ассоциации наук, членом которой он состоял, переехать вместе с семьей в Англию. Британский вице-консул в Севастополе уведомил его о получении разрешения на проезд в Лондон. Однако, 3 декабря ему было передано: «Министерство иностранных дел сообщает, что никакие средства, ни частные, ни казенные не могут быть Вам уделены, вследствие чего Вам придется поехать на собственный счет»⁴⁴.

Вернадский не стал эмигрантом. По-видимому, он создавал, что надежды на создание ему условий для научной работы за рубежом — иллюзия. Несколько позже, в 1932 г., подчеркивая неразрывную связь между «свободной и мощной» научной работой и становлением нового строя, Вернадский сформулировал, по существу, свое кредо: «Несомненно, для меня было не безразлично, чтобы эта работа шла в пределах родных мне русской и украинской республик, ибо я считаю, что всякая научная творческая работа является могучим создателем строя жизни в той стране, где она происходит»⁴⁵.

После установления в Крыму советской власти (ноябрь 1920 г.) ректорская работа Вернадского продолжалась недолго (до февраля 1921 г.). Революционное правительство отстранило его от этой должности как политически неблагонадежного. В первой половине февраля 1921 г. в Симферополь прибыл санитарный поезд, шедший из Севастополя в Москву. По инициативе непрямого секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга и наркома здравоохранения Н. А. Семашко один вагон был отдан семье Вернадского, охраняемой в дороге чекистами.

Возвратившись в апреле 1921 г. в Петроград, он отдает все свои силы научной работе. Результаты правления большевиков вызывают у него «тяжелое чувство», резкую критику. 4 июля 1921 г. на его квартире в Петрограде был произведен обыск (забраны ряд писем и бумаг), а сам он был арестован, но вскоре освобожден.

Летом 1922 г. Вернадский уезжает в Париж для чтения лекций по геохимии в Сорбонне. Вместе с женой и дочерью он останавливается в Праге, где оставляет свою дочь для учебы в университете на медицинском факультете. Три с половиной года Вернадский работал в Париже, занимаясь научными изысканиями и педагогической деятельностью. В этот период у него окончательно сформировался вывод о необходимости пересмотра своих кадетских взглядов. В эти же годы укрепляется и вера Вернадского в возрождение России.

В письме И. И. Петрункевичу — единомышленнику-кадету он пишет 15 ноября 1924 г.: «В политическую работу я не вмешиваюсь... — И мое неучастие в политической борьбе основано на моей критике прошлого и на сознании, что всякая культурная и бытовая работа в данный исторический момент гораздо важнее. Форм для политической борьбы сейчас нет, и быт сейчас гораздо сильнее в борьбе с коммунизмом, чем все интервенции, заговоры (которых к тому же почти нет!) и болтовня à la Миллюков, Кускова и т. д.» В 1923 г. он писал: «И, осматривая свою жизнь, я вижу, что я не понял в пережитом, что ни в каком случае нельзя было соединяться в действиях с социалистической по партийности или с социалистической по существу толпой. «Демократия» социализма и «демократия», о которой мы говорили, была разная». «И с этой точки зрения, — продолжает Вернадский, — если духовным предком моим и может быть Радищев, то только одной стороной своей личности, — а среди декабристов Пестель рисуется мне скорее предком большевиков в их якобинских проявлениях. В политической борьбе, какую мы переживали, те из нас, которые понимали варваризацию, вносимую в жизнь социализмом, и для которых уважение и признание ценности человеческой личности не позволяло идти по пути якобинизма — как, например, я, — не оказались достаточно стойкими. Я вижу в прошлой своей политической деятельности

большие ошибки: видел опасного врага культурной работе не там, где он был».

Вернадский считает необходимым переоценить ценности, которым поклонялась русская интеллигенция и воплощение которых в жизнь привело к власти большевиков: «...Поколениями русская интеллигенция подготавливала (и с какой энергией и страстью!) этот строй. Как химическая реакция: полученный результат освещает весь процесс. Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей! Радищев, Пестель, Желябов, Перовская и *tutti quanti* ближе к Магницкому, Бенкендорфу, Победоносцеву, чем к нам. Деятельность «Отечественных записок» или «Русского богатства», по существу, деятельность глубоко реакционная!»⁴⁶.

Письма Вернадского к Петрункевичу окрашены пессимизмом в отношении идейной, моральной, политической обстановки в России. «Чем более я вдумываюсь в происходящее, тем более вероятным мне представляется положение в России мрачным».

Социально-философский, нравственный, эмоциональный настрой Вернадского при оценке реалий идейно-политического плана противоречил его оптимизму при анализе научной жизни страны, преобразований, происходящих в сфере культуры. Он горд и одновременно удивлен тем, что в России в ряде областей науки, несмотря ни на что «получаются крупные результаты, совершенно сравнимые с работой Запада» (21 августа 1924). И дальше: «Любопытны указания — которые я имею с разных сторон — в области точного знания — на появление молодых талантов из народной страны [среды?]. Может быть, в этом главная возможность возрождения... Если действительно на смену идут новые силы — а факты, к моему совершенному удивлению, как будто начинают на это указывать, — возрождение России может совершиться скорее, чем я думаю». «Когда говоришь с некоторыми из приезжающих... — видишь, что они говорят о «чуде» — будущем расцвете. Едва ли может быть расцвет в связи со всякой революцией, а особенно с такой, как коммунистическая. Но, по-видимому, страна справляется с этим несчастьем духовно лучше, чем я думал».

Этот тезис становится убеждением Вернадского. Новые факты определяли новое видение послереволюционной действительности. В апреле 1924 г. он пишет: «Из России я имею много писем и думаю, что картина жизни в ней чрезвычайно сложная, — но все же самая главная сила, которая в конце концов переборет все, — это мысль и умственное творчество — науки, философии, религии, искусства. И оно сейчас в России не иссякает». «В силу свободной мысли я верю как в единственную реальную силу, более могущественную, чем мы это думаем в политических наших расчетах». Ведущая в стране научная работа была для Вернадского «глубоким признаком жизненной силы нации». «Та молодежь, которая начинала работать в эпоху революции, выросла и в значительной мере не погибла. Всюду сообщают о страстном стремлении к знанию и его исканию при невероятных трудностях жизни. И несомненно, среди этих людей есть люди *низов*, которые вышли на поверхность благодаря революции» (январь 1925 г.). «Вы чувствуете огромный исторический сдвиг: для меня ясно, что вековое — поколениями шедшее — стремление народа освободиться от помещиков — навсегда — и получить землю исполнилось. И это — основной процесс. По-видимому, есть и разочарование — но то, что произошло, и крепко, и чувствуется, как завоеванное. Очевидно, собственность на землю — есть основное достижение, и не только мелкая собственность. На этом не остановится. Сейчас в этом будет основная борьба» (июнь 1927 г.). «Огромно и интересно решение национального вопроса. Вся азиатская Россия находится в очень сильном движении. Много глубоко важного и интересного... Идет всюду огромная и разнообразная интересная культурная работа. Массовое и широкое научное исследование».

Отмечая достижения и сложность национальной политики в СССР, Вернадский заостряет внимание на явлениях, могущих иметь, при недостаточном учете их, серьезные политические последствия. «Многие смотрят оптимистически с точки зрения *русского* языка и значения русской куль-

туры. У меня есть серьезные сомнения и беспокойство», — пишет он. «Украина, мне кажется, сейчас окрепла национально, и коммунисты там должны считаться с национальным движением больше, чем в России. Это сейчас важный фактор внутренней политической жизни, и с ним приходится считаться на каждом шагу, в частности, им определяется, например, и новый строй нашей Академии Наук. Ведь серьезно был поставлен вопрос (в связи с Днепровскими порогами) о выходе Украины из Союза».

Вернадский пытался разобраться во множестве сложных вопросов, от решения которых зависело будущее России. Он не видел в первой половине 20-х годов ни в России, ни в эмиграции сил, которые создадут «политически новую Россию». По его мнению, «центр этих сил — где-то в молодых поколениях, которые не ответственны за грехи отцов... Вожди будут новые. И, очевидно, они должны найтись где-то среди молодых».

В его раздумьях о судьбе своего Отечества — сомнения, противоречия, пессимизм, оптимизм. Любовь к Родине, гражданская совесть, убеждение в силе творческой личности определяют поведение Вернадского в этот самый сложный исторический период. «А сила русская сейчас в творческой культурной работе — научной, художественной, религиозной, философской. Это единственная пока охрана и русского единства, и русской мощи»⁴⁷.

В послеоктябрьский период заметно усилилось внимание Вернадского к религиозным вопросам. Его родители были индифферентны в отношении к религии. Религиозные взгляды Вернадского в детстве формировались под влиянием няни, детей сторожей банка, с которыми он играл, сказывалось и чтение священных книг. И не случайно, по-видимому, что Владимир Иванович, как он сам признавал, «ни разу не был, например, на заутрене перед Светлым Воскресением». Дети Вернадского были глубоко религиозны. Осмысливая религиозные аспекты жизни человечества, российской действительности, Вернадский приходит к середине 20-х годов к выводу о более широких, чем ему виделось раньше, позитивных возможностях религии. 28 мая 1924 г. он пишет: «Всякая религия и всякое теологическое построение может сосуществовать с научным мировоззрением». Вернадский считал, что общество нуждается в благородных целях и идеалах, а провозглашаемые религией ценности могут способствовать духовному обогащению человека, общества. В религии он видел особую форму культуры, духовный элемент личного бытия, возвышающий человека над мимолетным настоящим, вдохновляющий его на осознание ценности духовных начал жизни. 22 июня 1923 г. он записывает в дневнике: «Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение в силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна, не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания ее касаются тех сторон, которые составляют ее удел. А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству. Бог — понятие и образ, слишком полный несовершенства человеческого»⁴⁸.

Вернувшись в начале марта 1926 г. в СССР (в Ленинград), Вернадский активно включился в научную жизнь. Он полон творческих планов. Основное место его работы — Государственный радиевый институт и КЕПС. Он проявляет инициативу в восстановлении работы Комиссии по истории знаний, замершей в связи с его командировкой, участвует в работе геологического съезда. Неуклонно возрастает его авторитет среди мировой научной общности. Он подчеркивает необходимость при осуществлении научных работ принимать во внимание «интересы нашей страны и нашего народа». Широкая организация исследовательской работы «в области прикладного к жизни знания», по мнению Вернадского, особенно необходима по двум соображениям: «Во-первых, в связи с тем, что в нашей стране сейчас идет — в небывалом масштабе — опыт создания и действия государства и быта на новых, социалистических основаниях. Во вторых, потому, что годы войны, междоусобия, связанные с этим годы голода

и обнищания требуют в нашей стране особого напряжения сил в общей работе над подъемом глубоко потрясенного народного благосостояния. Необходимо *быстро* увеличить народное богатство нашей страны». В феврале 1930 г. Вернадский напишет: «Социальный опыт нашего масштаба может быть удачен, если к его проведению будут привлечены не только люди огромной воли, но и люди науки, люди ума, знания и таланта»⁴⁹.

Свое мироощущение, духовную настроенность он отразил в письме от 1 июля 1928 г. Н. А. Рубакину, учившемуся одновременно с Вернадским в Петербургском университете, а впоследствии — директору Международного института библиопсихологии в Лозанне (Швейцария): «С 1917 года я непрерывно нахожусь во все увеличивающейся творческой научной работе. В ней я перенес все невзгоды жизни и революцию и междоусобия. Работал научно все эти годы непрерывно. Иногда мне, как углубляющемуся в историю науки, как бы со стороны кажется странной и такая моя работа и в эту эпоху и в этом возрасте. Седьмой десяток живу на свете — а между тем старости моей... я не чувствую»⁵⁰.

Свое восприятие советской действительности на переломном этапе развития общества — конце 20-х годов — Вернадский выразил в словах: «Чувство такое, что мы на вулкане». В начале 1928 г. началось применение чрезвычайных мер при выполнении плана хлебозаготовок. Реакция Вернадского (8 августа 1928 г.): «Сейчас начинается развиваться борьба с крестьянством коммунистов. Идет грабеж крестьян, и сейчас совершается безумная попытка их поработить. Но это не безумие ли?... Мне кажется сейчас наступает новый исторический перелом революции: власть или уступит, или сделает скачок в неизвестное — борьбу с крестьянством»⁵¹.

Сложившаяся в стране ситуация нашла отражение в его письмах из Праги к сыну (летом 1929 г. Вернадский находился здесь в командировке). Эти письма обойдут цензуру (Вернадский это знал), и он был очень откровенен в своих высказываниях. «Мы идем к какой-то катастрофе, если не найдется человек, который сумеет остановить и повернуть безумный бег». По его наблюдениям, на руководящих постах в государстве и обществе — «малограмотные, ограниченные и бездарные люди»; «бюрократия низшего сорта... захватила государственную и общественную жизнь России». Отмечая широту задач, поставленных перед народом, их интересное содержание, рассматривая направление огромных капиталов на государственно-научное строительство как «провозвестник будущего», Вернадский вместе с тем заключает: «Но все уничтожается в корне выбором людей. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих».

В контексте этих размышлений Вернадский пишет о В. И. Ленине. Он подчеркивает его волю, «личность организатора», «своеобразный государственный ум» (отмечая вместе с тем, что у Ленина «не было творчества и мысль его мне представляется не интересной»), считает, что «сохранение — в общем — центров научной и художественной работы, вероятно, очень многим обязано лично Ленину в самые трагические моменты». По мнению Вернадского, Ленин «совершил — в короткую жизнь — колоссальное изменение в жизни страны», внес «в человечество не только свою политическую веру, но и свою философскую мысль — определенную форму материализма, борьбу с эмпириокритицизмом». Смерть Ленина «в начале коммунистического строительства очень неблагоприятно сказалась на русской жизни». «Мне кажется, фигура Ленина еще не выявилась, так как неизвестно, чем кончится переживаемая стадия революции: распадом государства или нет. Фигура эта сейчас народная, но если ближайшее будущее сведется на борьбу коммунизма с крестьянством, иную получит окраску и эта фигура в нашей истории»⁵².

Убеденный государственный по своим политическим воззрениям, Вернадский опасался утраты целостности государства. Он пишет сыну: «Больше всего я боюсь развала русского государства, вновь связать разорвавшиеся части обычно никогда не удается — Украина и Грузия — наиболее опасные части... Если развала не будет — у меня все укрепляется вера или скорее сознательное убеждение, что в конце концов Россия идет к демокра-

тическому... крестьянскому царству с сильной федеративной структурой... Все больше кажутся правыми те лица, которые считают, что великий народ выйдет из испытания — выйдет, если не распадется русское государство»⁵³.

В начале 30-х годов творчество Вернадского, пытавшегося сопротивляться вмешательству партийно-государственного аппарата в работу Академии наук, стало объектом предвзятой критики. Ему вменялись: «подмена большевисткой политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом». Утверждалось, что теории и прогнозы Вернадского «объективно» «отражают и укрепляют позиции классовых врагов, позиции международной буржуазии, с ненавистью стремящейся выбить из рук пролетариата основные рычаги науки, необходимые для социалистического преобразования общества»; «все мировоззрение В. И. Вернадского, естественно, глубоко враждебно материализму и нашей современной жизни, нашему социалистическому строительству»; «совершенно чуждо сознанию акад. Вернадского правильное представление о процессе познания», он «не уяснил себе значения и роли научных теорий и гипотез, а равно и их связи с эмпирическими обобщениями»⁵⁴.

В полемике с А. М. Дебориным Вернадский с достоинством ученого, уверенного в своей правоте, раскрыл суть своих философских взглядов, отметив при этом низкий уровень воззрений Деборина в рассматривавшемся вопросе: «В результате своего розыска акад. Деборин приходит к заключению, что я мистик и основатель новой религиозно-философской системы, другие меня определили как виталиста, неовиталиста, фидеиста, идеаяиста, механиста, мистика. Я должен определенно и решительно протестовать против всех таких определений... не потому, чтобы я считал их для себя обидными, но потому, что они по отношению ко мне ложны, и легкомысленно высказаны людьми, говорящими о том, чего они не знают и углубиться во что они не желают... Для этого необходим большой, тяжелый труд. Легче судить по методологическим трафаретам. Но по готовым трафаретам в новой, слагающейся научной области неизбежно придешь к ложному выводу. Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система (в том числе и наша официальная философия) не может достигнуть той всеобщезначительности, которой достигает (только в некоторых определенных частях) наука»⁵⁵.

В план научно-исследовательской работы Института генезиса минералов и горных пород на 1933 г. была включена тема «Идеализм в минералогии (критика теорий академика В. И. Вернадского)», в рамках которой предполагалось обеспечить «критику враждебной методологии в минералогии и геохимии (идеализм, витализм как основа концепции Вернадского)». Как писал впоследствии Вернадский, вмешательство «малообразованных философов» задержало работу Радиевского института, который он возглавлял, года на два⁵⁶.

Убежденный приверженец свободы мысли, идей права, веры в самоценность свободной личности Вернадский очень многое не принимал в политической жизни, идеологии тех лет. Так, в письме В. М. Молотову 17 февраля 1932 г. он отмечает, что не является сторонником ни капиталистического («Я идеологически чужд — был и есмь — основам капиталистического строя и всю жизнь стоял — и стою — на стороне угнетенных народных масс»), ни «социалистического или коммунистического, в частности, строя» и считает, что «реально выявится нечто новое»⁵⁷.

Сложившиеся в стране порядки Вернадский критиковал с позиций патриота своей Родины. Он верил в огромные созидательные силы народа. В советском государстве, пишет он, «интересы народных масс — во всем их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной) — стоят действительно в основе государства»⁵⁸.

Вернадский видел, что наряду с утверждением новых форм жизни, обогащением ее содержания, в обществе шли процессы, несовместимые с провозглашаемыми социалистическими принципами. Имевшее место беззаконие, приоритет политических качеств кадров перед деловыми порождал соответствующий подход к их подбору и расстановке, формировал

психологию, снижавшую возможности творчества из-за боязни высказать оригинальные мысли, принять на себя ответственность.

В 1937—1938 г. были арестованы друзья, родственники, коллеги, ученики Вернадского. Записи в дневниках отражают его восприятие морально-политической атмосферы тех лет. Он пишет о ложных доносах, страхе граждан, бывших знакомыми с арестованными, травле ученых, фальши политических процессов, подбострастии, лести и подхалимстве к власти имущим, невинности знакомых ему людей, нервных стрессах под влиянием террора, последствиях «полицейского жестокого произвола» в научной среде, «терроре, разрушающем основу страны, как безумии и т. д.»⁵⁹.

Вернадский старался избегать официальных торжеств, приемов, заседаний, где порой надо было требовать смертной казни «подлым убийцам», уклонялся от подписывания коллективных писем подобного характера; оказывал моральную поддержку ученым, подвергавшимся несправедливым обвинениям; помогал материально и морально семьям репрессированных; обращался в высокие инстанции с просьбой облегчить участь подвергшихся репрессиям ученых; помогал устроить «неблагонадежных» людей на работу, а детей «врагов народа» в учебные заведения. Он посылал многочисленные ходатайства и письма властям с целью добиться снятия обвинения с невинных; мужественно демонстрировал в качестве гарантии невинности свое знакомство с ними, дружеские связи, совместную работу, убежденность в их преданности Родине. Так, Вернадский писал в 1940 г. Л. П. Берия в связи с арестом Д. И. Шаховского: «Я дружил с Дмитрием Ивановичем почти 60 лет, все время мы прожили друг с другом душа в душу, находясь в непрерывном, ни разу не нарушенном, идейном общении. Между нами не было тайн»⁶⁰.

Репрессивная политика властей вызывает у Вернадского глубокую тревогу за будущее страны: «Тревога в том, в здравом ли уме сейчас власть — беспечная власть, делающая нужное и большое дело, и теперь его разрушающая. Может иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идет не извне, а его производит сама власть»⁶¹.

По воспоминаниям людей, составлявших окружение Вернадского, он в конце 30-х годов, возмущенный и встревоженный происходившим произволом и беззаконием, решил обратиться с личным письмом к И. В. Сталину, в котором намеревался дать оценку ситуации, сложившейся в стране. Такое письмо было подготовлено. Однако, узнав об этом, Президиум Академии наук направил к Вернадскому делегацию ученых с поручением отговорить его отсылать письмо во избежание обратной реакции: усиления репрессий и общего ухудшения положения Академии и ученых. Письмо было уничтожено. В ноябре 1941 г., он напишет в своем дневнике об истреблении «ГПУ и партией своей интеллигенции — людей, которые делали революцию, превратив ее в своеобразное восстановление государственной мощи русского народа, — с огромным положительным результатом. Партия «обезлюдилась», и многое в ее составе — загадка для будущего»⁶².

В дневниковых записях 1938—1941 г. неоднократно отмечается, что члены партии, «господствующий класс» ниже среднего уровня страны и по деловым, и по моральным качествам. Затруднения в продовольственной, транспортной, топливной и других сферах жизни общества Вернадский связывает с «плохим подбором лиц»: «люди есть, но партийная организация сама ниже среднего уровня и выбирает не их»⁶³. Он пишет о разрушительной, бездарной работе партийного аппарата. «Двойное на словах правительство — Центральный Комитет партии и Совнарком. Настоящая власть — Центрального Комитета партии, и даже диктатура Сталина». Вернадский недвусмысленно указывает на причастность Сталина к политическому террору: «Одну основную ошибку он сделал под влиянием мести или страха: уничтожения цвета людей своей партии — невознаградимы» (28 ноября 1941 г.). ГПУ — государство в государстве, обладающее реальной и разрушительной властью: «Это — нарост, гангрена, разъедающая партию, — но без нее не может она в реальной жизни обойтись. В результате —

миллионы заключенных — рабов, в том числе, наряду с преступным элементом, — и цвет нации, и цвет партии, которые создали ее победу в междоусобной войне». Такая политика становится традицией и ведет к снижению интеллектуального и нравственного уровня коммунистов; «при этих условиях смерть Сталина может свергнуть страну в неизвестное». Вернадский считает, что жизнь страны развертывалась бы во многом иначе, если бы так рано не оборвалась деятельность Ленина⁶⁴.

Особенно угнетал Вернадского «деспотизм» в духовной жизни, «в области непризнания идей свободы» — свободы совести, слова, научного, философского, религиозного искания. Этот гнет «может разложить и уничтожить то, что сейчас создается нового и хорошего». Репрессии в отношении ученых, групп научных работников ведут к гибели целых научных направлений, научных школ.

По мнению Вернадского, в обществе нарастало чувство протеста против произвола власти, дух сопротивления антигуманным ее действиям. «Накапливается недовольство, и слышишь его проявления, несмотря на страх. Раньше этого не было. Я сталкиваюсь с глубоким изменением психологии людей». Беззакония, низкий жизненный уровень народа, идеологический диктат в научной сфере, монополия коммунистической партии в политической структуре, углубляющийся разрыв между властью и народом побуждают Вернадского сделать вывод об опасном кризисе, перед которым оказалась страна: «Ясен развал, и жутко становится за ближайшее будущее».

Однако Вернадский верил в создание новых форм жизни общества, в его оздоровление, ибо был убежден в огромном потенциале российского народа, в силе его разума, в преобразующей роли научного знания. «Окружающая жизнь — неясно, какой идет процесс, — невольно врывается и отражается. Глубокий развал и, в то же время, — огромная положительная работа... Впервые и кругом чувствуется беспокойство за прочность совершающегося... Что будет? Но, мне кажется, положительное победит, но какие примет формы, — неясно»⁶⁵.

Научный поиск и вторжение в сложнейшие проблемы общественно-политической жизни страны теснейшим образом переплетаются в жизни и деятельности Вернадского, честно и сознательно работавшего и при советской власти, верно служившего Родине и своему народу. Будущее нашей страны «мне дорого и велико»⁶⁶, — заявлял он.

Вернадский привлек внимание советского правительства к проблеме урана, источника внутриатомной энергии. Летом 1940 г. во время отпуска в санатории «Узкое» Вернадский получил письмо от сына, жившего в США, с приложением статьи из американской газеты, где речь шла о способах извлечения атомной энергии. Вернадский принимает меры с целью недопущения отставания СССР в этой области от других стран, о чем сообщает сыну 25 июня: «Я немедленно двинул дело... Образована в Академии «тройка» под моим председательством (Ферсман и Хлопин)». Отделение геолого-географических наук Академии наук поручает этому коллективу «наметить мероприятия, которые позволили бы сформировать в СССР работы по использованию внутренней энергии». Вернадский считает необходимым направить записку в правительство. В Архиве Радиевого института сохранился текст письма Вернадского, А. Е. Ферсмана и В. Г. Хлопина на имя заместителя председателя СНК СССР Н. А. Булганина, в котором подчеркивалась принципиальная важность решения вопроса в СССР о техническом использовании внутриатомной энергии, обращалось внимание на недопустимость отставания в этой работе, предлагались конкретные мероприятия по реализации атомного проекта. Комиссия по проблеме урана была образована 30 июля 1940 года. Ею были определены основные направления работы. В связи с состоянием здоровья Вернадского эту комиссию возглавил Хлопин.

Великая Отечественная война советского народа, осознание роли СССР в разгроме фашизма укрепили патриотические позиции Вернадского. Никогда у него не было сомнения в победе СССР и гибели гитлеризма.

«Принципы большевизма — здоровые; трутни и полиция — язвы, которые вызывают гниение, — но здоровые основы, мне кажется, несомненно преобладают»⁶⁷.

16 июля 1941 г. Вернадский вместе с женой и ближайшим окружением выехал в Боровое (курорт в Казахской ССР). Условия жизни в Боровом, учитывая военное время, по его словам, были прекрасными. Он не прекращает разносторонней научной работы.

Вернадский высоко оценил выступления Сталина 3 июля 1941 г. и 7 ноября 1941 года⁶⁸. Ему импонировали сделанные Сталиным акценты на всенародное единство, обращение к патриотическим традициям, уверенность в победе СССР. Он все более укрепляется в своих выводах о конструктивном потенциале большевизма: «Сейчас исторически ясно, что, несмотря на многие грехи и ненужные — их разлагающие — жестокости, в среднем они (большевики) вывели Россию на новый путь. Если — как я уверен — есть все основания думать, что борьба с Гитлером кончится победой, — исторически Ленин и Сталин стояли на правильном пути». Победоносное наступление советской армии вызывает у него гордость за свою страну. В контексте глубоких преобразований в стране, способствующих разгрому фашизма, Вернадский оценивает В. И. Ленина как фигуру исторического масштаба. Он пишет, что равного Ленину в других партиях «не было ни одного», что Ленин «был самый крупный человек, глубоко понимавший ход событий... исторически, стоявший на правильном пути»⁶⁹.

На социальные процессы Вернадский смотрел и через призму своей науки. 21 июля 1941 г. он писал Б. Л. Личкову: «Я смотрю на ближайшее будущее... очень оптимистично, но это не оптимизм, а эмпирический вывод». Именно как ученый-энциклопедист он убежден в безнадежности гитлеровской авантюры и неизбежной гибели фашистской Германии: «вероятно, являюсь наибольшим оптимистом — благодаря созданию ноосферы»; «для меня ноосфера — не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение»⁷⁰.

Написанная в основном в 1936—1938 гг. книга «Научная мысль как планетное явление» подвела итоги его размышлениям о судьбах научного познания, об эволюции биосферы в ноосферу, о будущем человечества. Живое вещество считал он, может быть отделено от земной коры только абстрактно, развитие человечества и природы — единый объективный процесс. В результате эволюции живого вещества, насчитывавшего сотни миллионов лет, возникает научная мысль. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу, то есть активно действующего разума. Развитие науки подчиняется таким же объективным закономерностям, как и любое природное явление. Это стихийный природный процесс, не зависящий от субъективных желаний и интересов отдельных людей. Он аналогичен таким, например, планетарным процессам, как смена геологических эпох земли, эволюция видов и т. д. Научная мысль по мощи своего влияния на планету становится сравнимой с геологическими силами, она приобретает планетарный характер. Под влиянием научной мысли эволюция живого вещества идет в определенном направлении: человечество становится единым, единство и равенство всех людей выступает как закон природы. В ноосфере, утверждал он, будут созданы разумные способы разрешения недоразумений, возникающих между государствами.

Идейные постулаты и действия фашистов, подрывающие принципы единства человечества, противоречат законам природы и потому не могут остаться безнаказанными. «Благодаря понятию о ноосфере, — пишет Вернадский 5 февраля 1944 г. К. П. Флоренскому, — я смотрю в будущее чрезвычайно оптимистично. Немцы предприняли противоестественный ход в своих идейных построениях, а так как человеческая история не есть что-нибудь случайное и теснейшим образом связана с историей биосферы, их будущее неизбежно приведет их к упадку, из которого им нелегко будет выкарабкаться»⁷¹.

В советской деятельности Вернадский видел реальные тенденции, под-

тверждающие его представления о превращении биосферы в ноосферу (развитие промышленности, государственное планирование, подъем культуры, науки, успехи в здравоохранении). Но он отмечал и факторы, тормозившие этот процесс: отсутствие свободы мысли, творческий застой в философии и религиозном мышлении, отрицание религии как одной из форм культуры человечества. Написанную в 1942 г. статью «Несколько слов о ноосфере» Вернадский завершает словами: «идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим»⁷².

В письмах и дневниках Вернадский неоднократно поднимал вопрос о цене победы в Великой Отечественной войне, считая, что она могла бы быть меньшей, если бы не массовые репрессии, в том числе и против военных кадров. Он пишет: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культуры: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в финляндской войне, и сейчас сказывается катастрофически»⁷³.

В самые тяжелые годы войны он думает о послевоенных перспективах СССР. Он пишет Личкову 6 ноября 1942 г.: «Я сейчас очень думаю о записке, которую я представляю Академии о необходимости обсуждения вопроса о реконструкции страны после нашествия немецких варваров»⁷⁴. Он составляет «Записку о необходимости возобновления работ урановой комиссии» и как заместитель председателя этой комиссии адресует ее 13 марта 1943 г. президенту АН СССР В. Л. Комарову, вице-президенту АН А. Ф. Иоффе, председателю урановой комиссии Хлопину. «Я считаю необходимым восстановить деятельность урановой комиссии, имея в виду как возможность использования урана для военных нужд, так и необходимость быстрой реконструкции последствий разрушений от гитлеровских варваров». Эту работу он считал «делом первостепенной государственной важности»⁷⁵.

В 1943 г. Вернадский за выдающиеся работы в области науки и техники был удостоен Государственной премии СССР и награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Он размышляет о возможности трансформации тоталитарного государства (каким было, по его мнению, советское государство) и демократическое общество. Он прогнозирует «коренные изменения» в развитии страны в связи с победой в войне и под влиянием союза с «англосаксонскими государствами — демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы»⁷⁶.

3 февраля 1943 г. в Боровом умирает супруга Владимира Ивановича Наталья Егоровна. 55 лет и 5 месяцев продолжалась их совместная жизнь. «Душа в душу, и мысль в мысль», по словам Вернадского, были прожиты эти годы. Глубокая духовная близость, любовь, взаимопонимание, общность интересов, забота о детях и доме объединяли их. Атмосфера семьи, созданная совместными усилиями, в немалой степени способствовала раскрытию, реализации таланта Вернадского.

Умная, тактичная, женственная Наталья Егоровна жила интересами мужа. Она хорошо знала иностранные языки, переписывала и переводила работы Вернадского. Находясь вне семьи, Вернадский писал ей часто, почти ежедневно. Дочь вспоминала о «необычной бережности» отца в отношении к ее матери. «И сколько было мудрости и любви!».

Вспоминая свое детство, Нина Владимировна Вернадская-Толль писала: «В нашей семье всегда было так много любви и ласки». Несмотря на то, что родители много и увлеченно работали, двери в комнату матери и кабинет отца всегда были открыты. Их внимание к детям было глубоко искренним, ненавязчивым, преисполненным заботы об их интеллектуальном и нравственном развитии. «Я поражаясь сколько они вложили мысли

и внимания в наше воспитание, сколько любви и понимания! Сколько времени отец провел со мной, брал меня в экспедиции в горы, когда мы были за границей. Учил узнавать и искать минералы и определять цветы, когда я была еще маленькая»⁷⁷. И сын Вернадского высоко отзывался о роли отца и матери в его «духовном и умственном развитии»⁷⁸.

Круг интересов Вернадского выходил далеко за пределы научного знания. Отвечая в июле 1943 г. на вопросы анкеты об организации своей научной работы, он писал: «Художественную литературу люблю и за ней внимательно слежу. Очень люблю музыку, сильно ее переживаю»; «прежде любил театр, особенно оперу». Он владел («для чтения») всеми славянскими, романскими и германскими языками». Наилучшим видом отдыха считал «прогулки пешком, прежде — в лодке, поездки за границу (до революции ездил каждый год; иногда несколько раз в год)»⁷⁹.

Связи семьи были очень широки. Вернадские часто бывали в гостях, и у них всегда было много друзей. Владимиру Ивановичу была органически присуща «способность дружбы, создания новых дружеских связей, глубоких и крепких». Чувство дружбы и братства красит жизнь, дает возможность развернуться человеческой личности, считал Вернадский. Он всегда проявлял искреннюю заботу о своих друзьях, знакомых. Половину полученной им Государственной премии он пожертвовал в фонд обороны; а вторую часть потратил, в основном, на материальную помощь нуждающимся ученикам и коллегам. К Наталье Егоровне многие люди обращались за советом — «она была мудрым слушателем и советником».

Как сложилась судьба детей В. И. Вернадского?

Георгий Владимирович (1887—1973) окончил историко-филологический факультет Московского университета. Своим выбором будущей профессии он был в определенной степени обязан и отцу⁸⁰. Он был оставлен на кафедре факультета для подготовки к защите магистерской диссертации, но в связи с уходом отца из Московского университета в 1911 г. переехал в Петербург, где работал в Петербургском университете в качестве прераддодента. С весны 1917 г. — профессор Пермского университета на кафедре русской истории. После установления советской власти в Перми был занесен местной ЧК в списки неблагонадежных. Вместе с женой переехал в Киев, где находились его родители. В 1919—1920 гг. работал в Таврическом университете и одновременно летом 1920 г. занимал должность начальника отдела печати в правительстве генерала Врангеля. После поражения белого движения — в эмиграции в Константинополе и Афинах, в Праге, с 1927 г. — в США, куда был приглашен Йельским университетом как специалист по истории России. Автор многочисленных трудов⁸¹.

Нина Владимировна (1898—1986) по окончании гимназии в Петрограде поступила на Высшие женские курсы (1914), которые не закончила в связи с революционными событиями 1917 года. В 1918—1921 гг. вместе с матерью жила в Полтаве, Киеве, Ялте, Симферополе. Вместе с родителями в мае 1922 г. уехала из России и больше на родину не вернулась. В 1922—1939 гг. жила в Праге. В 1926 г. завершила высшее медицинское образование. Н. В. Вернадская специализировалась в области психиатрии. В 1940—1953 гг. работала в клинике вблизи г. Бостон, а затем в г. Миддлтаун (штат Коннектикут) — частным практикующим врачом.

Тяжело переживая смерть жены, Вернадский решает переехать в США — к детям. Мысли о свидании с родными и ознакомлении с состоянием науки в США все настойчивее овладевали им. Возвращение из эвакуации в Москву 30 августа 1943 г. и включение в напряженную творческую работу, возможности которой значительно расширились, сглаживают остроту проблемы отъезда. В письме сыну 11 декабря 1943 г. он пишет: «Из последних писем твоих и Ниночки вижу, что вы думаете, что я к вам приеду скоро. Но в моем возрасте и при начатой и далеко не конченной работе моей жизни это, очевидно, сделать невозможно... И как ни хочется повидать вас всех перед уходом из жизни, — мне хочется успеть сделать то, что я могу сделать»⁸².

Желание покинуть СССР охватывало Вернадского, когда он сталкивал-

ся с насилием над свободной мыслью, с бюрократизмом: «Вчера чувствовал унижение жить в такой стране, где возможно отрицание свободы мысли. Ярко почувствовал, что помимо всего прочего хочу прожить и кончить жизнь в свободной стране. Я подумал в этой печальной обстановке — надо ехать в США, в свободную страну, и там в родной среде детей и внушки (и друзей) кончить жизнь» (запись в дневнике 28 мая 1944 г.)⁸³.

Отношение Вернадского к большевистской партии и советской действительности было противоречивым. Его отталкивали тоталитарные проявления существующего режима и, порой, катастрофические последствия действий руководства страны. Но он видел и огромные достижения в СССР — рост экономического и культурного потенциала, успехи в развитии науки, вовлечение всех народов многонационального государства в строительство нового общества, независимость великой страны ее международный авторитет. «Я смотрю на будущее по-прежнему оптимистично. На будущее России»⁸⁴, — пишет он в мае 1944 г. обращаясь к сыну (письма 11 апреля и 11 сентября 1944 г.) он повторяет слова: было бы очень хорошо, чтобы ты увидел «новую Россию»⁸⁵.

Оглядываясь на пройденный жизненный путь, Вернадский делал вывод, что «пережил — как в науке, так и в жизни — огромные сдвиги»⁸⁶.

Скончался В. И. Вернадский 6 января 1945 г. Он похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Примечания

1. Цит. по: МОЧАЛОВ И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М., 1982, с. 364; ШАХОВСКАЯ А. Д. Хроника большой жизни. — Прометей, 1988, № 15, с. 83.
2. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни. М. 1989, с. 622; ФОКИН А. М. Отвага научной мысли. — Прометей, 1988, № 15, с. 161.
3. МОЧАЛОВ И. И. Ук. соч., с. 21—23; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1886—1889 гг. М. 1988, с. 31.
4. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М. 1981, с. 11; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 556.
5. Страницы автобиографии, с. 21, 28.
6. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Статьи об ученых и их творчестве. М. 1997, с. 270.
7. Прометей, 1988, № 15, с. 87.
8. Страницы автобиографии, с. 52, 54, 55.
9. МОЧАЛОВ И. И. Ук. соч., с. 96.
10. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Письма Н. Е. Вернадской, 1889—1892 гг. М. 1991, с. 122, 124; его же. «Основною жизни — искание истины». — Новый мир, 1988 № 3, с. 229.
11. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Основною жизни — искание истины», с. 211.
12. Страницы автобиографии, с. 100, 101, 104—105, 109, 111, 112, 299, 300; КОРНИЛОВ А. А. Воспоминания. — Вопросы истории, 1994, № 2, с. 152—154, 157; БАСТРАКОВА М. С., МОЧАЛОВ И. И., НЕАПОЛИТАНСКАЯ В. С. Натуралист, мыслитель, гуманист. В кн.: ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 30—31.
13. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 516; МОЧАЛОВ И. И. Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский. — Русская литература, 1979, № 3, с. 195.
14. Страницы автобиографии, с. 39—40.
15. Страницы автобиографии, с. 125, 127, 140, 141, 166.
16. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Об основаниях Университетской реформы. М. 1901, с. 1, 2, 16.
17. Страницы автобиографии, с. 202.
18. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Публицистические статьи. М. 1995, с. 33, 38, 58—61, 64, 66, 70.
19. Страницы автобиографии, с. 158.
20. Там же, с. 213.
21. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Публицистические статьи, с. 128.
22. Там же, с. 169, 172—173.
23. Там же, с. 184.
24. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 642.
25. МОЧАЛОВ И. И. Владимир Иванович Вернадский, с. 209—210.
26. АКСЕНОВ Г. Вернадский. М. 1994, с. 216.

27. Страницы автобиографии, с. 271; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Публицистические статьи, с. 224.
28. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Публицистические статьи, с. 226.
29. Там же, с. 231.
30. Там же, с. 248.
31. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Из дневников октября — ноября 1917 г. — Огонек, 1990, № 49, с. 13; его же. Дневники 1917—1921 гг. Октябрь 1917 — январь 1920. Киев. 1994, с. 29, 32, 43; его же. Из дневников октября — ноября 1917 г., с. 13, 14.
32. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Публицистические статьи, с. 299—301.
33. Петроградский ВРК. Документы и материалы. Т. 3. М. 1967, с. 175.
34. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники. 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1920, с. 156.
35. Век XX и мир, № 1/90, с. 26, 27; № 6/89, с. 42.
36. Век XX и мир, № 1/90, с. 27; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1920, с. 181.
37. Век XX и мир, № 6/89, с. 42; № 6/90, с. 27—28.
38. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1920, с. 186, 204.
39. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники 1917—1921. Январь 1920 — март 1921, Киев, 1997, с. 7, 10, 15.
40. Там же, с. 20, 28, 29, 74, 88, 101—102.
41. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1920, с. 120, 194.
42. Там же, с. 204, 208.
43. «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В. И. Вернадского. 1928 г. — Исторический архив, 1999, № 1, с. 182.
44. Там же, с. 162—163.
45. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Из писем разных лет. — Вестник Академии Наук СССР, 1990, № 5, с. 90.
46. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «...Я верю в силу свободной мысли...» Письма В. И. Вернадского Петрункевичу. — Новый мир, 1989, № 12, с. 207—210; 213.
47. Там же, с. 212, 213, 214, 216, 218, 220.
48. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники. Март 1921 — август 1925. М. 1988, с. 113, 116.
49. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 382, 383, 580, 581.
50. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина, ф. 358, карт. 213, д. 49.
51. «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В. И. Вернадского. 1928 г. — Исторический архив, 1999, № 1, с. 180.
52. Письма В. И. Вернадского сыну. — Родина. 1990, № 7, с. 84, 86.
53. Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. Париж. 1989, с. 447.
54. КОЛЬМАН А. Вредительство в науке. — Большевик, 1931, № 2, с. 78; НОВОГРУДСКИЙ Д. «Геохимия и витализм» (О «научном мировоззрении акад. В. И. Вернадского». — Под знаменем марксизма, 1931, № 7—8, с. 203; Известия АН СССР. Сер. 7. Отд-ние матем. и естеств. наук, 1932, № 4, с. 586.
55. ВЕРНАДСКИЙ В. И. По поводу критических замечаний акад. А. М. Деборина. — Известия АН СССР. Сер. 7. Отд-ние матем. и естеств. наук, 1933, № 3, с. 406.
56. Цит. по: ТУГАРИНОВ И. А. «Великий перелом» и геохимия. — Репрессированная наука. Л. 1991, с. 153; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Научная мысль как планетное явление. М. 1991, с. 250.
57. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Из писем разных лет. — Вестник Академии Наук СССР, 1990, № 5, с. 89—90.
58. Там же, с. 240.
59. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневник 1938 года — Дружба народов, 1991, № 2, 3; его же, Дневник 1939 года — Дружба народов, 1992, № 11—12.
60. ЯСМАН З. Д. К правозащитной деятельности В. И. Вернадского. — Вопросы истории, 1995, № 1, с. 174—175; Вестник АН СССР, 1990, № 5, с. 105.
61. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневник 1938 года. — Дружба народов, 1991, № 2, с. 240.
62. БАСТРАКОВА М. С., МОЧАЛОВ И. И., НЕАПОЛИТАНСКАЯ В. С. Ук. соч., с. 40—41; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневник 1938 г. — Дружба народов, 1991, № 2, с. 219; его же. «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года. — Литературная газета, 16.III.1988, с. 13.
63. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневник 1939 года, с. 14, 18—19, 22 и др.
64. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года. — Новый мир, 1995, № 5, с. 197, 215, 217.
65. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневник 1939 года, с. 22; его же. Дневник 1938 года. — Дружба народов, 1991, № 3, с. 263; 1991, № 2, с. 245.

66. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневник 1938 года, с. 19.
67. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Коренные изменения неизбежны... Из дневников 1941 г.— Литературная газета, 16.III.1988, с. 13.
68. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года.— Новый мир, 1995, № 5, с. 201, 214.
69. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года.— Литературная газета, 16.III.1988, с. 13; Цит. по: МОЧАЛОВ И. И. Владимир Иванович Вернадский, с. 350.
70. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1940—1944. М. 1980, с. 70; ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года.— Литературная газета, 16.III.1988, с. 13.
71. Цит. по: МОЧАЛОВ И. И. Владимир Иванович Вернадский, с. 387—388.
72. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Научная мысль как планетное явление, с. 242.
73. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года.— Литературная газета, 16.III.1988, с. 13.
74. Цит. по: ЛИЧКОВ Б. Л. Владимир Иванович Вернадский. М. 1948, с. 41.
75. ТРИФОНОВ Д. Н. Вернадский принимает меры.— Независимая газета, 15.XII.1999; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 610.
76. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года.— Литературная газета, 16.III.1988, с. 13.
77. Прометей, 1988, № 15, с. 86, 120, 127, 131.
78. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Из воспоминаний.— Вопросы истории, 1995, № 1, с. 130.
79. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы.— В кн.: ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 619, 621, 622.
80. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Из воспоминаний.— Вопросы истории, 1995, № 1, с. 131.
81. Подробнее о его жизненном пути см.: ВЕРНАДСКИЙ Г. В. «Соединение церквей» в исторической действительности.— Вопросы истории, 1994, с. 155—160; ВЕРНАДСКИЙ В. И. Дневники. Март 1921 — август 1925, с. 79.
82. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Начало и вечность жизни, с. 614.
83. Цит. по: АКСЕНОВ Г. Вернадский, с. 522.
84. ВЕРНАДСКИЙ В. И. «Я смотрю на будущее по-прежнему оптимистично» (Письма к детям).— Вопросы истории естествознания и техники, 1994, № 2, с. 100.
85. Там же, с. 100, 103.
86. Там же, с. 103.

Старообрядчество и большевизм

О. Л. Шахназаров

Христианство пришло в мир как идеология, противопоставившая Справедливость и Порядок своеволию личности. Эти принципы должны соблюдаться из любви к Богу или из страха перед ним. Национальной идеей христианского народа стало стремление превзойти всех в претворении этих принципов в жизнь. По мере отдаления от своей предыстории христианское мировоззрение последовательно проходит три этапа. На первом — Справедливость есть порядок. На втором — Справедливость и Порядок равноценны. На третьем — Порядок есть справедливость. Пороговые трансформации сопровождаются общественными потрясениями. Темп перемен сопряжен с изменением способа общественного воспроизводства и сопутствующим ростом плотности населения, и все вместе предопределяется спецификой среды обитания. «1917-й» — следствие неразрешенности противоречия, проявившегося при переходе ко второму этапу эволюции в XVII веке. В русском сознании, воспринимавшем христианство с 1000-летней задержкой, Справедливость стояла на первом месте, а национальная идея формулировалась как «Москва — третий Рим», последнее средоточие истинного христианства. Суть ее вытекала из новозаветного предсказания о грядущем 1000-летнем Царстве Христовом на земле, когда весь народ станет воплощением христианской морали. В XVI в. Порядок постучал в дверь. Олицетворением христианских ценностей был объявлен царь. Эта идея не стала национальной потому, что ее разделяло меньшинство. Большинству импонировал примат Справедливости.

В результате раскола 1666—1667 гг. возникло староверие и «господствующая» Русская православная церковь (РПЦ). Излагающие ее точку зрения безрезультатно пытались найти альтернативу русской идее, но, отринув старую, не нашли новой. И не могли найти, потому что веру придумать невозможно. Идеологический стержень, на который нанизывались важнейшие события последующих столетий, для них и их последователей оказался утраченным. Отечественная история предстала в виде хронологии коротких ситуативных причин и следствий.

Религиозная война в России. С 1666 по 1762 г. (96 лет) староверы были объектом гонений, поражающих своей свирепостью. Десятки тысяч погибли лютой смертью, сотни тысяч искалечены, лишены крова, умерли от лишений, почти миллион бежал из страны. С 1762 по 1825 г. (63 года)

Шахназаров Олег Львович — кандидат исторических наук, директор Компании социальных технологий и экспертизы (СОТЭКО).

свобода совести по-прежнему подавлялась, но преследования стали менее жестокими. С 1825 по 1855 г. (30 лет) гнет нарастал, стабилизировавшись в последующие 50 лет. Лишь в 1905 г. староверы получили право открыто устраивать свою церковную жизнь, но и тогда их интересы не были удовлетворены полностью.

Имущество старообрядцев отбирало в пользу казны. Дом Романовых начал формировать своего могильщика — мощный пролетарский слой без собственности, без жилья, без орудий труда. Тех, кто избежал пролетаризации, облагали двойными налогами, окружали запретами на профессии, ограничениями на предпринимательскую деятельность. Законодательство де-юре регламентировало, а де-факто лишало их возможности создавать семьи, регистрировать детей, обладать правами собственности и правами ее наследования.

Их часовни и тайные моленные разрушали, мощи их святых подвергались надругательству. Если бы не РПЦ, то крупнейшим храмом России был бы не Храм Христа Спасителя, а другой — старообрядческий, который начали создавать ранее, но закончить не дали, а часть уже построенного разрушили. Если бы не она, то не был бы Соловецкий монастырь превращен в узилище, а сотни его обитателей-христиан безжалостно перебиты задолго до того, как он вновь станет тюрьмой в Советской России, а потомки тюремщиков и узников поменяются местами.

Все социальные потрясения конца XVII—XVIII в. были связаны с расколом на «никонианство» и «староверие». Первым восстал Соловецкий монастырь. Через три года — Степан Разин. Последовали бунты стрельцов в 1682 и 1698 гг., бунты на Дону 1687 и 1698 гг., в Саратове — 1693 г., на Северном Кавказе — 1695 года. В первой четверти XVIII в. — Астраханский и Тарский бунты. Началось затяжное восстание Кондратия Булавина на Дону. Затем — восстание Емельяна Пугачева. Сокрушительное поражение возымело свое действие. Старообрядцы затаились, но чины МВД в середине следующего века свидетельствовали, что крестьяне РПЦ не считают себя истинными христианами: «Мы во Христа веруем, но мы, по Церкви, люди мирские суетные... Христиане те, кто по старой вере; они молятся не по-нашему, а нам некогда»¹.

Подсчитать староверов дом Романовых многократно и безуспешно пытался со времен Петра I. В 1716 г. он приказал переписать всех староверов в целях двойного налогообложения. В старообрядческой среде в этой связи возникло разномыслие. Часть предпочла «записаться в двойной оклад», чтобы иметь возможность открыто демонстрировать преданность вере отцов. «Записные» составляли абсолютное меньшинство староверов. Остальные остались «незаписными». В течение второй половины XVIII — первой половины XIX в. в каждой из групп произошло разделение. Среди «записных» выделилось меньшинство так называемых «единоверцев» подконтрольной РПЦ «единоверческой Церкви» и большинство «белокриницких», восставивших свою Церковь в традиционном понимании этого слова. «Незаписные» разделились примерно поровну. Одни из них затаились, выдавая себя за прихожан РПЦ, и лишь считались не слишком усердными верующими — «небытчиками». В храмах они появлялись лишь для того, чтобы регистрировать браки и рождение детей. Соответствующие записи в метрических книгах давали возможность жить нормальной гражданской жизнью. Их численность и поведение легли в основу мифа о русском безбожии. На деле, они были ревностными верующими, имевшими свои подпольные общины с выборными органами самоуправления. Эти староверы числились в податных ведомостях, а с 1897 г. в отчетах переписи населения. Вторую половину «незаписных» составляли непримиримые «бегуны», или «странники». Они успешно скрывались от всякого учета благодаря существованию разветвленной конспиративной сети и не платили податей ни царствующему дому, ни РПЦ. Их в России формально как бы и не существовало. Моя прабабушка Настя была из их числа. Когда она скончалась в 1962 г., у родителей возникли проблемы с ее захоронением, поскольку она не имела ни паспорта, ни прописки и вообще не значилась гражданкой СССР.

О численности старообрядчества в XIX — начале XX в. имеется обильный цифровой материал, назвать который «статистическим» затруднительно. Ни один из составителей соответствующих докладов, будь то чины МВД, или служители РПЦ, или независимые эксперты из заинтересованной интеллигентской среды, не мог поручиться за их достоверность: все строилось на догадках, оценках, предположениях. Правительственным чиновникам хотелось продемонстрировать усердие в преодолении раскола. К тому же с потаенного старовера, и тем более с общины можно было получить мзду: недостатка в свидетельствах о поборах нет. О направленных против староверов полицейских мерах не случайно узнавали сначала сами староверы и только потом непосредственные исполнители начальственных решений. Церковные чиновники не хотели называть староверов староверами потому, что тогда эти люди утрачивались бы как источник доходов РПЦ. К тому же достоверные данные подрывали бы авторитет господствующей церкви.

Ненадежность подсчетов можно продемонстрировать на примере Пермской губернии. В 1826 г. было объявлено о наличии там 112 000 староверов, из коих 100 000 удалось обратить в православие. Тем не менее в 1841 г. откуда-то появилось еще 106 000, которых в течение 40-х годов XIX в. якобы удалось почти полностью водворить в лоно РПЦ. Но и после этого 72 000 почему-то по-прежнему числились староверами. В 1879 г. губернатор сообщал, что таковых на вверенной ему территории насчитывалось уже 93 570, и при этом отмечал, что «на самом деле, численность раскольников еще гораздо больше, потому что значительная часть жителей, особенно в горных заводах и между здешними крестьянами, считается православными или единоверцами, остаются ревностными последователями раскольничьих учений». В отчете за 1880 г. отмечается, что официальное число в 10 раз меньше действительного². Исследование, проведенное П. И. Мельниковым-Печерским по заданию МВД, приводило к такому же заключению³.

В Географическом словаре Российского государства (1808 г.) утверждалось, что население Тулы и двух других городов, приписанных к Тульской губернии (Белев, Одоев), в массе «уклонению от общей веры подвержено»⁴. Современный исследователь попытался уточнить эти сведения⁵, но сумел обнаружить в областном архиве дела, заведенные только на 25 староверов. Расхождение настолько разительно, что не оставляет никакого доверия к полноте архивных материалов.

Да и сами староверы не имели представления о собственной численности. Большинство объединялось в «толки» и «согласия», не имевшие централизованных структур. Каждая община существовала тайно и автономно. Они общались на непонятном для окружающих языке, а письма были шифrogramмами в полном смысле этого слова. Их объединяла не организация, а вера. В 1913 г. И. А. Кириллов — известный старообрядческий статистик, будущий автор учебников по экономике социализма, пользуясь достоверностью в отношениях с «признанными руководителями» старообрядческих согласий, попытался выяснить у них, сколько же все-таки в России староверов. Результаты оказались обескураживающими. Вот что ответил на запрос епископ наиболее организованной Белокрыницкой иерархии: «Просьбу вашу — дать сведения о численности старообрядцев — к сожалению, исполнить не могу: таковых у нас не имеется. У нас, увы, как ни странно, до сих пор нет даже полного списка священников епархий». Аналогичный ответ был получен от секретаря соборов-съездов старообрядцев-поморцев Н. П. Ануфриева: «Никаких более или менее точных статистических данных по нашему согласию не имеется ни у меня, ни у кого другого. Это задача будущего»⁶.

В середине XIX в., анализируя статистические данные и сопоставляя их с подсчетами духовного ведомства, фон Бушен пришел к выводу, что в жизни староверов примерно в 10 раз больше, чем на бумаге. Результаты специальных экспедиций МВД, а также подсчеты Юзефа, а затем и Коблица в последней четверти века подтверждали этот вывод. Между тем, наступал XX век. Первая всеобщая перепись населения Империи 1897 г. выявила чуть

более двух миллионов староверов. Составители последнего отчета обер-прокурора Синода о численности староверов (1904 г.), насчитав около двух миллионов, предпочли снять с себя ответственность за достоверность приводимых сведений: «Приверженцы раскола в большем или меньшем количестве находятся почти во всех епархиях Российской Империи. Но определить точное число раскольников в Империи весьма затруднительно и почти невозможно»⁷. Возник сакраментальный вопрос, так сколько же их: 2 или 20 миллионов?

Кадет П. Н. Милоков и эсдек В. Д. Бонч-Бруевич, оба имевшие свои источники информации и оба заинтересованные в знании истинного положения дел в интересах своих политических организаций, к 1917 г. уверенно отвечали, что староверов 20 миллионов⁸. Масштабы и направленность «революционного процесса» показали, что убаюкивавшая себя «статистикой» романовская Россия жестоко ошибалась. Но и это — еще не учитывая (да и как можно их учесть!) «непримиримых», то есть формально не существовавшее население. Сопоставление показателей статистики разных ведомств позволяет выявить численность затаившегося «народа в народе». К 1917 г. число «странников» достигло 17 миллионов. Их появление в статистической отчетности между 1897 и 1917 гг., за неимением иного логического объяснения, истолковывалось как естественный прирост населения — аномально завышенный в сравнении с предшествовавшей и последующей демографической динамикой. (За это, кстати сказать, потом поплатились своими жизнями статистики 30-х годов, которые не смогли обнаружить такие же высокие показатели в Советской России.) На самом же деле никакого неестественно высокого прироста населения за 1897—1917 гг. не было и не могло быть. «Лишние» 17 миллионов не родились за те 20 лет; зато староверы не стали, как раньше, уклоняться от переписи в предвкушении близкой победы над вековым врагом. Иначе говоря, общая численность старообрядчества достигла 37 миллионов!

Староверы не были «белыми воронами». Их помыслы и чаяния были созвучны умонастроениям в сельской и в городской разночинной среде. Из революционеров XIX в. только декабристы стоят особняком. Все остальные имели или прямые связи, или выступали с позиций, отвечавших интересам старообрядчества. В числе естественных союзников оказались А. Н. Радищев и В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов и Н. П. Огарев. Их протест имел не антирелигиозную, а антицерковную направленность. Что делает окончательно порвавший с православием революционер А. И. Герцен за рубежом? Он начинает выпускать газету «Общее дело» с целью создать зарубежный старообрядческий центр для борьбы с самодержавием, устанавливает контакты со старообрядческой эмиграцией и со старообрядцами, оставшимися в России. Анализируя общественный идеал позитивизма Герцена, Д. С. Мережковский заметил его суть: «Ежели не мы, то потомки наши увидят рай земной»⁹. «Чем держится петербургское правительство?» — задавал вопрос его соратник Огарев, и отвечал: «Казенной церковью». Ему вторил Добролюбов: «Православная церковь и деспотизм взаимно поддерживают друг друга, эта круговая порука очень понятна»¹⁰.

«Своими» по духу, а не «никонианами» старообрядцы считали М. Ф. Достоевского и И. С. Аксакова, Н. С. Лескова и Н. П. Гилярова. Отнюдь не старовер Н. А. Бердяев называл «культурными старообрядцами» славянофилов. Другой автор (тоже не старовер) выражался еще определеннее: «Мечта о Третьем Риме — старая мечта. Она не чужда была и нам, русским. Славянофилы, а после них «почвенники» верили, Третьим Римом может стать Москва»¹¹.

Незримо был связан со старообрядчеством русский анархизм. Особый интерес у М. А. Бакунина вызвал «почти сплошь раскольнический» Горный Алтай. Вряд ли стоит удивляться этому выбору. Во-первых, Горный Алтай связывался в те годы с существованием не совсем мифического «Беловодья» — старообрядческой страны, где нет государственного устройства и где порядок является следствием справедливой самоорганизации общин — квинтэссенция теории русского отрицания роли государства. Во-

вторых, атеист Бакунин давал себе отчет в том, что «в мире не произошло ни одного политического или социального изменения, которое не было бы сопровождаемо и часто предупреждаемо аналогичным движением в философских и религиозных идеях»¹².

Не только революционеры шли к староверам, но и староверы — к революционерам, причем посредниками могли выступать священнослужители господствующей церкви! П. А. Кропоткин, к примеру, рассказывал, как его знакомил с «влиятельными раскольничьими наставниками» очень уважаемый священнослужитель РПЦ: «Потолкните с ними хорошенько, — сказал он мне. — Если лежит у вас к тому сердце, так идите с ними и с Евангелием в руках проповедуйте крестьянам... Никакая полиция не разыщет вас, если они вас будут скрывать». Кропоткин оказался не готовым на компромиссы атеистом, но он приводит убедительные свидетельства, что его товарищи по борьбе шли в народ именно с Евангелием. После 1917 г. Кропоткин обогатил свои мемуары новым наблюдением: «Из жизненного опыта прибавлю еще, что если революционная пропаганда во имя религии и захватывает действительно массу людей, которых чисто социалистическая пропаганда не трогает, зато и несет эта религиозная пропаганда с собою такое зло, которое пересиливает добро»¹³. Теперь он это знал наверняка.

Народовольцы считали себя продолжателями борьбы старообрядческих революционеров XVIII века. Первоочередной считалась у них деятельность «среди рабочих, среди крестьян, в расколе». Все остальные слои и группы населения шли под обезличенным «и т. п.» Народовольческие «листки» и журналы были наполнены обличениями иерархов РПЦ за то, что те служили охранке, забыли о бедных, встали на сторону богатых. Эти обвинения в точности воспроизводили позицию староверов XIX века.

Из находившихся под следствием народовольцев, согласно официальным источникам, староверы составляли менее процента. Цифра более чем сомнительная.

Перепроверять показания староверов по церковным записям актов гражданского состояния было бесполезно — взятки священнослужителям, исправникам и прочим чинам за соответствующую запись были делом обычным. Среди староверов хватало и прозелитов — перешедших в старообрядчество прихожан РПЦ. Выходец из православной дворянской семьи А. Д. Михайлов (один из лидеров сначала «Земли и воли», выдающийся конспиратор «Народной воли») свой путь в революцию начал в старообрядческой общине. Легально действовали в царской России прихожане подконтрольной «единоверческой церкви». Полулегально — белокриницкие «поповцы», которые также имели традиционные храмы. Нелегально — «беглопоповцы», которые принимали священников, перешедших от РПЦ, и имели свои тайные моленные, и «беспоповцы», которые выбирали своих наставников из числа мирян и создавали свои Советы в жилых домах, на квартирах, в заводских цехах. Виртуозами подполья являлись «странники». Михайлов получил выучку у беглопоповцев Саратовской губернии. А ведь он проходил по сводкам как православный. Так что 23 подследственных народовольца-старовера — свидетельство их искусства конспирации, а еще — это верхушка айсберга, большая часть которого вряд ли когда-либо станет известной.

Вслед за Михайловым в старообрядческие Вольский и Хвалынский уезды Саратовской губернии устремились в 1877—1878 гг. Ю. В. Богданович, А. И. Иванчин-Писарев, А. К. Соловьев, сестры Фигнер, С. А. Лешерн. Они отправились проводить теракты, а полиция тем временем оказалась бессильной найти изобличающие их сведения. Лишь штабс-капитан Бочковский донес, что Соловьев отказался сделать вклад в приобретение колокола для православного храма¹⁴. Народовольцы шли волна за волной. В 1881 г. им удалось царя убить. Бездействие окружавших императора казаков может казаться загадочным, если не знать, что из 70 человек «собственного его величества взвода» 50 были староверами.

Другие революционные народники — «чайковцы» — облюбовали в качестве своей опорной базы Корчевский уезд Тверской губернии¹⁵. Магистр

богословия РПЦ Д. Скворцов отмечал Корчевский уезд как один из центров наиболее радикальных старообрядческих согласий — «филиповского» и «страннического». В 1872—1873 г. туда навевалась С. Л. Перовская. Там же, в Корчевском уезде, и почти в то же время, в 1875 г., в деревне Верхняя Троица в 47 дворов родился мальчик Миша. Как и все старообрядческие дети, он рано начал обучаться грамоте в «домовой школе», как и 60% старообрядческих детей, продолжил образование в земской школе¹⁶ в связи с отменой обязательности посещения уроков Закона Божия. У него в личной карточке, как и у А. К. Соловьева, появилась запись: «На храм жертвовать не желает»¹⁷. Соловьев родился раньше и после неудавшегося покушения на Александра II был повешен, а Калинин стал главой российской законодательной власти.

Активно действовали староверы и в рядах эсеров — продолжателей дела народовольцев. Себе и намечаемым жертвам они давали имевшие определенный смысл прозвища, заимствованные из Библии. Себе — положительные, скажем, «Авель», а жертве — отрицательные, например, «Калин». Среди их жертв оказался великий князь Сергей Александрович, отправивший в ссылку старообрядческого архиепископа Иоанна. Вдова убитого, великая княгиня Елизавета Федоровна, побывала у террориста в тюрьме, надеясь склонить его к покаянию, но неожиданно услышала, что он «обязан» был убить... дьявола. Полтора часа беседы с убежденным старовером заронили в ее впечатлительную душу сомнения, которые в конце концов привели ее к старообрядческому архиепископу за благословением¹⁸. Она его получила. Видная эсерка Е. К. Брешко-Берешковская, обращаясь к костромским староверам, объясняла, почему социалист «не часто крестится и кладет поклоны». «Тот истинно верующий, истинно праведный, кто в жизни поступает по завету Христа»¹⁹, — говорила она, имея в виду партийных товарищей.

Мятежная интеллигенция начала XX в. (от силы 0,01% населения) искала в народе то же, что и ее предшественники. Ей нужны были бунтарские силы в народной толще, на которые она могла бы опереться, и вслед за предшественниками находила их в старообрядческом движении. Глядя в прошлое, может показаться, что каждое новое поколение русских революционеров круг за кругом повторяло один и тот же путь, упираясь в одну и ту же конечную точку. Мережковский в 1900 г. писал: «Несомненно, что что-то везде во всех (даже в марксистах) совершается, зреет, и мы пойдем навстречу. И тогда переход к народу будет проще, естественнее — через сектантов»²⁰. Словечко «сектант» употреблялось потому, что просвещенная паства РПЦ не очень-то различала между староверами и всеми остальными отклоняющимися от РПЦ христианами России. Знакомясь ближе, они начинали осознавать разницу. Первые были бунтарями, вторые — конформистами. Первые стремились изменить Россию, для вторых было достаточно, чтобы их не трогали.

Увидеть это можно на примере А. А. Блока, ибо даже символисты не устояли перед очарованием старообрядчества. Поначалу он тоже не видел различий, но после 1905 года до него стала доходить правда о существовании «многомиллионного народа, который с XV века несет однообразную и упорную думу о боге». Эталоном честности и гражданственности стал для Блока поэт-старовер Николай Клюев. Взгляды поморского барда из олонецкого края на то, что «земля есть достояние всего народа», что это верно так же как и то, что «земля Божья»; что истинная вера только способствует развитию революционных идей, как «чистилище», утверждали Блока в «завтных думках и чаяниях». «Веря ему, я верю себе» — писал он матери²¹. Восславившая 1917 год поэма «Двенадцать» была его салютом своему кумиру.

В докладах самодержцу Министерство внутренних дел, преодолевая противодействие Синода, все настойчивее требовало ослабить узду, даровать подданным веротерпимость. Молчание царя можно понять. Он не хотел идти наперекор церкви, признавшей право дома Романовых на власть, — ради церкви, отрицавшей право Романовых на престол, объявившей их власть властью антихриста.

Антихрист и связанный с ним конец света занимали центральное место в идеологии старообрядчества, но в их учении не было безысходности. Наоборот, оно трактовало конец света как последнее испытание, через которое истинные христиане должны пройти, чтобы очутиться в тысячелетнем Царстве Христовом на земле. Староверам, пронесшим сквозь века мечту о «Москве — третьем Риме», это место было доподлинно известно, потому что только они остались на земле единственными истинными христианами. Ожидание конца света было для них предчувствием торжества Справедливости, когда всем воздастся по заслугам.

Староверы долго обсуждали, кто или что есть антихрист. Что антихрист будет не дух, а человек, учили апостол Павел, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирий, Андрей Кесарийский, сказано в книге Кирилловой. Что этот человек будет от рода иудейского, указывается в Книге о вере, в Кирилловой книге. Что властвовать он будет не только в иудейской, но и христианской церкви, учил Иоанн Златоуст. Но это теория, а гонения на староверов шли от дома Романовых и РПЦ. Сомнений на этот счет не было.

Распознав антихриста, староверы вынуждены были пересмотреть традиционное определение: «Этот враг будет человеком, родившимся от девицы нечистой, жидовки сущия, от колена Данова (по другим источникам — из колена Иудина)... его еврейские корни могут быть неочевидны для окружающих и даже для него самого»²². Это обстоятельство обязывало православных с подозрением относиться к каждому иудею в отдельности, а значит, и ко всем иудеям вместе взятым. Но родословная Романовых была известна... Как тут быть? Начало длинной цепи умозаключений, приведших к убежденности, что в Доме Романовых объявился «жид», положил Игнатий Соловецкий, который еще в год смерти Алексея Михайловича в 1676 г. сравнил его с ветхозаветным Адамом, «преступившим заповедь евангельскую святую». Царь был объявлен еретиком²³. Для староверов — злейших врагов стригольников — «богоотступник» и «жид» были понятиями синонимичными. В конце концов они без всяких обиняков заклеямили царя Алексея Михайловича «новым жидовином»²⁴. А поскольку у православных в отличие от иудеев родство передается не по женской, а по мужской линии, то его сын — Петр I — с достаточным на то основанием был признан сыном сатаны, то есть антихристом. У староверов не осталось причин подозревать, так сказать, обычных иудеев. Кроме того, у них совпадали противники. У староверов — дом Романовых и РПЦ, а у иудеев — самодержавие и православие. На первый взгляд, разницы нет, но отнюдь не то же самое, что в 1920-е годы еще проявится. А пока они были братьями по оружию, и борьба их приносила плоды. Не случайно верующие РПЦ стали в конце XIX в. обвинять староверов в «ожидовливании».

Часть старообрядческих согласий присовокупила к общепризнанному определению еще и всех членов семьи, и всю бюрократическую рать. Помимо единоверцев, против этого учения ближе к концу XIX в. выступила Русская православная старообрядческая церковь (белокриницкая). Это стоило ей глеющего раскола в своих рядах на «окружников», отказавшихся от апокалиптической ереси беспоповцев, и «неокружников», продолжавших верить в неизбежность падения не благочестивых царей и наступление тысячелетней эры Справедливости.

Значительным событием в русской религиозной войне стал 1905 год, принесший большую победу старообрядчеству, «исторический год для России», как называет его современный старообрядческий автор А. Панкратов²⁵. Итоги «первой русской революции» — так ее называет большинство современных историков — отвечали интересам старообрядчества в большей степени, чем какой-либо иной силы в России. Получив возможность открыто воззвать к своему многочисленному и дисциплинированному электорату, староверы создали партию октябристов, поддержали кадетов, выступавших против самодержавия и не имевших «порочащих» связей с РПЦ, а также мелкие левые фракции, выступавшие за Справедливость под собственными знаменами. От Думы к Думе старообрядчество наращивало

политический вес и, поставив нижнюю палату в конце концов под свой контроль, принудило Николая II в 1917 г. отречься от престола. Принял отречение А. И. Гучков — прихожанин белокрыницкой церкви. Все остальные политические силы выполняли роль статистов истории, что бы они сами себе ни приписывали — в «заслуги» или в «ошибки» — в последующие десятилетия.

Считается, что Гучков не испытывал большого энтузиазма от происходившего. Вероятно, *миллионер* Гучков колебался, но *староверу* Гучкову уверенность придавали миллионы дышащих в затылок единоверцев, ожидавших именно отречения последнего Романова. Кроме того, он не мог не помнить, что его дед 80-летним старцем умер в ссылке в Олонецкой губернии за приверженность староверию; что император амнистировал ссыльных олонечких воров и пьяниц, но не староверов, не его предка; что его отец перешел в «единоверие» в тщетной надежде облегчить участь деда; что сам он не стал «единоверцем» в угоду дому Романовых. У староверов хорошая память!

В 1905 г., когда дом Романовых начал свой путь в небытие, по инициативе радикального крыла белокрыницких мирян в зале московского Общества купеческих приказчиков собралось несколько сот человек от разных старообрядческих согласий. В зал входили «длиннобородые седовласые старцы, начетчики в кафтанах, публика в армяках, молодежь в европейских костюмах, женщины в белых платочках». Выступления были разные, но тон задавали те, кто говорил: «Мир лежит в зле, и мы должны добиваться осуществления здесь, на земле, Царства Божия... Каждый христианин обязан преобразовывать все политические и социальные отношения в духе высшей правды. Христос учил активной борьбе»²⁶. Вольнодумцев не хватало и в застенки не бросали.

1905 год знаменателен еще и тем, что подарил России будущую форму государственного устройства — Советы. Советы — детище «беспоповцев». Они с XVII в. перестали строить храмы, у них не осталось священнослужителей. Вместо этого общины выбирали Советы и наставников из числа наиболее уважаемых единоверцев. Советы могли располагаться в любом помещении, включая заводские цехи. Самым удобным местом для Совета была именно фабрика — большие помещения, все «свои». В своей деятельности они совмещали функции идеологические и административно-хозяйственные.

У староверов есть понятия «мирщить» и «чашечничать», регламентирующие общение с людьми, которые принадлежат падшему миру. Они не должны питаться из одной посуды или рядом с иноверными и молиться в присутствии иноверных, а молились они ежедневно, многократно и строго по расписанию. При рабочем дне в 11—14 часов они не могли находиться в цехе рядом с «падшими», а потом еще 10—13 часов вместе с ними же в рабочей казарме. Тем более, что сам процесс моления не носит индивидуального характера. В этой связи староверы предпочитали наниматься к предпринимателю-староверу, а если предприятие принадлежало православному, то создавали внутривозовские, в крайнем случае цеховые общины. Принцип заводских старообрядческих организаций лег в основу образования первичных организаций РСДРП(б). Социал-демократические организации изначально имели иную — территориальную структуру. В советской России в отличие от других европейских стран производственный (старообрядческий) и территориальный (эскековский) принципы партийного строительства были совмещены.

По мнению некоторых специалистов, к началу XX в. старообрядческие фабриканты сосредоточили в своих руках около 60% всего промышленного капитала России²⁷. Даже если эта цифра и не точна, а она может быть завышенной или заниженной из-за того, что конфессиональная принадлежность староверов зачастую является предметом догадок, а не достоверного знания, она отражает порядок чисел. Обычно их предприятия создавались в деревнях со старообрядческим населением. На базе деревень Богородское и Глухово возникла старообрядческая Богородско-Глуховская

мануфактура, которая стала градообразующим предприятием. Такая же предыстория и у Орехово-Зуева, и у знаменитого Иваново-Вознесенска (Владимирская обл.). Много позже, когда историки начали реконструировать события минувших лет, на карте «Революционное движение в январе — августе 1905 года» появилось много флажков с фабричными советами, которые не юге и юго-западе, на деле, были недолговечными забастовочными комитетами нарождающихся профсоюзов²⁸. Настоящие же Советы, ставшие основой советской государственности, вышли за заводские ворота и стали органами общественного самоуправления в поселениях с преобладающим старообрядческим населением центральной и северной части России, а также в Заволжье и по Уралу до Алтая, где особенно чувствовалось старообрядческое влияние, где зародился через 12 лет «железный поток», прокатившийся по России на Запад, на Юг и по Сибири. «Советы» имели и не старообрядческое происхождение в поселениях неправославных христиан на Юге России, но эти советы в революции не участвовали.

Существует мнение, что старообрядчество — религия крестьян. В известном смысле это так, потому что даже к 1917 г. из 91-миллионного населения России (не путать с Российской Империей) 86 млн были крестьянами, то есть любая конфессия, скорее всего, была крестьянской. Однако, когда в 1721 г. Петр I решил выяснить причины раскола со старообрядцами, последних не стали разыскивать в лесной чащобе. Синод направил иеромонаха Неофита со 106 вопросами в Олонецкую губернию напрямую на Петровские заводы²⁹, на которых изготовлялось русское оружие той эпохи.

Рост потребности в постоянных рабочих конца XIX — начала XX в. не мог удовлетворяться за счет ортодоксальных православных. Промышленности и городскому хозяйству требовались миллионы рук, а казенных крепостных рабочих, получивших в результате реформы 1861 г. свободу, было чуть больше 400 тысяч. К тому же они, как правило, были из числа староверов, потому что именно им пришлось покинуть насиженные места и уйти на малопригодные для сельского хозяйства земли, которые как раз и принадлежали казне. Православные крестьяне из более благоприятных для земледелия регионов, как известно, не стали частными собственниками земли. Ее выкупали общины, уставы которых лишали общинников свободы действий, привязывали их к земле так же прочно, как и крепостное право. Члены общин в лучшем случае становились временными, сезонными рабочими. Миллионы же староверов, не имевших прав собственности и прав наследования недвижимости, представляли собой резерв кадрового заводского пролетариата.

К концу XIX в. староверы стали перебираться в города, где в массе людей легче было, чем в деревне, скрываться от доносивших на них полиции священнослужителей. В городах было легче скрывать, что они не ходят в церковь. Они всегда могли рассчитывать на помощь городских общин, которые имели возможность снабжать их паспортами ранее умерших людей. Можно было изменить имя, фамилию и возраст. Даже «бегуны» стали оправдывать более тесные связи с миром антихриста, поскольку теперь субъектом этих отношений становились как бы не они, а кто-то другой, под личиной которого они скрывались. Есть свидетельства, что они сами стали изготавливать фальшивые паспорта. Как и безбрачные федосеевцы, они оказались лучше приспособленными к казарменной жизни промышленного пролетариата. Их женщины рожали детей без опасения, что некому будет приглядывать за ними, пока они на работе. Своих младенцев они отправляли в родные скиты, где молодое поколение принимали с радостью. «Странники» да и федосеевцы с большим удовольствием брали не только «своих» детей под опеку.

Еще с XVII в. у старообрядцев появились первые ясли и детские сады, где дети могли оставаться до повзрсления, где их обучали грамоте, кормили, обували и одевали. Они стали прообразом советской политики детского воспитания. Первые детские заведения обустраивались в лесных землянках. В XIX в. старообрядческие сиротские дома появились в селах

и городах. Их воспитанники были более образованными, чем сверстники из православных рабочих семей. Они оставались в городах и создавали основу нового поколения рабочих, сызмальства впитавших ненависть к царствующей семье, отрицательное отношение к «сребролюбию» и ортодоксальному православию. Нерегистрируемые, бессемейные, бездетные, трудолюбивые по идейным соображениям и не требовавшие больших зарплат, они были той рабочей силой, в которой нуждалась нарождавшаяся крупная промышленность.

Для понимания масштабов влияния и социальной базы старообрядчества приведу пример с крупнейшим металлургическим заводом России (Нижнетагильским). Вот что свидетельствовал в XIX в. священник РПЦ одного из заводов-смежников (Баньговского завода): «Могущественное общество Нижнетагильского раскола было так крепко сплочено, что представляло сильный оплот всего раскола в здешней округе. Тут была особая сфера религиозной жизни [с]о своими интересами и обычаями. Здесь была своя администрация, своя особая иерархия беглых попов, независимых ни от какой духовной власти и подчиненных исключительно контролю старшин»³⁰. Когда духовный лидер общины входил в контору, «его встречали стоя»³¹. Сами по себе связи оружейников и металлопромышленников со староверами у исследователей сомнений не вызывают. Трактуют их по-разному. Одни считают, что связь имела конфессиональную основу. Другие — меркантильную, потому что староверы были трудолюбивыми, дисциплинированными рабочими³².

Население многих заводских поселков Урала было старообрядческим. Это потому тех, кого царские генералы безжалостно умирjali во время пугачевского восстания. Дом Романовых за это расплатился своим последним самодержцем и его братом Михаилом, в пользу которого он отрекся от престола, именно на Урале, в Екатеринбурге и в Перми. Ни в чем не повинные члены семьи Николая II тоже оказались жертвами религиозной войны потому, что к лику антихриста уральские «часовенные» староверы причисляли всех отпрысков царствующего дома. Сидевший в Кремле В. И. Ленин за сутки до этой ритуальной казни подготовил телеграмму для зарубежной прессы с опровержением слухов о готовящейся расправе. Только отсутствие электричества не сделало его посмешищем и не сделало очевидной его роль в тех событиях.

Эсдеки, делавшие ставку на рабочий класс, действовали не вслепую. В. Д. Бонч-Бруевич информировал товарищей о многочисленности староверов на Урале и в Сибири, о том, что «Златоустовские Топлинские заводы, завод в Кунгуре, завод в г. Тюмени были все переполнены бегунами», что «Федосеевский толк широко развился в России, имея почти в каждой губернии свои общины, во главе которых стояли всегда богатые купцы, фабриканты и заводчики». На втором съезде РСДРП эсдеки узнали, что поповцы «по существу своих экономических интересов» связаны с правящими классами, что беспоповцы — «темные и некультурные» — являются выразителями «протеста более стихийного, чем сознательного, но неуклонного и неудержимого», что им свойствен исключительный стоицизм и жажда покончить с антихристовой властью³³. Именно это им и было нужно — враждебно настроенный против дома Романовых пролетариат, нуждавшийся в национальном политическом лидере.

Староверов не было среди шахтеров и железнодорожников по религиозным мотивам. Зато их много было в металлургии, тяжелом и среднем машиностроении, в легкой и пищевой промышленности, на речном и гужевом транспорте. Пароходство на Волге во многом зависело от старообрядцев. На известных революционными традициями сормовских верфях, к примеру, работали поморцы и «самокресты»³⁴. Ямщичество, помимо профессии, было средством передачи засекреченной информации.

Старообрядчество сплачивала внешняя угроза. Однако к началу XX в. оно уже не было таким монолитным, как в первые 150—200 лет своего существования. В старообрядчестве шел процесс расслоения. Предприниматели стали дрейфовать в сторону от основной массы. Представителю

мощного старообрядческого клана промышленников и банкиров Рябушинских «старый идеал „благочестивого богача“» стал казаться «наивным»: «Оставаться всецело на мирской «святости» гуманизма и социализма — мешает знание жизни!» У неимущих же идея социализма не тускнела.

1917-й. Удивительно, как можно верить, что «1917-й» — плод деятельности партии, имевшей 24 тыс. членов, у которых не было даже ячеек в деревне (95% населения), а в крупнейшей петербургской организации, насчитывавшей 2000 членов, было всего 400 рабочих³⁵. Остальные — литераторы и пр. Еще удивительнее, что все поверили, будто страну всколыхнули атеисты.

До 1917 г. не было ни одного обществоведа из светских или клерикальных кругов, свидетельствовавшего, что в России *вере в бога* угрожала *вера в безбожие*. Если в России будет допущена религиозная свобода, то «половина православных христиан отпадает к староверам», «а половина высшего общества перейдет в католичество», писал Вл. Соловьев в конце XIX века. Начало XX века В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, П. А. Флоренский, Г. П. Федотов и др. воспринимали «как пролог к религиозному возрождению... реализации религиозного потенциала народа»³⁶. Ждали, когда революция начнет «кусать и рвать». Когда русский религиозный потенциал реализовался во всю мощь, Розанов содрогнулся, а В. П. Рябушинский — эмигрант, потерявший на родине все свои заводы, с удовлетворением констатировал: «На религиозном фронте победа уже обеспечена»³⁷.

И после 1917 г. серьезные авторы об атеистической революции речи не вели. К власти пришли верующие. Сомнений не было. Сомнения были в истинности веры. «Русское религиозное сознание» было одной из центральных тем дискуссий, развернувшихся в среде русской эмиграции. С. Л. Франк утверждал, что социализм есть вера, что это вера народных масс, «идущих в арьергарде умственных движений», что это вера в «возможность устройства земными человеческими средствами земного рая», что эта вера свойственна отнюдь не только русским. Бердяев также свидетельствовал о распространенности мнения, что «социализм имеет очень старые древние корни не только социальные, но и религиозные», что русская революция «религиозна по преимуществу». Он не соглашался с этой точкой зрения не потому, что полагал ее атеистичной, а потому, что считал «ожидание социального чуда» слабостью русского народа, «одним из самых больших его соблазнов», отвергнутых Христом в пустыне, что революция была совершена массами, ложно понимавшими сущность христианства. Его главным аргументом, как и у Франка, как и у подавляющего большинства адептов идеологии РПЦ, была «невозможность правды Христовой на земле»³⁸.

Оставшийся в России известный православный автор и противник большевизма М. А. Новоселов лаконично назвал установившийся режим «новым коммунистическим Римом»³⁹. Кропоткин — «монастырским коммунизмом». Священник А. Ельчанинов стал сокрушаться в эмиграции по поводу «бессмысленного преследования старообрядцев, истребления их икон, запечатывания храмов, разрушения алтарей, престолов, иначе сказать, преследования самых верных носителей русского духа»⁴⁰. Запоздалое прозрение!

Случайный контакт будущего вождя будущих большевиков со староверами имел место, когда 19-летний Володя Ульянов жил у сестры на даче в сельце Алакаевка Самарской губернии в двух верстах от хутора Шарнеля. Некто А. А. Преображенский в конце 50-х годов XX в. вспоминал, что он — безработный иваново-вознесенский рабочий, к тому же народник, — приехал в эту местность и купил вышеупомянутый хутор со 100 десятинами земли, чтобы организовать земледельческую коммуну. Принимая во внимание, что в те годы бедные крестьяне владели семью десятинами, а более или менее благополучные — четырнадцатью, рассказ о ста десятинах и о хуторе с домом и хозяйственными постройками, которые приобрел *безработный рабочий* — неуклюжая выдумка. Судя по всему, дело было так: ивановская

или вознесенская община, прислушиваясь к рекомендациям народовольцев, снабдила своего единоверца необходимой суммой и отправила в Самарскую губернию для создания артели, в которой объединились бы местные бедствующие «поморцы». Последние также упомянуты Преображенским как крестьяне, «искавшие правды и спрашивавшие, как жить по-божьи». Вот с ними и имел В. Ульянов продолжительные беседы зимой 1889—1890 года. После этой встречи Ульянов понял, что не следует акцентировать атеизм социалистов, если это провоцирует «раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы»⁴¹ — вывод, имевший большие последствия.

Следующий контакт Ленина со старообрядцами через 10 лет уже не был случайным. Отбыв ссылку в Шушенском, он списался с А. Н. Потресовым и напрямик направился в старообрядческий Псков создавать печатное ядро своей партии. Город этот, с точки зрения дюжинного марксиста, никакого интереса не представлял: промышленного пролетариата не было, значимых политических событий не происходило. Во всем городе нашлось менее семи сочувствующих социал-демократическим идеям, и, что самое главное, средства предоставили не они, а некие «единомышленники». Финансировать «Искру», а заодно и жертвовать на нужды политических ссыльных стал фабрикант-старовер (тоже из поморцев) Савва Морозов. Сам Потресов, выходец из дворянской семьи, был одним из тех «пограничных» людей, через кого поддерживалась живая связь старообрядчества с разного рода борцами за Справедливость. Они не афишировали свои верования (может быть, Потресов в этом смысле не лучший пример — его партийная кличка была «Старовер»).

Ленин учился и пытался учить других эсдеков — в основном южан. Последние считали «Искру» «антиинтеллигентской», а Ленин, наоборот, приветствовал ее связь с «массой даже таких самых отсталых, малоразвитых рабочих, как рабочие подмосковных промышленных губерний». Киевским евреям-теоретикам он противопоставлял «солдат с поля битвы», рабочих «фабричных захолустий центра России», где проблем с распространением газеты нет. Искровец И. В. Бабушкин уточнял, что Ильич имел в виду Иваново-Вознесенск, Орехово и Зуево. «Почва здесь подходящая», — доносил он, а другой искровец, Н. Э. Бауман, добавлял: и на Севере. Крупская не могла понять: как, дескать, на всем Севере? Иначе говоря, речь шла о территориях со сплошным или доминирующим старообрядческим населением. Поэтому эмигрант-Ленин писал в Берлин: «Направляйте красные листки в Россию, но только не в Смоленск или в Полтаву, а в Псков»⁴². А Крупская за непонятливость поплатилась, когда после смерти мужа советским правительством в 20—30-е годы один за другим руководили два уроженца «отдельно взятой» северной слободы Кукарка. Рыков был из «чистопородных» — оба родителя староверы. Молотов — «полукровка». Мать — староверка, отец — из православных, но воспитанием его занимались родственники именно по материнской линии.

Эсдеки не знали, кто занимается распространением их агитационных материалов. Эмигрант Ленин В. И. просил Красикова П. А. узнать, какая организация этим занимается и «не можем ли мы ввести туда своего человека для контроля и участия»⁴³. Староверы не считали нужным посвящать «литераторов» в свои дела. Судя по переписке этого периода, эсдеков озадачивала конспиративность безымянных помощников, о которых «революционеры» знали только то, что это «надежные» люди. Обращает на себя внимание тот факт, что разгром «Искры» был масштабным в основном на Юге и Западе России. На Севере и на Востоке, где делами управляли староверы, сеть выжила.

После 1905 года социал-демократы разглядели в староверах внушительную антимонархическую, антицерковную силу, но по-прежнему намеревались направлять «темных и малоразвитых» рабочих, руководить ими. Ленин рассматривал крупнейшие политические партии, прямо или косвенно действовавшие в русле интересов старообрядчества, всего лишь как подспорье в борьбе своей карликовой политической организации.

Эсдеки наивно полагали, что манипулируют этими громадными и непонятными им силами, не замечая, что это их используют. То, что они называли поражением первой русской революции, послужило точкой опоры для последнего броска староверов к цели. А эсдеки в это же самое время сокрушались: «Ведь это же факт, что и у меньшевиков и у большевиков поредела ряда». В 1909 г. лидер большевиков стал писать, что «атеистическая проповедь может оказать... и излишней, и вредной», признал зависимость эсдековского «мандата на выборах» от верующих, стал связывать с ними «действительный прогресс классовой борьбы». Тогда же он пришел к мысли: «Положение: „социализм есть религия“ для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии»⁴⁴.

Тесное жизненное пространство, в которое старообрядчество было загнано усилиями дома Романовых и РПЦ, вынудило староверов по-новому взглянуть на жизнь и на соответствие своей идеологии жизненным реалиям. Они обнаружили, что им не выжить, если по-прежнему считать Порядок производным от Справедливости, ибо Справедливости нет, а жить все равно надо. Порядок приобрел самостоятельное значение. Староверы стали русскими протестантами, но протестантами по отношению не к католицизму, а к православию — деталь, которая многое меняет в понимании термина «протестант» применительно к староверам. Их подавляли для того, чтобы внедрить в общественное сознание примат Порядка с помощью казенной иерархической Церкви, а в действительности идеология Порядка развилась в подпольной народной церкви, которая стала походить на один из самых дисциплинированных и сплоченных католических орденов.

У старообрядцев была идея, была решимость воплотить ее в жизнь. У них не было оружия, но началась первая мировая война. Сколько было староверов в действующей армии? Думский лидер напомнил государственным мужам, что староверческими были «целые казачьи войска: уральские, кубанское, донское, наконец, сибирские корпуса считали в своих рядах немало старообрядцев»⁴⁵. Историки пишут о битвах гражданской войны, как если бы с саблями наголо по южным степям и в Сибири скакали большевики, хотя известно, что, например, в Чапаевской дивизии был один большевик, который появился не сразу и в боевых действиях не участвовал.

Староверам запрещалось иметь офицерские звания. Когда они такую возможность получили в 1905 г., РПЦ приложила усилия, чтобы староверы не смогли ею воспользоваться. Ситуация стала меняться в 1916 г. и особенно в 1917 г., когда военным министром стал старовер А. И. Гучков, председателем крупного Военно-промышленного комитета — старовер Д. В. Сироткин, а министром вероисповеданий был назначен А. В. Карташев, перу которого принадлежат заурядные для старовера, но из ряда вон выходящие для бывшего обер-прокурора Синода слова: «Мечта о Третьем Риме последнего на земле Православия есть первая и единственная любовь русской души»⁴⁶. Тем не менее в армии к осени 1917 г. офицеров-староверов было очень мало, потому что они еще не успели закончить офицерские училища.

Русская армия накануне 1917 г. состояла из офицеров РПЦ и солдат попеременно от РПЦ и староверов. О том, сколько кого было, можно судить по следующему факту. Как только Временное правительство в угоду староверам освободило солдат от обязанности присутствовать на богослужении в храмах РПЦ, посещение церкви солдатами и принятие причастия сократилось с почти 100% в 1916 году до 10 и ниже в 1917 году»⁴⁷. Таким образом, армия, грубо говоря, состояла из вооруженных револьверами офицеров РПЦ и из вооруженных винтовками и пулеметами солдат-староверов. Поэтому красным солдатским полкам подчас противостояли белые полки из одних офицеров.

Вот соотношение основных сил русской «гугенотской войны» накануне 1917 г.: с одной стороны примерно 37 млн староверов, готовых выполнить свое христианское предназначение, из них 7-8 миллионов вконец озлобленных и вооруженных войной. С другой — примерно 42 млн не очень крепких

в вере прихожан РПЦ, из которых 3-4 млн вконец деморализованных войной и тоже вооруженных. Несколько в стороне — тяготевшие к старовеерам около 3,5 млн евреев (большая часть на юге России и на Украине), еще дальше — около 3 млн неправославных христиан (из них больше половины на юге России, на Украине и в ссылке в Сибири), и совсем вдалеке — 9—10 млн мусульман и буддистов⁴⁸. Картина усложнялась «пятами колоннами» и в староверческой и в православной среде.

У старообрядцев — Белокриничья церковь. Поповцы, как и все старообрядцы, свои мечты связывали с бесклассовостью и бессловностью. В «народной церкви» они видели большое будущее⁴⁹. «Идеи братства, равенства, свободы, общности имущества и труда присущи христианству, но... нормальное устройство людей здесь, на земле, невозможно вне христианства, невозможно без веры в Бога, бессмертия души и загробного мира, без Христа»⁵⁰, — считали они. От прочих их отличала уверенность, что «культурные старообрядцы... опаснее для мрака и предрассудков современного так называемого православного общества, чем отсталые и замкнутые наши единоверцы»⁵¹. Они недооценивали своих «отсталых» единоверцев, на поверку оказавшихся несравненно более опасными не только для общего противника, но и для них самих. К тому же недостаток собственных интеллигентов они компенсировали за счет большевиков.

У РПЦ — «обновленцы» — раскольническое течение, которое стало проповедовать тождество христианских и социалистических идеалов. Их обвиняли в продажности большевикам. Навет! Идеология этого течения имела глубокие корни. Условно говоря, это оставшиеся в РПЦ «старообрядцы». Не возвращаясь в слишком далекое прошлое, упомяну характерное событие, никак с большевиками не связанное хотя бы потому, что они еще не существовали. 29 ноября 1901 г. в Петербурге на «Религиозно-философском собрании» под председательством будущего патриарха РПЦ Сергия (И. Н. Страгородского) была сформулирована стратегическая задача РПЦ. Богослов В. А. Тернавцев заявил, что церкви, если она хочет играть существенную роль в жизни современного общества, следует словом и делом доказать, что у нее не только загробный идеал, что ее земная цель — христианское государство⁵².

Первые же публичные заявления советов свидетельствовали о том, чьи интересы они представляют: «Духовенство молчало, когда у нас было крепостное право (староверы были против. — *О. Ш.*); оно молчало, когда народ расстреливали, вешали; оно молчало, когда сильные мира сего топтали и гнали народ... Кошунственно именем Христа покрыло оно тысячи самых возмутительных преступлений. Сейчас духовенство восстало на защиту вовсе не храмов, не свободы веры... Этому никто и ничто теперь не угрожает»⁵³.

Россия была похожа на растревоженный муравейник, но движение это не было хаотичным. Интеллигенты отвернулись от ропщущей черни, вздумавшей создать какие-то советы вместо «правильных» органов государственной власти. Они не поняли, что происходит. Русские советы были аналогами западноевропейских религиозных общин — «кирхшпилей», на которые опирается вертикаль государственной власти. В России же из-за того, что государство на них опираться не захотело, советы стали самопровозглашенными органами власти. Большевики полагали, что, оказавшись в голове многомиллионного движения, смогут руководить им, как мозг — телом, и в чем-то преуспели, но голова оказалась слишком маленькой для непомерно большого туловища. Советы захлестнули числом. Партия большевиков ежегодно увеличивалась на 125 тыс. человек: с 24 тыс. летом 1917 до 1025 тыс. в 1925 году. К 1927 г. советизация большевизма закончилась. У старообрядческих большевиков и эсдековских большевиков общим было только название.

Симбиоз большевиков со старообрядцами имел катастрофические последствия для их теории социалистической революции. От гегемонии пролетариата в пользу гегемонии советов им пришлось отказаться еще весной 1917 года. Апрельские тезисы Ленина были вступительным взносом в клуб

победителей. Видимо, он решил: невелика потеря, ведь в советах сидят те же пролетарии, не все, правда, но что тут поделывать... Главной же уступкой стал отказ от теории, что социализм победит сначала в развитых индустриальных странах. По существу, это было безоговорочным отказом от основ марксистского толкования закономерности смены общественных формаций. Осталась фразеология, не противоречившая идее русской исключительности.

Среди левых до 1917 г. фаворитами староверов-беспоповцев были не большевики, а эсеры. Носители русской идеи с удовлетворением воспринимали негативное отношение эсеров к частной собственности на землю и даже готовы были простить им некоторую нетвердость в отстаивании своей позиции против либералов. Но эсеры допустили стратегический просчет. В их среде возобладало мнение, что «российская революция или перешагнет... узкие национальные рамки» и тогда ей будет «дана сила мировая, европейская, вместе с тем всемирная», или ей «грозит опасность задохнуться в этих узких своих, тесных, в этих ограниченных рамках»⁵⁴. Они утратили привлекательность для староверов.

Заявив о возможности построения социализма в отдельно взятой, сравнительно слабо развитой стране — России, Ленин снял важнейшее препятствие альянсу со старообрядчеством. Программа партии большевиков была приведена в соответствие с идеей «Москвы — третьего Рима». Под надуманным предлогом столица была перенесена из ненавистного для староверов города, основанного «сыном сатаны», в благочестивую Москву, которая за 250 лет превратилась в неофициальную столицу староберии. С переименованием Петрограда имя антихриста исчезло с карты России. Русский народ вновь стал избранным народом. О предрешенности этого вопроса вне связи с немецкой угрозой Сталин ненароком обмолвился в 1949 году⁵⁵.

Многочисленные на Урале и в Сибири староверы часовенного согласия на соборе 1923 г. постановляли: «Антихрист Петр I взял на себя царскую и святительскую власть в 1693 г. по римскому исчислению. А в 1917-м году явилась власть и низвергнула зверя Антихриста... Сие является знамением последнего времени пред вторым пришествием Христа Спасителя». К аналогичному выводу приходит и собор 1926 г.: «И по писанию святых богочестивых отец все, бывшие на соборе, признали, что дожили до последних времен». Напомню, что под «последними временами» понималось наступление тысячелетнего Царства Божьего на земле.

Старовер-странник в сказании «О страдальцах одиннадцати, писано 7465 г.» повествует о единоверцах, проливавших кровь за власть советов: «Герои гражданских войн, отличившиеся в сражениях с врагами, заслужили себе великую славу, и их доблесть не забывается во многие времена»⁵⁶.

26—27 октября 1924 г. в Костромской губернии, где с конца XVII в., когда Соловецким монахом Арсением был основан первый скит, возникли общины — белокриницкие, беглопоповские, поморские, федосеевские, филипповские, бегунские, спасовские и другие, состоялся первый за всю 250-летнюю историю старообрядчества губернский съезд, который обратился со словами благодарности к губисколкому Советов через редакцию журнала «Красный мир»⁵⁷.

В 1924 г. на собрании староверов-беглопоповцев, в президиуме которого сидели представители московские и саратовские, тульские и пензенские, был заслушан доклад, подчеркивавший, что путь к настоящей власти был «постепенно подготовлен старообрядчеством своими стойкими поступками, многочисленными жертвами и протестами». Делегаты с воодушевлением признали, что для старообрядцев «открывается новая эра» и с этих «знаменательных дней» им следует начать свое «новое летосчисление»⁵⁸.

Вот документы поморских соборов в Саратове в 1923—1925 гг., представленных посланцами из Симбирской, Царицынской, Пензенской, Тамбовской, Самарской, Астраханской, Уфимской, Нижегородской, Московской, Донецкой губерний и областей, а также автономной республики Немцев Поволжья и Украины. В качестве «слушателей» присутствовали

посланцы согласий: Федосеевского, Филипповского, Спасовского, Белокриницкого и даже православные РПЦ. Обсуждались вопросы взаимоотношений между согласиями, вопросы канонические и церковного устройства. И на каждом соборе подчеркивалась благодарность советской власти. Староверы никогда не говорили того, во что не верили. Они соборно подтверждали: «Более 250 лет христиане старообрядцы терпели лютые гонения никонианцев в лице духовенства и царской власти. Только после 1905 г. *стремлениями рабочего класса* (курсив мой. — О. Ш.) была добыта *некоторая свобода* веротерпимости для нас, старообрядцев... но современная власть советов стремится обеспечить за каждым гражданином *полную свободу* духовных убеждений». «В СССР, — заявляли они, — религиозная жизнь получила свое нормальное течение»⁵⁹. Это может значить только одно — что именно так они и считали.

Не осталась в стороне и Белокриницкая иерархия. В начале 20-х у нее еще, видимо, были иллюзии. В «Архипастырском послании к христианам древнеапостольской старообрядческой христовой церкви», выпущенном в мае 1923 г., говорилось: «Теперь, слава Богу, у нас в России утвердилась рабоче-крестьянская власть»⁶⁰.

Палех — местечко в Ивановской области — истари был одним из центров федосеевских иконописцев. Нередко туда навевывались и иконописцы страннического согласия. В начале 20-х годов они стали изображать Георгия Победоносца с серпом и молотом на щите. Эти иконы можно увидеть в Палехском музее. Тогда же в Россию вернулся лидер старообрядцев, ушедших за кордон после поражения восстания Кондратия Булавина в XVIII в. и поклявшихся не возвращаться, пока в России не восторжествует истинное православие. Время это, в их понимании, наступило, раз они стали возвращаться. В 20-е годы беспоповцы стали воссоздавать церковную иерархию. До 1917 г. они считали, что на земле антихриста не может быть истинного священства. Теперь они сочли, что Русь очистилась от скверны. Почти 150 лет известные лишь понаслышке, староверы-странники вышли из подполья и совершенно легально обзавелись духовным училищем в г. Данилове Ярославской губ., где давались основы страннического вероучения и готовились кадры для проповеднической деятельности⁶¹. Странники из толка «безденежников» стали принимать советские дензнаки (царские «антихристовы» деньги они отвергали). Свидетельств о старообрядческом присутствии во всех сферах жизнедеятельности нового общества множество.

Были и исключения. Среди белокриницких и «единоверческих» староверов хватало противников Советской власти. Попадались и среди беспоповцев, по-прежнему считавших, что время антихриста еще не прошло, а Ленин — лже-мессия.

Позиции староверов-революционеров были так прочны, что они могли воздействовать и на РПЦ. Отчасти это воздействие принимало форму мести и устрашения — физическое уничтожение священнослужителей РПЦ и ее храмов. Отчасти — оно имело идеологический характер. Важным в понимании роли старообрядческого давления на РПЦ может служить отказ от индивидуальной исповеди, которая в соответствии с Высочайшим повелением апреля 1722 г. использовалась для выявления «раскольников». Вот выдержка из «Откликов на пастырские собрания в храме Христа Спасителя», датированные неделей мытаря и фарисея 1922 г.: «Ныне, братие, благодарение судьбе, с невозвратным падением старого политического сыска пал и сыск духовный... постепенно и неуклонно устанавливается общая исповедь... рушится... средневековое насилие над совестью православного русского человека... так много терпевшего от царя-самодержца и попа-истязателя»⁶². В РПЦ ширилось разномыслие. Часть клира стала видеть в задачах советской власти «осуществление мирскими методами правды первохристиан». Подтверждение тому — в словах автора-атеиста из РОСТА (1922): «Темная верующая масса... в смутном брожении пробуждающегося сознания хочет что-нибудь построить... Какое-то «новое христианство». Что из этого выйдет, мы не знаем заранее... Отрекшись от старой веры, народная масса найдет

веру в коммунизм, а всякое «новое христианство» послужит только переходной ступенью»⁶³. В 1929 г. произошло неизбежное — иерархи РПЦ отменили все приведшие к расколу постановления 1667 года.

Теократическое государство. Со староверами Ленина свела судьба в 1889 г., а через 30 лет он стал их «подопечным». Первое убежище от врагов революции⁶⁴ весной 1918 г. ему подыскал И. И. Скворцов-Степанов в своей деревне Мальцево Бродово Богородского уезда, известного в России как крупнейший старообрядческий центр ткачества. Мальцево Бродово не было исключением. В этой старообрядческой деревне действовала также ткацкая фабрика. К описываемому периоду предприятие разорилось, но община сохранилась. После очередного покушения на Ленина в августе 1918 г. ему было подыскано второе укромное местечко. На этот раз в Сокольниках, где, по свидетельству Бонч-Бруевича, была *надежная власть*. Надежность власти обеспечивалась безраздельным господством в этой части Москвы федосеевского согласия с центром на Преображенском кладбище. Именно здесь изготавливались ручные бомбы для боевых рабочих дружин в 1905—1907 годах⁶⁵. Последнее — третье — пристанище он нашел в опять-таки в старообрядческом подмосковном имении «Горки»⁶⁶, где также полностью сохранился обслуживающий персонал. Об этом свидетельствуют материалы музея «Горки Ленинские». Последние годы жизни Ленин провел главным образом в окружении старообрядцев, которые служили ему и оберегали его. Из староверов состояла и последняя делегация трудящихся в ноябре 1923 г., когда встречи его с «народом» были полностью прекращены. Расставаясь, член делегации Богородско-Глуховской мануфактуры 60-летний рабочий Кузнецов со слезами на глазах повторял: «Мы скуем все намеченное тобою»⁶⁷.

Когда в Горки прибыла Комиссия по организации похорон Ленина, несмотря на присутствие в имении штатных охранников ГПУ, у тела стояла охрана из староверов: армяк, волосы обрезаны чуть выше мочки ушей, нестриженная борода... По таким признакам и определяла староверов охранка. Несведущих эсдеков очень удивили крестьянские толпы подле покойного партийного лидера. Приехавшие сбивали с бород сосульки, молились, кланялись в пояс и в ноги, приговаривали: «Наш он, за хрестьян страдал»⁶⁸.

Под давлением Советов эсдеки вынуждены были согласиться на невообразимое — навечно выставить труп своего партийного лидера на всеобщее обозрение. Атеистического объяснения этому акту нет, а вот религиозное есть, и даже два. Первое — он был принят за второго мессию, возвестившего миру тысячелетнее Царство Свободы. Поэтому тело его было сохранено для воскрешения, как и при первом пришествии в мир. Воссоздана точная копия: склеп, закрывающий вход камень; два часовых; верующие, приходящие проверить наличие тела. Второе — более тривиальное и широко распространенное у православных: он был канонизирован как святой, его мощи объявлены нетленными. Бальзамирование тела было доверено бывшему эсеру инженеру-биохимику Б. И. Збарскому, семь лет прожившему в староверческой общине в Пермской обл. (Усолье, Всеволодо-Вильво)⁶⁹. За анатомами присматривал Л. Б. Красин, в свое время работавший электриком у Саввы Морозова и передававший товарищам старообрядческие пожертвования на революционную деятельность.

В умах большинства русских того поколения Ленин был и остался Учителем — так христиане называют Христа и проповедников различных интерпретаций христианства, и «вечно живым» — так называли до него только Христа. Вторым Учителем стал Сталин, как один из Его верных апостолов и продолжателей Его дела — что тоже находится в русле христианской традиции. Но было и отличие. Не все староверы признали в нем продолжателя святого дела, и это многое меняло. Есть основания полагать, что Сталин, памятуя о старообрядческих методах борьбы с врагами до 1917 г., оправданно боялся покушений на свою персону. Беседы с родственниками староверов из числа приближенных к партийному руководству тех лет косвенно подтверждают жизненность подобного предположения.

То, какой ценой досталось право называться «Учителем», показывает пример установленного в советской России колхозного строя. У эсдеков существовало три варианта решения аграрного вопроса: вариант Ленина, вариант П. П. Маслова и вариант Н. А. Рожкова. Первые два были основными. Третий, предполагавший сплошную приватизацию, имел мало сторонников, среди которых, кстати сказать, был и Сталин. (Троцкий объяснял его позицию отсутствием у грузин традиции общинного землепользования.) На «аграрном» съезде в Стокгольме (1908 г.) возобладала точка зрения Маслова, которого поддержал Плеханов. С этой программой эсдеки и пришли к 1917 году. Советский Декрет о земле опрокинул планы меньшевиков. На первый взгляд кажется, что возобладала ленинская позиция, но ведь вопреки его ожиданиям никакого «американского фермерства» после национализации не появилось! В первой половине 20-х годов правительство поощряло выход крестьян на хутора и в отруба. За один только 1922 год в 22 губерниях Европейской России под хуторские хозяйства было выделено 590 тыс. десятин земли. В Смоленской губернии, где тяга к фермерскому хозяйствованию была особенно заметна, по десятилетнему плану землеустроительных работ на 1925—1934 г., разверстанию на хутора и отруба подлежало 70% всей площади землеустройства⁷⁰. На XI съезде Советов РСФСР зам. наркома земледелия А. И. Свидерский выделил три периода сельскохозяйственной политики: *первый* — с начала Октябрьской революции до первой половины 1918 г., когда крестьянство стало владельцем 97% земли; *второй* — со второй половины 1918 г. по 1920 г., когда главные усилия были направлены на совхозы и коллективизацию сельского хозяйства; *третий* — когда после окончания гражданской войны правительство перестало уповать исключительно на советские хозяйства и коллективизацию и решило *рассчитывать на самодеятельность населения*⁷¹. Так говорил большевик-эсдек Свидерский за два дня до кончины Ленина. Вскоре все пошло совсем другим курсом.

Собственно, «совсем другим курсом» все шло и раньше. После революции и даже в начале 20-х годов большевиков с Советами никто не путал. Это не акцентировалось, но и не особенно скрывалось еще в 50-е годы. В одном академическом исследовании отмечалось: «Зная, что открытая агитация против советской власти не будет иметь успеха, кулаки агитировали не против советов, а против коммунистов»⁷². Если проследить маршруты агитационных поездов и пароходов в 1919 г., становится очевидным, что они направлялись в основном в старообрядческие регионы и были укомплектованы еще относительно многочисленными старообрядцами-эсдеками, чтобы убедить провинциальных старообрядцев в безобидности большевиков. Характерен диалог о кооперации, состоявшийся в 1919 г. между вождем «правящей партии» и проигравшим «битву за народ» конкурентом. Кропоткин спрашивал Ленина, почему у него слова расходятся с делами, и приводил в пример ситуацию в Дмитрове, где тогда жил. Ленин отвечал, что партийный курс остается неизменным, но что влиять на ситуацию «там, в глубине страны, в отдалении от центров» не удастся, и добавлял: «Ничего не поделаешь, в белых перчатках не сделаешь революции»⁷³.

Город Дмитров расположен в 62 км от центра Москвы, но этот близлежащий городок для большевиков-эсдеков был недосягаемой «глубинкой», где правили другие силы. Что уж говорить обо всей остальной России, растянувшейся на тысячи километров с Севера на Юг и с Запада на Восток! Как спрашивается, могли они направлять ход событий во враждебной им царской России, если после «прихода к власти» не могли влиять на несравненно меньшего масштаба процессы, протекавшие буквально под носом в «управляемой» ими стране?! Очевидно, что им «удавалось» только то, что отвечало устремлениям старообрядчества, но «не удавалось» то, что с этими устремлениями не совпадало. Наиболее сообразительные из их числа меняли свои дореволюционные убеждения на «правильные», и тогда им «удавалось» все.

Матрицей, с которой была скопирована основа колхозного строя, стал старообрядческий монастырь. Колхозный и монастырский уставы

в пунктах, регламентирующих организационное строение, хозяйственную деятельность и место в иерархии подчиненности, демонстрируют полную идентичность. Более того, заурядная беспоповская старообрядческая община, по сути, была мирским вариантом монастыря. Вот выдержка из артельного Устава 1923 г. общины спасова согласия г. Коврова Владимирской губернии («родины» Советов): «Религиозное общество Спасова Согласия общинного начала, не имеющего священства, имеет целью объединение граждан этого исповедания г. Коврова при вышеупомянутом молитвенном доме по древним уставам своей веры на основах доброй жизни, общего труда и взаимной помощи, не имея в виду извлечение прибылей»⁷⁴. Такой устав соответствовал их идеологии и освобождал от налогов. Давление староверов не встречало широкого отпора со стороны православного крестьянства, поскольку идея монастырского хозяйства не противоречила их традициям общинного землепользования. К тому же беспоповский старообрядческий монастырь, в котором жили мужчины и женщины, тоже не был им в диковину. До раскола такого рода общежития были известны всем православным России.

Дело не только в колхозах. Модель, которую Кропоткин абсолютно верно назвал «монастырским коммунизмом», была внедрена и в индустриальном варианте. Она сохранялась до начала 90-х годов XX века. Для этого, с одной стороны, пришлось отказаться от марксистского тезиса, что первичной ячейкой общества является *семья*, — таковой был объявлен *трудовой коллектив*. С другой же стороны, состыковать «монастырский коммунизм» с марксизмом было возможно потому, что марксистский закон стоимости отождествил интересы производителя и потребителя, что вполне соответствует логике монастырского хозяйства. Завод в старообрядческой (советской) России стал центром не только производственной деятельности, на него была завязана вся социальная инфраструктура, включая больницы и школы, коммунальное хозяйство и дома культуры, разного рода распределители. Одновременно завод стал элементом иерархии власти. Его руководители в зависимости от размера предприятия были представлены в идеологических центрах соответствующих уровней — от районных и областных до республиканских и общесоюзных.

В обществе формировалась новая церковь. Не старообрядческая и не православная, а *коммунистическая*. Процесс протекал стихийно. Изданный в январе 1918 г. Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах объявлял отделение церкви от государства. Совпавший с ним по времени террор против духовенства РПЦ сейчас трактуют как следствие этого декрета. Но связи никакой не было, это подтверждается инструкцией Наркомюста (август 1918 г.), направленной на охрану прав верующих. Ни эта, ни другие подобные инструкции не выполнялись⁷⁵. 250 лет РПЦ сеяла ветер — настало время пожинать бурю. У атеистов-большевиков на уме было одно, а у революционной массы — другое. Первые заседали в Совнарком, вторые — в городских, районных и сельских советах. Первые были наперечет, вторых — миллионы.

Возникший «Союз безбожников» состоял из двух несвязанных движений. Одно — собственно атеистическое — глубоких корней не имело и выступало против религии вообще. Другое продолжало вековую борьбу именно против РПЦ, под видом борьбы антирелигиозной. Достаточно посмотреть документы того времени. В докладе о работе антирелигиозной комиссии при ЦК (ноябрь 1922 г.) староверы не упоминаются ни в разделе о «борьбе с церковной контрреволюцией» («тихоновщиной»), ни в разделе о «разложении православной церкви», ни в разделе о «борьбе с сектантством», ни в разделе о правовых мероприятиях, облегчавших партии борьбу с религией и мистикой всех видов. Не упоминает о староверах и «совершенно секретный» доклад председателя «антирелигиозной» комиссии Н. Н. Попова от 12 декабря 1922 года.

Губкомам, обкомам РКП рассылался секретный циркуляр (июнь 1923 г.) такого содержания: «За закрытие церквей, вызывающее раздражение населения, члены партии будут привлекаться к самой суровой партий-

ной ответственности. Цека категорически предлагает приостановить проведение в жизнь этой меры». На это секретарь обкома Коми отвечал, что громадное большинство населения Усть-Сысольска требует закрытия храма РПЦ. Требовали они потому, что Усть-Сысольск был столицей края, где до сих пор помнят гари, унесшие жизни сотен стариков и детей, женщин и мужчин, отказавшихся принять «нововерие», где большой Усть-Цилемский район по-прежнему известен как старообрядческий.

Комсомольцам тех лет рекомендовалось читать «антирелигиозную» беллетристику: «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского, сочинения В. Г. Короленко и др.⁷⁶ Комментировать произведение Мельникова-Печерского — известного апологета старообрядчества, нужды нет. Произведения Короленко образованные староверы цитируют по сей день⁷⁷. Но что комсомолец мог почерпнуть из произведений менее известного Помяловского, помимо резкой критики попов РПЦ? Цитирую: «Что такое атеизм? Безбожие, неверие, заговор против религии? Нет, не то. Атеизм есть ни более, ни менее как известная форма развития, которую может принять каждый порядочный человек, не боясь сделаться через то диким зверем... и честный поп, встретясь с атеистом-товарищем, охотно подаст ему руку, если только он в сущности дела порядочный человек»⁷⁸. Вот что такое «атеизм» первой половины 20-х годов!

Староверы участвовали в изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом на Волге (предположительно). Де-юре кампания была направлена против всех церквей России. Де-факто — против РПЦ, потому что только храмы РПЦ содержали по-настоящему дорогостоящие культовые предметы и принадлежности. Староверы считали дело это богоугодным, так как РПЦ сама их хорошо пограбила в XVII—XIX вв., а потом еще взимала с них налог на свое содержание. Ситуация изменилась, когда возглавляемые атеистом Л. Д. Бронштейном экспроприаторы размахнулись шире — стали закрывать часовни староверов, их моленные, соборные храмы, вывозить иконы, древние рукописные и старопечатные книги. В состоянии революционного угара показалось, что общество можно менять решением народного комиссара.

Федосеевцы возмутились и в обращении в Наркомюст напомнили, *кто «своей кровью не так давно отстаивали свободу Республики на полях, где решалась судьба русского народа»*⁷⁹. Даже не принявшие революцию белокриницкие староверы, описывая события 20-х годов, подчеркивают, что они выступали не против советской власти, а против «большевистских главарей Бухарина, Луначарского, Троцкого и проч., защищая веру Христову от атеистического мракобесия». Замахнувшись на староверов, Троцкий и компания подписали себе смертный приговор, но они этого еще не понимали и писали докладные в политбюро, что «Партия осоветилась и проходит мимо своих партийных и политических задач»⁸⁰. Что «осоветилась» — это верно, а вот что именно «проходит мимо», они узнали через несколько лет, когда их стали расстреливать.

Союз воинствующих безбожников насчитывал к началу 30-х годов 5 млн членов. Из них в областях с преимущественно русским населением — 2434 тыс., то есть менее 2,5% населения России в ее нынешних границах (рассчитано мною. — *О. Ш.*). После разгрома ортодоксальных марксистов Союз практически перестал существовать. В 1933 г. в нем осталось 350—400 тыс. членов, в том числе жители собственно российских регионов составляли 0,4% населения. Аппарат был «засорен троцкистами и другими преступными элементами», от которых советская власть с помощью НКВД избавлялась⁸¹. Вот такая бесславная кончина атеизма.

Что же это было, если не атеизм? *Квазиатеизм*, на котором выросла *псевдоцерковь*. И в этом нет ничего противоестественного. Вера, связанная с будущим, не может сохраняться в прежнем виде, когда это будущее становится настоящим, но и сразу исчезнуть она тоже не может, трансформируясь в веру в свою способность воплотить вековые идеалы в жизнь.

Русский квазиатеизм сформировался в итоге столкновения двух противоборствовавших идеологических потоков, имевших внутри себя подспудные течения. Враждующая и перетекаящая друг в друга, эти потоки в конце концов вновь разделились в новой конфигурации. Так произошла русская Реформация. Смысл ее заключался в ужесточении норм поведения в обществе, перешедшем к удовлетворению своих потребностей от преимущественной эксплуатации ресурсов, находящихся на поверхности земли, к опережающей эксплуатации ее недр. Преданность примату Справедливости поколеблена не была, но староверов жизнь приучила еще и к уважению Порядка. Взяв власть в свои руки, они заставили учиться этому всех. Активная в тот период часть общества запретила ходить толпой и думать что попало. Русские стали маршировать и думать одинаково. Почти как западные протестанты, но сохранив свой особый стиль. Протестантами движет внутренняя убежденность. В России — насилие одной части общества над другой.

Возникшее общество имело все признаки *теократизма*.

В начале функции ВКП(б) и Советов из-за их чужеродности дублировались. Двухребетная система управления препятствовала нормальному развитию хозяйства. К концу 20-х, когда ВКП(б) заполнилась людьми из Советов, отчуждение сошло на нет. Функции разделились. К ВКП(б) отошла роль идеолога, весьма схожая с той, какую играет католическая церковь. Если быть точнее, то ВКП(б) имела много общего с орденом францисканцев — *орденом нищенствующих*, ведавшим инквизицией наряду с доминиканцами. Их богословы известны своими предсказаниями конца света и наступления *века свободы*.

На смену основополагающему противоречию между РПЦ и старообрядчеством пришло противоречие между обновленной Русской православной церковью и Русской коммунистической церковью (РКЦ). В первой объединились верующие в Справедливость и Спасителя на небесах, во второй — в Справедливость и Спасителя на земле. В этой церкви объединились квазиатеисты из числа староверов-беспоповцев (абсолютное большинство), христианских социалистов от православия (следующий по численности слой), порвавшие с иудаизмом евреи (меньшинство), а также некоторые бывшие мусульмане и неправославные христиане (абсолютное меньшинство).

РКЦ узурпировала государственную власть, обрушилась с гонениями на всех традиционно верующих, включая и староверов, а также на ортодоксальных атеистов. У нее появилась своя «библия» и церковная иерархия, свой церковный календарь, собственный церковный суд, свои епархии, проповедники, культовые здания, иконы, канонизированные святые. Главными ценностями РКЦ были вера и аскетизм.

Теократизм Советской власти отчетливо выявляется при сопоставительном анализе функций церкви, политических партий и государственного аппарата в советской России и в католическом ареале Европы. То, чем в западноевропейских обществах занимаются политические партии, — разработка экономических программ, в России стало делом органов государственного управления. ВКП(б) — КПСС разработкой этих программ себя не утруждала. Политбюро ставило задачи в самом общем плане, которые должны были решать министерства и ведомства. ВКП(б) — КПСС, как и полагается Церкви, участвовала в этом процессе косвенно, через своих членов, а затем на съездах, то есть соборно, утверждала разработанные государственными учреждениями программы. Вместе с тем она непосредственно, как церковь в католической Европе, играла роль идеолога, формулировала нравственные и моральные догмы, тщательно следила за их соблюдением. Совпадал и порядок выдвижения на высшие иерархические посты. На них могла претендовать только «черная кость». В традиционной церкви — из монашеской кельи, в РКЦ — от станка. Предреченное Евангелием превращение «последних в первые» эффективно обеспечивало преемственность идеологического консерватизма.

Принципиальное отличие политической партии от церкви заключается

в том, что партия руководствуется настроениями в обществе, а церковь, наоборот, насаждает в обществе идеологию. Партийный курс непостоянен, зависит от многих переменных. Курс церкви неизменен, определяется догматическим учением. Партия озабочена преходящим, церковь — вечным. Политической партии как таковой уже не было в советской России 30-х годов. Существовали РКЦ и формировавшееся из ее иерархов правительство. Выполнившие свою миссию советы выродились в малозначимый придаток новой структуры власти.

Кто были эти люди во плоти? Рассмотрим в качестве примера человека, родившегося в 1902 г. — он по возрасту представлял поколение, пришедшее в 30-е годы на смену ортодоксальным марксистам.

В 35—50 верстах по дороге от Хвалынского до Кузнецка Саратовской губернии расположилось около десятка деревень, сплошь заселенных староверами-спасовцами. В 1901 г. миссионер РПЦ К. Д. Попов описывал их так: «Главный догмат этой секты заключается в том странном убеждении, что нынешнее время — время антихристово... Все видимое на земле оксвернено, весь воздух заражен погибельной ересью, и все люди кажутся им глубоко несчастными, погибшими, имеющими один только внешний облик человека, внутри же их — образ и седалище сатаны. Они полагают, что антихрист господствует всюду: в церкви, в училищах, суде, торговле и пр.» Несколько слов о детстве в старообрядческой семье: «Разговоры, смех, песни, возня, беготня, всякие возвышенные чувства в ней неуместны и глохнут сейчас же, если нечаянно прорвутся. Врага человеческого рода здесь всегда ждут с суровой, непреклонной решимостью»⁸². В семье крестьянина одной из деревень «спасова созвездия» (Шаховская) родился мальчик; к 1918 г. ему исполнилось 16 лет. Он стал активистом комитета бедноты. Не покидая отчий дом, до 18 лет раскулачивал погрязших в греховной зажиточности крестьян, затем уехал в Москву. В 1921 г. вступил в РКП(б), в 1924 г. окончил Пречистенский рабфак, в 1928 — Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

В 30-е годы громил остатки ортодоксальных марксистов (троцкистско-зиновьевский блок), «укреплял» партийную линию в идеологически ненадежных районах Юга и Запада (Ростовская область и Ставропольский край, Литва). В 40-е стал ответственным работником аппарата ЦК, редактором центрального органа РКЦ — газеты «Правда». С 1950 г. и до конца жизни (1982 г.) — член ЦК и Политбюро ЦК КПСС, главный идеологический инквизитор страны. Жил скромно, говорил тихо. Его служебный лимузин передвигался со скоростью 40 км/час. При жизни его остерегались все, включая генеральных секретарей ЦК 60—70-х годов. Звали его *Михаилом Андреевичем Суловым*.

Через 10 лет после смерти его справедливо назвали «серым кардиналом», но, по незнанию его истинной сущности, полагали, что он приспособленец, принявший правила игры «тоталитарного общества»⁸³. Нет, он их не принимал, он их диктовал — вместе с миллионами своих единоверцев из других согласий, ставших служащими советов снизу доверху, сотрудниками ЧК, ГПУ, НКВД, партийцами, от рядовых до функционеров высшего уровня.

Именно они инициировали в 30-е годы лозунг «обострения классово-борьбы», который в принципе противоречил дореволюционным теориям эсдеков вообще и большевиков в частности. В честь чего это было ей обостряться, если большевики более 10 лет уже держали власть, если остались позади и гражданская война, и интервенция, и сумятица первых лет? В том-то и дело, что к концу 20-х те, кто свершил революцию 1917 года, сами познали азы марксистской экономической теории на рабфаках и в институтах красной профессуры. Никаких иных теорий они не знали, потому что ничему другому их большевистские лекторы просто не учили. Подвизаясь на влиятельных, но второстепенных ролях, они обрели навыки государственного управления. Попутчики, отрицавшие возможность «социализма в отдельно взятой стране», то есть «Москвы — третьего Рима», на святоотеческом языке, стали лишними на их празднике жизни. Отчетливому

видению сути событий 30-х годов мешает мутный фон, созданный особым характером взаимоотношений поднявшихся «из грязи в князи» людей. Но если отделить зерна от плевел, то «обострение классовой борьбы» перестает быть некоей параноидальной идеей отдельной личности. Иосиф Джугашвили в этой истории играл роль трясущегося за свою жизнь приспособленца. Он был статистом, исполняя роль культовой личности в пьесе, которую режиссировали другие. (Культе самому себе создать невозможно. Культе личности создается не самой личностью, а массами. Культовая личность ведет себя так, чтобы соответствовать желанию масс. Они скованы одной цепью. Очень доказательно этот феномен описан Дж. Фрезером в исследовании религиозного миропонимания на примерах многих народов мира⁸⁴.) Его кредо, как, собственно, и кредо Владимира Ульянова, было *жажда власти и покорность обстоятельствам*. В противном случае их просто заменили бы.

Теократическое государство просуществовало с конца 20-х годов около 25 лет — срок, в течение которого происходит смена одного поколения. Эти годы стали свидетелями религиозного рвения масс, самоотверженности ради великой цели. Тех, кто не захотел быть энтузиастом по собственному желанию, принудили к изнурительному труду насильственно. Со смертью Учителя начался процесс секуляризации, затянувшийся еще на десятилетия. После смерти «серого кардинала» система окончательно потеряла устойчивость. Восстановить ее равновесие принявший эстафету Егор Лигачев был не в состоянии. Признаком состоявшегося идеологического сдвига стало провозглашение примата «общечеловеческих ценностей».

Итак, потребность в Порядке возникла в XVII веке. Она возрастала по мере перехода общественного воспроизводства от эксплуатации поверхностных ресурсов к эксплуатации недр. Властители 250 лет пытались насадить Порядок сверху, используя для этого легальную иерархическую церковь. Народ вязко сопротивлялся нововведениям. Одновременно в нелегальной народной церкви самостоятельно вызревала потребность в Порядке как идеологии выживания. В старообрядческой среде, составлявшей почти половину русского общества, и к тому же наиболее социально активную его часть, традиционная национальная идея *Богоизбранности* и *Справедливости* преобразилась в идею *Богоизбранности, Справедливости и Порядка*. С 1917 года начался процесс распространения этой идеологии на все российское общество. Масштабы насилия, сопутствовавшие внедрению нового мировоззрения, свидетельствуют о вовлеченности больших масс людей.

250-летнее противостояние двух русских церквей; форма, которую принял процесс трансформации общественного сознания; возникновение теократического государства — все это свидетельствует о том, что русская история последних столетий была по преимуществу историей религии. Итогом противоборства стало явное сближение идеологий. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в 2000 г. заявил: «Универсальное призвание России будет реализовано не через стремление к доминированию и обладанию, но через предложение народам русского пути развития, основанного на приоритетах духовно-нравственных»⁸⁵. Эта идея, сформулированная более 500 лет назад, была ровно на 333 года забыта РПЦ, но стала движущей силой старообрядчества, которое два с половиной века сжималось, как громадная стальная пружина. Разжавшись, она дала толчок обществу, утратив накопленный потенциал. Староверов почти не осталось. Большинство из них вместе с присоединившейся частью прихожан РПЦ, пройдя через горнило квазиатеизма, окончательно отпало в атеизм.

Во второй половине XX в. русская идея утратила религиозную основу, но сторонники этой идеи *до сих пор считают свой народ непревзойденным в достижении Справедливости и Порядка*. Идеология сохраняется в общественном сознании веками. Вовсе не обязательно, чтобы человек ходил в церковь или вообще считал себя верующим. Он рождается в среду с утвердившейся ценностной ориентацией, которую воспринимает с детства и пронесит сквозь всю оставшуюся жизнь.

Примечания

1. КЕЛЬСИЕВ. Сборник правительственных сведений о раскольниках. В 4-х частях. Лондон. 1861—1862 гг. Ч. 4, с. 45—46.
2. КИРИЛЛОВ В. А. Статистика старообрядчества. М. 1913, с. 23.
3. МЕЛЬНИКОВ П. И. Счисление раскольников. В кн.: МЕЛЬНИКОВ П. И. Собр. соч. в 7 тт. Т. 7. СПб. 1909.
4. ЩЕКАТОВ А. Словарь географический Российского государства. Т. 10. Ч. 6. М. 1808, с. 415.
5. ЮРКИН И. Н. Источники по истории старообрядчества в фонде Тульской провинциальной канцелярии. В кн.: Старообрядчество. История, культура, современность. М. 2000, с. 95—102.
6. КИРИЛЛОВ В. А. Ук. соч., с. 14.
7. Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1903—1904 гг.
8. МИЛЮКОВ П. Н. Очерки по истории русской литературы.— Современные записки (Париж), 1931, № 2, с. 157; БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Избр. соч. Т. 1. М. 1959, 175, 97.
9. КИРИЛЛОВ И. А. Третий Рим. М. 1996, с. 50.
10. БЕЛИНСКИЙ В. Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М. 1956, с. 250; т. 10. М. 1956, с. 215; ОГАРЕВ Н. П. Избр. социально-политические и философские произведения. Т. 2. М. 1956, с. 130; ДОБРЮЛОВ Н. А. Собр. соч. Т. 1. М.-Л. 1961, с. 101.
11. МОЛЗИНСКИЙ В. В. Научно-историческое наследие старообрядчества начала XX в. В кн.: Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М. 2000, с. 23; БЕРДЯЕВ Н. А. А. С. Хомяков. М. 1912, с. 104; ОДИНОКИЙ Д. Из записной книжки.— Московский листок, 5.VI.1913. № 128.
12. БАКУНИН М. А. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб. 1906, с. 80.
13. КРОПОТКИН П. А. Записки революционера. М. 1988, с. 183, 295—296, 303.
14. Александр Дмитриевич Михайлов.— Былое, 1906, № 2, с. 169; Народолюбцы в Саратовской губернии.— Советские архивы, 1991, № 2, с. 81—82.
15. Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь. 1994, с. 134.
16. МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул. 1999, с. 447.
17. Воспоминания о Михайле Ивановиче Калинин. Калинин. 1960 (вклейка с фотографиями между с. 48 и 49).
18. МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Ук. соч., с. 271, 398.
19. Кукарская жизнь, 1917, № 7, с. 2.
20. Цит. по: ЛАВРОВ А. В. Архив П. П. Перцова. В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 год. Л. 1976, с. 57.
21. АЗАДОВСКИЙ К. М. Николай Клюев: путь поэта. Л. 1990; Социальный протест в народной поэзии. В кн.: Русский фольклор. XV. Л. 1975, с. 206; БЛОК А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М.-Л. 1963, с. 219, 252, 258.
22. ВУРГАФТ С. Г., УШАКОВ И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. М. 1996, с. 29.
23. Памятники старообрядческой письменности. Сочинения Игнатия Соловецкого. Возвешение от сына духовного ко отцу духовному. Список писем страдальческих священнопротопопа Аввакума. СПб. 2000, с. 76.
24. ВУРГАФТ С. Г., УШАКОВ И. А. Ук. соч., с. 29; Ответ христиан на присланные тетради ис Поморья. В кн.: Духовная литература староверов Востока России. Новосибирск. 1999, с. 489.
25. ПАНКРАТОВ А. В. От Востока направо. М. 2000, с. 12.
26. МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Ук. соч., с. 259; МЕЛЬГУНОВ С. П. Старообрядчество и освободительное движение. М. 1906, с. 5, 9, 11.
27. МИХАЙЛОВ Г. Старообрядческая Церковь: падчерница государства? В кн.: Духовные ответы. Вып. 15. М. 2001, с. 105.
28. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М. 1966, с. 93.
29. Поморский вестник (издание Старообрядческого общества Латвии), 2000, № 6, июль, с. 10.
30. Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 297, оп. 3, д. 371, л. 17.
31. ЧАГИН Г. Н. Нижнетагильские старообрядцы на Урале в XVIII — первой половине XIX века. В кн.: Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы. М. 1997, с. 164.
32. ЮРКИН И. П. Тульское старообрядческое окружение Демидовых (к постановке вопроса). В кн.: Старообрядчество. История, культура, современность. Вып. 5. М. 1996, с. 31—35.

33. БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Избр. соч. Т. 1. М. 1959, с. 155, 156, 158, 265, 274.
34. Старообрядец, 2000, № 17 (июнь), с. 7.
35. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. М. 1923, с. 32; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2, с. 662—663.
36. СМИРНОВ И. П. Осмысление старообрядчества в русской философии «духовного ренессанса». В кн.: Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М. 1999, с. 30—32.
37. РОЗАНОВ В. В. Революционная обломовка. В кн.: РОЗАНОВ В. В. Религия, философия, культура. М. 1992, с. 357, 358; РЯБУШИНСКИЙ В. П. Русский хозяин. М. 1998, с. 11.
38. СОЛОВЬЕВ В. С. О христианском единстве. М. 1994, с. 171; ФРАНК С. Л. Духовные основы общества. В кн.: Русское зарубежье. Власть и право. Л. 1991, с. 246; БЕРДЯЕВ Н. А. Философия неравенства. Там же, с. 156, 158, 9, 30, 238.
39. РОЗАНОВ В. В. Ук. соч., с. 357, 358; НОВОСЕЛОВ М. А. Письма к друзьям. М. 1994, с. XXXVI. Вступительная статья Е. С. Полищука.
40. Цит. по: МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Ук. соч., с. 403.
41. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 3-х тт. Т. 3. М. 1960, с. 14—17; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 146.
42. Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра». Т. 3. М. 1969, с. 173, т. 1. М. 1969, с. 48, 50, 93, 63.
43. Там же. Т. 1, док. № 65, с. 101.
44. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 17, с. 293, 420—423.
45. Законопроект о старообрядческих общинах в Государственной думе. Стенограф. отчет. М. 1909, с. 151.
46. КАРТАШОВ А. Смысл Старообрядчества.— Старовер (Горно-Алтайск), 1994, июль (7502), с. 28.
47. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д. Подвиг веры в атеистическом государстве. В кн.: Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М. 1991, с. 71.
48. Протестанты Прибалтики, католики Польши, мусульмане и христиане присоединенных земель не в счет — на исход войны в собственно России участие их или неучастие принципиального влияния оказать не могло.
49. МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Современные запросы старообрядчеству. М. 1999, с. 59, 116.
50. Цит. по: Старообрядчество и социализм.— Родина, 1990, № 9, с. 76—77.
51. МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Современные запросы старообрядчеству, с. 25.
52. НОВОСЕЛОВ М. А. Ук. соч., с. 298; Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902—1903). СПб. 1906, с. 21—22.
53. Обращение президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области к гражданам России, 28.I.1918. В кн.: Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. М. 1996, с. 16.
54. Старообрядец, 2000, № 16 (июнь), с. 2; 1-й Всероссийский съезд Советов. Т. 2. М. 1930, с. 99.
55. Источник, 1997, № 5, с. 136.
56. История Сибири. Первоисточники. Духовная литература староверов Востока России XVIII—XX вв. Новосибирск. 1999, с. 374, 376, 586.
57. БУРДИНА Л. В. Старообрядчество в Костромском крае. В кн.: Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М. 2000, с. 220, 222.
58. Протокол, доклад и грамота саратовского старообрядческого собрания. Саратов. 1924, с. 10.
59. Саратовский Нижневолжский областной собор христиан старообрядцев поморского согласия, приемлющих брак. 25—30 мая 1925 г. Саратов. 1925, с. 3, 16—18, 22, 25.
60. МИХАЙЛОВ Г. Ук. соч., с. 105.
61. История Сибири. Первоисточники, с. 765.
62. НОВОСЕЛОВ М. А. Ук. соч., с. 16—17.
63. Русская православная церковь и коммунистическое государство, с. 162, 208, 164.
64. Чтобы оградить «от белогвардейцев, повстанческих отрядов, эсеров, меньшевиков и анархистов» (БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Ук. соч. Т. 3. М. 1959, с. 322).
65. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М. 1993, с. 363.
66. Последняя владелица имения, Зинаида Морозова, получила квартиру в доме на Арбате, в привилегированном районе Москвы того времени. Потом она, ни дня не проработав на советском предприятии, получила государственную пенсию — факт в то время более чем красноречивый, и переехала в Ильинское — пансионат отошедших от активной работы старух большевиков.

67. ХОЛОДОВА П. А. Ильич и глуховцы. В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М. 1960, с. 369.
68. БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Смерть и похороны Владимира Ильича (по личным воспоминаниям). М. 1925, с. 25—26.
69. МОРОЗОВА Т. П., ПОТКИНА И. В. Савва Морозов. М. 1998, с. 82—83.
70. ДАНИЛОВ В. П. Советская колхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977, с. 15.
71. Известия, 22.I.1924.
72. МАКСАКОВА Л. В. Агитпоезд «Октябрьская революция» (1919—1920). М. 1956, с. 49.
73. БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Избр. соч. Т. 3, с. 402—403.
74. Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. Р-357, оп. 2, д. 236, л. 3—5.
75. Русская православная церковь и коммунистическое государство, с. 11.
76. Там же, с. 155—158, 160—163, 184, 185, 173—174.
77. Родина, 1990, № 9, с. 20.
78. ПОМЯЛОВСКИЙ Н. Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М. 1987, с. 385—386.
79. Сказание о московском Преображенском монастыре. М. 2000, с. 106.
80. МЕЛЬНИКОВ Ф. Е. Яко с нами Бог. М. 2000, с. 14; Русская православная церковь и коммунистическое государство, с. 105.
81. Русская православная церковь и коммунистическое государство, с. 273, 319.
82. ПОПОВ К. Д. Раскол и его путеводители. М. 1901, с. 29; ЖИЛКИН И. Старообрядцы на Волге. Саратов. 1905, с. 61.
83. МЕДВЕДЕВ Р. А., ЕРМАКОВ Д. А. «Серый кардинал». М. 1992.
84. ФРЕЗЕР Дж. Золотая ветвь. М. 1983.
85. Социальная концепция Русской православной церкви.— На рубеже эпох: российский вариант, 2000, № 4(44), декабрь, с. 7.

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926

1922 год

№ 46.

9 апреля 1922 года

Милый мой, родной Любанаша!

Наконец-то после ряда путешествий я очутился сегодня в Генуе. 24 марта я выехал из Москвы. Сутки пробыл по пути в Берлине, откуда выехал 4-го в Лондон. Пробыл там тоже день с небольшим и в 8.30 утра 6 апреля выехал в Геную, со Швецом в качестве верного «Ричарда», сопровождающим меня со дня отъезда тогда, в феврале, из Лондона. 9-го сего числа, накануне открытия конференции¹, я попал-таки на место, можно сказать, в обрез.

В Москве, по обыкновению, пришлось очень много работать. Не успел я объявиться, как на меня навалили самое трудное дело: следить и толкать развозку и распределение по России продовольственных и семенных грузов. Пришлось тряхнуть стариной и, опираясь на некоторых старых сотрудников по Наркомпути, взяться за это дело. Конечно, нагрузки мне это не убавило. А тут еще отчаянная склока с Наркомвнешторгом, борьба за сохранение монополии внешней торговли² и за состав коллегии. Опять входит в комиссариат Радченко, но Лежаву удалось оставить только временно, очень уж он восстановил против себя всех отсутствием надлежащей твердости и неспособностью огрызаться со всех сторон сразу, как это у нас необходимо. Вообще же в Москве положение много легче и лучше этой зимой, чем прошлые годы, особенно у кого есть хоть какая-либо зацепка в виде иностранной валюты. Торговля идет вовсю, и за хорошие деньги можно все достать. Правда, курс советского рубля падает стремительно, и обывателю, живущему на жалованье, приходится ежемесячно вопить о прибавках и всякими правдами и неправдами подрабатывать как-либо на стороне.

Андрюшу я видел несколько раз, и однажды даже был вечером у него и его жены, на какой-то временной их квартире. Выглядит мальчик хорошо, несмотря на все крымские злоключения. Эта его Вера Ивановна, видимо, проворная баба с довольно ясно выраженными торговыми талантами, сильно еще развитыми необходимостью в течение нескольких лет спекулировать, продавать и покупать при всевозможных белых и красных режимах. Не пропадет ни при каких обстоятельствах и в этом смысле имеет, вероятно, и на Андрея полезное влияние. Они решили из Крыма переехать в Москву ввиду полной невозможности жить там сейчас сколько-нибудь

Продолжение. См. Вопросы истории, 2002, № 1—3.

спокойно. Два-три дня до моего отъезда из Москвы Андрюша поехал в Крым, чтобы ликвидировать там остатки хозяйства и вывезти в М[оскву] детей. Я дал А[ндрюше] 50 фунтов, сапоги, кожаную куртку, костюм, белья etc., так что он в этом отношении сейчас пока вполне устроен и ты можешь быть спокойна, что такими необходимыми вещами он снабжен.

Если Кудишу ³ удастся получить визу, то весьма возможно, что Андрюша придет в Конст[антинополь] и далее получит визу в Италию, чтобы повидаться с тобой. Насчет английской визы, во избежание разочарования, я ему сказал, что надежды почти нет, но, конечно, я сделаю все возможное, чтобы такую визу достать и хоть на короткое время залучить А[ндрея] в Лондон. Самое сложное дело ему предстоит с солдатчиной, и тут как будто еще не находится никакого удовлетворительного решения. Разве что в Генуе всерьез будет решено всеобщее разоружение, на что, впрочем, мало надежды. Ну, да как-нибудь образуется, в крайнем случае отслужит положенное число месяцев, а там Авель и другие помогут, чтобы это было в сносных условиях.

В Лондон я заезжал частью по делам, частью хоть одним глазком посмотреть на прелестнейших наших дочерей. Девочки действительно какие-то исключительные («чтобы их Бог любил», «сухо дерево — завтра пятница» ⁴). На вокзале был встречен Любашей: обе старшие опаздывали и не могли туда к поезду попасть. Любан наш еще вырос и с лица пополнил, но долговязости своей не утратил. Катерина про него говорит — «одни ноги!», и это отчасти соответствует действительности. Выглядит Любан очень хорошо, руки имеет избитые от хоккея и черные от смолы и грязи по случаю активного участия в весьма интересных кровельных работах по окончанию грандиозных зданий (или сараев) их учебного заведения. Катерина не отстает от Любы ни по части хоккея, ни по части кровельных работ. Несколько похудела, очевидно, избегалась, ну да и науки все-таки, шутка сказать! Весела и остроумна по обыкновению. Людмилчик тоже, бедняжка, несколько похудел, но очень был обрадован, когда я ему об этом сказал. Взять его с собой, как ты писала, мне было невозможно за краткостью времени для виз, да отчасти и по другим причинам, и мы сообща решили отложить эту поездку до более спокойных времен. Ихнее от них еще не уйдет, успеют всего насмотреться, я в ее годы еще только-только начинал нос высовывать из сибирского подполья. Поспееет и она.

Нинетта в добром здоровье, восседает на твоём месте, времяпрепровождение нормальное — говорят что Bernard Shaw собирается писать пьесу «British Museum, Nina и... мумии!» — кажется тоже по Катабрашкиным сведениям.

Да! Я забыл тебе сказать, что привез с собой Наташу Красину. Решил увоз ее из Москвы на семейном совете, брак ее оказался какой-то кошмарной ерундой, от которой пытаемся теперь ее совсем избавить пересаживанием в другие условия. Митю мы оставили очень больным. У него какая-то исключительно тяжелая форма малярии, с повышением температуры до 40,2 градусов. Кажется, в Москву и даже на Север России теперь занесены из Бухары и Ташкента тропические формы малярии. Не знаю, как мальчуган из всей этой истории вылезет.

Все остальные в Москве живы и здоровы и живут не жалуясь. Вообще надо сказать, при всей бедности и нищете Москва и даже вообще Россия живет как-то бодрее, чем заграница, и даже в тяжелых условиях чувствуется какой-то тон надежды, что ли.

Ну, мой роднончик! Надо кончать. Сегодня идет подготовительная работа, а завтра открытие конференции. Трудно что-либо сказать о ее перспективах. Пиши и телеграфируй мне о твоих планах. Если будешь ехать обратно, то, конечно, езжай через Геную, но оставаться здесь надолго едва ли тебе будет интересно: я буду занят выше головы, а жить, я думаю, на юге в тепле и солнце сейчас интереснее.

Крепко тебя и Володю целую. Твой Красин.

Милый мой, родной Любанаша!

Ну, вот я и в Гааге! ⁵ Всю ночь на море был отчаянный ветер и шторм и качало изрядно; но, очевидно, действие «Запечатленного труда», хотя я и оставил его дома, продолжалось, и, несмотря на качку, я недурно спал, а к 6 утра пароход был уже в гавани.

Здесь стоит возмутительная погода: ветер сшибает с ног, на море буря, и само оно имеет вид грязной лужи, страна плоская, дома из бурого кирпича, точно их забыли отштукатурить. Глебася ⁶ и Зиночка ⁷ приехали за 2 дня до меня, затем тут, кроме Литвинова, Сокольников ⁸, Крестинский и небольшой штаб. Гостиница хорошая, на самом берегу моря. И если бы не изменнически холодная погода, можно бы великолепно купаться. Общее настроение довольно кислое, и вопрос о стирке белья стоит примерно так же, как и в Генуе. Впрочем, я еще не входил в дела сколько-нибудь основательно. Похоже, что тут не придется долго заживаться. Кормят лучше, чем в Генуе, но девицы генуэзские жалуются на смертельную скуку: нет ни итальянского неба, ни итальянских «ситране» ⁹, ни шофера Mario. Самый город Нааг ¹⁰ вроде провинциального предместья, по к[райней] мере улицы, по которым меня вез ауто сюда в Scheveningen (это купанье на море, где и стоит наш отель).

Ну, вот пока и все. Целую Вас, мой миланчик, и всех ваших кисанов по очереди. Пишите мне: Нааг, Ooranje Hotel. Непременно напиши, когда урегулируется дело с Берзиным, а то я все-таки не вполне спокоен. Целую.

Милый мой Любан и родные девочки!

Что же это от вас ни от кого нет ни строчки, хоть немного бы написали вашему папане, он ведь соскучился. Время здесь идет довольно скучно и непродуктивно. Переговоры да и вся конференция какие-то ненастоящие, и никто не верит, что из них что-либо выйдет или могло бы выйти. Народ сравнительно второразрядный и притом еще без полномочий: могут только рекомендовать те или иные меры своим правительствам, но не решают ничего. Будь еще хорошая погода, можно бы хоть купаться, но именно погода-то стояла отчаянная, и я ни разу еще не купался: холодно, и море грязнее, чем в Терюках, хотя пляж сам по себе прекрасный, песок. Глупо только то, что голландцы имеют какую-то смешную береговую стражу в виде двух-трех дураков в красных штанах с трубами. Почему-то эти сторожа, в зависимости от прибоя, вдруг начинают неистово махать руками и дудеть в трубы, командуя залезшей в воду публике подаваться то вправо, то влево или даже выходить из воды, и те, как бараны, сгрудившиеся в одно стадо, повинуются этой команде. Я предпочитаю нашу систему, когда дети плавают свободно и только маманя бегает по берегу и, как наседка, созывающая цыплят, не велит заходить далеко и не засиживаться в воде. Кроме того, на берегу тут только сами купающиеся, а остальная публика за особой загородкой, сидит на песке радостная, — совершенное идиотство. Вообще эта часть Голландии мне не очень-то импонирует, и я не очень буду жалеть, если, как можно ожидать, даже и скоро удастся отсюда уехать.

Ну, а что же у вас делается, мои милые? Просили ли Вы уже итальянскую визу и когда примерно думаете уезжать? Если Гаага скоро окончится, а мы ждем разрыва со дня на день, то я еще, вероятно, успею застать вас в Лондоне. Насчет себя ничего не знаю, м[ожет] б[ыть], даже мне придется к августу поехать в Москву на партийную конференцию ¹¹. Там опять шабарашат насчет монополии внешней торговли, а тут на конференции после моего доклада даже французы признали, что в интересах России сейчас иная система невозможна. Но может и так повернуться, что придется вести отдельные переговоры с Англией. Словом, ничего не известно. Вам надо во всяком случае в Италию ехать, и я так или иначе туда тоже попаду, тем более меня и в Швейцарию приглашают по делам. Все эти моря суцая ерунда по сравнению с настоящим теплым морем, да и серость эта небесная

надоела изрядно, забыли, какое небо бывает синее. Надо думать, у вас погода едва ли лучше нашей.

Сейчас получил Любашино письмо. Что же это бедный мой Катаб-рашечка заболел! Мне все-таки кажется, что это у него простудное, и если таким образом застудить нерв, то могут быть плохие последствия. Надо мало-мало беречься, а то при английских сквозняках можно нажать себе какую-нибудь пакость и потом долго с ней не разделаться. Пишите мне, пожалуйста, а то я буду беспокоиться.

Дела наши все неопределенны, но есть надежда, что еще на этой неделе разъедемся. Говорю, надежда, ибо сама по себе конференция совершенно безнадежна и едва ли здесь удалось бы даже при наилучших условиях достигнуть общего согласия. Очевидно, дело пойдет теперь в плоскости отдельных переговоров. Целую и обнимаю вас, родные мои, крепко-крепко. Скоро увидимся. Ваш Папаня и Красин.

№ 48.

7 сентября 1922 года

Милые мои маманя и девочки!

Около 10 дней я тщетно ожидаю от вас каких-либо известий, и только из вчерашней телеграммы Стомонякову я вижу, что вы в Неаполе и затем через Флоренцию предполагаете быть в Венеции. Объясняю это бегством от жары в связи с рекомендацией Зин[аиды] Павловны поселиться на Лидо¹². Я писал вам 30 августа по приезде в Берлин по единственному мне (и всем вообще здесь) известному адресу Dr. Залманова. Очевидно, письмо до вас не дошло, иначе я не понимаю, почему его оставили без ответа. Единственное письмо мамани от 19 августа было мною получено еще в Москве. И так, повторю вкратце, как стоят мои дела. 29 августа я прилетел в Берлин (собственно, 28 августа в Кенигсберг и утром 29 августа поездом был здесь) ради возобновления переговоров с Уркартом. Все эти дни с помощью Стомон[якова] веду эти упорнейшие переговоры. Так как при том еще дурит Москва и день ото дня преподносит разные благоглупости, то ясно, насколько все это легко. Тем не менее есть некоторая надежда на этих днях подписать соглашение. Чтобы с ним в Москве не произошло того же, что с итальянским торговым соглашением¹³, мне придется все материалы повезти в Москву и пробыть там 7-10 дней для окончания этого, пожалуй, самого важного сейчас в области внешних сношений дела. Стало быть, обратно в Берлине я буду около 20 сент[ября] и только тогда смогу начать свой отпуск. Очевидно, вы не расположены меня ждать и, видимо, этот вопрос вообще не причинял вам больших забот, и я уж не знаю, как мне поступить с этими 2-4 свободными неделями. Мне самому, безусловно, хотелось бы провести их на юге, поймать хоть остаток солнца этого года и покупаться в море, ну а вам Италия, видимо, уже надоела. Лидо несомненно будет еще скучнее Генуи, ибо кроме песка и моря там, вероятно, ничего нет. В Москву я уеду в зависимости от подписания договора, может быть, уже в ближайший же понедельник. Писать мне надо: Handelsvertretung der Russischen Sowjet Republik¹⁴, Sekretariat, Maassenstr[asse] 9, Berlin, а на внутреннем конверте: «Переслать кратчайшим путем Наркомвнешторгу Л. Б. Красину. Личное». Письмо, если я уеду, доставят мне по воздухопочте.

Володи я тут не застал, он где-то не то лечится, не то отдыхает, вообще же, видимо, бьет баклуши и благополучно возвращается к образу жизни, от которого в Советской России его все-таки отучили. В Лондон попасть мне не удалось, так как переговоры — частью по желанию Укр[аины], частью по необходимости иметь в них Стом[онякова] — должны были быть переведены в Берл[ин], а как только они придут к концу, надо срочно добиться утверждения Москвою.

Погода тут стоит уже вроде осенней, и я не прочь был бы погреться на солнце. Поеду в Москву или полечу, еще не решил. Если будет сыро и дождливо, то придется ехать по ж[елезной] д[ороге], хотя это потеря трех с половиной дней. Ну, целую вас всех. Напишите же хоть строчку!

Ваш Красин.

Милые мои маманя и девочки!

Я очень был огорчен, не получив от вас за две недели в Берлине ни одной строчки, и, сознаюсь, с довольно кислым настроением уехал из Германии.

После трудных переговоров с Уркартом я подписал договор, но он должен быть еще утвержден Москвой, и вот для этой, по существу, бесполезной, но при наших головоутияхских порядках неизбежно-необходимой процедуры я и еду в Москву, и только закончив таким образом это важное дело, смогу думать об отпуске. Для скорости решил еще раз слетать и вчера утром вылетел из Кенигсберга. К сожалению, ветер был противный, мы израсходовали весь бензин и вынуждены были опуститься в одном имении верстах в 8 от Витебска. Бензин достали сегодня только к 3¹/₂ часам дня, тем временем ветер превратился чуть не в бурю, и до Смоленска 120 верст мы тащились почти два часа, т. е. шли со скоростью автомобиля. Лететь в 5¹/₂ ч[асов] в Москву было бы уже неблагоприятно, ибо при противном ветре мы попали бы туда к 11-12 ночи, а при внезапной остановке мотора пришлось бы спускаться впотьмах, что весьма рискованно. Решили, что поговорка тише едешь — дальше будешь действительна и для авиации, и решили заночевать в Смоленске, чтобы вылететь завтра рано утром и быть в М[оскве] около полудня. Пишу сейчас это письмо в маленьком домишке при аэродроме, населенном разными авиационными немцами¹⁵.

Рассчитываю все-таки покончить с уркартовским делом довольно скоро и числу к 20 быть в Берлине. Пожалуйста, сообщите мне через Берлин: Handelsvertretung der Russischen Sowjet Republik, Sekretariat, Maassenstr[asse], 9, Berlin, на внутр[еннем] конверте: для спешной пересылки Л. Б. Красину, где вы и какие ваши планы, как долго вы могли и хотели бы остаться в Италии и где, при условии моего приезда. Надо же мне, наконец, хоть что-нибудь о вас знать.

Целую. Красин.

Милые мои маманя и девочки!

Наконец-то от вас хоть одно письмо от 9 сентября, и то от мамани, а не от вас, ленивицы вы этакие.

Получил я письмо как раз перед отлетом почты и потому успею написать лишь пару строк.

Приехал я в Москву (прилетел) только 14 сент[ября], так как буря заставила нас два раза ночевать в пути, один раз не долетев 8 верст до Витебска, а другой — в Смоленске. В Витебске мы только к 3¹/₂ дня получили бензин и, так как лететь пришлось против сильного шторма, перешедшего у Смоленска прямо в бурю, то эти 120 верст мы летели 2 часа и только в 5¹/₂ дня были в Смоленске. До Москвы оставалось при такой погоде не менее 4 часов и, считая еще ¹/₂ часа на налив бензина, попали бы в Москву только к 10 вечера, т. е. впотьмах, что небезопасно в случае, если бы под самой Москвой что-нибудь случилось и пришлось бы опускаться не на аэродром, а где попало. Тут легко было бы налететь на что-либо, и потому осторожный наш пилот решил заночевать, против чего, разумеется, возражать не приходилось.

Утром 14-го вылетели в 8 часов. Сперва был дождь, потом прояснило, но ветер дул против, а под Москвой опять попали в бурю; весь город был сплошное пыльное облако, хотя купол Христа Спасителя видно было верст за 20. Пролетели над Серебряным Бором и быстро опустились на Ходынке¹⁶ шагах в 50 от самого ангара. Трепало и покачивало нас изрядно, спутник мой, ирландец, с полдороги страдал морской болезнью, я же чувствовал себя великолепно. Мне теперь скучновато будет ездить по железным дорогам после этих трех больших перелетов. Опасность главная, сколько я понимаю, состоит во взлетах с плохих аэродромов и в посадке на таковые. При разбеге машина имеет скорость около 80—100 километров/час, и если она перегружена или ветер неблагоприятный, то она не

успевает подняться в воздух, доходит до края аэродрома, и там попадает на ров, канаву или какое-либо препятствие, и тут легко перевернуться или разбиться и не только сломать себе шею, но чего доброго и сгореть. В воздухе чувствуешь себя спокойнее, чем в автомобиле, настолько идеально работает мотор и устойчиво идет сама машина. Конечно, все зависит еще от пилота, но мне дали лучшего, и перелет наш от Кенигсберга прямо в Смоленск и особенно от Смоленска до Кенигсберга в передний путь 28 августа был прямо замечательный.

Ну, теперь я пока налетался вдоволь, и так как отсюда мне надо захватить в Стокгольм, чтобы взять оттуда с собою Сонечку, то даже и при желании лететь было бы нельзя — тут еще нет воздушного сообщения. Сонечка поехала в Швецию со служебным поручением, но пользуется поездкой и для отпуска. Если меня тут не очень задержат, я думаю привезти ее на несколько дней в Италию, показать ей ребят и девочкам ихнюю тетку. Я только, к сожалению, никакого представления не имею о ваших планах. Насколько длительно имеет быть ваше пребывание в Венеции!? Едете ли вы туда, чтобы дожидаться меня, напр[имер], на Лидо, или это заезд уже на обратном вашем пути в Англию? Мне отпуск уже разрешен, но я затрудняюсь сказать, когда выеду из-за урк[артовского] дела.

Договор мною заключен в Берлине, могу сказать, блестяще, но он д[олжен] б[ыть] еще ратифицирован Совнаркомом, а тут многие умники, частью по невежеству, а иные, м[ожет] б[ыть], и по христианскому желанию подложить ближнему свинью, начинают что-то мудрить, морщить носы и, что называется, воротить рыло. Мне приходится дожидаться двух-трех решающих заседаний и дать генеральный бой. Полагаю все-таки, что 20-23 сент[ября] мне удастся выехать и не позже 10 окт[ября] я буду у вас. Долго мне в Италии, очевидно, не придется быть, если вы торопитесь в Англию, но, с другой стороны, в Лондоне уж не отдых, мне там не дадут покоя. Впрочем, если я тут разоюсь с нашими по поводу урк[артовского] договора, то у меня легко может получиться отдых весьма продолжительный, вплоть до полной отставки. Ну, да это там видно будет.

Москва имеет хороший вид, местами почти довоенный. Хороший урожай в средней и восточной России сильно помог. Кое-где на юге есть саранча и другие вредители.

Москва в 1920-[19]21 году, когда была на наркомпродовском пайке, требовала в день 18 вагонов хлеба. Сегодня еженедельный привоз — 80 вагонов. Вот это четырехкратное увеличение потребления хлеба тоже что-нибудь да значит. Москва внешне сильно упорядочилась. В некоторые часы уличное движение настолько интенсивно, что почти нельзя в автомобиле по улицам проехать.

РСФСР Народный Комиссар внешней торговли.

№ 51.

21 сентября 1922 года

Милые мои маманя и девочки!

Я предполагал выехать отсюда не позже 23 сент[ября], но дела складываются так, что я едва ли выеду ранее 29-30 сент[ября]. Боюсь, что вам будет трудно ждать до этого времени, тем более что мне во что бы то ни стало надо ехать через Швецию, т. е. потерять на это лишних 3-4 дня. Вероятно, вам уже надоело в Италии, и, так как мой приезд затягивается, я уже не хотел бы вас стеснять в дальнейших планах, и, если вы стремитесь в Англию, то поезжайте туда теперь же. Я в этом случае тоже проеду из Берлина в Лондон, а отпуск либо отложу, либо использую его как-либо иначе. Очень досадно, что все это так выходит, но мне в данную минуту уехать абсолютно невозможно.

Пишите мне через Стомонякова: совершенно безбожно с вашей стороны за все время не написать мне ни разу, я этого все-таки от вас не ожидал. Если у вас не хватает денег, пишите Стомонякову, я прошу его вас ими снабдить.

Целую всех. Ваш папаня.

Милые маманя и девочки!

Я здесь застрял и не могу выбраться. Мною 9 сентября заключен в Берлине договор, по отзыву всей мировой печати, превосходящий по своему значению все доселе заключ[енные] нами договоры плюс Генуя и Гаага, но здешние мудрецы, пославшие меня 24 августа лететь в Берлин и обратно, теперь, что называется, воротят рыло.

Дела у нас тут настолько серьезные становятся, что я подумываю об уходе с работы этой совсем: слишком велико непонимание руководящих сфер и их неделовитость, так что буквально опускаются руки. Таким образом, мои милые, нам еще раз предстоит довольно крупная ломка всех наших жизненных обстоятельств и условий. Возможно, это и к лучшему, можно будет несколько отдохнуть и разобраться в этой сутолоке последних дней.

Я твердо решил уйти из пр[авительст]ва, если не проведу этого дела ¹⁷, но пока не проиграл его во всех инстанциях, должен бороться до конца. Теперь решено перенести дело на пленум, который состоится 5 октября ¹⁸, значит, ранее 7-10 окт[ября] мне не выехать. Боюсь, что вы так долго не сможете ждать и, кроме того, может создаться такое положение, что мне обязательно придется быть сперва в Лондоне, возможно, для свидания с Ллойд Джорджем. Отпуск мне дан, но когда я его использую — неизвестно. Здесь все здоровы, и Митя поправился почти совсем.

Целую всех. Ваш Красин.

Если нужны деньги, выписывай их или через Берзина, или через Стомонякова, которого я уже дважды об этом просил.

РСФСР Народный Комиссар внешней торговли.

Милая маманя и девочки!

Приехала В[ера] И[вановна], жена Андрея, и сообщила, что он выехал в Константинополь и имеет визы в Италию и Англ[ию]. Полагаю, что вы с ним уже так или иначе связались. Адрес Виктора: Victor Ox, Poste anglaise, poste restante. Constantinople. Если у вас еще нет ничего от Андрея, то надо писать или телегр[афировать] Виктору по этому адресу, и тогда уже решите, как и где с Андреем встретиться.

У меня дела пока все еще не определены, и выеду я отсюда вряд ли ранее 10 октября.

Пока целую всех, надо письмо сдавать на аэропочту.

От вас по-прежнему ни строчки.

Кр[асин]

Милые мои маманя и девочки!

Наконец-то от дочерей получились письма с более или менее определенным адресом. Я все еще не могу уехать. Хотя главные дела уже и окончились (как вы знаете из газет), но я нахожусь еще в положении ерша, которому надо додраться с карасем. Надеюсь, впрочем, что это операция будет недолгая, и мне удастся выехать дня через два-три. Мне очень жаль, что не удалось погреться на солнце и покупаться в море, и еще более жаль, что я и вас сбил с толку и нарушил все ваши планы и расчеты, но ничего не поделаешь, такая уж, очевидно, моя проклятая судьба, что нет мне ни отдыха, ни срока. В данном случае, к тому же, все труды, работа, энергия, талант пропали даром, и небольшое количество ослов и болванов разрушило всю мою работу с такой же легкостью, с какой мальчишка одним ударом разрывает тонкое плетение паука ¹⁹. Даже для моего ангельского терпения это испытание уже превосходящее всякую меру.

Если я выеду около 10-12, то буду в Берлине, дай бог, к 18-20 окт[ября], так мне непременно надо проехать через Стокгольм. Когда-то туда теперь еще попадешь! В Берлине придется пробыть тоже не менее 3-4 дней, так как со Стомоняковым, да и вообще, могут предстоять большие разговоры.

Таким образом, только к самому концу месяца я могу освободиться. Вам, наверно, Италия успела уже надоесть, да и пора сейчас, пожалуй, не столь привлекательная. Предоставляю вам решать, как быть дальше: ехать ли мне к вам с тем, чтобы попытаться где-нибудь на море урвать у солнца еще две-три недели, или же мне отказаться от мечты поехать на юг до будущего года, вернуться всем в Англию и вам засесть за работу. Я в этом случае, затратив неск[олько] дней на врачей, тоже вернулся бы в Лондон. Немецким врачам надо будет показаться как для генерального просмотра, так и специально уховику: у меня в левом ухе опять завелась какая-то пакость, и надо будет посоветоваться с каким-нибудь хорошим специалистом. Сердце работает как будто еще по годам хорошо, но и его просмотреть не мешает. Планы мои от активной работы отойти, подучить англ[ийский] язык и, может быть, написать кое-что. К весне буду стараться частным лицом попасть в Америку, прочесть там несколько лекций, а дальше уже будет видно, что и где делать. До весны проживем в Лондоне, а там надо будет, вероятно, думать о какой-либо перемене места, так как на вольный заработок в Англии не проживешь, надо выбирать страну подешевле. Предприятие это будет нелегкое, везде стало отчаянно трудно и тесно жить, и один квартирный вопрос чего стоит. Ну, обо всем этом успеем поговорить. Встретились ли вы, наконец, с Андреем, который уже давно в Константинополе и, по словам Веры Ив[ановны]²⁰, имел итальянскую и английскую визы? Имел ли только соотв[етственно] монеты, не знаю. Андрей у отца в Конст[антинополе]. Если вы еще не списались, немедленно сделайте это. Вера Ив[ановна] приехала сюда со своими ребятами и мается тут с отысканием квартиры, зимней одежды и проч. Дело нелегкое. Впрочем, она человек бойкий и не пропадет: тут только теперь такой публике, что купить-продать умеет, и жить, а средний брат-интеллигент — хоть пропадай. Все есть, но за такие деньги, что лишь спекулянту под силу, а обыватель ходит и зубами пощелкивает. Впрочем, в этом году Москва даже чиниться начала, а в нашем доме даже водяное отопление налаживается.

Митя поправился почти совсем, но учиться ему еще до весны нельзя. Приезжал на месяц в Москву, но вчера опять уехал в Шатуру. Ушок так-таки совсем стал деревенский и в городе редко показывается. Гермаша же тут живет и заработал много очень интересных вещей. Пора ему идти в профессора. Тетя Сося в Сток[ольме], но, кажется, очень скучает по своим деткам!! И даже отпуск ей кажется не впрок. Боюсь, что теперь уж не удастся мне их [к] вам привезти: срок ее отпуска оканчивается. Ну, пока прощайте. Целую вас всех крепко. Пишите мне через Стомонякова, Maassenstrasse, 9.

№ 55.

6 ноября [1922 года]

Милый мой Любанаша!

Очень тебе благодарен за твое милое письмо и, главное, что скоро меня известила, как вы доехали. Жаль мне, что вас, бедных, так потрепало, хоть и хвастались девчонки, что они любят качку!

Приятно знать, что Лондон вас хорошо встретил, самочувствие много значит.

Я тут по-прежнему еще не могу решить, куда именно поехать. От Вор[овского] получилось известие, что со стороны фашистов²¹ никаких неприятностей опасаться мне нечего, но у нас сейчас по другому поводу с итальянцами дело дойдет, вероятно, до торговой войны, а так как при ней возможны всякие эксцессы (особенно с нашей стороны, по малой культурности местных властей), то Вор[овский] опасается всяких неприятностей. Так вот и неизвестно еще, что тут делать. Впрочем, несколько дней надо еще пробыть в Берлине: тут приехал Путилов²² (тебе кланяется) и французы разные, а и со Томоняковым многое еще надо обсудить. Авось за это время положение с Италией более выяснится.

Сейчас получена телеграмма о болезни Берзина. Пожалуй, придется мне еще поехать в Лондон, хотя при этом я рискую своим отпуском, особенно ввиду пребывания там ревизионной к[омисс]ии.

Ну, пока кончаю: уже публика меня ждет.
Целую тебя крепко, родных девочек, Наташу, Нину, Лялю.
Привет всем. Володю видел дня 3 назад.
Твой Красин.

№ 56.

14 ноября 1922 года

Милый мой, дорогой Любанаша!

Спасибо тебе за твое письмо, как будто у вас в Лондоне побывал, и даже на праздновании 7 ноября. Я все еще торчу в Берлине, не бесполезно с точки зрения дел, но все же сверх всякой программы. Французы все водят за нос, и хотя от многих я получал уверения, что виза будет и даже в Москве уже было напечатано о моем приезде в Париж, официально дело все еще ни с места, просить же о визе я не буду, пока не получу определенной уверенности в положительном ответе. Хотелось также дожидаться Андрея, повидаться и помочь ему с визой. Андрюша теперь уже здесь, выглядит очень хорошо и бодро. Паспорт у него, к сожалению, какой-то грузинский, и я еще не знаю, как мы для него добьемся англоязы. В крайнем случае придется прибегнуть к услугам З., он как-нибудь да устроит. В крайнем случае, если бы уж никак не удалось (чего я не думаю), пришлось бы тебе приехать в Берлин с ним увидеться. Держи меня в курсе дела, какой ответ дадут французы Берлину.

Андрей пока поселился в Берлине, походит тут по музеям и пр. У него мечта поступить в Реймс в школу виноделия, но еще неизвестно, как будет вопрос финансов. Во всяком случае у парня в голове дело, а не ветер, и мальчик этот не пропадет. Хуже стоит дело с Володей. Он болтается тут без всякого дела, и я думаю на него сделать некоторый нажим в смысле прекращения такого времяпрепровождения. Тебе тоже пора понять, что для него праздность, кабаки и среда шиберов²³, прощелыг и сутенеров гораздо хуже всякой болезни. Абсолютно несчастная была мысль отправлять его [в] Италию. В Шварцвальде²⁴ он тоже вовсе не лечился и не отдыхал, а выпивал и болтался зря, и никакой физической пользы из лечения не вышло. Морально же он сильно разложился, и заставить его войти в норму будет очень нелегко. Вся штука имеет еще тот плохой привкус, что около него околачиваются шибера, определенно спекулирующие на его близости ко мне, и все это при наличии «Рулей» и «Последних новостей»²⁵ чревато всякими и всяческими столь же глупыми, сколь неприятными сплетнями, выдумками и проч. Я думаю, никакого специального лечения ему не надо, отдых у него превращается в утомительное ничегонеделание и плохой образ жизни и надо ему попросту становиться на работу, притом не откладывая это до возвращения из России Либермана, который туда даже еще не выехал, да и неизвестно, когда выедет. Так я это все Володе и скажу, и, думаю, будет лучше ему послушаться меня, тебе же посоветую не расслаблять и без того слабого уговорами ехать на какие-то курорты, где он, повторяю, только будет тянуться за шиберами, усиленно курить и выпивать.

Ты уж не сердись на меня, Любанаша, но, право, мне жалко В[олодю], и твоими методами материнских забот и жалости ты его только губишь. Он начал было выправляться в советской суровой школе, а теперь все это опять прахом пошло.

Вчера был я со Штолем у врача, проф. Unger, будто бы хороший специалист по внутренним болезням. В общем ничего у меня не нашел, кроме повышенного давления в сосудах и увеличения какого-то из желудочков сердца. Завтра иду к нему на 2-3 дня в клинику, где будет сделано систематическое исследование, и уже после этого профессор определит для меня режим.

Субъективно я себя чувствую прекрасно, голова свежая, желудок работает, но, конечно, машине уже 52 года, и сосуды не могут быть столь эластичными, как у новорожденного или у нашего Любана. Как бы ни было, эскулапы могут надо мной изгаляться сколько им угодно, сделают и рентгеновский снимок и, вероятно, обдерут как липку, хотя я еще не сказал настоящего своего имени.

Ну вот, мои милые, это пока все. Занят я тут очень, есть много интересных дел.

Наташе скажи, что о приезде Ге мне еще ничего не известно, но я с Кл.²⁶ переговорю, чтобы ей дали сюда отпуск, и Гермаше, конечно, надо побывать в Лондоне и посмотреть девчонок.

Девочек моих родных и тебя целую. Тоже Наташу.
Твой Красин.

№ 57.

21 ноября [1922 года]

Милые мои девочки!

Спасибо вам за ваши письма, мне было очень интересно узнать, как вы там живете, и я рад, что все идет, по-видимому, хорошо. Я здесь теперь всерьез принялся за свое здоровье, хожу по докторам и даже пошел на несколько дней в санаторий, чтобы дать себя всесторонне исследовать. Мама может быть в этом отношении вполне спокойна: раз уж я за это дело принялся, я проделаю все основательно. Делали с меня и рентгеновский снимок. Всюду и все обстоит благополучно, если не считать некоторого расширения сердца и аорты, что, впрочем, и я сам давно подозревал ввиду некоторой отдышки при ходьбе по лестницам и повышенной чувствительности к табачному дыму и плохому воздуху.

Для проверки я решил показаться еще другому врачу и пойду туда сегодня или завтра со Штолем. Тем временем все-таки не прекращаются и разные дела и приемы, приходится принимать разных людей и ходить на званые завтраки и обеды. Это не беда, времени у меня есть немало, и я успею еще отдохнуть, когда уеду отсюда. Тем временем выяснилось, что мне можно поехать в Италию: Воровский, который сначала находил это рискованным, теперь, напротив, прямо пишет, чтобы я приезжал, очевидно, отношения с новым правительством обещают быть не хуже, а лучше, чем с прежними. Я все-таки тороплюсь кончить все здешние дела и на днях уеду, скорее всего в Италию. Вчера приехал дядя Гера. Мы просим для него визу, чтобы он мог съездить к вам в Лондон. Очевидно, визу дадут. Целую вас всех крепко и Наташу. Маманичку, «золотая голова!», поцелуйте особо. Андрею визу тоже хлопочем. Ваш папаня.

№ 58.

23 ноября 1922 года

Милая моя маманя!

Ну, я прошел тут такой медицинский искус, что, кажется, больше уж и требовать нельзя. Расскажу по порядку свои при-, а отчасти злоключения.

Сперва Штоль повел меня к проф. Унгеру — это здешнее светило по внутренним болезням. Осмотрел, выстукал, выслушал довольно внимательно, нашел некоторые неполадки в области сердца и предложил лечь на несколько дней в санаторий. Положился в санаторий, и в течение почти недели проделывали надо мной всевозможные истории. Все оказалось в блестящем порядке, исключая сердца и аорты. Рентгеновский снимок показал расширение того и другого и, рассматривая его, профессор к моему великому удивлению заявил мне, что изменения аорты такого характера, что 90% из 100 вероятности рассматривать их как возникшие на почве lues'a²⁷. На мои заявления, что ничего похожего на такое заболевание у меня не было, он заявил, что могла быть какая-нибудь совершенно незаметная и скрытая форма, и решил проделать реакцию Вассермана. На другой день на приеме в санатории (у меня в комнате) выслушал доклад ассистента: реакция Вассермана, как и следовало ожидать, дала абсолютно отрицательный результат. Тем не менее, говорит, так как такое расширение аорты бывает только на этой почве, то он стоит за необходимость соответственного терапевтического лечения и тут же мне делает какое-то впрыскивание, а затем говорит: «Вы поедете в Висбаден для курса лечения 4-5 недель у врача, которому он даст предписания. Выяснив далее из разговора, что дело идет не более и не менее, как о впрыскивании неосальварсана, я заявил решительное свое несогласие начинать курс лечения, пока я не урегулирую своих берлинских дел и не приготовлюсь к отъезду в Висбаден.

Поэтому и никаких дальнейших впрыскиваний я не считаю сейчас возможным делать. Весь этот подход к делу казался мне неправильным, и я взял за бока Штоля. Он, очевидно, вполне под впечатлением профессорского величия, начал было меня уговаривать продолжать лечение, указывая, что это вполне безопасно и что неосальварсан теперь часто применяется при разных болезнях. Но я, по своему инстинктивному отвращению к лекарствам, начал стороной наводить справки. Оказалось, совсем наоборот, многие врачи не только не считают средство невинным, но даже будто бы на каком-то медицинском конгрессе была вынесена резолюция о безусловном воспрещении неосальварсана во всех тех случаях, когда вассермановская реакция дает отрицательный результат. Далее, сама вассерм[ановская] реакция считается абсолютно надежной и, если даже при некотором предубеждении профессора она у меня дала отрицательный результат, то это с абсолютной верностью показывает полное отсутствие основания для каких-либо гипотез о lues'e. А раз так, то с какой же стати давать впрыскивать в себя всякую дрянь!

Тут уж я забунтовал вовсю, и мой Штоль, как натура слабая, явно начал сдавать позицию. Так как Kraus²⁸ считается уже несколько устаревшим, я пошел к другому профессору Goldscheider'у²⁹, специалисту-сердечнику, о котором со всех сторон имел очень хорошие отзывы (в том числе и А. М. Старковой³⁰). Пошел к нему и обсказал все, как было, не называя только фамилии профессора (сам я им показывался не под своим именем³¹). Goldscheider после внимательного осмотра и исследования рентгеновского снимка нашел, что расширение некоторое и сердца и аорты есть, но не тревожных размеров и по характеру вовсе ни на какой lues не указывает. Сверх того, перенесенные мною в детстве и в 30-летнем возрасте малярии с избытком все это объясняют, а вассермановская реакция уже окончательно устанавливает беспочвенность этих предположений. Никаких впрыскиваний делать не надо и даже лечение, напр[имер], в Nauheim'e не представляется необходимым. Достаточно принимать иод и мышьяк, а затем классическое: «не волнуйтесь», ведите правильный образ жизни, умеренность в еде, питье, курении и, если можно, отдых. Словом, вся эта медицинская гора родила мышшь, болезни никакой особенной нет, и первый знаменитый профессор оказался если не шарлатаном (хотя обобрал меня, с санаторием, изрядно), то во всяком случае спецом с предвзятыми идеями, склонным из пациента делать «опытного кролика». Ну, во всяком случае, я проделал все, что можно было проделать, и могу со спокойной совестью ехать просто отдохнуть. Воровский писал, что всякие препятствия с Италией устранены и что я свободно могу туда поехать, — я так, очевидно, и сделаю. Заканчиваю тут свои переговоры и дела и в самом начале будущей недели двинусь сперва в Рим, а затем, видимо, в Сицилию. Возникла, было, у меня идея поехать на Корфу, но меня отговорил Андрей: в Греции сейчас хуже, чем у нас было в апреле 1917 года, и страна эта в данный момент не для туризма. Да и я думал об этом, лишь когда считал себя отрезанным от Италии. Тут сейчас Гермаша, и я хлопочу для него англ[ийскую] визу.

Описал тебе, Любанчик, подробно все свои мытарства, чтобы ты уже не беспокоилась. Склероз у меня в начальной стадии. Состав крови нормальный. Словом, все в порядке. До отъезда еще напишу.

Целую тебя крепко и девочек. Твой Красин.

№ 59.

Рим, 5 декабря 1922 года

Милая моя маманя и родные мои девочки!

Вчера я приехал в Рим и остановился у Воровского. Ни его самого, ни Д[оры] М[арковны] здесь нет, я говорил с ним из Берна по телефону (он в Лозанне³²) и по его совету остановился в его пустой квартире. Вчера весь день, пока было светло, бродил по Палатинскому холму³³ и разным форумам, а вечером был у Муссолини³⁴, пожелавшего со мной говорить. Если не считать 2-3 приемов и неизбежного интервью прессе, то я уже нахожусь в состоянии абсолютного безделья и беззаботности, и главное

и самое необычное — мне некуда торопиться, и с непривычки это как-то даже жутковато: точно тебя выключили из жизни. Сегодня с утра я раздобыл себе безработного обиталившегося русского архитектора, и мы опять-таки весь день, до темноты, посещали разные архитектурные памятники и Пантеон. Вдвойне интересно, так как мой спутник с этой стороны хорошо знает Рим и на многие вопросы мой отвечает обстоятельно путешественника. Обедали в первой попавшейся марчевне, с дешевым итальянским вином и кимерьере³⁵, которые сыр в суп посыпают, стряхивая его с тарелки, а салату помогают валиться куда надо, подталкивая его пальцами: совсем так, как я люблю при путешествиях по Италии. Погода оба дня стоит чудесная, и я хорошо сделал, захватив с собой более легкое пальто, а днем на ходу я и его снимаю. Завтра или в четверг я из Рима уеду в Неаполь, пробуду там дня 2 и затем уже буду устраиваться «всерьез и надолго» либо где-либо около Амальжи, либо, если там покажется недостаточно тепло, поеду дальше в Сицилию. От Рима начиная, уже совершенно и абсолютно откажусь от всяких дел и даже адрес свой сообщу сюда только доверенному лицу для пересылки почты, а то еще чего доброго привлекут к каким-нибудь переговорам, благо Муссолини проявляет желание с нами кокетничать. Предполагаю просидеть где-либо на солнышке около 4 нед[ель] и затем приеду к вам, чтобы еще и в Англии отдохнуть неделю-другую без работы.

Надеюсь, Гермаша и Андрей получили уже визы и, может быть, теперь даже уже с вами. Я не успел сам ответить Наташе насчет ее поездки в Берлин. Мы с Ге решили, что теперь ей не стоило ездить, а лучше уже она проводит своего папаню на обратном его пути до Берлина. Жалко, мне не удалось дожидаться гермашиной визы, а то я бы не утерпел от искушения его проводить в Лондон и поглядеть на него с ребятами в нашей обстановке. Андрея я, конечно, еще успею увидеть по возвращении.

Ну, милые мои, пока прощайте, уже четверть 12-го, и с большой ходьбы весь день на воздухе меня здорово клонит ко сну. Чувствую я себя очень хорошо, иод начал было принимать в Берл[ине], но бросил из-за насморка. Начну и иод и мышьяк принимать, когда устроюсь на месте, а то в дороге это неудобно.

Крепко вас всех, мои милые, целую, а также Ге, Наташу, Андрея, Нину, Лялю и всех вообще наших.

Пишите мне пока через Делегацию³⁶ Corso d'Italia 44, Roma. Жду письма от младшего Любана: сестрички его милые мне уже по письму написали, а от него еще нет ничего. Целую.

№ 60.

14 декабря 1922 года

Милая моя маманя и родные девочки!

Третьего дня послал вам открытку из Помпеи.

Холод был настолько собачий, что в теневой стороне помпеянских улиц был ледок! Вообще в Неаполе оказалось много холоднее Рима, какой-то ледяной ветер, и я решил бежать прямо в Сицилию, не пытая счастья в Амальжи и окрестностях, как мне предлагали наши римляне. Первый день в Таормине тоже был не очень приветлив, хотя, конечно, и далеко не так холодно, как в Неаполе. Но уже со вчерашнего же дня здесь потеплело, и сегодня на солнце было совсем хорошо, даже жарко, и в старые времена я не замедлил бы выкупаться. Ну а теперь на такой эксперимент не решаюсь, и, таким образом, на этот раз всякие надежды на море как таковое приходится оставить. Досадно мне до крайности за пропавшую осень и невыполненный план прожить с вами вместе в Италии, тем более, и в деловом-то отношении из моего летнего и осеннего «хвастанья» не вышло практического толку, хоть и не по моей вине. Ну да черт с ним, что с возу упало — пропало.

Сейчас я, наконец, действительно заехал в такие места и условия, что кроме хронического безделья и еды здесь делать абсолютно нечего. Лежу мордой на солнце и читаю «Письма к тетеньке» и «Помпадуры и помпадурши»³⁷. Даже газет нет. В Риме у меня еще были дела: визит к Муссолини,

пара завтраков, интервью для прессы, своя торговая делегация, но здесь я чувствую абсолютную отрешенность от всяких дел и забот и бездельничая абсолютно. Единственная реальная опасность: как огня боюсь приезда сюда Негг'а Лиоп'а ³⁸ (он «пужал» меня в Берлине, что собирается с женой в Таормину), и если он действительно тут появится, либо сбегу куда-нибудь, либо совершу какую-либо уголовщину, убийство, самоубийство или что-либо подобное.

Остановился я в Hotel Excelsior, кажется, один из дорогих отелей, но расположен хорошо и кормят великолепно: я давно уже не едал такой легкой, вкусной и, безусловно, хорошо приготовленной еды.

К сожалению, Таормина очень тесна, а ходить вниз к морю и карабкаться обратно для меня в 1922 году оказывается уже далеко не так легко, как в 1910, когда я был здесь первый раз. Таким образом, я не поручусь за очень долгое тут пребывание. Пишите поэтому лучше «Roma, Corso d'Italia 44», иначе письмо может со мной разминуться. Как-то вы там «живете», мои милые? Был ли у вас дядя Гера и как ему понравился Лондон? Какая у вас стоит зима, много ли туманов? Как Наташа, Нина? Приехал ли Андрей? Едет ли куда Володя и что ему сказал доктор? Если надо еще отдыхать, то советую оставить его жить в Лондоне у нас и это, по-моему, лучше всяких курортов, если он будет у мамани под наблюдением и на хлебах, а не по гост[иницам] и ресторан[ам]... Целую всех.

№ 61.

21 декабря 1922 года

Милый мой Любан и дорогие девочки!

Ну вот, я живу в Таормине уж другую неделю и совсем вошел в «новый курс». Заключается же он в абсолютном ничегонеделании, еде и спанье. Ложусь я примерно около 9—9^{1/2} и к 10 часам уже обязательно засыпаю. Выходит это автоматически: обед в 7^{1/2} и тянется до 8^{1/2}—9. А там уж что будешь делать: наемся до отвала, в смокинге и причандалах, гулять идти темно, да и за день находилсь. Первейшее желание — придти домой в комнату и рассупониться, ну и при этом естественнее всего взять книгу и на боковую. Обленился я до невозможности и с самого выезда из Рима не прочел ни одной деловой книги или бумаги. Мой портфель и моя «канцелярия», полные «материалов» для работы на досуге, стоят и взирают на меня с укоризной, замки их ни разу не открывались и грозят заржаветь. Единственное, что прочел, это 2 тома Щедрина и принимаюсь за 3-й или за «Жана Кристофа» ³⁹. В отеле народу мало и все весьма неинтересные англичане, и я ни с кем слова не молвил. Успею еще наговориться со всяким народом.

При таком благочестивом отходе ко сну я без труда просыпаюсь в 6^{1/2}—7, как раз к восходу солнца. Надеваю (радуясь, маманя!) пижаму, туфли и выхожу на свой балкон. Этна еще стоит светло-серая в ночном почти своем наряде, а напротив, на горизонте, чуть розовеет приближающийся восход, постепенно краски ярчают, и дымок, которым вечно курится гора, а потом и ее вершина снежная розовеют, наконец, из моря выплывает солнце, и начинается день во всем его южном великолепии. До сегодня было очень тепло, и я третьего дня (19 декабря) даже искупался в море, около Isola-bella. Не думаю, чтобы вода была холоднее 15—16 градусов.

Таормина плоха только тем, что тут сравнительно мало прогулок, но и менять ее боюсь, все-таки здесь, видимо, теплее, чем в других местах. Хожу днем довольно много, иногда даже не прихожу к lunch'у ⁴⁰ в отель, а остаюсь всю солнечную часть дня на море и ем где и что попало. Морда стала добросовестно красного цвета, и такого загара я давно уже не имел. Пробовал съездить поближе к Катанье, но там все на черной лаве, и местность носит удивительно унылый вид. В Сиракузах же, вероятно, уже холоднее, там меньше гор и нет защиты такой от ветров. Останусь в Таормине, вероятно, до конца месяца, а к тому времени мне, вероятно, надоест сидеть в Сицилии, и я надеюсь к началу января быстрым маршем продвигнуться на Лондон с тем, чтобы еще и там иметь неделю-другую свободными от правильной работы.

Очень жаль, если Гермаше не удастся побывать у вас и поглядеть ребят и Лондон. Что за скоты такие, отказать в визе? То же и с Андреем! На кой черт прицепил ему В. В. [Окс] эту спутницу!! По поводу Володи я уже писал — если врачи находят нужным лечение от этой волчанки, то, конечно, работу в Северолесе брать не надо, но лечиться, по-моему, лучше всего живя дома. И в смысле питания и во всех других смыслах это лучше, дешевле и спокойнее. Целую вас всех, мои миланчики. Бывших рожденниц и именинников прошу меня извинить за непоздравление: в дороге это случается. Красин.

Поздравляю всех вас, родные мои, с праздниками. Ваш папаня.

Твой ответ, Любанаша, «подумать и поразмыслить» о разных материях в моем поведении звучит иронией: башка у меня абсолютно пустая и ни о чем думать неспособная: плыву вверх брюхом.

1923 год

№ 62.

10 февраля 1923 года

Милая моя Любаша!

Ну вот, я таки покончил со всеми визитами, приемами, обедами и пр. и сегодня вечером выезжаю в Москву вместе с Чичериным и его делегацией. С поездками в Германии теперь плохо, все скорые поезда отменены, вагоны часто нетоплены, нет света. Поэтому случайное совпадение поездки с Чичериным очень благоприятно, мы получаем 2 своих вагона и без пересадки едем до Риги.

Стомоняков ждет меня в Москве. Здесь все в порядке, но Герм[ания] вообще производит печальное впечатление. Тем не менее немцы уверяют, что выдержат. Вчера был вечером у Куно ⁴¹, а сегодня завтрак у мин[истра] иностр[анных] дел. Времени никакого. Напишу еще с дороги. Целую вас всех, очень рад, что Котик поправился.

Обнимаю тебя, мой родной.

Твой папаня.

№ 63.

25 февраля 1923 года

Здравствуй милая моя, родная маманя, золотая голова! Здравствуйте, родные мои девочки!

Собираюсь давно засесть за письмо вам, но по приезде в М[оскву] дела всегда так одолевают, что недели две вертишься как угорелый. Сегодня 11-й день, как я здесь, и понемногу все начинает у меня входить в норму.

Начну с описания самой дороги.

Доехали хорошо благодаря тому, что ехали с делегацией. Иначе по Германии намаялись бы, так как скорые поезда там сокращены и спальных вагонов нет. В Берлине выбрали Н. Н. Вашкова и А. М. Старкову и ехали большой компанией. От Риги получили вагон, хоть и не мой, но вполне чистый и удобный. 12-го в понедельник приехали на границу, в Себеж. День был великолепный, солнечный, и нам устроили необычайно помпезную встречу. Пограничный полк с музыкой, речи, митинг с участием чуть ли не всего населения, словом, у иностранцев, которые с нами ехали, глаза на лоб вылезли от удивления: где же этот угнетенный и нагайками удерживаемый в повиновении народ? И почему вокзальная публика имеет веселый вид и даже буфеты работают лучше, чем сейчас в Германии? Этот же пейзаж сохранился до самой Москвы. Урожай прошлого года сделал свое дело, и обыватели, в прошлые годы при встрече уже начинавшие разговор о еде и топливе, на эти темы теперь почти не разговаривают, — признак того, насколько смягчился продовольственный и топливный кризис.

В Москву приехали 14 февр[аля] в 2 ч. дня, почти точь-в-точь по расписанию. Тут уже нас ожидал совершенный балаган: на вокзале два почетных караула, от чичеринских каптенармусов и от внешторговой артиллер[ийской] школы ⁴², с музыкой и властями вплоть до германского

посла. Вот уже, ей Богу, никогда не думал, чтобы мне когда-либо пришлось принимать почетные караулы!! До чего только не дожили эти большевики!

Словом, и Москва нас встретила очень приветливо. Грожан ⁴³, полагая, должно быть, что я приеду в лонд[онском] осеннем пальто, явился на вокзал даже с той жеребковой на белищем меху курткой, мерку для которой с меня снимали в октябре при проезде через Питер.

На квартире у себя нашел все как оставил в октябре. Дом эту зиму отапливается, как и большинство домов в Москве, и только при больших морозах моя Васильевна подтапливает кирпичную «буржуйку», и мерзнуть эту зиму абсолютно не приходится. Зима затянулась, и никаких признаков весны еще нет. Это хорошо для урожая, а хороший урожай сейчас для нас все. В доме даже пущен в ход подъемник, и если бы только не отчаянная квартирная нужда в остальной Москве, заставляющая уплотнять и уплотнять квартиры, положение можно бы назвать нормальным. У Гермаши в квартире тоже тепло, а на днях местная комячейка даже избрала его шефом находящегося в доме (это ведь рабочая коммуна) рабочего клуба, и мы теперь над ним посмеиваемся, что на советских праздниках ему придется дефилировать на Красной площади со знаменем клуба! Смеялись тоже на днях у них вечером, что Гермаша на старости тоже стал делать карьеру и догоняет Наташу, хотя, разумеется, еще не успел получить столько советских и коммунистических должностей, как она. У нас тут сплошные юбилеи: 25-летие нашей партии, 5-летие Красной армии и прочее. Меня по этому случаю опять зачислили в почетные бойцы 24-го стрелкового Бобруйского полка, потом ореховцы переименовали моим именем Морозовскую электростанцию ⁴⁴ и то же самое устроили в Баку с Биби-Эйбатской станцией ⁴⁵: в Орехово придется поехать, да рано или поздно надо будет и в Баку отдать визит.

3 марта.

Не писал опять целую неделю, то то, то другое. Приехала Катя с Митей. Этот мальчонка экспериментировал с электрическим вентилятором и угораздило его обе руки сунуть внутрь: чуть не оторвало пальцы, поцарапало и посдирало кожу, и сидит наш электрик с обеими забинтованными руками. Ушок, конечно, поначалу перепугался, но теперь это все обошлось.

Самую-то главную новость я вам еще не сообщил. За три дня до моего отъезда у Асетра ⁴⁶ родился сын. В первое воскресенье по моем приезде я им дал автомобиль, и Соня, Алеша и муж Аськи ездили за ней в лечебницу и привезли ее с сынком во 2-й Дом советов. Мальчик ничего, славный, но роды были довольно трудные, и при заполошности Аси особенно. Муж ее, студент-техник, кажется, из московских немцев, довольно застенчивый на вид, несколько напоминает Дм[итрия] Ник[олаевича], отца Володи, в молодости, по стилю.

Дня через 3-4 у Асетра на несколько часов пропало молоко, и он выль, говорят, как в детские свои годы, полагая, очевидно, что ребенок от этого моментально умрет. Приданое я все доставил, но Ася с гордостью замечает: прислали все розовое, для девчонки! Назовут мальчика, кажется, Гермашкой. Мальчик очень хорошенький, я его навещаю по воскресеньям, и он растет заметно с каждой неделей.

Сонечка, хотя немного похудела против Швеции, но все-таки выглядит хорошо и с ребенчишкой пока возится не много, тем более что взяли какую-то девицу вроде няни.

Заходил как-то к Литвинову, будучи по делу в том доме, где он живет. Айви ⁴⁷ и ребята с ним же. Миша стал довольно сухощавым и не очень резвым мальчиком, даже какой-то, по-моему, задумчивый, но Таня — прелесть девочка, очень бойкая, живая и красавица! (Ожидают, кажется, третьего??) Айви тебе, маманя, очень кланяется и очень просила прислать карточку. Я пообещал показать Володины снимки, сделанные перед отъездом, но до сих пор их не получил. Сам Литвинов как-то стал ровнее и спокойнее, хотя Стомонякову врачи говорили, что у него (Литвинова) с сердцем дело обстоит довольно неважно.

Общая атмосфера тут все-таки еще неустойчивая: через пень колоду или бочка меду и ложка дегтю. Вводят уголовный и гражданский кодекс и шпартят расстрелы за обычную какую-нибудь взятку. Конечно, коррупция везде страшная, но репрессиями ни черта не поделаешь, надо тут более глубокие меры и терпенье, только с годами все эти безобразия можно изжить, главное, страна несомненно становится сытее и начинает явно отдыхать. Тяга к учебе громадная, и множество всякого народу толкается по школам, но учебе идет кое-как, нет ни учебников, ни средств, ни профессуры. Выйдут, конечно, недоучки техники и врачи, но так как их много, среди них будет, несомненно, немало исключительно талантливых самородков, и эти дойдут до высших ступеней знания, как доходили Ломоносовы, Горькие и пр.

Сегодня я был в составе комиссии по постройке Дворца труда, смотрели проекты, представленные на конкурс. Конкурс этот объявили при моем отъезде в начале октября. И вот за каких-то 5 месяцев моск[овские] и питерские архитектора, не имея ни столов, ни бумаги, ни красок, настряпали 49 больших проектов, и некоторые из них очень и очень интересны, а вся вообще выставка поражает большой силой: несомненно, и тут творческие силы не только оживают, но и получили от революции сильнейший толчок. Такая же картина в области техники и изобретений: там и сям вылезают из-под спуда необыкновенно важные интересные идеи. И в то же время на многих фабриках, особенно в провинции, до сих пор еще гонение на спецов, выживание их из квартир и пр. и пр.

Выживали было из «Музо»⁴⁸ дядю Борю, но теперь, кажется, там найдено какое-то решение, устраивающее дело по-прежнему.

На Шатуре решено ставить большую станцию, и А. В. Винтер⁴⁹ в самом близком будущем собирается в Берлин заказывать большие машины. Авель, Семен живут по-прежнему, первый из них не выглядит переутомленным работой тем более, что секретарем ВЦИК РСФСР состоит маляр Сапронов⁵⁰, известный Мамане по Генуе. Хороший парень, но в качестве статс-секретаря все-таки еще... новичок. А. А. Богданов и Нат[алия] Богд[ановна]⁵¹ пребывают в своей неизменности и очень всем вам кланяются. Я их уговариваю опять поехать в Лондон (предвижу для них такую возможность). Но А. А. [Богданов] что-то упирается.

Ну, пока до свидания, милые вы мои! Если не кончу письма сегодня, то оно опять рискует пролежать неделю, тем более, что в недалеком будущем партийный съезд⁵² и с ним подвалит много добавочной работы. Крепко вас всех целую и вспоминаю вас всех постоянно в разные часы, стараясь себе представить, какой у вас там в данный момент пейзаж. Целую Наташу и Нину, Володе привет. Ваш Папаня.

Пишите же мне хоть раз в неделю, хоть коротко.

4 марта.

Милая моя маманя!

Пользуясь воскресеньем, пишу тебе еще о некоторых делах не для всеобщего сведения. В общем, атмосфера здесь лично для меня скорее улучшилась, несмотря даже на отсутствие Ильича, который хотя и поправляется, но довольно медленно⁵³. Очевидно, у большинства внутреннее сознание, что их октябрьская позиция была ошибкой, даже просто глупостью, это сказывается во множестве мелких фактов. Отсюда еще, разумеется, очень далеко до быстрого выпрямления и правильного курса. С монополией внешней торговли мы одержали решительную победу и разбили всех ее врагов наголову. Тут на нашу позицию встали полностью Ленин и Троцкий, и всей остальной публике оставалось только принять решение, диаметрально противоположное тому, какое было принято осенью⁵⁴. Разумеется, и тут, при наличии многих интересов, как внутри России, так и в особенности вне ее, которым монополия стоит поперек горла, нечего обольщаться успехом, а надо завтра же готовиться к новому напору и новой борьбе.

Ставился вопрос и о Лондоне. С моим отъездом и болезнью Берзина положение создалось там очень трудное. Возникал такой план, чтобы в Англии полпредом назначить Воровского, освободив меня совсем от этой

должности. Решили пока оставить по-старому, Воровский частью не очень пригоден, частью нужен еще и Италии... Решено только отозвать из Лондона Клышко ⁵⁵, по-видимому, это вывод из доклада ревизионной комиссии. Кем мы его там заменим в качестве замполпреда, еще неизвестно. К сожалению, Богрова тут сейчас нет, а не переговорив с ним, я не могу высказаться о его кандидатуре. Что касается меня, то не будь необходимости для детей быть в Англии, я с удовольствием воспользовался бы удобным предлогом уйти из Лондона, где меня Бонар-Лоу ⁵⁶ и Керзон ⁵⁷ не пожелали принять ⁵⁸; как раз самое время было бы посадить им туда Воровского или даже еще менее значительную фигуру. Здесь в смысле работы несомненно интереснее, чем в Европе, и только в случае возобновления связи с Америкой мне имело бы смысл поехать туда на полгода. Жить сейчас в Москве уже и вам было бы возможно, если бы не чертовски трудные здесь вопросы с квартирой, вечно растущими расходами, в связи с падением курса рубля, и большими неудобствами и неприятностями по урегулированию всех таких житейских дел. Тут либо надо быть в какой-то вечной противной охоте за всякими случаями и способами, чтобы если и не улучшить, то хоть удержать на прежнем уровне автоматически ухудшающееся из-за растущей дороговизны положение, либо стоически вести спартанский образ жизни, вроде Фрумкина, который чуть-чуть не уморил жену, предоставив ей рожать в какой-то демократической лечебнице, не умея и не желая пойти в какую-то инстанцию, попросить несколько бумажных миллиардов, без чего ни хорошего доктора, ни теплой и чистой постели не получишь. Я, конечно, буду изучать все возможности, и в общем и целом вопрос о переезде сюда вашем надо обдумать, но пока что я все-таки доволен, что могу вас там оставить на прежних основаниях. Там видно будет. Слишком торопиться пересаживать девочек сюда, пожалуй, не стоит.

№ 64.

21 марта [1923 года]

Милый мой родной Любонаша, любимые девочки!

Чтобы не задерживать рецептов для Кати, посылаю их сегодня и ограничиваюсь несколькими строчками, писать большое письмо пока некогда.

Живу я хорошо, здоров, обут, одет, сыт, каждую неделю беру ванну, работаю много и даже постричься некогда — оброс, как деревенский поп.

Ездил в Питер, но только на два дня: Москва вызвала по срочному делу. Видел Таубманов. Постарели они изрядно, особенно Вера Влад[имировна] ⁵⁹. Гриша нашел меня в великолепном состоянии. Вес оказался 5 пуд[ов] 5 ф[унтов], правда, в одежде. Питер тоже сильно приубрался и имеет привычный вид. Получил два маманиных письма, одно через Гринфельда, конечно, с большим опозданием.

Я не знаю, получили ли вы мое письмо большое, посланное через Берлин? Пишите. От девчат ни от которой ни слова! Непорядок! Так как вы люди тоже советские, а я все-таки нарком, то я «в порядке боевого приказа» устанавливаю: каждая из 3-х девчонок обязуются раз в две недели написать мне хоть коротенькое письмо. Наташе Красиной проследить за исполнением.

Володя меня надул: обещал прислать снимки и до сих пор ничего не прислал. Очень прошу его прислать их, а также сделать отпечатки со старых негативов, а то маманиных карточек более новых у меня вовсе нет, а девчат карточки у меня отобрали Таубманы.

Ну вот, пока и все.

Целую и обнимаю вас всех крепко. Берегите маманю и ухаживайте за ней. Целую, Наташу, Нину. Володе, Ляле и всем вообще привет.

Ваш Красин.

№ 65.

3 апреля 1923 года

Милая моя маманя, золотая моя голова! Получил сегодня твое письмо и альбом с карточками и очень этому всему обрадовался. Спасибо! Милая ты моя маманичка! Я даже испугался: вдруг Вы в самом деле превратились

в тигрицу, ведь этак Вы чего доброго детёв моих можете там растерзать, а советских начальников там у вас поблизости все равно нет, и вы им ничего сделать не можете!

У нас с тобой на этот раз перемена ролей, ты относилась к делу спокойно, а теперь я. Последний мой приезд в Англию, в связи с нашим тупиком в отношении дела Урк[арта], меня убедил в бесцельности моего проживания в Англии, а наглый отказ М[инистерст]ва ин[остранных] дел меня принять делал мое дальнейшее пребывание в Англии даже политически нецелесообразным. Не хотите разговаривать, довольствуйтесь Клышкой или в лучшем случае Воровским, а для более серьезных разговоров приезжайте в Москву или Берлин. Конечно, здесь моя работа с Лондоном не идет ни в какое сравнение. Я тут каждый день в десяти местах убеждаюсь и вижу, насколько полезно мне тут быть, и вот за каких-нибудь два месяца, а уже работа сильно двинута вперед, и, напр[имер], сейчас я занят воссозданием российского хлебоэкспорта⁶⁰, и, я думаю, создадим организацию, какой еще у России не было никогда. И вообще, Внешторг начинает налаживаться, и успехи его можно проследить уже статистически. Постоянно выступаю на собраниях, и надо видеть, как публика рабочая слушает. Тут был ряд выступлений по случаю 25-летн[его] юбилея партии, вспоминал Федора Афанасьева⁶¹ и 90-е годы в Питере — сам некоторым родом вроде Богородицы — старше юбиляра — партии, ибо я работу начал не в 1898, а в 1890 году. При настойчивости я бы мог добиться оставления в Лондоне, но тогда пришлось бы переехать туда, т. е. перейти на инвалидное положение, а это мне еще рано. Чувствую себя я великолепно и могу еще поработать. Жаль только, что жить врозь приходится, но неволить вас к переезду или его форсировать не хочу, думаю, что вам остаться там можно будет, если даже придется перейти на более скромное положение, тоже не беда: ребятам это будет только полезно, они уже не маленькие и попробовать жизнь с более суровой и жесткой ее стороны им не помешает. Тебе же избавиться от большого трена⁶² будет тоже не плохо. Можешь ребят и оставлять, съездить в Москву, побывать у Шурочки (она теперь полпредом в Норвегии и встретит тебя хоть с почетным караулом), а летом я всегда буду приезжать к вам в отпуск и среди года еще раз-другой.

Впрочем, насчет России ребятам тоже надо подумывать. Не след им обангличаниваться и бросать родину, а краше и лучше нашей страны и нашего народа все равно ни в каких Европах ничего нет.

Кошачья привычка к одному месту не резон: упирались же они и выли, когда вез их из Швеции в Англию, стерпится — слюбится. Повторяю, спешить нечего, а все же вопрос рано или поздно станет на очередь. Надо еще и с тем считаться, что скоро Россия будет самым спокойным и тихим местом в Европе, где дела идут хуже от месяца к месяцу. Среднюю школу Людмилчик ведь уже окончил, Катабрашка оканчивает весной, а Любана можно через ВЦИК хоть сразу в бакалавры⁶³ произвести. Ну да об этом еще успеем лично все вместе поговорить. Решение Л[юдмилым] учиться прикладному рисованию вполне одобряю. Если еще случайно кройку или шляпы прихватить, тоже будет не вредно. Отсутствие Катабрашки на архит[ектурном] конкурсе здесь очень заметно и, кажется, даже повергнет архитектурный мир в уныние. В утешение Катабрашки и назидание и другим моим детям посылаю вырезанную из газеты карикатуру о кино, под заглавием «Сейте разумное, доброе, вечное». Некоторые карикатуры у нас бывают недурны. Вообще большое замечается движение в публицистике, литературе и искусстве. Несомненно, в самом близком будущем Россия в этой области скажет большее слово.

Рецепт Веры Влад[имировны] я вам послал. Получили ли? О Володе при случае спрошу, но думаю, по таким методам лечения они оба, вероятно, поотстали.

Вот плохо, Красотанчик, что Вы сами-то похварываете. Как же это так? Ты так хорошо выглядела в январе, и я уж тут всем славословил про благотворное действие Италии. Ну, да я надеюсь, все это обойдется, у тебя ведь еще и седых волос нет, и хворать тебе рано. В Питере видел Веру

Марковну, ничего себе выглядит, неплохо. Зину не видал, но она себя, по слухам, чувствует на вершине блаженства и, хвативши новороссийского в обстановке революции, считает берега Балт[ийского] моря раем.

Ну, однако, прощайте, мои миланчики. Целую вас крепко, пусть девочки мне хоть пару раз в две недели пишут. Наташу целую тоже, что-то тут по ней папаня и маманя соскучились, кажись, хотят и домой звать. Володе спасибо за фотографии, жду продолжения. Ляле и всем вообще привет, также и Джимми⁶⁴, золоту!

Обнимаю вас всех. Ваш Красин.

№ 66.

30 апреля [1923 года]

Милые мои маманчик и родные мои девочки!

Пишу вам наспех эти строчки, потому что А. А. [Иоффе] сегодня уезжает. Начал вам было большое письмо, но никак не могу его кончить: тут был съезд, поглощавший все время, а сейчас приходится спешно проворачивать запущенные во время съезда дела. Баталия была изрядная, но и не безрезультатная, надо надеяться, хотя по внешности все осталось по-старому.

Очень вы меня обрадовали присылкой карточек, я на них не могу насмотреться. Присылайте время от времени такие снимки.

Я совершенно здоров и чувствую себя очень хорошо, несмотря на большую работу во время съезда и всякие речи, митинги и даже газетные статьи. Целую и обнимаю вас всех крепко-крепко. Ваш папаня.

Письмо о Наташе пишу по просьбе Ге, передайте его Берзину.

№ 67.

30 апреля 1923 года

Милый мой Любанаша! Сегодня послал тебе письмо с Квятковским⁶⁵, а через несколько часов получил твое письмо, отправленное 23 апр[еля].

Вопрос о приезде старших девочек меня тоже занимает, и я сам тоже начинаю побаиваться, не делаем ли мы ошибки, задерживая их так долго за границей, не отрываем ли от русской почвы, не давая в то же время пустить корни как следует и в заграничной. Последнее для меня представлялось бы несомненной ошибкой: я думаю, в ближайшие десятилетия жизнь в России будет и интереснее и легче, нежели на Западе, который идет неуклонными шагами к какой-то катастрофе. Оставлять ребят навое и навсегда за границей было бы ошибкой и перед ними и перед Россией. С другой стороны, жизнь здесь все еще далека от удобств и комфорта Европы, да и по части учения лишь при исключительных условиях тут можно хорошо устроиться. Я думаю, во всем этом вопросе и тебе, да, м[ожет] б[ыть], и девочкам, поможет ближайший приезд Вашкова, который получил уже, кажется, все визы и на днях выезжает, взяв с собой и дочерей. От них вы можете больше узнать подробностей о здешней жизни, чем от меня, хотя их выводы будут сильно отдавать обывательщиной, ибо жить им пришлось в архитрудных условиях. Напиши мне, какое у девчат будет примерно расписание с каникулами и началом учебы, чтобы я мог сообразовать с этим мои планы насчет летнего приезда и отпуска.

Я решительно против всяких этих Boarding school⁶⁶. Это будет стоить чертову уйму денег и еще неизвестно, какой даст результат в смысле учебы, не говоря уже о прививке всяких англо-мещанских взглядов и вкусов от проживания в ихних пансионах. Что касается наук, сомневаюсь, чтобы в Англии где-либо о них особенно заботились, наверно, и там дело сводится к тому или иному спорту. Да и нечего им очень переутомляться науками, захотят учиться, так будут сами доходить, и время их еще не ушло.

Меня очень мало тревожит, что все поправки и пр. по долгу идут на мой счет. Никакого у меня своего счета нет, а будет ли это по счету Аркоса⁶⁷ или Делегации⁶⁸ — не все ли в конце концов равно: я ведь даже не коплю и беру у Республики лишь то, что проживаю, и если по соображениям представительским приходится тратить больше, надо платить, а из какой статьи — разница небольшая. Мне недавно Кл[ассон] писал, что по долгу расходы за два м[есяца] свыше 135 фунтов стерлингов, я ему ответил,

что надо расходы оплачивать и что я напишу тебе, с другой стороны, чтобы от всяких лишних расходов и затрат воздерживаться. Верно ли, что вы там завели-таки какой-то небольшой автомобиль? Если это так, меня это очень огорчит, абсолютно это ненужная, бестактная и лично мне могущая быть очень неприятной выдумка. Прошу ее безотлагательно ликвидировать. Надо же, в самом деле, считаться с особенностью и моего положения и не подвергать меня нареканиям, и вовсе не способствующим ни моей работе, ни чему другому.

6 мая.

Целую неделю не мог докончить письма, да и сейчас нет много времени, за навалившейся спешной работой. Работаю я все же в меру. То, что я «после 12» не пошел к Названовым, и объясняется тем, что я попросту пошел домой спать, а так как у Названовых 12 часов чуть ли не считается началом вечера, то как же мне иначе отвертеться от таких приглашений, как не ссылкой на неотложную работу. Ходить куда-либо, действ[ительно], и некогда, да и не охота. Как-то раз собрался на Собинова⁶⁹, «Лознгрину»⁷⁰, но и тут, откровенно говоря, после второго акта заскучал и, смеясь, вспоминал, как мы с маманей почти ни на одном вечере не могли досидеть до конца праздничной части.

18 апреля был у дяди Бори на «рожденьи». Ему пошел 40-й год, вместе со всеми Красиными, а вчера мы с Гермашей были у Аркашки Мурзакова, к которому месяца два назад приехал из Владивостока Валерьян. По случаю близкого его обратного отъезда на Дальний Восток мы вот, старички, и собрались. Аркадий работает вместе с Гермашей, вылез таки из своего Смоленска, где в 1919 году чуть не помер со всей семьей с головою. У них трое сыночек от 16 до 20 лет. Все трое музыканты — целый оркестр.

Весна у нас стоит на редкость холодная, и за город никуда не тянет. Потеплеет, поеду на новой машине в Орехово отдавать визит морозовским рабочим. В конце мая собираюсь съездить в Архангельск, в июне будет съезд внешторгов⁷¹, и с конца июня уже можно будет думать о поездке за границу, если организация хлебоэкспортной кампании не задержит.

Напишите мне, пожалуйста, теперь же, как у девочек на лето и осень распределяется время, т. е. когда у них каникулы начинаются и кончаются и насколько их можно продлить. Мне надо знать это, чтобы сообразить насчет лета и сговориться заблаговременно со здешней публикой насчет отпуска и командировки.

Ну, пока, прощайте, целую и обнимаю всех вас крепко. Спасибо тебе, маманя, и девочкам за письмо. Пишите почаще. О Наташе я писал Берзину, чтобы ее не задерживали там, надеемся ее здесь скоро увидеть.

Еще раз целую.

Ваш папаня.

№ 68.

[25 июня 1923 года]

[...] ⁷² и которые меньше и вовсе не зависят от возраста и преходящих настроений.

Мне думается, что именно поддаваясь чувству обиды и горечи, ты мне говорила и пишешь вещи, которых не следует говорить. Конечно, естественно, что у тебя не может быть добрых чувств, и понять это можно, но не надо все-таки увлекаться и без достаточных еще оснований приписывать людям намерения и побуждения, доказать наличность которых ты не можешь и которых, как я полагаю и уверен, в данном случае вовсе и не имеется. Поверь мне, милый мой Любанчик, не надо так писать и так говорить, голословные утверждения ведь все равно ничего не доказывают, а между тем ты сама себя этим унижаешь, так как справедливостью мы обязаны даже по отношению к врагу и пренебрежение ею сваливается на нашу голову. Я понимаю, что ты все это пишешь из хороших побуждений, желая меня спасти, предостеречь и проч. Но все-таки я не такой же младенец и не столь же уж прост и несообразителен, чтобы мог подвергаться тем опасностям, о которых ты пишешь.

Ну вот, Миланчик, пароход тем временем отчалил, и я это письмо смогу послать только уже с континента.

26 утром. Подъезжаем к Hook of Holland ⁷³. Доехали отлично, хотя ночью и качало немного. Но я спал все время.

При укладке чемоданов Люба маленькая попросила у меня карандаш, чтобы сделать надпись на коробке для Тани, да так мне его и не отдала, а я впопыхах его не хватился. Теперь я без карандаша как без рук, особенно в дороге. К карандашику этому я очень привык и не хотел бы его потерять. Пожалуйста, вы его поищите и мне пришлите. Люба, наверное, его оставила на маминном туалете в спальне. Ты, миланчик, его найди, заверни в бумагу так, чтоб вышел довольно толстый конверт (чтобы нельзя было прощупать, что в нем), и пошли с надежным курьером в Москву, попросив Марью Яковл[евну] ⁷⁴ занумеровать для личной мне передачи.

Ну вот, мы приехали. Крепко всех целую. Тебя же, милая родная мамоничка, обнимаю крепче всех. Твой любящий Красин.

№ 69.

[26 июня 1923 года]

Милая моя родная маманичка!

Едем мы хорошо, подъезжаем сейчас к границе, и я спешу тебе написать две строчки и послать обратно с тов. Чернышевым. Он очень сокрушается, что не может исполнить данного тебе слова и ехать до Риги: без паспорта его никак через все границы протащить нельзя, и он должен сейчас возвратиться обратно в Париж.

Меня немного укачало, и я соснул с полчаса.

Еду в очень хорошем настроении и очень рад, что у меня завтра будет целый день в Берлине — это хорошо, по моим делам там надо переговорить.

Крепко тебя, маманичка, целую и обнимаю и очень тебя люблю и никогда не разлюблю и всегда буду с тобой и аминь.

Девочек моих милых поцелуйте и Катабрасу и Старшущего моего. Обнимаю вас всех еще раз, мои родные и любимые.

Ваш Папаня.

№ 70.

28 июня [1923 г.], Берлин

Милый мой родной Любонаша!

Вот я второе утро в Берлине. Доехали мы великолепно, остановился я в посольстве, а сегодня вечером вместе со Стомоняковым, Абрамовым ⁷⁵ и Квятковским еду в Наугейм, где должно быть совещание с Цурюпой ⁷⁶, который там лечится. Ночь езды, пятницу пробуду там и утром [в] субботу буду обратно в Берлине. Дальше выеду, вероятно, вместе со Стомоняковым в понед[ельник] или около того, в зависимости от наших дел. Крестинский сегодня улетает в Москву, мы же поедem поездом.

Новостей здесь особенных нет, из Москвы сообщают о некотором улучшении у Ленина, но, видимо, небольшом и малообещающем.

Погода тут как в Лондоне — пасмурная, холодно, уныло. Еще более уныло внутреннее положение Германии.

Ну вот, мои миланчики, уже пришли по мою душу, и я должен кончить письмо. Крепко тебя, мой родной, целую и обнимаю. Будь здоров, не волнуйся, не грусти, не слушай никаких сплетен и наветов и знай и помни, что я тебя люблю и никогда не разлюблю и никогда тебя не брошу.

Целую родных моих девочек и кланяюсь всем.

Твой Красин.

№ 71.

3 июля 1923 года

Милый мой родной Любанаша, сегодня, 3 июля, мы наконец-то уезжаем из Берлина целым караваном. Дел всяких и переговоров было тут предостаточно, но еще больше предстоит в Москве, почему отчасти и беру с собой Стомонякова. Стоит уехать на полтора-два месяца, и тем уже начинать развал чуть не по всей линии, и многое надо будет наново отстраивать. Около внешней торговли теперь крутится столько всякого народа. Под благовидными и неблагоприятными предложениями стремятся обойти монополию внешней торговли, а Фрумкин, при всей своей даже избыточ-

ной бюрократической твердокаменности, в этом отношении часто попадает впросак. О Москве тут пока только ранние неопределенные слухи. Назначение Раковского ⁷⁷, по рассказам, вызвано главным образом желанием избавиться от него на Украине. Вопрос теперь только, дадут ли ему англичане agreement ⁷⁸: об этом, когда узнаешь, напиши (через курьера). Я уж рад, что уезжаю, а то обеды, завтраки и интервью меня и тут замучили: немцы хотят показать, что и у них люди еще в ресторанах едят. Жизнь здесь у обывателей неважная. Иногда в один день цены вдруг вырастают на сто процентов ⁷⁹. Жалование на днях тоже сразу увеличили вдвое, но рынок на это немедленно ответил более чем двойным повышением цен, и рабочие и служащие остались ни при чем. Ну, пока, до свидания. Пиши мне почаще. Целую всех крепко.

Папаня.

№ 72.

[4 июля 1923 года]

Милый мой Любанчик! Пишу две строчки в Риге. Доехали великолепно и сейчас уже в русском вагоне. Должен сию минуту ехать с Чичериным на офи[циальный] завтрак. Кончаю письмо. Целую тебя, родной мой дружочек и маманя. И деточек моих любимых. Целую крепко и Наташу и Володю. Всем привет. Ваш Папаня.

№ 73.

6 июля 1923 года

Милая моя маманечка, ну вот, я опять в Москве. Доехали мы вше-стером великолепно, скорее, чем прежде, почти на сутки, ибо переменили расписание, и в Риге не надо терять целый день, как было раньше. Попал на сессию ЦИК'а, приняли новую конституцию ⁸⁰ Союза Советских республик. Выбрали союзный Совнарком, и я теперь уже не российский нарком, а союзный, в отдельных же республиках будут иметь не наркомов, а заместителей.

Сегодня получено известие, что англичане принимают Раковского и, таким образом, его назначение становится окончательным фактом. Вопрос и торгпреде еще не решен, но многие из приятелей, как Крестинский, Стомоняков и др., указывают, что мне, как союзному наркому, не будучи полпредом, не приличествует оставаться торгпредом, находящимся иерархически в общих вопросах в подчинении у полпреда, а лучше осуществлять контроль и руководство над лондонскими торговыми организациями в качестве наркомвнешторга. Я пока лишь хожу, скучаю, присматриваюсь, не предпринимая пока никаких действий до выяснения положения. Многих еще не успел повидать, и есть немало мелких спешных текущих дел. После дороги не сразу попадаешь в рабочее настроение. Отъелся я и выспался за дорогу отлично, загорел, и морда у меня выглядит «поперек себя». Настроение хорошее, на все вещи смотрю с точки зрения «наплевать» и так и дальше предполагаю. Видел пока Сонечку, Наташу и Анечку.

Ушка с Виктором встретил около Абенкина полустанка при скрещивании поездов, к сожалению, было всего $\frac{1}{2}$ минуты времени. Ушок хочет побывать у вас в Лондоне, и я буду писать по поводу визы ему Я. А. Берзину.

7 июля.

Получил альбом с карточками, свой карандашик и письмо мамани, — спасибо. Родная моя маманечка, смотрю я на Вас на карточке и очень мне хочется Вас приласкать и приголубить, солнышко ты мое, не грусти, пожалуйста, и не будь печальной, я очень много и часто о тебе думаю и, по совести тебе говорю, может быть, даже лучше и отношусь к тебе, чем прежде. Следи внимательно за своим здоровьем и, если можно, поезжай куда-нибудь со свободными девочками на солнце или вообще за город.

Здесь погода стоит теплая, но до сегодня все были дожди, даже ливни: на Неглинном женщина, переходя улицу, залитую сплошь водой, попала в колодец и утонула вместе с ребенком. Сегодня, похоже что-то, будто погода установится. У меня с неделю уйдет на вхождение в работу, а со

следующего воскресенья я уж, наверно, начну выезжать за город. Сегодня гулял по берегу Москва-реки, хорошие тут виды, когда солнце.

8 июля. Воскресенье.

Был сейчас у Сони и Аси. Мальчик у них (Гермаша, он же «Помзя») премиленький. Выпоен весь на молоке и имеет белый цвет и кисло-сладкий нюх кожи, как маленький поросенок. Почти что сидит, очень приветливо меня встретил, и я с ним возился добрый час, пока мать его и бабушка хлопотали около по хозяйству. Ася выглядит лучше, чем весной, хотя подлец этот ее высасывает, видимо, основательно: прожорлив как гусеница. Если будет удобная оказия, пришлите ему целлулоидных и резиновых игрушек — две-три, не больше. Моя ведь система — полено и песок.

Ну, пока прощайте, мои милые. Целую тебя, маманичка, и Рыбку, и Катю, и Любу крепко-крепко. Приветы всем. О здешних делах напишу подробнее, как только поогляжусь, равно и о дальнейшем вообще, когда повидеюсь тут со всеми предержащими.

Владимира Ильича состояние плохо, и на восстановление работоспособности нет никакой надежды, разрушены важнейшие центры речи и движения. Пытались было учить его говорить и ходить, но после небольших успехов пошло опять на ухудшение, и даже лето и тепло не помогает. Это не для широкого распространения.

№ 74.

14 июля [1923 года]

Милая моя родная маманичка, золотые мои дочери!

Пишу наспех перед отъездом И[вана] М[ихайловича]⁸¹. Делов выше головы, и я с утра до вечера занят. Более или менее начинаю дела уже проворачивать и, видится, в близком будущем будет немного посвободнее. Постепенно расчищаю тут весь мусор, накопившийся за полтора месяца и натасканный разными друзьями-приятелями. Многие получили уже и еще получают реванш, каждому по его заслугам, и положение, вообще говоря, восстанавливается более или менее нормальное. Раковского в М[оскве] нет, и я еще не договорился с ним ни насчет его работы в Торг[овой] делег[ации], ни насчет таких вопросов, как, например, вопрос о доме etc. Вам, по-моему, ни в коем случае не следует оставаться на Eton Avenue⁸², а лучше переехать куда-либо в пригород или даже за город. Будет и несколько дешевле и здоровее. Прямо вопроса об этом я тут ни с кем не поднимал, но по общему настроению полагаю, что до будущей весны, вам во всяком случае можно будет в Англии остаться. А там видно будет. Если мне не придется никуда ехать (например, в Америку или еще раз в Англию), можно будет серьезнее подумать и о вашем сюда приезде. Жизнь здесь все более и более входит в берега, и в конце концов тут скоро, пожалуй, будет не только более спокойная, но и более привлекательная жизнь. Если учесть, что Англия удваивает, а Франция ушестеряет свой воздушный флот, то, пожалуй, перспективы не очень успокоительные. Урожай у нас будет, по-видимому, так себе, и кое-где на севере будет и голодно, но в общем и целом будет, несомненно, избыток хлеба. А будет хлеб, будет и топливо, и тогда минимум потребностей обеспечен.

Завтра первое воскресенье, поеду на $\frac{1}{2}$ дня за город к Радеку⁸³ на дачу. Беру с собой Стомонякова. Приехал Гермаша с болота, выглядит очень хорошо, работает над своими машинами, Митяй тоже поправился совершенно, а вот Алеша что-то сплеховал, должно быть перехватил со своей атлетикой что ли. Зато маленький Гермашка очень хорошо, называется он также еще и «Помзя», это значит помощник зяблика — в чем он зяблику помогает, никто объяснить не может, но все-таки он «Помзя», вот и все! Сонечка собирается в августе ехать в Кисловодск. Борис живет на даче где-то 50 [верстах] от Москвы и по обыкновению так, что попасть к нему можно будет только сломав автомобиль. Собирается катать меня на моторной лодке: подозреваю, что Кузнецову (заместитель Маринушкина⁸⁴) придется снабжать его бензином. Как будет посвободнее, может, и поеду, благо, кажется, может быть хорошая теплая погода.

Ну, пока прощайте, мои милые. Насчет поездки в Норвегию боюсь

советовать. Штука это будет непростая и недешевая, а главное, можете попасть в дожди, там климат сугубо сырой. Я еще насчет отпуска определенно ничего не знаю, но прицеливаюсь его проводить на юге Англии. Попаду в отпуск едва ли раньше начала сентября. Крепко вас целую и обнимаю.

Наташа с мужем уезжают в Ригу, где он будет служить в Доброфлоте⁸⁵.

(Окончание следует)

Примечания

1. Речь идет о Генуэзской конференции 10 апреля — 19 мая 1922 г. — европейской конференции по экономическим и финансовым вопросам, рассматривавшей проблемы компенсации бывших иностранных собственников в России и предоставления ей кредитов. Советская делегация, формальным руководителем которой был Ленин, а фактическим — нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, внесла также демагогическое, рассчитанное на пропагандистский эффект предложение о всеобщем и полном разоружении. Во время конференции между Россией и Германией был подписан Рапальский договор. Часть вопросов была перенесена на Гаагскую конференцию.
2. Монополия внешней торговли была введена декретом Совнаркома РСФСР от 22 апреля 1918 года. Красин был рьяным адептом монополии, полагая, что от нее в большой степени зависит развитие промышленности, ибо монополия внешней торговли явится важнейшим средством государственного обеспечения рынка для ее товаров. Фактическая реализация идеи монополии началась с образования в июне 1920 г. Наркомата внешней торговли. После введения нэпа наркоматы и частные предприятия начали оказывать давление с целью смягчения или даже фактической отмены монополии внешней торговли. В 1921 г. происходила дискуссия по тезисам Лежавы, который подчеркивал необходимость ужесточения государственной монополии. 6 октября 1922 г. на пленуме ЦК в отсутствие Ленина Г. Е. Зиновьев провел резолюцию, предусматривавшую свободный экспорт и импорт определенных товаров и создание свободных экономических зон. После пленума Красин обратился с жалобой к Ленину. 13 октября Ленин написал письмо Сталину для ЦК, в котором критиковал принятое решение и требовал отложить вопрос до следующего пленума ЦК. К позиции Ленина в основном присоединился Троцкий. 12 декабря Ленин попросил его выступить на пленуме ЦК. 18 декабря этот пленум отменил резолюцию от 6 октября и подтвердил необходимость сохранения монополии внешней торговли. XII съезд РКП(б) в апреле 1923 г. подтвердил ее нерушимость.
3. Видимо, имеется в виду Виктор Окс, первый муж Л. В. Красиной, проживавший в Константинополе (Стамбуле).
4. «Чтобы их Бог любил», «сухо дерево — завтра пятница» — присловья от «сглаза».
5. Гаагская конференция (15 июня — 22 июля 1922 г.) — европейская финансово-экономическая конференция, созванная по решению Генуэзской конференции для обсуждения претензий западных держав к России и вопроса о предоставлении ей кредитов. Ни к каким решениям конференция не пришла. Красин был членом советской делегации, которую возглавлял Литвинов.
6. Речь идет о члене советской делегации на Гаагской конференции Кржижановском Глебе Максимилиановиче (1872—1959) — социал-демократе с 1893 года. В 1920 г. Кржижановский был председателем Комиссии по государственной электрификации России (комиссии ГОЭЛРО), в 1921—1923 и 1925—1930 гг. — председателем Госплана, в 1930—1932 гг. — председателем Главэнерго, с 1930 г. — руководителем Энергетического института Академии наук СССР.
7. Имеется в виду Кржижановская-Невзорова Зинаида Павловна (1869—1948) — жена Кржижановского, участница социал-демократического движения с 1898 года. С 1918 г. она работала в Наркомпросе РСФСР, а затем в Академии коммунистического воспитания.
8. Сокольников (настоящая фамилия Бриллиант) Григорий Яковлевич (1883—1939) — социал-демократ с 1903 года. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. был генеральным комиссаром банков. Возглавлял советскую делегацию при подписании Брестского мира с Германией 3 марта 1918 года. Во время гражданской войны командовал соединениями Красной Армии. В 1921—1926 гг. был наркомом финансов, в 1929—1934 гг.

- полномочным представителем СССР в Великобритании. С 1934 г. заместитель наркома иностранных дел. Участвовал в «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева 1925—1926 годов. На XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) предложил сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК. Репрессирован. Умер в тюрьме. См. ГЕНИС В. Л. Григорий Яковлевич Сокольников. — Вопросы истории, 1988, № 12.
9. Скорее всего речь идет об автомобиле марки «Ситроен», выпускавшемся во Франции (в Италии был филиал фирмы) с 1919 года.
 10. Der Haag (Гаага) — столица Нидерландов.
 11. Речь идет о XII конференции РКП(б) 4—7 августа 1922 года. На конференции рассматривались вопросы об усилении партийного влияния в профсоюзах, борьбе против «буржуазной» идеологии, партий и течений, стремившихся использовать нэп «для реставрации капитализма». Был принят новый устав РКП(б), усложнивший условия приема в партию.
 12. Лидо (Лидо-ди-Рома, Лидо-ди-Остия) — климатический курорт в Италии, на берегу Тирренского моря, к юго-западу от Рима.
 13. Речь идет о советско-итальянском соглашении, подписанном 26 декабря 1921 г. в Риме. Соглашение предусматривало создание режима наибольшего благоприятствования для торговли и судоходства обеих стран, назначение специальных агентов, пользующихся дипломатическими привилегиями, возобновление почтовой и телеграфной связи и др. Советская сторона отнеслась к соглашению сдержанно. Оно рассматривалось лишь как предварительное. 22 сентября 1922 г. представительство РСФСР в Италии выступило с заявлением о нарушениях соглашения итальянской стороной и о враждебной кампании финансовых и торгово-промышленных кругов Италии против СССР, их стремлении подорвать доверие к советским внешнеторговым организациям (секвестр советского груза шелка, дело о продаже сульфата натрия и др.). Последовал обмен нотами. В первые дни после фашистского переворота в конце октября 1922 г. антисоветские акции продолжались. 1 ноября группа фашистов ворвалась в помещение торгового отдела российского представительства и произвела обыск. 15 октября глава правительства Б. Муссолини принял советского полпреда Воровского и заявил, что Италия намерена идти на сближение с Россией. Инцидент был улажен.
 14. Торговое представительство Российской Советской Республики.
 15. Немецкие летчики и авиационный персонал находились под Смоленском в связи с установлением военного сотрудничества Советской России и Германии в 1921 году. В сентябре 1921 г. в Берлине состоялся переговоры, в которых с советской стороны участвовали К. Б. Радек и Красин. Было подписано соглашение о создании совместного «Общества по развитию промышленных предприятий». С 1922 г. германской рейхсвер (вооруженные силы) создавал на советской территории объекты для испытания своей техники, в том числе военной авиации, иметь которую Германия запрещалось Версальским мирным договором. Один из таких объектов находился под Смоленском. Военное сотрудничество сократилось, но не прекратилось после прихода к власти нацистов в 1933 году.
 16. Ходынка (Ходынское поле) — местность в северо-западной части Москвы в начале шоссе на Петроград (ныне Ленинградский проспект). В 1914 г. здесь был открыт аэродром (с 1926 г. Центральный аэродром им. М. В. Фрунзе).
 17. Имеется в виду концессионное соглашение с Л. Уркартом, которое Красин подписал 9 сентября 1922 года. Русско-Американская компания Уркарта получала в аренду свою бывшую собственность в России на 99 лет. Советское правительство обязалось инвестировать в предприятия компании до 20 млн руб. золотом, причем 150 тыс. фунтов стерлингов Уркарт должен был получить через два месяца после ратификации концессионного соглашения. Красин был уверен, что Совнарком ратифицирует документ. Однако Ленин выступил против. Политбюро 5 октября, а затем пленум ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г. отвергли ратификацию. Совнарком продублировал это решение. Из числа членов правительства только Красин голосовал за ратификацию. Видимо, история с этой концессией повлияла на отношение Красина к советскому режиму. На XII съезде РКП(б) в 1923 г. Красин был подвергнут острой критике за его позицию в связи с делом Уркарта.
 18. Речь идет о пленуме ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г., на котором рассматривался вопрос о монополии внешней торговли и были приняты решения, допускавшие изъятия из нее. По требованию Ленина эти решения были отменены на пленуме ЦК 18 декабря того же года.
 19. Речь идет о судьбе соглашения с Уркартом.
 20. Вера Ивановна — жена Андрея, сына Л. В. Красиной.
 21. Речь идет об итальянских фашистах.
 22. Путилов Алексей Иванович (1866 — после 1937) — директор Русско-Китайского, затем

- Русско-Азиатского банков, многих акционерных обществ, глава крупнейшего военно-промышленного концерна. После октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. См. БЕЛЯЕВ С. Г. Алексей Иванович Путилов. В кн.: Из глубины времен. Вып. 10. СПб. 1998.
23. Шибер (*нем.* Schieber) — спекулянт.
 24. Шварцвальд — горный массив на Юго-Западе Германии. Богат хвойными и буковыми лесами, минеральными источниками. Район ряда климатических и бальнеологических курортов.
 25. Названы русские эмигрантские газеты: «Руль», выходявший в 1920—1931 гг. в Берлине, и «Последние новости» — в Париже в 1920—1940 годах.
 26. Видимо, речь идет о Р. Э. Классоне.
 27. Lues — сифилис.
 28. Видимо, имеется в виду хирург Ф. Краузе (1857—1937) — профессор в Галле, с 1900 г. в Берлине. Был известен хирургическим лечением туберкулеза.
 29. Гольдшайдер Альфред (1858—1935) — профессор с 1898 г., директор ряда клиник. Специалист по внутренним болезням и невропатолог.
 30. Старкова А. М. — жена В. В. Старкова.
 31. При лечении в Берлине Красин использовал имя бывшего мужа своей жены Д. Н. Кудрявского.
 32. Воровский был в Лозанне в качестве советского представителя на происходившей там конференции по вопросам Ближнего Востока (20 ноября 1922 — 24 июля 1923 г.). На конференции был подписан Лозаннский мирный договор с Турцией (он заменил не вступивший в силу мирный договор 1920 г.); была принята конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы, предусматривавшая их демилитаризацию и возможность прохода торговых и военных судов всех стран как в мирное, так и в военное время.
 33. Палатин — один из холмов, на которых возник Древний Рим.
 34. Муссолини Бенито (1883—1945) — в начале XX в. социалист. В 1914 г. исключен из Социалистической партии за шовинистическую пропаганду. В 1920 г. основал Фашистскую партию. Был инициатором «похода на Рим» в октябре 1922 г., в результате которого была установлена власть Фашистской партии. Муссолини возглавил правительство и во второй половине 20-х годов фактически стал диктатором. В 1945 г. захвачен партизанами и по приговору военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии расстрелян.
 35. Кимерьере (*ит.*) — официант в дешевом ресторане.
 36. Имеется в виду советское торговое представительство в Италии.
 37. «Письма к тетеньке», «Помпадуры и помпадуриши» — сатирические произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина.
 38. По-видимому, речь идет о Троцком.
 39. «Жан Кристоф» — роман-эпопея (тт. 1—10, 1904—1912) Р. Роллана.
 40. Lunch (*англ.*) — обед или второй завтрак.
 41. Куно Вильгельм (1876—1933) — германский капиталист и политический деятель. С 1918 г. руководитель компании ГАПАГ. В ноябре 1922 г. сформировал правительство, взявшее курс на отказ от выполнения репарационных платежей и товарных поставок странам-победительницам в первой мировой войне. В августе 1923 г. правительство Куно ушло в отставку.
 42. Имеется в виду артиллерийская школа, над которой шефствовал Наркомат внешней торговли.
 43. Грожан Юлиус Августович (1873 — ?) — московский большевик, участник революции 1905—1907 гг. По происхождению швейцарец, сын учителя французского языка, химик. Грожан был помощником Красина в организации нелегальных типографий в Москве. Став наркомом внешней торговли, Красин взял Грожана в качестве своего помощника.
 44. Морозовская электростанция в Орехово-Зуеве — электростанция, принадлежавшая текстильным фабрикантам Морозовым. В 1904 г. по рекомендации Горького Красин переехал из Баку в Орехово-Зуево, где С. Т. Морозов, покровительствовавший революционерам, поручил ему модернизацию электростанции. В Орехово-Зуеве Красин работал один год.
 45. Биби-Эйбатская электростанция в Баку — электростанция на мысе Баилов. Была построена в 1901 г. Красин был помощником директора строительства электростанции, а затем работал на ней до 1904 года. Находясь в Баку, он вел одновременно подпольную деятельность. Ряд социал-демократов он устроил на работу на электростанцию.

46. Ася — дочь С. Б. Лушниковой, сестры Красина.
47. Литвинова (урожденная Лоу) Айви (1890 — ?) — жена М. М. Литвинова с 1915 г., англичанка.
48. МУЗО — отдел музыкальных учреждений Наркомпроса РСФСР.
49. Винтер Александр Васильевич (1878—1958) — ученый-энергетик, академик (1932 г.). Начальник строительства Шатурской ГРЭС, ДнепрогЭС и других электростанций.
50. Сапронов Тимофей Владимирович (1887—1939) — социал-демократ; в 1917—1919 гг. председатель Московского губисполкома, затем работал в советских и партийных органах на Украине. В 1920 г. один из руководителей группы «демократического централизма». Участник объединенной оппозиции 1926—1927 гг. на первом этапе ее существования. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и сослан. В первой половине 30-х годов несколько раз подвергался арестам. Расстрелян без суда.
51. Наталия Богданова — жена А. А. Богданова.
52. Речь идет о XII съезде РКП(б) 17—25 апреля 1923 года.
53. Здоровье Ленина резко ухудшилось осенью 1921 года. У него появились признаки быстрой утомляемости, возникли острые головные боли. 25 марта 1922 г. в Горках у Ленина произошел инсульт, приведший к частичному параличу правой части тела и расстройству речи. Распространившиеся сведения, что Ленин был болен прогрессирующим параличом на базе сифилиса, отвергались частью врачей. В следующие месяцы произошли новые инсульты. После кратковременного улучшения здоровье Ленина вновь ухудшилось в середине декабря. Генеральный секретарь ЦК Сталин был инициатором изоляции Ленина, которому не только не давали возможности получать закрытую партийную информацию, но и читать газеты. В конце 1922 — начале 1923 г. Ленин под видом «дневника» продиктовал несколько публицистических фрагментов, в частности «Письмо к съезду» с острой критикой Сталина и других партийных деятелей. В марте 1923 г. у Ленина произошел новый, на этот раз крайне тяжелый инсульт, приведший к тому, что он полностью утратил возможность сознательной деятельности. Не исключено, что 21 января 1924 г. Ленин был убит по приказу Сталина.
54. Речь идет о дискуссии по поводу монополии внешней торговли в кругах высшей большевистской иерархии.
55. Клышко Николай Константинович (1880—1937) — в социал-демократическом движении с 1904 года. Находился в эмиграции в Великобритании. После Октябрьского переворота 1917 г. полпред в Эстонии. В последующем сотрудник Наркомата внешней торговли РСФСР. Секретарь и переводчик Красина во время переговоров о торговом соглашении с Великобританией 1920—1921 годов. Некоторые авторы высказывают мнение, что Клышко был приставлен ВЧК для наблюдения за Красиным, чтобы пресекать нежелательные, с точки зрения партийных лидеров, шаги. Г. А. Соломон даже полагал — по всей видимости, без должных оснований — что Клышко был подлинным руководителем делегации в Лондоне (см.: О'КОННОР Т. Э. Ук. соч., с. 220—221). Позже Клышко был сотрудником советского полпредства в Лондоне. С 1923 г. — начальник экспертного отдела Наркомвнешторга. В 1924—1926 гг. торгпред в Китае. Затем работал в ВСНХ, Госиздате. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
56. Бонар Лоу (правильно Лоу Эндрю Бонар) (1858—1923) — лидер Консервативной партии в 1911—1921 и 1922—1923 годах. Депутат палаты представителей с 1900 г.; в 1915—1918 гг. министр по делам колоний. В 1919—1921 гг. лорд хранитель печати. Премьер-министр в 1922—1923 годах.
57. Керзон Джордж Натаниел (1854—1925) — консерватор; в 1899—1905 гг. вице-король Индии. В 1919—1924 гг. министр иностранных дел Великобритании.
58. Британские власти, не имевшие до 1924 г. дипломатических отношений с СССР, признавали Красина лишь в качестве торгового представителя. Этим объясняются многократные отказы министра иностранных дел Керзона дать ему аудиенцию.
59. Таубман Вера Владимировна — жена доктора Григория Таубмана, друга и врача семьи Красина.
60. СССР начал экспорт хлеба в 1923/1924 хозяйственном году (вывезено 3 млн тонн хлебопродуктов). В следующие годы экспорт сократился (1924/1925 г. — 0,9 млн тонн, 1925/1926 г. — 2,5 млн тонн).
61. Афанасьев Федор Афанасьевич (1859—1905) — социал-демократ, с 1889 г. член группы М. И. Бруснева. Один из руководителей Иваново-Вознесенской стачки 1905 года. Убит во время митинга.
62. Большой трен — жизнь на широкую ногу (*grand train, фр.*).

63. Бакалавр — первая ученая степень во многих странах Европы и в США. Во Франции присваивается окончившим среднюю школу и дает право поступления в университет.
64. Джимми (или Джерри, как он назван в письме от 21 января 1921 г.) — пес Красиных.
65. Квятковский Александр Александрович — сын известного народника А. А. Квятковского; социал-демократ, был близок к Ленину. В начале 20-х годов директор АРКОС в Лондоне. В 1925 г. отозван в Москву и арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.
66. Boarding school (*англ.*) — школа-интернат.
67. All-Russian Co-operative Society Limited (после 1922 г. Argos Ltd.) — Всероссийское кооперативное общество с ограниченной ответственностью; учреждено советским правительством в 1920 г. в Лондоне. Формально являлось частной фирмой и служило средством монополизации советской внешней торговли. Прекратило свое существование после заключения советско-германского договора о ненападении в 1939 г. и связанного с этим ухудшения советско-британских отношений.
68. Имеется в виду советская торговая делегация (представительство) в Великобритании.
69. Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — певец, народный артист (1923 г.).
70. «Лознгрин» — героическая опера (1848 г.) немецкого композитора Р. Вагнера (1813—1883).
71. Имеется в виду совещание наркомов внешней торговли РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской СФСР совместно с торговыми представителями советских республик в зарубежных странах.
72. Начало письма не сохранилось. По всей вероятности, оно было уничтожено Л. В. Красиной в связи с его интимным содержанием. Весь пассаж, по-видимому, связан с любовной историей Красина — его отношениями с Т. В. Жуковской (Миклашевской). Аналогичные пассажи можно встретить и в следующих письмах.
73. Hook of Holland (*англ.*) — Голландский Крюк. Имеется в виду часть территории Нидерландов, глубоко вдающаяся в море между заливом Эйсселмер и Северным морем.
74. Марья Яковлевна — видимо, секретарь Красина в советском торгпредстве в Лондоне.
75. Абрамов (псевдоним Миров) Александр Лазаревич (1895—1937) — социал-демократ с 1916 года. С 1921 г. на дипломатической работе в Берлине. Фактически являлся представителем Коминтерна. С 1926 г. заведующий отделом международных связей исполкома Коминтерна. С 1935 г. служил в 4-м управлении Генерального штаба Красной армии (военная разведка). Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
76. Цюрупа Александр Дмитриевич (1870—1928) — социал-демократ с 1898 года. С 1917 г. заместитель наркома, с 1918 г. нарком продовольствия РСФСР. С 1921 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР. В 1923—1925 гг. председатель Госплана, в 1925—1926 гг. нарком внутренней торговли.
77. Раковский (настоящая фамилия Станчев) Крыстю (Христиан Георгиевич (1873—1941) — болгарский и румынский политический деятель, социалист, советский партийный и государственный деятель. Участвовал в европейском социалистическом движении с 1900 года. С 1903 г. жил в Румынии, был одним из руководителей Румынской социал-демократической партии. Во время первой мировой войны вел антивоенную пропаганду, используя средства, тайно предоставленные ему германскими властями. С 1917 г. жил в России. В 1918 г. вел дипломатические переговоры с Румынией и Украиной по поручению правительства Ленина. В 1919—1923 гг. председатель Совнаркома Украинской ССР. Вступил в столкновение со Сталиным по национальному вопросу. В 1923—1927 гг. заместитель наркома иностранных дел и полпред СССР в Великобритании, а затем во Франции. В 1927 г. участвовал в объединенной оппозиции и был исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Астрахань, затем в Саратов, Барнаул. В 1934 г. опубликовал покаянное заявление и восстановился в ВКП(б). Работал начальником управления научных учреждений Наркомата здравоохранения РСФСР. В 1937 г. арестован и на судебном фарсе по делу «правотроцкистского блока» в марте 1938 г. был приговорен к 20 годам заключения. В сентябре 1941 г. расстрелян в Орловской тюрьме по приказу Сталина.
78. Agreement — в дипломатической практике — агреман, согласие правительства принять в качестве посла лицо, предложенное другой страной.
79. Инфляция в Германии в 1923 г. была вызвана хозяйственной разрухой, репарационными платежами, усилена отказом их вносить, а затем и оккупацией Гурской области французскими и бельгийскими войсками в январе 1923 года. В конце сентября 1923 г. одна золотая марка стоила 38,1 млн бумажными марками. Преодоление инфляции началось в ноябре 1923 г. мерами по стабилизации валюты (в частности заменой обесцененной марки новой рейхсмаркой).
80. Конституция СССР была утверждена в июле 1923 г. ЦИК СССР и в январе 1924 г. съездом

Советов СССР. Она провозгласила, что в СССР существует диктатура пролетариата в форме Советов. Предусматривала лишение политических прав нетрудящихся эксплуататорских классов и групп (бывшая буржуазия, помещики, кулаки, священнослужители, чиновники полиции и жандармерии и т. д.), ограничение избирательных прав крестьянства, не прямые выборы в органы власти по производственно-территориальному принципу.

81. Видимо, речь идет о Майском (настоящая фамилия Ляховецкий) Иване Михайловиче (1884—1975) — меньшевике, министре самарского Комитета членов Учредительного собрания в 1918 году. В 1921 г. Майский стал большевиком. В первой половине 1920-х годов был сотрудником Наркомвнешторга, а позже советский полпред в Финляндии, Великобритании, заместитель наркома иностранных дел СССР. Автор трудов по истории Испании. В 1952 г. был арестован, но после смерти Сталина освобожден.
82. На Eton Avenue в Лондоне размещалось полпредство СССР в Великобритании.
83. Радек (настоящая фамилия Собельсон) Кал Бернгардович (1878—1939) — польский, а затем германский социал-демократ, с 1917 г. член партии большевиков. Работал в Наркоминделе РСФСР, являлся секретарем Коминтерна. Известный журналист, сотрудник «Правды» и «Известий». Участник оппозиции 1923—1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Тобольск, а затем в Томск. В 1928 г. выступил с заявлением об отказе от оппозиционной деятельности. В 1929 г. возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 30-е годы заведовал отделом международной информации ЦК ВКП(б). В 1936 г. арестован, на судебном фарсе по делу «антисоветского параллельного троцкистского центра» в январе 1937 г. приговорен к 10 годам заключения. Убит в тюремной камере уголовниками.
84. Маринушкин — технический помощник Красина в Наркомвнешторге.
85. Имеется в виду представительство Доброфлота в Латвии. Добровольный флот — общественная организация, созданная в России в 1870 г. и ставившая целью развитие торгового мореходства. Организация была сохранена после 1917 года. По положению 1922 г., Доброфлот находился в ведении Наркомвнешторга и являлся самостоятельным юридическим лицом. Прекратил существование во второй половине 30-х годов.

Рорик Ютландский и летописный Рюрик

В. Е. Яманов

О Рорике Ютландском (иногда называемым также Фрисландским) сохранилось много упоминаний в хрониках раннего средневековья. Он был одним из наиболее видных норманнских викингов, контактировавших с государствами Каролингов. В российской историографии пристальный интерес к Рорику обусловлен гипотезой, которая отождествляет его с Рюриком русских летописей.

В условиях, когда само существование летописного Рюрика зачастую подвергалось сомнению, гипотеза об идентичности его с известным датским викингом была «не ко двору». В единичных упоминаниях об этой гипотезе в советской исторической литературе не содержалось аргументов, опровергающих ее¹. Единственной заслуживающей внимания работой, посвященной этой гипотезе была статья польского историка Х. Ловмянского², в которой это рассматриваемое нами отождествление не получило подтверждения.

Тенденция к переоценке этой гипотезы появились в отечественной историографии в последние два десятилетия. При этом наметился перекокс в противоположную сторону: во многих популярных, а порой и в некоторых солидных научных работах доказанность тождества упомянутых лиц объявляется признанным фактом³. В число ученых, о которых говорят как о сторонниках этой гипотезы включен даже акад. Б. А. Рыбаков, на одну из работ которого в свое время ссылались некоторые авторы, упоминая о поддержке им данной гипотезы⁴, или о признании данной гипотезы в отечественной науке⁵. Между тем Рыбаков, говоря о Рорике Ютландском, хотя и высказывает мысль, что тот «был бы подходящей фигурой для этой цели» (имеется в виду княжение в Северной Руси в качестве приглашенного князя), заканчивает этот фрагмент выводом: «Высказанные соображения недостаточно обоснованы для того, чтобы на них строить какую-либо гипотезу»⁶.

Работ, содержащих развернутую научную аргументацию в пользу упомянутой гипотезы, существует очень немного. Появившиеся в последнее время публиковались, в основном, в узкоспециальных изданиях. В этих работах желание утвердить данную гипотезу зачастую опережает аргументацию, что порождает странные филологические конструкции, вроде «непротиворечивой совместимости» Рорика-датчанина и Рюрика Ладожского⁷.

Рассматриваемая гипотеза — впервые была сформулирована в тех местах, которые когда-то находились во владениях Рорика Ютландского. В 1816 г. была опубликована работа Г. Ф. Голлмана «Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его» (русский перевод 1819 г.). Автор — преподаватель школы в небольшом немецком городе Эвере, расположенном неподалеку от побережья Северного моря, в герцогстве Ольденбург; в период раннего средневековья эта территория была частью Восточной Фрисландии. Согласно Голлману, летописный Рюрик с братьями прибыл в Россию из Фрисландии. Имя «Рюрик» Голлман считает производным от немецкого *Rogik*, означающее, по его мнению, человека предприимчивого, на все готового⁸. Далее автор, ссылаясь на Ф. Хемница, немецкого историка XVII в., считает Рюрика с братьями сыновьями ободритского князя Готлиба, погибшего в начале IX в. в войне с датским конунгом Готфридом. Этот Рюрик и стал правителем Руси, будучи до этого правителем Фрисландии. Термин «Русь» автор производит от названия одной из областей Восточной Фрисландии — Рустрингии. По словам Голлмана, толчком к началу его работы послужила просьба герцога Ольденбургского, которому, в свою очередь, мысль, что варяги, давшие начало Русскому государству, были выходцами из северо-западной Германии, внушил граф Н. П. Румянцев. Эта мысль могла прийти к последнему, занимавшему ряд высших государственных постов в России (в том числе министра иностранных дел и канцлера), как еще одно обоснование права на влияние российского императора в Северной Германии, в дополнение к тем правам, которые он имел там, как наследник немецких правителей (сам город Эвер был до 1807 г. владением Александра I).

Широкой известности концепция Голлмана не получила. Большой резонанс имела работа профессора Дерптского университета Ф. Крузе, опубликованная в 1836 году⁹. Автор, отождествляя Рорика Ютландского с Рюриком, считал, что тот получил приглашение стать князем в России на тех же основаниях, на каких им были получены владения в Германии, то есть на условиях обороны этих земель от прочих норманнов. Крузе полагал, что Рорик действовал попеременно — то на Западе, то на Руси (временные рамки сообщений о деятельности Рорика во франкских хрониках и о деятельности Рюрика в русских летописях не совпадают). «Русь» Крузе выводил от названия округа в Южной Ютландии — Розенгау, который одно время входил в состав владений семейства Рорика Ютландского. Концепция Крузе была подвергнута критике рядом российских историков того времени (П. Бутков, М. Погодин) и, затем, была фактически забыта. В начале XX в. В. О. Ключевский, упоминая о Рорике Ютландском и называя его тезкой и возможным земляком летописного Рюрика, ни слова не говорит о возможности отождествления этих исторических деятелей¹⁰.

Возродил гипотезу Н. Т. Беляев, опубликовавший свою работу на эту тему в Праге¹¹. Именно он и стал автором наиболее развернутой и обоснованной концепции, согласно которой Рорик и Рюрик одно и то же лицо. Беляев впервые связал появление Рорика в качестве новгородского князя с интересами фрисландской торговли и с поисками новых торговых путей на востоке. По мнению Беляева, «Русь» — это первоначальное название фризской торговой колонии в Бирке (которое она могла получить от Рустрингии). Пришельцы из этой торговой колонии и принесли это название вместе с Рориком на Русь. Свой тезис о возможности появления Рорика в качестве русского князя Беляев подкреплял сведениями о давних связях рода Рорика с «конунгами Гардарики» (традиционное скандинавское название России). В свое время именно там нашла приют дочь конунга Дании и Швеции Ивара Видфадме — Ауд Премудрая, бежавшая от отца с малолетним сыном от первого брака — Гаральдом Гильдетандом. Позже она вышла замуж за «конунга Гардарики» Радбара. Этого Гаральда Беляев считал дедом Рорика Ютландского. Согласно Беляеву, именно Рорик был автором плана организации двух одновременных экспедиций против Византии: Аскольда и Дира, которые должны были подойти к Константинополю с севера, и Бьёрна Железнобокого, который должен был подойти к нему

с юга, тем самым воплотив давнюю мечту Рорика — сомкнуть путь «из варяг в греки».

Теория Беляева получила признание вначале лишь за рубежом. Так Г. В. Вернадский в своей работе «Древняя Русь», вышедшей в 1943 г., высказал мнение, что Беляеву удалось полностью подтвердить теорию Крузе¹².

Попытка аргументировано опровергнуть указанную гипотезу содержится в статье Ловмянского, который проследил историю развития «гипотезы отождествления» в исторической науке, обстоятельно исследовав биографию Рорика Ютландского по западным хроникам. Ловмянский доказывал, что вся биография Рорика свидетельствует о его упорном стремлении удержаться именно во Фрисландии а торговые интересы фрисландских купцов не простирались далее Бирки. Таким образом, по Ловмянскому, Русь не попадала в сферу интересов ни самого Рорика, ни фрисландских купцов. Что же касается Рюрика летописного то, согласно Ловмянскому, первоначальный вид легенды, известной по «Повести временных лет» (ПВЛ), невозможно установить (хотя упоминание о Рюрике опирается на новгородскую историческую традицию), а хронология деятельности Рюрика в летописях, появившаяся там в начале XII в., является вымышленной и ее случайные совпадения с некоторыми моментами деятельности Рорика Ютландского не дают оснований для отождествления этих деятелей. В итоге Ловмянский делает вывод, что Рорика и Рюрика следует рассматривать как две разные личности¹³.

Перемены в оценке гипотезы наступили, примерно, в середине 80-х годов, хотя упоминание о ней, как о имеющей право на существование, появились еще в 70-х годах. Уже в 1985 г. Г. С. Лебедев, ссылаясь на ряд работ прошлых лет, утверждал, что «историческая канва событий, отраженных в «предании о варягах» в ПВЛ восстанавливается... подробно и со значительной степенью достоверности». Излагая, затем, версию приглашения Рорика Ютландского на княжение в Северную Русь, он представлял этот акт как тщательно подготовленную акцию, вписывающуюся в контекст установившихся на Балтике торговых отношений и славяно-скандинавских взаимосвязей того времени¹⁴.

В статье Х. Касикова и А. Касикова, своеобразном ответе на упомянутую статью Ловмянского, подробно анализируется летописная хронология деятельности Рюрика и эти сведения сопоставляются с сообщениями западных хроник, приводятся многочисленные географические и психологические аргументы в поддержку «гипотезы отождествления», а также археологические данные, полученные в результате раскопок в Старой Ладогe, могущие быть истолкованными в пользу упомянутой гипотезы¹⁵. Любопытные мысли высказал в одной из своих работ А. Л. Никитин. Не отрицая, что летописный Рюрик имеет прообразом Рорика Ютландского, он предположил, что события, в которых участвует Рюрик, реально происходили в землях поморских славян, предания которых и послужили основой для летописного рассказа о призвании Рюрика¹⁶. Значительная часть работы Е. В. Пчелова¹⁷ посвящена истории рода Рорика Ютландского, но в той части, где рассматривается «гипотеза отождествления», этот автор, считающий что теория Крузе не противоречит историческим, хронологическим и археологическим данным, делает оговорку о невозможности окончательно поставить точку в дискуссии, ввиду отсутствия источника, прямо указывающего на тождество Рорика и Рюрика. В своих выводах он более сдержан и корректен, чем многие ученые, оперирующие упомянутой гипотезой, как якобы доказанной исторической наукой.

Рорика традиционно относят к династии Скъльдунгов, древнейших датских конунгов, потомков легендарного Скъльда, сына Одина. Крузе, опираясь на западные хроники, полагал, что Рорик сын Хальфдана и внук правителя Южной Ютландии Харальда Ютландского. Этой же точки зрения придерживался и Беляев. Ловмянский же считал более правдоподобным, что он был внуком Хальфдана, сыном одного из трех братьев Харальда Клака¹⁸. Харальда Ютландского Беляев отождествлял с Харальдом Гильдетандом, знаменитым верховным конунгом Дании и Швеции, сыном

Хрорика Метателя Колец и внуком (по материнской линии) легендарного Ивара Видфадме. Это отождествление не является бесспорным. Харальд Гильдетанд погиб в битве при Бравалле, возможные датировки которой имеют очень большой разброс (от конца V в. до начала IX в.). Ученые XIX — начала XX в. относили эту дату приблизительно к 740 г., Беляев — к 750—771 гг., а ряд современных зарубежных исследователей склонны отнести ее к временам не позже VII века¹⁹. Сомнительно, чтобы конунга огромной северной империи (хотя и состоявшей, по мнению некоторых современных ученых, из слабо связанных между собой частей²⁰) отождествляли с правителем небольшой части Дании. Нет данных и о том, что Харальд Ютландский был потомком Харальда Гильдетанда. В ту эпоху Скъьльдунгами могли титуловать любого датского конунга, независимо от его происхождения²¹.

Появлению Рорика Ютландского на Западе в качестве вассала франкского императора предшествовали следующие обстоятельства. Во второй половине VIII в. при Карле Великом началось регулярное соприкосновение миров — западного и скандинавского. При этом датчане были потенциальными союзниками саксов, в то время как славяне-ободриты — союзниками франков. Между тем в самой Дании происходили какие-то столкновения в среде знати, причем более слабая сторона пыталась опереться на помощь франков. В 807 г. «норманнский принц» Хальвдан (предположительно дед Рорика) прибывает к императору Карлу Великому и приносит ему клятву на верность²². В 811 г. был заключен мирный договор с франками, а в самой Дании началась борьба за власть, в которой сыновья Харальда Ютландского потерпели поражение. Уцелевшие из них братья Харальд Клак и Хемминг бежали к франкам. Правителем Дании стал сын Годфреда — Хорик I (после 814 г.)²³.

После этих событий Харальд Клак не раз пытался утвердиться в Дании, опираясь на помощь императора Людовика I Благочестивого, поселившего его в Саксонии. Крестившийся с семьей и дружиной в 826 г. Харальд, получил в лен Рустрингию — небольшое графство во Фрисландии. Вероятно, вместе с Харальдом христианство принял и Рорик. (Ловмянский, однако, полагал, что он стал христианином лишь после 862 г.; и убедительно показал, что предположение Беляева, что в руках Харальда и его родичей, включая и Рорика после 826 г. оказалось все побережье Северного моря — от острова Валхерен (в юго-западной части современных Нидерландов) до границы с Данией на реке Айдер, скорее всего не соответствует действительности.)

Лишь во время начавшихся в 834 г. частых набегов датчан, Людовик Благочестивый стал использовать викингов в обороне на побережье Фрисландии. Брат Харальда — Хемминг, получил владения на острове Валхерен, а его племянники — Рорик и Харальд-младший — центр фрисландской торговли Дорештад с окрестностями. После гибели Хемминга в 837 г. Харальд Клак поспорил с императором, лишился лена в Рустрингии и стал пиратом. Рорик и Харальд-младший сохраняли верность Людовику, но новый император Лотарь I обвинил Рорика в измене и подверг его заключению (841 г.).

Из заключения он бежит к брату Лотаря — Людовику Немецкому, где, располагая постоянной базой в Саксонии, создает пиратский отряд, действовавший во владениях Лотаря. Беляев считал Рорика вдохновителем и организатором всех главных набегов викингов на Западную Европу, за что франкские хронисты называли его «язвой христианства». В 850 г. Рорик захватывает Дорештад, после чего мирится с Лотарем, отдавшим ему этот город во владение на условии уплаты податей и обороны от нападений датчан. Харальд Клак, получив, наконец, остров Вальхерен от Лотаря, сохраняет верность последнему и был до своей смерти (ок. 846 г.) врагом Рорика. На протяжении нескольких лет Рорик успешно оборонял Дорештад. Он тщетно пытался утвердиться в Дании, но ему пришлось вернуться в Дорештад, после чего в 855 г. получил во владение большую часть Фрисландии. В 857 г. при поддержке Лотаря II Рорик предпринимает мор-

ской поход в Данию, в результате которого конунг Дании Хорик II уступает ему часть своего государства между морем и рекой Айдер (Ловмянский считал это море Северным, а Крузе и Беляев — Балтийским). Находясь в Дании, Рорик пытался направлять экспансию викингов по сухопутным путям на владения Людовика Немецкого, сохраняя хорошие отношения с Лотарем. Не сумев удержаться в Дании, Рорик, не позднее 862 г. возвратился в пределы Франкской империи. Лотарь II снова поручает ему оборону Фрисландии. Именно тогда-то, считает Ловмянский, ссылавшийся на Бертинские анналы, Рорик согласился принять христианство. Во Фрисландии у него возник конфликт с местным населением и он был изгнан из страны, укрывшись видимо в Дании (ок. 867 г.). В 870 г. Рорик опять владеет своим Фрисландским леном, заключив союз с новым верховным сюзереном — Карлом II Лысым. Последнее упоминание Рорика в источниках относится к 873 г., когда он прибыл в Аквитанию, где принес королю Карлу Лысому присягу в соблюдении «непоколебимой верности». В 882 г. источники упоминают о Рорике как об умершем. Наиболее вероятная дата его смерти — 876 год²⁴.

Вся жизнь Рорика Ютландского проходила на грани двух эпох и двух миров — варварства и цивилизации, язычества и христианства. В источниках он предстает то верным вассалом франкских королей, организатором обороны христианского Запада от пиратских набегов варваров, то организатором и предводителем варварских набегов на Франкскую империю. Противоречива и оценка его деятельности историками. Если у Ключевского²⁵ Рорик — бродяга и авантюрист, то у немецкого историка В. Фогеля Рорик предстает человеком с задатками выдающегося государственного деятеля²⁶.

Основные аргументы сторонников рассматриваемой гипотезы можно считать актуальными и поныне. Обращает на себя внимание сходство имен — «Рюрик» и «Рорик» («Хрорик»). Беляев считал, что имя «Хрорик» не очень распространено в Скандинавии. Судя по источникам, это имя совершенно не встречалось в Швеции, а только в Дании и Норвегии²⁷. А. А. Молчанов же полагал, что это имя было родовым в династии Скъельдунгов. Согласно летописям, родича и непосредственного преемника Рюрика звали Олег, а сына — Игорь. Первое из этих имен является славянским эквивалентом имени датского легендарного конунга Хельги из династии Скъельдунгов, а второе встречается у Инглингов, давних свойственников Скъельдунгов²⁸.

Как уже отмечалось, некоторое время (после 857 г.) Рорик Ютландский владел частью Ютландии — между морем и р. Айдер. Сторонники рассматриваемой гипотезы считают, что этим морем было Балтийское²⁹. Таким образом деятельность Рорика Ютландского уже напрямую связывается с Балтийским регионом и тем самым становится более вероятным его участие в событиях, развернувшихся в Восточной Балтике и Приладожье.

Рорик должен был хорошо знать политическую обстановку на севере Восточной Европы. Помимо информации, которую он мог получать от купцов (Дорештад торговал с Биркой, а Бирка — с Ладогой), Рорик мог располагать подробными сведениями о ситуации на севере Русской равнины в результате датского похода 852 г., когда претендент на шведский престол Амунд двинулся из Дании к Бирке во главе флота, состоящего из 21 датского и 11 собственных кораблей. Захватив большую часть города, Амунд, чтобы не допустить грабежей со стороны датских союзников, направил их в страну славян, где они захватили какой-то город³⁰. Некоторые сторонники гипотезы полагают, что более вероятным направлением похода датчан была Восточная Прибалтика. По их мнению, поскольку плавания в те времена были по преимуществу каботажными, то более правдоподобен маршрут по Финскому заливу и Ладожскому озеру³¹. Ряд исследователей считали, что захваченный датчанами славянский город — Новгород, а отражение этих событий они видели в статье ПВЛ под 859 г., повествующей о варяжской дани. Рорик мог участвовать в этой экспедиции, а мог появиться в Северной Руси лишь после нее; в последнем случае его

приглашение в качестве князя могло в немалой степени быть связано со стремлением славяно-финской знати не допустить впредь подобные набеги.

Одним из факторов, обусловивших приглашение в Ладогу именно Рорика Ютландского (если таковое действительно имело место) могла быть его широкая известность в Северной Европе. Беляев считал его организатором всех главных набегов викингов на Западную Европу в десятилетие, непосредственно предшествующее появлению норманнов в Новгороде³². (Уместно вспомнить оценку, данную Рорику Фогелем.) Естественно, что именно к такому человеку и должны были обратиться представители славяно-финской конфедерации для разрешения экономического и политического кризиса, затронувшего интересы фактически всей Северной Европы.

В качестве одного из аргументов в пользу приглашения славяно-финнами именно Рорика в качестве князя, могут служить содержащиеся в скандинавских сагах сведения, касающиеся связей датских Скъьльдунгов, традиционно считающихся предками Рорика Ютландского, с Гардарикой. Это прежде всего относится к уже упоминавшемуся эпизоду бегства предполагаемой прабабки Рорика Ауд Премудрой на Русь.

Биография Рорика Ютландского может навести на мысль, что он мог стать основателем русского государства — за пределами тогдашней западной цивилизации, с которой было связал свою судьбу. Именно такому человеку, по Беляеву, мог прийти в голову дерзкий и масштабный замысел сомкнуть путь в Константинополе, направив туда одновременно две экспедиции — Аскольда и Дира с севера, и шведского викинга Бьёрна Железнодорожного через Средиземное море с юга.

Интересы фрисландской торговли, полагают некоторые авторы, также могут служить аргументом для обоснования возможного появления правителя Фрисландии в качестве князя на Ладоге. Согласно О. Прицаку, город Дорештад, резиденция Рорика, вообще специализировался на восточно-европейской торговле. В союзе со скандинавскими вождями был захвачен контроль над Балтикой, а Бирка стала торговым городом фрисландцев³³. Рорик мог стремиться на восток для упрочения там торговых интересов Фрисландии и поэтому поддерживался подданными.

Ряд археологических находок в районе Ладоги свидетельствует о связях местного населения с Фрисландией. Касиковы упоминают фризские гребни (найлены в слоях VIII—IX вв.), глиняный фризский кувшин, найденный в женском погребении в скандинавском могильнике (урочище Плакун), наконец, каменную крепость в Старой Ладоге, датируемую 890—930 годами. Техника сухой кладки, примененная при ее строительстве, по мнению археологов, ближе всего соответствует строениям на территории Франкского государства, куда в середине IX в. входила Фрисландия³⁴.

В качестве одного из аргументов использовалась попытка вывести название «русь» от корня, происхождение которого было бы связано с Фрисландией. По мнению Голлмана, это имя могло произойти от Рустрингии, как называлась в раннее средневековье область в Восточной Фрисландии, прилегающая к Гельголандской бухте. Корень Rus или Rust на старофризском языке означал «водопровод». Это название должно было обозначать страну, пересеченную многими каналами. Подтверждением этой гипотезы, согласно Голлману, мог служить текст ПВЛ, в котором русы помещены между Ютландией, Англией и Францией, что соответствует положению Фрисландии³⁵. Беляев же помещал Рустрингию между Везером и Эйдером, это было главное владение Рорика во Фрисландии. Местное название жителей Рустрингии могло способствовать закреплению за фризской колонией в Швеции (в Бирке) названия Rus. Именно к фризам в Бирку (к «русам», согласно Беляеву), прибыло посольство из Новгорода за помощью после отражения в 852 г. набега датчан. Логично предположить, что в переговоры с посольством вступил Рорик. В качестве дополнительного аргумента Беляев ссылается на хронограф середины X в. «Книгу Иосифов», в которой народ называемый «русь» помещается в том месте, какое должны бы были занимать фризы³⁶.

Наконец сторонники «гипотезы отождествления» видят возможный аргумент для подтверждения своих взглядов в том, что датировка событий — призвания варягов в ПВЛ (с учетом вероятных корректировок) — может совместиться с лакунами в биографии Рорика Ютландского³⁷.

Наиболее убедительной альтернативой версии о скандинавском происхождении Рюрика, является западно-славянская версия, которая напротив исключает отождествление Рюрика с Рориком Ютландским. Если же полагать Рюрика скандинавом, то мнение Беляева о сравнительной нераспространенности имени «Хрорик» в скандинавской истории раннего средневековья представляется не очень обоснованным. В скандинавских легендах, посвященных эпохе предшествующей викингам, можно выделить по крайней мере четырех персонажей с таким именем. Первый упоминается в англо-саксонском эпосе «Беовульф» — сын Хереда, тестя легендарного конунга гаутов Хигелака, погибшего около 521 г. во время похода против франков. В датской легендарной истории фигурируют также сын конунга Хроара, Хрорик Хнауггванбауги (Собиратель Колец) и его троюродный брат — Хрорик, сын конунга Ингьяльда (первая половина VI в. н. э.). К первой половине VII в. можно отнести деятельность легендарного датского конунга Хрорика Слаунгванбауги (Метателя Колец), отца знаменитого Харальда Гильдетанда.

В начале эпохи викингов источники упоминают некоего Хрорика, имевшего владения во Фрисландии и бывшего вассалом Карла Великого. Согласно Крузе, этот Хрорик приходился либо дядей, либо двоюродным дедом Рорику Ютландскому. Он погиб от рук соотечественников датчан во время набега конунга Годфреда на Фрисландию в 810 году³⁸. В IX в. в Дании, как и в остальной Скандинавии, продолжалась эпоха «малых конунгов». Возможно в середине IX в. было несколько конунгов с именем «Хрорик» из числа правителей небольших владений, а также из числа так называемых морских конунгов, занимавшихся морским и прибрежным пиратством.

Под областью, расположенной «между морем и рекой Айдер», можно понимать как область, примыкающую к Балтике, если иметь в виду верхнее и среднее течение реки, так и область примыкающую к Северному морю, имея в виду нижнее течение этой реки. Но в середине IX в. первая область не принадлежала датским конунгам: южную ее часть заселяло западнославянское племя вагров, а северная, населенная саксами-нордальбингами, принадлежала Восточно-Франкскому королевству. Поэтому датский конунг Хорик II не мог дать эти земли в лен Рорику Ютландскому. Остается область, расположенная севернее нижнего Айдера, примыкающая к Северному морю. Ее, видимо, и был вынужден уступить Рорику Хорик II. Следовательно, по крайней мере в 857—861 гг., когда Рорик владел Южной Ютландией, его деятельность не была напрямую связана даже с Западной Балтикой, его говоря уже о Восточной.

Упомянув о датском походе 852 г., Ловмянский заметил, что географически допустимо, чтобы городом, о котором говорится в источнике, был Новгород. Но во франкских источниках под славянами всегда имелись в виду именно западные славяне. О восточных же, отделенных от балтийского побережья финнами и балтами, не говорилось³⁹. К тому же, даже если этот поход действительно был совершен в область, примыкающую к Восточной Балтике, возможность участия в нем Рорика Ютландского не просматривается, поскольку в это время его положение во Фрисландии, где он был занят обороной страны от норманнских пиратов, было сравнительно стабильным, и, судя по контексту его биографии, оставить этот лен он в тот момент мог, лишь имея в виду обретение власти в Дании, или в какой-то ее части (что и произошло чуть позже).

Информация о политической ситуации в Приладожье, которую Рорик мог получить от датских пиратов, его главных противников, ничего не добавляет к обоснованию рассматриваемой гипотезы.

Об известности Рорика Ютландского можно с уверенностью говорить лишь применительно к областям, расположенным западнее Ютландского

полуострова. Во всяком случае вся зафиксированная деятельность Рорика связана лишь с Ютландией, где он время от времени пытался утвердиться, и с Фрисландией, где он пытался постоянно обладать ленным владением. Его пребывание в земле саксов было вынужденным перерывом, во время которого он, судя по всему не оставлял стремлений утвердиться в одной из названных выше областей.

К тому же именно «широкая известность» Рорика на Западе делает малолубедительной гипотезу о возможности появления его в Приладожье. А такая далекая экспедиция за пределы западного цивилизованного мира, предпринятая хорошо известным человеком, и увенчавшаяся блестящим результатом, повлиявшая на экономическую обстановку во всей Северной Европе, не могла не оставить сведений в западных хрониках или в северных преданиях, хранящих следы гораздо менее масштабных предприятий. Но даже намек на нее нигде не обнаруживается.

Все сведения о пребывании Харальда Гильдетанда в Гардарике не относятся к Рорику и его роду, принадлежавшему, видимо, к малым конунгам, потомкам вождей, владевших землями в Южной Ютландии с момента появления там данов. К тому же, даже если исходить из родства Харальда с родом Рорика, вопрос об интерпретации сказаний о пребывании первого из них, чья деятельность может быть отнесена ко второй половине VII — началу VIII вв., на севере Русской равнины, где появление скандинавов зафиксировано лишь с середины VIII в., не решается удовлетворительно, во всяком случае в настоящее время.

В бурной биографии Рорика Ютландского действительно случались резкие повороты в отношениях с союзниками и покровителями. Но, во-первых, как правило, эти перемены были связаны с изменением внешней обстановки, а не являлись следствием его неуживчивого характера и любви к авантюрам. И, во-вторых, при всех поворотах его судьбы, все его интересы, судя по дошедшим до нас источникам, не выходили за пределы пространства между Фрисландией на западе и Ютландией на востоке. Поэтому предположение о том, что Рорик, мог вдруг оставить этот район ради княжения в Приладожье является произвольным и плохо согласуется с его биографией.

Относительно организации Рориком похода Аскольда и Дира на Константинополь и Бьёрна в Средиземноморье можно высказать следующие соображения. Киевские князья Аскольд и Дир, с чьими именами русские летописи связывают поход на Константинополь в 860 г., представлены в летописной традиции, либо совсем не связанными с Рюриком (как в Новгородской I летописи, где их вокняжение в Киеве предшествует призыванию Рюрика на север Руси), либо (как в ПВЛ) связаны, но так, что их деятельность в Киеве выглядит все же полностью самостоятельной. При этом, в Никоновской летописи отмечены враждебные отношения между Аскольдом и Диром, с одной стороны, и Северной Русью, возглавляемой Рюриком, с другой ⁴⁰. Таким образом представлять поход Аскольда и Дира, как реализацию замысла Рорика, нет никаких оснований. Поход Бьёрна Железнобокого в 859 г., судя по дошедшим сведениям, имел целью захват добычи, и в первую очередь в Западном Средиземноморье (побережье Марокко, юг Франции, Италия). Нет сведений о какой-либо связи между организацией этого похода и Рориком Ютландским, который в это время, пытаясь удержаться в небольшом своем владении в Южной Ютландии, был занят организацией набегов на владения Людовика Немецкого в Северной Германии.

Рассматриваемые события происходили в раннюю эпоху викингов (793—891 гг.), которая характеризуется Лебедевым как время натиска независимых самоорганизующихся «вольных дружин». Предположение, что в это время мог бы возникнуть фантастический замысел «сомкнуть путь из варяг в греки» и более того, могла бы быть сделана попытка его воплощения в таком масштабе и в столь нехарактерном для эпохи раннего средневековья виде, является совершенно произвольным, находящимся в противоречии с реалиями рассматриваемой эпохи.

Фрисландия действительно первенствовала в торговле на севере Европы в течении некоторого периода времени, начиная с VII века. Многие прибрежные поселения вдоль морских торговых путей возникли именно как фризские торгово-ремесленные фактории, как например, Хедебю. Но уже в начале IX в. на Балтике возрастает торговая активность скандинавов, и фризские фактории в Скандинавии уступают место норманнским поселениям, одним из которых была Бирка⁴¹. Непосредственная сфера торговой деятельности фризов на Балтике, согласно источникам, простиралась в IX в. на восток не далее Бирки. В торговле в областях восточнее Бирки доминировали шведы⁴². Кроме того, начиная с 830-х годов торговое значение главного торгового города во Фрисландии Дорештада заметно уменьшилось в результате постоянных набегов датских пиратов, а после наводнения 864 г. и перемещения рейнского рукава, на котором он располагался, оно окончательно сошло на нет.

В середине IX в. в Бирке имелась фризская колония, но предположение о политическом первенстве фризских купцов в этом городе является произвольным. Согласно «Жизнеописанию Ансария», составленному около 876—888 гг., верховной властью в Бирке располагал конунг свеев, чья власть ограничивалась городским советом и народным собранием⁴³. Хотя, кроме фризов в Бирке проживали также финны и славяне с низовьев Одера, доминирующим этносом в ней был шведский⁴⁴.

Таким образом гипотеза о политической экспансии фрисландцев во главе с Рориком на Балтике во второй половине IX в. не имеет под собой фактического основания.

Определенное единство социальной структуры, экономики и культуры стран Балтийского региона в VII—X вв. позволяет выделить так называемую «Балтийскую субконтинентальную цивилизацию»⁴⁵. Центрами торговли и ремесла в странах этого региона в этот период были, как правило, полиэтнические раннегородские поселения, отличающиеся рядом сходных признаков. Одним из таких поселений была Ладога. Причиной сходства отдельных сторон материальной культуры для этих центров служил не только интенсивный товарообмен, но и передвижения странствующих ремесленников, которые появлялись там, переезжая вместе с купцами, а также, в качестве пленных, захватываемых во время набегов. Главным торговым партнером для Балтийского региона на Западе была Фрисландия, из которой товары и технологии (зачастую вместе со специалистами) распространялись в раннегородских центрах Балтики. По мнению ряда ученых, фризские кувшины и резные гребни, найденные в Ладоге, были изготовлены ремесленниками из Фрисландии, осевшими в этом городе, в чем не было ничего необычного⁴⁶. Поэтому распространение фрисландских предметов материальной культуры и технологий в Ладоге не может являться свидетельством княжения там фрисландского правителя, а скорее говорит лишь о торговых и культурных связях Фрисландии с Балтийским регионом в целом.

В настоящее время предположение о возможности фрисландского происхождения термина «русь» не находит поддержки даже у сторонников «гипотезы отождествления».

Согласно современным представлениям, начало которым положили работы А. А. Шахматова, даты в летописании стали появляться не ранее 1060-х годов: все предшествующие даты были проставлены по догадке, задним числом⁴⁷ (то есть, если говорить об интересующем нас периоде, спустя не менее 200 лет после произошедших событий). Поэтому совпадение летописных дат деятельности Рюрика с лакунами в биографии Рорика Ютландского носит случайный характер.

Существуют серьезные возражения против «гипотезы отождествления», вытекающие из некоторых особенностей исторической обстановки в Европе рассматриваемой эпохи. Прежде всего вызывает возражение возможность правления Рорика Ютландского во Фрисландии и в Ладоге — одновременно⁴⁸. Отсутствие Рорика в своем лене (а значит и отсутствие его дружины) означало, что там не было административной власти и военной

защиты, а это было равносильно его отказу от этого лена. Аналогичным было бы положение Рорика, как князя Верхней Руси. Обстоятельства его призвания и выполняемые функции (согласно мнению сторонников «гипотезы отождествления») должны были бы исключить саму возможность его длительного отсутствия в формирующемся государстве, в котором только личное пребывание князя (как и его дружины) могло в тот момент обеспечить хрупкое политическое равновесие и военную безопасность.

Сомнения вызывает и сам факт призвания варягов в Приладожье. Последователи «гипотезы отождествления» основывают свою версию на том, что реальные события второй половины IX в. в Верхней Руси в основном соответствуют рассказу, изложенному в ПВЛ. Появление Рорика Ютландского в Приладожье без приглашения представляется еще менее вероятным событием, чем призвание его на княжение славяно-финнами. Шахматов сумел убедительно обосновать точку зрения, согласно которой «Сказание о призвании варягов» является итогом литературного труда нескольких поколений летописцев, которые комбинируя сведения из народных преданий и легенд и используя собственные литературные домыслы, создали летописную версию начала российской политической истории⁴⁹. Такой взгляд на «Сказание» исключает саму возможность рассмотрения его в качестве, пусть даже искаженного, отчета о действительно произошедших событиях.

Новые данные, полученные почти за столетие после Шахматова, не позволяют однозначно реконструировать события, произошедшие во второй половине IX в. на севере Русской равнины, а также восстановить обстоятельства возникновения и начальной эволюции «Сказания о призвании варягов». Но, при учете этих данных, точка зрения Шахматова выглядит одной из наиболее убедительных и в настоящее время. Версия призвания варягов, используемая сторонниками «гипотезы отождествления», хотя и в каждом отдельном моменте вроде бы не противоречит требованиям обычной логики, в целом плохо укладывается в политическую практику раннего средневековья.

Из приведенных данных можно заключить, что ни один из аргументов, приводимых в пользу упомянутой гипотезы не может считаться бесспорным. Ни один из них не может являться прямым доказательством княжения Рорика Ютландского на Руси. Таких доказательств в настоящее время не обнаружено. Более того, имеются серьезные возражения против самой возможности пребывания этого датского викинга в Верхней Руси и вообще в Балтийском регионе.

Примечания

1. РЫДЗЕВСКАЯ Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX—XI вв. М. 1978, с. 132.
2. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский. — Скандинавский сборник. VII. Таллин. 1963.
3. ХЛЕВОВ А. А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб. 1997, с. 73—74.
4. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 214.
5. МОЛЧАНОВ А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей. — Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. Тезисы докладов. М. 1992, с. 44.
6. РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII в. М. 1992, с. 299.
7. КИРПИЧНИКОВ А. Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность. — Викинги и славяне. СПб. 1998, с. 41—42.
8. ГОЛЛМАН Г. Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М. 1819, с. 37.
9. КРУЗЕ Ф. О происхождении Рюрика. — Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 9, СПб. 1836.
10. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения. Т. I. М. 1956, с. 142.
11. БЕЛЯЕВ Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи. Прага. 1930.

12. ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Древняя Русь. Тверь. 1996, с. 286, 341.
13. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 248.
14. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 214.
15. КАСИКОВ Х., КАСИКОВ А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине.— Скандинавский сборник. XXXIII. Таллинн. 1990, с. 98—109.
16. НИКИТИН А. Л. Первый Рюрик и «варяжская легенда».— Герменевтика древнерусской литературы. Т. 7. Ч. 2. М. 1994.
17. ПЧЕЛОВ Е. В. Кем был князь Рюрик, основатель русского государства? — Россия и современный мир, М. 1995, № 3.
18. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 230.
19. ШАПОШНИКОВ В. Н., КУЗНЕЦОВ Е. В. Битва при Бравалле и этническая карта Северной Европы VIII в.— Проблемы английской истории и историографии. Горький. 1989, с. 97.
20. JONES G. A History of the Vikings. N. Y.— Toronto. 1968, p. 53.
21. СМИРНИЦКАЯ О. А. Примечания.— Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М. 1975, с. 642—648.
22. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 229.
23. История Дании с древнейших времен до начала XX века. М. 1996, с. 43.
24. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 233—237.
25. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 142.
26. Цит. по БЕЛЯЕВ Н. Т. Ук. соч., с. 238.
27. Там же, с. 242.
28. МОЛЧАНОВ А. А. Ук. соч., с. 44—46.
29. КАСИКОВ Х., КАСИКОВ А. Ук. соч., с. 103.
30. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 242.
31. КАСИКОВ Х., КАСИКОВ А. Ук. соч., с. 102.
32. БЕЛЯЕВ Н. Т. Ук. соч., с. 239.
33. ПРИЦАК О. Откуда есть пошла Русская земля. Форум (Мюнхен), № 8, 1984, с. 146.
34. КАСИКОВ Х., КАСИКОВ А. Ук. соч., с. 105—106.
35. ГОЛЛИМАН Г. Ф. Ук. соч., с. 34—36.
36. БЕЛЯЕВ Н. Т. Ук. соч., с. 247, 249, 251.
37. КАСИКОВ Х., КАСИКОВ А. Ук. соч., с. 103—104.
38. КРУЗЕ Ф. Ук. соч., с. 53.
39. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 242.
40. ЛУРЬЕ Я. С. Россия Древняя и Россия Новая. СПб. 1997, с. 57, 58, 67.
41. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 24, 100, 107.
42. ЛОВМЯНСКИЙ Х. Ук. соч., с. 240.
43. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 114—117.
44. ХЕРРМАН Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона.— Славяне и скандинавы. М. 1986, с. 64, 76.
45. КИРПИЧНИКОВ А. Н., ДУБОВ И. В., ЛЕБЕДЕВ Г. С. Послесловие.— Славяне и скандинавы, с. 363.
46. ХЕРРМАН Я. Ук. соч., с. 115—122.
47. ЛУРЬЕ Я. С. Ук. соч., с. 97.
48. См.: ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 214.
49. ШАХМАТОВ А. А. Сказание о призвании варягов. СПб. 1904, с. 65—69.

Конфискация байских хозяйств в Казахстане

Ш. Мухамедина

На десятом году после Октября в центральноазиатских этнотерриториальных образованиях России общественные и производственные отношения оставались такими же, что и до 1917 года. На XV съезде ВКП(б) (ноябре 1927 г.), В. М. Молотов признавал: «По отношению к ряду районов, в особенности Советского Востока, нам приходится говорить не об оживлении Советов, а о создании Советов. Да и это требует довольно большого времени. Наверное, потребуется еще ряд лет для того, чтобы там действительно создалась Советская власть»¹.

ЦК ВКП(б) предписывал, чтобы в национальных республиках была ликвидирована частная собственность крупных и средних скотовладельцев, то есть фактически наиболее предприимчивых и хозяйственно-организованных кочевников. Казахский вариант Октября в официальных партийно-советских документах означал конфискацию байских хозяйств под лозунгами «Октябрь в ауле», «Октябрь в степи», «малый Октябрь».

Рассматриваемая проблема, хотя и освещалась учеными, комплексно изучавшими революционные мероприятия 20—30-х годов, сохраняет и поныне свою научную и идеологическую значимость.

Казахстанские историки Г. Ф. Дахшлейгер, К. Нурпеисов, А. Турсунбаев, как и многие другие историки², на основе исторических фактов показали, что конфискация байских хозяйств обосновывалась главным образом с идейно-политических позиций. Однако проблема разрушения традиционных общественных отношений в Казахстане, крайности антибайской кампании не получили должного анализа. В начале 90-х годов формируется новая концепция конфискации так называемых байских хозяйств и коллективизации аульных производственных общин³. Опираясь на новые исследования и ранее не доступные документальные источники, мы попытаемся подвергнуть с современных позиций анализу опыт большевистских преобразований в Казахстане.

Верным соратником И. В. Сталина здесь был ответственный секретарь крайкома партии Ф. И. Голощекин, возглавлявший казахстанскую парторганизацию с 1925 г. и исходивший из того, что Казахстан станет форпостом мировой социалистической революции на Востоке. Он был одержим идеей в предельно сжатые сроки превратить Казахстан в социалистическую республику, свободную от «дореволюционных пережитков».

В ноябре 1926 г. пленум краевого комитета ВКП(б) под руководством Голощекина положил конец серьезным внутривнутрипартийным разногласиям по вопросу о путях

Мухамедина Шамшия — доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культуры Уфимского технологического института сервиса.

развития Казахстана и перспективах кочевого скотоводства. Пленум обязывал коммунистов Казахстана «усвоить связь между директивами Всесоюзной (XV) партконференции и задачами советизации и социалистического строительства КАССР»⁴, подтвердил курс на ликвидацию «классовых врагов» и «националистов», а также «правых уклонистов». Голощекин также добился оргвыводов в отношении своих оппонентов, в числе которых были председатель ЦИК республики Жолан Мунбаев, глава правительства Ныгметолла Нурмаков, члены бюро крайкома Султанбек Ходжанов и Смагул Садвакасов. Вскоре, КазЦИК возглавил верный Голощекину — Ельтай Ерназаров.

Оппоненты Голощекина вовсе не отказывались от «социалистического переустройства аула», но выступали против насилия и развертывания гражданской войны в кочевых общинах. Садвакасов так сформулировал суть внутривнутрипартийного раскола: «Когда т. Голощекин сказал, надо пройти Октябрем по степи, я ответил, надо дать предел тому Октябрю, надо ограничить границы Октября»⁵. Эта точка зрения и была объявлена антипартийной и национал-уклонистской.

Голощекин не без гордости сообщил Сталину о своей победе и получил от него ответ: «Товарищ Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой». Голощекина стали называть в партийной прессе «вождем отсталого Казахстана»⁶. Неограниченная власть Голощекина объяснялась не только тем, что он был поддержан Политбюро ЦК ВКП(б) и Сталиным. В Казахстане не были еще развиты современные политические традиции. Интеллектуальная элита была малочисленна, и разобщена, социальные интересы казахской элиты также отличались существенными различиями.

Никто не мог противостоят партийному лидеру Казахстана, характеристику которому дал Г. Е. Зиновьев 24 июня 1927 г. в ЦКК партии: «Я очень хорошо знаю, что представляет из себя Голощекин, знаю не хуже, чем вы. Он старый товарищ, но где ему управлять таким краем. Прочтите стенограмму его речей. Как он обучает националов. Это компрометирует партию. Он проводит такую линию, которая является насмешкой над ленинской постановкой национального вопроса»⁷. Заявление Зиновьева крайком расценил как попытку «новой оппозиции» найти союзников в парторганизациях национальных республик в ее борьбе против «генеральной линии партии». Против Зиновьева была выдвинута целая серия опровержений, граничивших с прямой клеветой и пропитанных откровенным угодничеством по адресу Голощекина. Бюро крайкома 10 сентября 1927 г., обсудив вопрос о выступлении Зиновьева, единогласно утвердило заранее подготовленную резолюцию, в которой было записано: «1. Бюро Казкрайкома с негодованием отвергает подобные выпады оппозиции, в данном случае тов. Зиновьева; 2. Излюбленный оппозицией метод шельмования отдельных большевиков цэкистов, работающих на окраинах, является ничем иным, как маскировкой ее желания протянуть руку к недовольным элементам из националов... Национальные парторганизации не позволят оппозиции сорвать развертывающееся социалистическое строительство на окраинах»⁸.

Этому предшествовал ряд организационных мероприятий, проведенных после осуждения «национал уклонистов». Аппарат крайкома ВКП(б) сосредоточил в своих руках всю полноту власти, решения его которого не подлежали никакой критике. Внутривнутрипартийный режим граничил с армейскими порядками. Всякое оппозиционное настроение объявлялось антибольшевистским и антисоветским. Еще 27 августа 1927 г. крайком партии сформировал из своих членов постоянную мобилизационную комиссию, цель которой состояла в военном обучении коммунистов и комсомольцев⁹. Меры Крайкома ВКП(б) были ничем иным, как чрезвычайщиной. Фактически развязывалась гражданская война. Крайком энергично готовился к революционной ликвидации баев. Не случайно эту кампанию Голощекин именовал экспроприацией, о чем было известно и Сталину, который все же советовал Голощекину готовиться к конфискации, а не к экспроприации¹⁰.

3 мая 1928 г. ЦК ВКП(б) предложил крайкому перенести центр тяжести на борьбу с экономическим и политическим влиянием баев в аулах¹¹. Эта установка имела силу закона. К 1928 г. и крайком уже подвел социально-политическую базу под курс на конфискацию байских хозяйств. Еще в 1926—1927 гг. дважды проводили переделы сенокосных и пахотных угодий в каждом ауле. Намечали отрезать от земельных владений баев наделы в пользу бедноты и батрачества. 20 мая 1926 г. был

издан декрет о переделе сенокосных и пахотных угодий, который, однако, «не сработал», поскольку население аулов не откликнулось на призывы к переделу. По признанию президиума КазЦИК, «беднота, подговоренная баем, отказывалась от принудительного распределения угодий»¹². III сессия КазЦИК пятого созыва (декабрь 1926 г.) постановила доработать данный декрет, учитывая уроки предыдущей попытки. Новый документ, обнародованный 21 марта 1927 г., фактически был началом подлинной войны против баев. У них насильственно было отобрано 2 млн. 900 га угодий¹³. Революционное размежевание в кочевых и полукочевых аулах стало предвестником развертывания широкой кампании по окончательной ликвидации крупных хозяйств. Передел сенокосных и пахотных угодий нередко приравнивали в официальных и пропагандистских документах к революционным преобразованиям 1917 года.

К 1928 г. байских хозяйств было не более 6,9% от общего числа скотоводческих производственных единиц. Поголовье скота в каждом из этих хозяйств достигало 20 и более голов¹⁴. Казахстанские партийные лидеры называли развертываемую ими кампанию экспроприацией. Руководство республики стремилось к XI годовщине Октября осуществить экономическую (и даже физическую!) ликвидацию состоятельных скотовладельцев. В ходе предвыборной кампании 1925—1926 гг. баи лишались избирательных прав. Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК КАССР 28 августа 1928 г. издали постановление, в котором говорилось: «Провести в Казахстанской АССР, за исключением Адаевского округа и хлопководческих районов бывших Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерний и Каракалпакской Автономной области, выселение тех наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодалные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула»¹⁵.

Партийно-государственные документы по конфискации были пропитаны непримиримостью к «классовому врагу», ненавистью к имущим слоям населения. Партийные и советские органы грубейшим образом вмешивались в жизнь аулов, сознательно провоцировали и разжигали классовую вражду. Об этом говорили типичные лозунги тех лет, натравливавшие батраков, бедняков и середняков «против баев и атаманеров!»¹⁶. Подобными призывами были наполнены страницы местной прессы. Партийные и государственные работники всячески пропагандировали эти лозунги. И чем ниже был ранг руководителя, тем громче звучала его демагогия¹⁷.

Политическая демагогия сочеталась с соответствующими организационными мероприятиями, граничившими с самыми беспощадными репрессиями, не только против самих скотовладельцев, но и членов их семей. Отчуждалась вся их недвижимость и движимость, им не оставляли пищи даже для детей. Насильно забрав все имущество, правительство выселяло владельцев скота из традиционных мест обитания.

Скотоводы и их семьи навсегда лишились права вернуться на свою родину и заниматься привычным хозяйством. Репрессированных увозили в города и трудоустроивали в местах, где отсутствовали самые элементарные условия для нормальной жизни. Люди подвергались грубейшим унижениям. Конфискация нарушила духовное единство аульного населения, которому истары были свойственны уважение к старшим, взаимопомощь, общность интересов, утрачивались лучшие традиции общинной жизни. Аульно-родовая община превращалась в очаг социальной вражды. Впрочем основная масса кочевников пыталась придерживаться традиционных норм жизни, издавна составлявших основу духовности казахского народа. Большевики же опирались на неимущую часть населения, среди которых было немало лодырей — «шолок белсенде» или аульных краснобаев, завидовавших своим состоятельным сородичам.

Часть бедняков поддерживала конфискуемых, другие выступали против них. Так, в Семипалатинском округе в 9 районах, а именно: в Бешкарагайском, Жарминском, Аягузском, Уланском, Кызыл-Танском, Чингизском, Курчумском, Тарбагатайском, Кызыл-Тасовском конфискацию осуществляли 49 комиссий. В самих аулах более 800 человек было мобилизовано для этой цели. И тем не менее ликвидация байских хозяйств проходила крайне сложно; часть кочевников-бедняков была недовольна политикой отчуждения баев¹⁸.

В Уральском округе конфискация протекала противоречиво. В Чижинском районе 10 уполномоченных провели батрацко-бедняцкие собрания и за две недели завершили конфискацию байских хозяйств. Эти уполномоченные докладывали, что

батраки, бедняки, а в некоторых случаях и середняки активно участвовали в конфискации и сами указывали на хозяйства баев. Но отмечалось и то, что отдельные батраки, бедняки, середняки говорили, что им «с баями живется лучше, они дают бесплатную корову, быков и т. д., у них отбирать ничего не нужно». Сходная ситуация сложилась и в Саламихинском районе: уполномоченные здесь устроили 35 батрацко-бедняцких и 27 общих собраний. А в ауле Кишкене-Шал бедняки указывали не только на своих, но и на баев из соседнего Джангалинского района. В местности Талды-Алан середняки наметили 18 байских хозяйств для конфискации. В то же время батрак Альпейсов укрывал скот бая Чангиреева, другой же батрак молился за своего бая¹⁹.

С большим трудом прошла ликвидация частноскотоводческих хозяйств в Каркаралинском округе. Здесь в большинстве случаев советские и общественные структуры выступали в защиту баев; 90 аульных Советов, 20 ячеек «Кошчи» (комитеты типа крестьянских) возбудили ходатайства перед исполкомами о возврате конфискуемым отобранного скота и имущества²⁰.

В Актюбинском округе, наряду с одобрением и поддержкой выселения баев, отмечались случаи, когда против насилия над баями выступали русские кулаки, защищавшие кочевника-скотовладельца. В Алма-Атинском округе бедняки Чокпарского района заявили: «Если этих баев не выселите, то они нам, бедноте, не дадут покоя и будут мстить; по-казахскому обычаю заберут весь скот». А в Каратальском районе беднота помогла уполномоченным в розыске и выявлении скота, принадлежавшего своим состоятельным родственникам²¹.

Фактически жители аулов плохо понимали что собственно происходит. Даже середняки и бедняки проявляли недовольство ликвидацией состоятельных скотовладельцев. Мало, кто одобрял сплошную нищету и разорение хозяйств. В газетах нередко были материалы, освещавшие объективное положение дел в кочевых аулах. «Беднота и батрачество не имеют ясных представлений о конфискации», говорилось в журнале «Народное хозяйство Казакстана». В газете «Власть Советов» подчеркивалось: «Не надо упускать из виду наличие недовольства этим революционным мероприятием отдельных середняков»²². Но реальная ситуация в аулах мало учитывалась: результаты проводимой конфискации были предreshены заранее. Через 15—20 дней после обнародования очередного правительственного документа сообщались данные о численности конфискуемых. Так, «Красный Урал» 21 сентября напечатал постановление окружного исполкома о выселении 71 хозяйства. Через два дня, 23 сентября, на страницах «Джетгусуйской искры» выступил ответственный секретарь Алма-Атинского окружкома ВКП(б) Морозов, который сообщил о ликвидации 79 хозяйств. Петропавловская газета «Степная звезда» (25 сентября) напечатала постановление окружного исполкома о выселении «из пределов Петропавловского округа с конфискацией имущества 34 семей крупных скотоводов», а из Актюбинского, Каркаралинского, Кзыл-Ордынского округов, вместе взятых, свыше 160 хозяйств²³.

Конфискация байских хозяйств фактически означала их экспроприацию. Уже к 25 октября 1928 г. была отчуждена движимость и недвижимость 700 крупных скотовладельцев. О грубом произволе и несправедливом изъятии скота и имущества свидетельствуют 500 заявлений, поступивших от пострадавших в Центральную комиссию по проведению конфискации. Власти Казахстана были воистину одержимы идеей окончательной ликвидации частного сектора. Конфискованный скот (около 200 тыс. голов) поступил в распоряжение 293 колхозов, 5 совхозов и более 20 тыс. бедных хозяйств²⁴. После рассмотрения ряда заявлений, поступивших в Центральную комиссию по проведению конфискации, приговоры последней практически не изменились. Невероятны были моральные потери жителей аулов. Репрессиям подвергалась наиболее просвещенная, хозяйственно-сметливая часть кочевников. Все это оставило неизгладимый след в мировоззрении последующих поколений Казахстана.

Голощекин и его окружение были вполне удовлетворены итогами конфискации. На декабрьском (1928 г.) пленуме Казкрайкома он торжественно заявил, что наступает «новое время»²⁵. В результате «Октября в ауле» около 500 хозяйств разного уровня в 1928 г. откочевали за пределы Казахстана. Заметно увеличились размеры стихийных и государственных заготовок, подрывавших основы кочевого скотоводства. Например, за 1926/1927 и 1927/1928 хозяйственно-бюджетные годы убой и продажа скота увеличились: с 2000 голов скота до 21000 — по Павлодарскому, с 51000 до 86000 — по Петропавловскому, с 39000 до 79000 — по Семипалатинскому округам²⁶. Не меньше потерь было и в других округах.

Конфискация была лишь генеральной репетицией перед массовой коллективизацией сельского хозяйства, которая окончательно уничтожила в Казахстане традиционные хозяйственные отношения. За годы революции «сверху» количество хозяйств сократилось на 490 тысяч, а число аульно-сельского населения — на 2,6 млн²⁷. Но, конечно, никакими цифрами невозможно определить моральные и материальные потери, понесенные казахским народом в 20—30-х годах.

Примечания

1. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л. 1928, с. 1047.
2. ТУРСУНБАЕВ А. В. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. 1957; его же. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата. 1967; Дахшлейгер Г. Ф. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 гг.).— Материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М. 1961; его же. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.). Алма-Ата. 1965; его же. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата. 1978; его же и НУРПЕЙСОВ К. История крестьянства Советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата. 1985.
3. АБЫЛХОЖИН Ж. Б., КОЗЫБАЕВ М. К., ТАТИМОВ М. Б. Казахстанская трагедия.— Вопросы истории, 1989, № 7; АБЫЛХОЖИН Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930 гг.). Алма-Ата. 1991; Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстана. Опыт и проблемы. Алма-Ата. 1990; НУРБАВ В. Жертва коллективизации.— Партийная жизнь Казахстана, 1991, № 8; КОЗЫБАЕВ М. К. История и современность. Алма-Ата. 1991.
4. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. Алма-Ата. 1981, с. 275.
5. Внутривнутрипартийные вопросы на 3-м Пленуме Казакского крайкома ВКП(б). Кзыл-Орда. 1927, с. 44.
6. 6-я Всеказакская конференция ВКП(б) 15—23 ноября 1927 г. Кзыл-Орда. 1927, с. 95; 7-я Всеказакская конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Алма-Ата. 1930, с. 7.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 25, д. 10, л. 111.
8. Там же, д. 10, л. 105, 112.
9. Там же, д. 15, л. 12.
10. Там же, д. 16, л. 164, 165.
11. КПСС и Советское правительство о Казахстане. Сб. док. и м-ов 1917—1977 гг. Алма-Ата. 1978, с. 92.
12. 3-я сессия Казакского Центрального Исполнительного Комитета 5 созыва (3—8 декабря 1926 г.). Стенографический отчет. Кзыл-Орда. 1926, с. 7.
13. Ученые записки. Серия историческая. Т. ХХХVIII. Выпуск IV. Алма-Ата. 1959, с. 57, 62.
14. Материалы к отчету Центрального Исполнительного Комитета Казакской Автономной Социалистической Советской республики на 3-й сессии ВЦИК 13 созыва. Кзыл-Орда. 1928, с. 18.
15. Советская степь (Алма-Ата). 5.IX.1928.
16. Там же, 6.IX.1928.
17. См., например, призывы лидера Уральского окружкома Дризулы в газете «Красный Урал», 4.X.1928.
18. Краткий отчет о работе Семипалатинского губисполкома-окрисполкома за 1927—1928 операционный год. Семипалатинск. 1928, с. 21, 22, 23.
19. Красный Урал, 4.X., 1.XI.1928.
20. Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 9—10, с. 35—36; РГАСПИ, ф. 17, оп. 25, д. 175, л. 70—71.
21. Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 9—10, с. 35, 27—28.
22. Там же; Власть Советов, 1928, № 47, с. 14.
23. См. Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 9—10, с. 26.
24. РГАСПИ, ф. 17, оп. 25, д. 17, л. 42, 44, 48.
25. Там же, ф. 17, оп. 25, д. 17, л. 67.
26. III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XIII созыва. Стенографический отчет. М. 1928. Бюллетень № 8, с. 26, 32, 33.
27. Государственный Архив Российской Федерации, ф. 6985, оп. 1, д. 20, л. 129а.

Формирование белорусско-российского порубежья

Ю. А. Борисёнок, В. А. Лобач

История формирования устойчивых межэтнических границ имеет важное значение для понимания не только характера и особенностей процессов этнического взаимодействия, но и позволяет уяснить взаимосвязь и взаимовлияние целого ряда факторов, воздействующих на становление порубежья, этой уникальной зоны культурных контактов ¹.

Изучение процесса формирования белорусско-российского порубежья ставит перед исследователем ряд непростых проблем. Рассмотрим их на весьма характерном примере Витебско-Псковского региона. Субъектами политического размежевания на данном направлении в IX—XVIII веках выступали Новгородская и Псковская республики, Московское государство, Российская империя — с российской стороны и Полоцкое, Витебское княжества, Великое княжество Литовское (ВКЛ), Речь Посполитая, соответственно, с белорусской.

На каждом из исторических этапов феномен границы (шире — пограничья) получал специфическое наполнение и значение, которое возрастало поступательно-параллельно становлению института государства. Так, для ранних этапов политической истории характерна «неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности подвижность их политических границ». Важно и то, что пограничье этническое не тождественно политико-государственному: «как известно, народы далеко не всегда полностью «вписываются» в границы одного государства» ². В свою очередь, этнокультурные факторы (особенно на ранних этапах этнической истории) определенным образом влияли на становление как государственных образований, так, соответственно, и границ между ними.

Этнокультурное разграничение в Псковско-Белорусском пограничье проявилось еще в эпоху железного века, когда территория Подвинья была освоена носителями Днепро-Двинской археологической культуры, отчетливо соотносимой с балтским населением. В то же время Псковская и Новгородская земли до прихода славян были заселены западнофинским населением, носителями Дьяковской археологической культуры ³.

С приходом славян в эти края этнокультурное размежевание приобрело новое качество. Обобщив данные многолетних исследований, В. В. Седов отметил: «Кривичи смоленские и полочане, выделяемые отчетливо по археологическим материалам X—XIII вв.— это та часть славян, которая расселилась в ареале Днепро-

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, зав. исторической редакцией журнала «Родина»; *Лобач Владимир Александрович* — преподаватель Полоцкого государственного университета (Беларусь). Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-78001а/Б).

Двинской культуры и впитала в себя местных балтов — носителей этой культуры. Кривичи псковские сформировались на региональном прибалтийско-финском субстрате»⁴.

Процессы взаимодействия пришлого славянского населения с местными балтами и финно-уграми имели долговременные последствия. Седов указывал, что, «судя по археологическим данным, славянизация балтского населения на территории, где позднее распространилась белорусская речь, продолжалась от VII—VIII до XIII столетия. По времени завершающая стадия славянизации днепро-двинских балтов непосредственно предшествует начальному периоду формирования белорусского языка»⁵. Мнение археолога не противоречит и данным лингвистики о том, что «важнейшие фонетические, грамматические и лексические черты, которые придают специфику современному белорусскому языку, возникли в XIII—XIV вв.»⁶. Схожие процессы происходили и на территории Псковщины. «Финно-угры, также как и балты, в процессе славянского расселения оставались на местах своего обитания, некоторое время жили в инородном окружении и в конце концов растворились в славянской среде. Следовательно, финно-угры были одним из субстратных компонентов при формировании северной группы восточного славянства»⁷.

Таким образом, начальным этапом формирования белорусско-русского пограничья, его субстратной подосновой можно считать период железного века, когда современный Витебско-Псковский регион являлся контактной, порубежной зоной балтско-финских этнокультурных ареалов. В дальнейшем, при взаимодействии с пришлыми славянами, это привело к этнической парциации кривичей, с выделением Полоцко-Смоленского и Псковского (Изборского) массивов.

При рассмотрении механизмов формирования данного участка белорусско-русского пограничья обращают на себя внимание и геоклиматические факторы, ибо «соответствующее каждой этнической территории географическое окружение — это не только сфера его проживания, но и жизненная основа, которая обуславливает специфику хозяйственных занятий и производственной культуры, органично входит в ежедневный быт, наполняет конкретными образами духовное богатство народа, его язык и фольклорное творчество»⁸.

Линия разграничения этнокультурных ареалов между псковскими и белорусскими землями практически совпадает с водоразделом бассейнов Западной Двины и р. Великой. На ранних этапах этнической истории, когда расселение и миграционные потоки были непосредственно связаны с долинами рек, этот фактор играл существенное значение в размежевании различных этнокультурных групп населения. К тому же эти места в древности были почти сплошь покрыты густым лесом, что также являлось естественной преградой на пути этнического взаимодействия и различного рода инфильтраций. И в наши дни в пограничных с Псковщиной районах Белоруссии (Россонском и Полоцком) лес занимает 60% и 53% территории соответственно⁹. Суровые климатические условия, почвы с низкой плодородностью обусловили малую плотность населения на правобережье Западной Двины. Л. В. Алексеев указывал, что в IX—XII вв. территория, прилегающая непосредственно к Полоцку, на правобережье Западной Двины и на самой Полоте, была заселена слабо¹⁰. Показательно, что подавляющее большинство городов Полоцкой земли (кроме собственно Полоцка и Витебска), известных по источникам XI в. (Минск, Друцк, Лукомль, Логойск, Изяславль, Браслав, Борисов, Орша) располагались на левобережье Западной Двины.

Таким образом, «псковский рубеж» в эпоху раннего средневековья долгое время оставался «прозрачным» и неустойчивым. Отсутствие не только пограничных форпостов-городов, но и значительных поселений в зоне Полоцко-Псковского порубежья¹¹ оставляет вопрос о реальном этническом разграничении на этом участке открытым. Однако политическая борьба на малоосвоенных территориях не утихла: верховья Великой и Ловаты входили в сферу интересов Полоцкого княжества, псковичи и новгородцы в свою очередь не прочь были расширить свои владения на юге. В 1065 г. полоцкий князь Всеслав Изяславич («Чародей») предпринял военный поход против Пскова, собрав «силы своя многыя», впрочем, взять город полочанам не удалось¹². По мнению Н. Ермаловича, эта акция не была случайной, а явилась результатом пограничных противоречий между Полоцком и Новгородом: «Являясь подчиненным непосредственно Новгороду, Псков, таким образом, становился непосредственным плацдармом для новгородского нападения на Полоцк. Во-вторых,

подчинение Пскова дало возможность Новгороду осваивать в смысле сбора дани достаточно обширную территорию на северо-западе от верховьев Ловати к югу от рек Полисти и Судомь»¹³. Продолжением полоцкой политики в северном направлении стал захват и разграбление Новгорода в 1066 году. Однако, уже через три года, в 1069 г., военная акция Всеслава против Новгорода окончилась крайне неудачно, а сам он попал в плен, хотя и был вскоре отпущен: «И пособи Богъ Глебу князю съ новгородци. О велика бяше сеця вожаном (финское племя «водь» — основа ополчения Всеслава. — *Авт.*), и паде ихъ бесчисленное число; а самого князя отпустиши Бога деля»¹⁴, — сообщал новгородский летописец. Возможно, ценой освобождения стало заключение мирного договора, ибо «после 1069 г. и до начала XII в. (то есть до самой смерти Всеслава. — *Авт.*) неизвестно ни одного похода полочан в новгородском направлении»¹⁵.

Однако, в конце XII в. экспансия полочан в северном направлении возобновилась, о чем свидетельствует строительство в 1211 г. Великолукской крепости, форпоста, охранявшего дальние подступы к Пскову и Новгороду. Эти меры были предприняты после того, как в 1198 г. объединенные дружины полочан и «литвы» захватили и сожгли Великие Луки¹⁶.

Новые политические реалии XIV—XV вв. (вхождение Полоцкой и Витебской земель в состав ВКЛ, достижение фактической независимости Псковской республикой в 1348 г., усиление Московского княжества, а также возросшая опасность со стороны Ливонского ордена) качественным образом изменили и проблему Полоцко-Псковского (Новгородского) порубежья, поставив ее в тесную зависимость от внешней политики ВКЛ. Главной целью Гедиминовичей на северном направлении становятся не столько территориальные порубежные приобретения, сколько вовлечение Псковской земли в сферу своего влияния, а затем и полное ее подчинение. Целенаправленные действия в этом направлении предпринимались еще основателем династии Гедимином и были с переменным успехом продолжены Ольгердом и Витовтом¹⁷. Средствами влияния на псковскую политическую элиту были как помощь в борьбе с внешней агрессией (Ливонским орденом), так и, если говорить о проновгородских или промосковских колебаниях, военные акции устрашающего характера. О том, что последние были довольно часты, говорят не только летописи, но и целый пласт характерной топонимики¹⁸.

Важнейшее значение имел мирный договор 1326 г. между Новгородом, Ливонским орденом, Смоленском, Полоцком и ВКЛ, который многое проясняет в механизмах пограничного урегулирования того времени. Главным и долговременным достижением этого договора, по справедливому замечанию В. Л. Янина, «стало создание принципиальной системы пограничных взаимоотношений Литвы и Новгорода: Литва приняла на себя обязательство строго соблюдать суверенитет Новгорода на всей территории его владений в обмен на уплату ей черной куны с пограничных новгородских волостей. На линии бывшей новгородско-смоленской границы она, овладев Торопцем и Ржевом, унаследовала этот порядок от предшествующих времен, а на линии новгородско-полоцкой границы распространила тот же принцип на новгородские порубежные земли Великих Лук и Ржева»¹⁹.

Таким образом, основные очертания Псковского участка белорусско-российского пограничья, как в этнокультурном, так и политическом плане, сложились уже на протяжении XIII—XV веков. При этом граница ВКЛ с Псковщиной долгое время была довольно стабильной. Даже когда в начале XVI в. Московскому государству удалось захватить на некоторое время Себеж и Невель, то после их возвращения в состав Полоцкого и Витебского воеводств Речи Посполитой (по «вечному миру» 1686 г.) пограничная линия вновь пролегла по старым рубежам. Конфигурация этого участка границы практически совпадает на всех картах Речи Посполитой и соседних территорий XVII—XVIII вв.²⁰ Л. Козлов и А. Титов так описывают Псковское порубежье ВКЛ и Речи Посполитой: «С Ливонской стороны Псковская граница начиналась от самой узкой части междуречья двух левых притоков реки Великой — Синей и Исы. Это приблизительно в 40 км на северо-запад от Себежа. Далее вверх по Исе, не достигая ее истоков, она поворачивала к реке Великой, пробегала немного по речису и вновь шла на восток, покинув только самое начало этой реки на Псковской стороне. Граница пересекала истоки еще нескольких небольших речек в бассейне Великой — Голоты, Рыбницы, а в конце — верховье реки Ловать с притоками Удрайка и Вялица. Наконец, обогнув с юга Двинское озеро,

граница достигала Западной Двины, пробежав по которой вверх, заканчивалась перед впадением в Двину речки Велесы»²¹.

Несмотря на многочисленные политико-административные перемены на территории Белорусского Подвинья, связанные с разделами Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) и включением Белоруссии в состав Российской империи²², средневековый Полоцко-Псковский рубеж белорусско-русского этнокультурного пограничья практически точно совпадал с административной границей между Полоцкой (с 1796 г. Витебской) и Псковской губерниями и, что немаловажно, был идентичным северному участку границы расселения белорусов на этнографических картах Р. Ф. Эрхерта (1863 г.), А. Ф. Риттиха (1875 г.), Е. Ф. Карского (1903 г.) и М. В. Довнар-Запольского²³.

Примечания

1. В российской и белорусской историографии накоплен значительный опыт изучения культурного взаимодействия и взаимовлияния двух славянских народов. Однако разработка данной проблематики носила либо обобщающий (см. Белорусы. М. 1998), либо узко специальный характер (см. напр. Белорусские свадебные обряды и песни сравнительно с русскими. СПб. 1897; АБЕЦЕДАРСКИЙ Л. С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII вв. Минск. 1978; КАБАШНИКАЎ К. П. Беларуска-рускія фальклорныя сувязі. Мінск. 1988).
2. БРОМЛЕЙ Ю. В. Очерки теории этноса. М. 1983, с. 276, 35.
3. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. Мінск. 2000, с. 100; СЕДОВ В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья М. 1970, с. 108; ШАДЫРА В. І Фіна-угры.— Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. Мінск. 1993, с. 630.
4. СЕДОВ В. В. Длинные курганы кривичей. М. 1970, с. 40.
5. СЕДОВ В. В. К происхождению белорусов.— Советская этнография, 1967, № 2, с. 128.
6. ЖУРАЎСКИ А. І Беларуская мова.— Этнаграфія Беларусі. Энциклапедыя. Мінск. 1989, с. 56—58.
7. СЕДОВ В. В. Еще раз о происхождении белорусов.— Советская этнография, 1969, № 1, с. 106.
8. ЦІТОЎ В. С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці. Мінск. 1994, с. 52.
9. Геаграфія Беларусі. Энциклапедычны даведнік. Мінск. 1992, с. 69.
10. АЛЕКСЕЕВ Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Северной Белоруссии. М. 1966, с. 44.
11. ШТЫХАЎ Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск. 1992, с. 7.
12. Псковская вторая летопись.— Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб. 1851, с. 8.
13. ВРМАЛОВІЧ М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мінск. 1990, с. 113.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. Л. 1950, с. 17.
15. Гісторыя Беларусі, Т. 1, с. 162.
16. КАЗЛОЎ Л., ЦІТОЎ А. Беларусь на сямі рубяжах. Мінск. 1993, с. 9.
17. ВРМАЛОВІЧ М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд. Мінск. 1994, с. 15—20.
18. См. ПОПОВ А. Н. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской и Новгородской областей. Л. 1981, с. 110.
19. ЯНИН В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. М. 1998, с. 102.
20. ШИРЯЕВ Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск. 1991.
21. КАЗЛОЎ Л., ЦІТОЎ А. Ук. соч., с. 9.
22. См. подробнее: АНІШЧАНКА Я. К. Генеральнае межаванне на Беларусі. Мінск. 1996; его же: Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796). Мінск. 1998.
23. ЦІТОЎ В. С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі. Мінск. 1996, с. 46—47.

«Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в.

Т. А. Володина

Период начала XIX в. до появления в печати «Истории государства российского» Н. М. Карамзина отличается резким взлетом интереса публики к истории. За этот относительно короткий период времени было напечатано более 20 сочинений по русской истории, имевших обобщающий характер, то есть изображавших более или менее длительный период (в идеале — от Рюрика до Александра I) и адресованных не узкому кругу профессионалов, а широкой аудитории¹. Обращает на себя внимание также их более широкая, чем прежде, географическая и издательская представленность. В XVIII в. исторические штудии воспринимались преимущественно как дело казенное, выпускали их главным образом типографии столичных учреждений (Академическая, типография Главного правления училищ), которым это как бы вменялось в обязанность. В начале XIX в. картина разительно меняется: из 25 исторических сочинений лишь 5 отпечатаны в Петербурге, 3 — в Смоленске, Казани и Дерпте, все остальные — в Москве.

Лидерство Москвы окрашено примечательными тонами. В числе авторов — незнакомые имена, никак или почти никак не связанные с исторической наукой. Почему вдруг некоему Афанасию Щекатову или Ефиму Филиповскому приходит в голову составить книгу о русской истории, а какая-то частная типография (Бекетова, Селивановского и др.) берется за ее печатание? Книги по русской истории, адресованные широкой аудитории, находят читателя и, что не менее важно, покупателя.

Что же произошло? Почему вдруг проявился такой повышенный интерес к истории, к тому же исходящий особенно от москвичей? Увлечение историей легко объяснить подъемом патриотизма, вызванного эпохой наполеоновских войн. Но такое объяснение порождает ряд новых вопросов: Какова была специфика такого патриотизма? Как отразился он в исторических сочинениях? О чем свидетельствовали процессы, происходившие в историческом сознании общества? Как изменялись его ценностные ориентации, какие представления и оценки получили наибольшее распространение и почему?

Привычный тезис о росте национального самосознания, патриотическом подъеме в связи с войной 1812 года бесспорен. Однако обладало ли общественное сознание того времени какими-либо специфическими чертами, делавшими его *национальным сознанием*, то есть сознанием нации? Можно ли сблизить его, например, с тем, что чувствовали и думали на Руси в период Батыева нашествия?

В последние десятилетия проблема изучения наций и национализма ознаменована рядом серьезных работ². Всеми признано, что нации и национальное сознание — это относительно недавний продукт человеческой истории; большинство исследователей «находят» нации только в XIX в., лишь некоторые, с оговорками, относят начало формирования

Володина Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент Тульского педагогического университета.

наций к XVII—XVIII векам. Если следовать логике радикального модерниста Э. Геллнера, который видит главные факторы формирования наций в урбанизации, всеобщем образовании и социальной мобильности, то в России начала XIX в. существование национального сознания представляется просто невозможным. Однако часть исследователей (например, Б. Андерсон, Л. Гринфилд) рассматривает появление идеи нации не как прямое следствие социально-экономического развития, а как процесс, хотя и тесно связанный с индустриализмом, однако проникнутый особой, независимой логикой возникновения новых смыслов, идей, образов и систем ценностей. Среди факторов, порождающих этот процесс, выделяется угроза существованию данной культурно-исторической общности или даже миф о подобной угрозе. Ненависть и образ врага пробуждают самопожертвование и любовь, и все, кто переживает подобные ощущения, начинают улавливать свою принадлежность к некой общности, которая уже не сводится к религиозному, этническому или династическому принципу. Более того, эта рождающаяся новая общность зачастую вступает в противоречие с прежними формами идентичности.

Характерна реакция в России на замыслы Александра I о восстановлении Польши. Восстановлением Польши в границах 1772 года было бы исправлено то преступление, которое, по его мнению, совершила Екатерина II. Александр, российский император, имел бы титул польского короля, а само королевство польское находилось в тесном единении с Россией посредством этой унии через монарха; в начале царствования этот замысел всеми силами поддерживал А. Чарторыйский. Ничего необычного в таком решении не заключалось, ведь был же саксонский курфюрст Август польским королем, а Павел I — великим магистром Мальтийского ордена. С точки зрения внешнеполитических задач этот план выглядел привлекательно: жгучая неприязнь поляков к России поумерилась бы, а Наполеону труднее стало бы разгрызвать в борьбе против России роль освободителя Польши.

Однако Александру I не удалось привести свой замысел в исполнение. При любом намеке на «Польшу в границах 1772 года» он сталкивался с жесткой и неуступчивой позицией своих подданных, которые как будто забывали о своем статусе. В 1805 г. генерал-адъютант П. П. Долгоруков в присутствии императора схлестнулся с Чарторыйским, который в то время занимал пост министра иностранных дел. Отметая все резоны, Долгоруков воскликнул: «Вы рассуждаете как польский князь, а я рассуждаю как русский князь». Еще более жестко отстаивал это мнение Карамзин. В 1819 г. между историографом и императором произошел трудный разговор, после которого историк писал: «Мы пробыли вместе, с глазу на глаз, 5 часов... Но мы душою расстались, кажется, навеки». Предметом долгой беседы было все то же намерение Александра в отношении Польши. Сурово и непреклонно развенчивая благие порывы царя, Карамзин произносил слова, отражавшие некие новые реалии: «Россия — не бездушная собственность, которую можно раздроблять... Я слышу русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к Царю; остыли бы душою и к Отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола. Не опустел бы, конечно, дворец; Вы и тогда имели бы министров, генералов; но они служили бы не Отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабством»³. Конечно, можно увидеть в этом выступлении Карамзина лишь проявление привычного имперского стиля мышления: все, что завоевано российским мечом, неприкосновенно. Однако слышится уже и новое: мы отвернемся от Вас, Государь!

Дело заключалось не только в Польше. В начале XIX в. в общественном умонастроении многое приобретало национальную окраску. Образованная элита вдруг почувствовала потребность усилить и подчеркнуть свою «русскость». Это намерение шло вразрез со сложившимся во второй половине XVIII в. положением вещей, когда влияние французской культуры в среде российского дворянства постоянно росло и крепло. С. Н. Глинка, один и питомцев Сухопутного шляхетского корпуса, свидетельствовал, что кадеты воспитывались «совершенно на французский лад... Полюбя страстно французский язык, я затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России»⁴. Глинка проникся «французским духом» в казенном, государственном учебном заведении; что же говорить о частных пансионах, которые в таком обилии открывались и в столицах и в крупных губернских городах. Основанный в Петербурге отцами-иезуитами пансион воспитывал отпрысков русской знати (Голицыны, Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгановы, Вяземские, Одоевские и др.) совершенно на французский манер, к тому же с сильным привкусом католицизма. Министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, может быть, несколько сгущая краски, докладывал императору в начале XIX в.: «Все почти пансионы в империи содержатся иностранцами... они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему и в недрах России из россиянина образуют иностранца»⁵. То, что так возмущало министра, воспринима-

лось русской аристократией в конце XVIII в. как норма и было явлением широко распространенным. Екатерининский вельможа, отец П. А. Вяземского, по свидетельству самого сына, изредка переходя на русский язык, пользовался им как иностранным: он думал по-французски.

Получалось, что чем более образованным был человек, тем больше он проникался чужеземной культурой. Какой-нибудь мелкий помещик у себя в захолустье мог свободно «думать по-русски», то есть сохранять весь соответствующий комплекс коммуникативных связей в повседневной жизни. Но аристократия, двор, высшее чиновничество как будто принадлежали к другой породе людей. Даже Карамзин, один из создателей русского литературного языка, был пропитан этой атмосферой и в 1790 г. писал из Парижа: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских»⁶. Начиная свой журнал, Карамзин дал ему имя «Вестник Европы», ставя целью знакомить читателей с европейской культурой, историей и политикой.

Склонность к галломании в конце XVIII в. отдавала политическим либерализмом. Если для стариков екатерининского времени Франция ассоциировалась с едким вольнодумством Вольтера, то для юного поколения — с революцией, республикой и первым консулом как выразителем республиканских свобод. Как писал тот же Глинка о годах своей юности: «За отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили, как за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не одни мы так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом»⁷. Иногда доходило до смешного. Вскоре после вшествия Александра I на престол в Петербург прибыл представитель Франции генерал М.-Ж. Дюрок, адъютант Наполеона, посланный, чтобы приветствовать нового императора и заодно разведать, чего от него можно ожидать. Юный Александр с радостью приветствовал французов, в которых видел прежде всего любезных его сердцу республиканцев. Обращаясь к посланцам Бонапарта, он подчеркнуто употреблял слово «citoyen» (гражданин); Дюрок в ответ кисло морщился и наконец объяснил, что во Франции уже не принято именоваться «гражданами».

На этом фоне либерализма и галломании особенно заметен поворот в историческом сознании и умонастроении общества, происходивший в 1800-е годы. Его можно сравнить с тем знаменитым эпизодом в «Войне и мире», когда Наташа Ростова, «графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой», пустилась в русскую пляску и «умела понять все то, что было и в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке». Л. Н. Толстой недаром сделал этот эпизод одним из ключевых в своем романе, символизировавшим реалии русской жизни, заявившие о себе задолго до 1812 года. Наметился и четко обозначился дрейф людей с различными общественно-политическими, литературными, эстетическими склонностями — к некоему идеальному центру притяжения. Тонкий наблюдатель Ф. Ф. Вигель писал об этом времени: «По вкоренившейся привычке не переставали почитать Запад наставником, образцом и кумиром своим; но на нем тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая нам истреблением или порабощением; вера в природного, законного защитника нашего была потеряна, и люди, умеющие размышлять и предвидеть, теснились... вокруг невидимого еще знамени, на котором уже читали они слово — Отечество»⁸.

Бредившие революционным французским духом юноши разочаровывались в нем, тем более что слово «гражданин» уже было не ко двору во Франции; те, кто воспринимали первого консула как наследника традиций гордого Рима, отворачивались, видя его безмерное властолюбие; брюзжащие старцы-консерваторы вздохнули и начинали говорить об иностранной заразе и утверждении национального духа. Внутренние взоры людей 1800-х годов устремлялись к единому полюсу, их голоса начинали звучать в унисон. Тот, кто не чувствовал этого движения, отторгался и выдавливался обществом, — красноречива судьба М. М. Сперанского. Появление этого единого полюса притяжения очевидно, если сравнить эволюцию таких разных людей, как, например, А. С. Шишков и Г. Р. Державин, Карамзин и Сергей Глинка.

Адмирал Шишков, для которого даже Карамзин был исчадием французской философии, играл в то время роль своеобразного рупора воинствующего национализма, отстаивая «русскость» во всем: в языке и литературе, в мировоззрении и воспитании. Заметим, что «Беседа любителей русского слова», где заправлял Шишков, возникла в 1810 г., а едкие сатиры молодого арзамасского поколения начали появляться лишь с 1815 года. Именно

тогда А. Ф. Воейков в своей сатире «Дом сумасшедших» вложил в уста Шишкова следующие сентенции: «Славяне — он сказал — не читывали встарь // По многу толстых книг: к чему оне? Букварь, // Стоглав с грамматикой, прочесть Максима Грека, // Вот все, что надобно для счастья человека»⁹.

Юноши начинали смеяться над напыщенным «славянофильством» «Беседы», но это стало возможным после Ватерлоо. Смеяться над Шишковым после Тильзита было невозможно, и на вечера «Беседы» в 1810 г. считали своим долгом являться генералы при звездах и лентах, дамы в блестящих нарядах, придворные. Они мало что понимали в долгих и скучных речах, но были исполнены уверенности, что совершают патриотический подвиг, способствуя торжеству русского языка. Недаром после падения Сперанского, когда нужно было найти человека, способного составлять рескрипты, манифесты и указы, выбор Александра I пал на Шишкова. Именно он готовил все знаменитые манифесты 1812—1814 годов. Пафос грубоватого адмирала был созвучен общественным настроениям. «В Москве и других внутренних губерниях России, в которых мне случилось в то время быть,— вспоминал С. Т. Аксаков,— все было обрадовано назначением Шишкова, и писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь»¹⁰.

Антагонизм к Европе и особенно к Франции стал еще более усиливаться в русском обществе в связи с первыми военными неудачами. Аустерлиц, Фридланд и Тильзит — вот веки, которыми отмечено становление национального самосознания. Ненависть к императору французов и ко всему французскому все шире разливается в обществе, превращая в консерваторов и националистов многих поклонников философских принципов Просвещения. В русском обществе чувствуется громадное сопротивление всему, о чем договорились Александр с Наполеоном на плоту посреди Немана. С. Р. Воронцов, русский посол в Англии, в письмах предлагает сановникам, подписавшим Тильзитский мир, въехать в столицу на осле¹¹. Сергей Глинка начинает издавать в 1808 г. свой «Русский вестник», сделав проповедь «русскости» главной задачей журнала. В 1807 г. выходит в свет книга Ф. В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце ефремовского помещика, Силы Андреевича Богатырева». В нарочито простонародном, даже прибаутчном стиле Ростопчин метал молнии против Европы и потери русскими своего национального лица. Герой его памфлета, истый русак Богатырев, выражал пожелание, чтобы дубинкой Петра Великого, взятой на недельку из кунсткамеры, выбили дурь из русской молодежи. В особенную ярость приходил Богатырев при имени французского императора: «Что за Александр Македонский! Мужичишка в рекруты не годится!.. Ни кожи, ни рожи, ни видения, раз ударишь, так след простынет и дух вон»¹². Рука об руку с поношением Европы шло восхваление предков, их побед и добродетелей, доблестей старой Руси. Сам Ростопчин с гордостью называл себя «лекарем, снимающим катаракты». В другое время Ростопчин со своим Силой Андреевичем мог бы показаться смешным, так много было у него грубых натяжек и мнимо-простонародного тона. В другое время — да, но не в 1807 году. Книжка его разошлась в количестве 7 тыс. экземпляров, снискав Ростопчину громкую известность как выразителю голоса старой Москвы с ее особенным патриотизмом и оппозиционностью.

Под влиянием изменений в национальном сознании русское общество позволило себе нетрадиционную реакцию на «гром победы». После успешной войны против Швеции Россия по Фридрихсгамскому миру получила Финляндию. Все предыдущее столетие, когда случались победы над противником (турками, шведами, поляками) и происходило присоединение новых территорий, начиналось «веселье славных росссов». Поражения еще могли разъединять, победы всегда объединяли. Однако в 1809 г. эта привычная схема дала сбой. «В первый раз, может быть, с тех пор, как Россия существует, наступательная война против старинных ее врагов была всеми русскими громко осуждаема, и успехи наших войск почитаемы бесславием», — отметил Вигель. Здесь много чего смешалось: и то, что по условиям Тильзитского мира России как бы «позволили» взять Финляндию; и то, что шведский король Густав IV продолжал проявлять неуступчивость по отношению к Наполеону; и то, что Александр I в этих условиях выглядел как подручный Наполеона, который, служа сюзерену, попутно не забывает и о своих интересах. Так что не следует удивляться мнению публики, когда выстрелы с Петропавловской крепости возвестили о заключении мира: «Все спрашивали друг у друга, в чем состоят условия. Неужели большая часть Финляндии отходит к России? Нет, вся Финляндия присоединяется к ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео с частью Лапландии. Неужели и Аландские острова? И Аландские острова. О, Боже мой! О, бедная Швеция!.. Вот что было слышно со всех сторон»¹³.

Возникает вопрос, насколько широко были распространены эти национальные настроения, очень тесно спаянные с оппозиционными именно в силу того, что правительство и сам

император казались недостаточно «национальными». Когда Вигель или Аксаков в своих воспоминаниях пишут «все говорили, все думали», — подразумевается ли под этими «всеми» лишь образованная часть русского общества, дворянство и чиновничество, или политическая элита уже стремится приобщить к своим представлениям более широкие круги общества? В целом нельзя сказать, что до появления французов в пределах России простонародье осмысливало и переживало ситуацию столь же остро, как дворянство, хотя правительство в 1805—1807 гг. силилось привить народному сознанию патриотизм. В провинцию рассылались указы и постановления Синода, священникам предписывалось всячески проводить мысль, что Бонапарт — враг, антихрист и разрушитель всего святого. Эта мысль в крестьянских головах засела крепко, и переварить Тильзит им было не так-то легко: ведь тот, кто вчера был антихристом, сегодня торжественно именовался императором французов, союзником и почти другом. Если сознание образованного русского общества реагировало на эту подмену обостренной «русскостью» и оппозиционностью, то простонародье в своем сознании искало другого разрешения противоречий. П. А. Вяземский записал следующее объяснение, представленное в виде разговора двух мужиков: «Как же это (говорит один) наш батюшка, православный царь, мог решиться сойтись с этим окаянным, с этим нехристом? Ведь это страшный грех! — Да как же ты, братец (отвечает другой), не разумеешь и не смекаешь дела? Разве ты не знаешь, что они встретились на реке? Наш батюшка именно с тем и повелел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартя в реке, а потом уже допустить его пред свои светлые царские очи»¹⁴. В данном случае мы видим как раз пример династической и религиозной идентичности: действия императора вводятся в привычную систему координат (государь и православие) и сразу находят поддержку и объяснение.

Образованная элита должна была чувствовать и осознавать необходимость передачи своих представлений о национальном духе возможно более широкой аудитории. Ф. В. Ростопчин в своих сочинениях стремился подделываться под простонародный язык, а в знаменитых афишах 1812 г. довел эту практику до совершенства. «Русский вестник» Глинки также старался апеллировать к людям разного звания. Когда М. Т. Каченовский обвинил Глинку в том, что он пишет «для двуперстного сложения и мучных лавок», издатель нисколько не оскорбился. Более того, Глинка воспринял эти упреки как похвалу: «В последнем (слова Каченовского о «простонародности». — Т. В.) я согласен. Я желал породнить «Русский вестник» с народной мыслью»¹⁵.

Анализ исторических сочинений, написанных в этот период и адресованных широкой публике, позволяет проследить сложные и трудноуловимые процессы развития исторического сознания. В этом отношении фигура Сергея Николаевича Глинки (1775—1847), автора популярной «Русской истории в пользу семейного воспитания», которая за короткое время выдержала четыре издания, представляет серьезный интерес.

На седьмом году жизни сын небогатого дворянина Сергей Глинка был записан в Сухопутный шляхетский корпус и провел там тринадцать лет. Заложенные еще И. И. Бецким, директором корпуса в 1766—1773 гг., принципы «выведения новой породы людей» расцвели и окрепли при его преемнике Ф. Е. Ангальте. Некоторые из современников вспоминали о «методе» Ангальта со слезами признательности (Глинка принадлежал именно к числу апологетов), другие считали, что корпус калечил своих питомцев. Однако все признавали, что корпус являлся подобием нравственной оранжереи, где в кадетах, отрезанных на многие годы от реальной действительности, всеми силами развивали чувствительность, романтические устремления, простодушие и сентиментальность. Воспитанники привыкали жить в некоем идеальном государстве, как бы в большой семье, но по выходе из корпуса им приходилось искать компромисс между усвоенными принципами и неидеальной действительностью.

Многие кадеты уже в корпусе приобретали вкус к занятиям литературой, театром, историей. Таким был и Глинка; М. И. Кутузов, выслушав его речь на торжественном акте, промолвил: «Недолго наслужит солдатом». Так и произошло. Выпущенный из корпуса в 1795 г., он стал адъютантом у князя Ю. В. Долгорукова в Москве. Однако военная служба не поглощает его. Глинка начинает писать для театра, публикует свои первые литературные опыты в журналах; его влечет к истории. В его «Записках» содержится любопытный эпизод, показывающий, как возникало иногда подобное влечение. Однажды в 1797 г. Глинка заступил на обычное дежурство начальником караула по гауптвахте. Чтобы время не пропало даром, он захватил с собою на дежурство книги — два тома примечаний И. Н. Болтина на сочинение Н. Г. Леклерка. Арестант, который содержался на гауптвахте, жадными глазами впился в книги и признался, что давно хочет их изучить. Глинка, увидев такую страсть к истории, почувствовал родственную душу и отдал ему на время оба тома. Этим арестантом

был Каченовский, тогда еще никому не известный казачий урядник. Оба были самоучками-дилетантами, но штудировали далеко не развлекательные сочинения Болтина.

Уже в 1800 г. Глинка в чине майора вышел в отставку. Родители его умерли, все наследство составило 30 душ, да и от этой мизерной доли Глинка отказался в пользу сестры. Молодому человеку пришлось думать о хлебе насущном, и он поступил в домашнюю учителя к богатому украинскому помещику. Поступок нетривиальный: питомец корпуса, дворянин и офицер, завсегда театров — и вдруг учитель в степной глуши, но зато получал он 1500 рублей в год. Трехлетний учительский опыт тоже подготавливал его к написанию в будущем популярного сочинения по русской истории. Он вдруг понял, что знания его несистематичны и что он понятия не имеет, чему и как учить: «Для того необходимы готовые средства, то есть общие и первоначальные книги, изложенные кратко и ясно»¹⁶. Он завел себе огромные тетради и вносил в них все материалы к своим занятиям — по словесности, политике и истории.

Вернувшись в Москву после длительного отсутствия, Глинка полностью сосредоточился на литературной и театральной деятельности. Чем он отличался от большинства тогдашних писателей из дворян, так это тем, что пером ему приходилось зарабатывать на жизнь. Один из критиков подсчитал позже, что Глинка написал в общей сложности более 150 томов, а Вяземский назвал его «плодовитейшим из русских писателей»¹⁷. Глинка берется за любые переводы, пишет драмы и трагедии, либретто опер. Привлекают его сюжеты, где история и драма сплавляются в единое целое. В числе его пьес на московской сцене ставили: «Боян», «Наталья, боярская дочь», «Сумбека, или падение Казанского царства», «Минин», «Михаил Черниговский», «Осада Полтавы». Чтение примечаний Болтина на Леклерка, казалось бы, свидетельствовало об интересе Глинки к науке, но в подобных сочинениях ему был нужен лишь материал для собственных построений. Рациональная истина, основанная на фактах и источниках, стесняла его, в своих драмах Глинка легко уходил от «неудобных» фактов. В 1806 г. в доме М. Н. Муравьева он прочел свою трагедию «Михаил Черниговский» о событиях времен монгольского нашествия. Гости были в восторге, хозяин рыдал от восхищения¹⁸. Развязка пьесы могла поразить неожиданностью: Батый погибал в битве с черниговским князем.

Споры у людей, причастных в начале XIX в. к истории и литературе, вызывал вопрос, в какой степени должны быть исторически достоверны события и лица в произведениях на историческую тему. Много размышлял о соотношении истории и литературы Карамзин, выступивший в 1798 г. в печати с повестью «Наталья, боярская дочь» и в 1803 г. с исторической повестью «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода». В 1802 г., давая характеристику творчеству А. П. Сумарокова, он формулирует требование «соображать свойства, дела и язык героев с характером времени». «Вестник Европы», редактором которого уже был Каченовский, тогда же подверг критике трагедию П. А. Плавильщикова «Ермак»: автор, мол, представил не эпоху завоевания Сибири, а чудесные выдумки¹⁹. За историческую достоверность выступали не только карамзинисты, но и литературные консерваторы. Шишков и Державин были возмущены несуразностями, искажением событий, характеров, старинных нравов в трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской»²⁰. Патриарх русской сцены И. А. Дмитриевский отвечал Державину: «Можно было бы сказать и много кой-чего... да обстоятельства не те, чтобы критиковать такую патристическую пьесу, которая явилась так кстати и имела неслыханный успех»²¹. Успех трагедии Озерова вполне объясним: она появилась в 1807 г., когда публика в далеком прошлом, представляемом на сцене, видела параллели с современностью.

Глинка и сам принадлежал к числу «публики», его историческое сознание требовало каким-то образом компенсировать унижение Аустерлица, и, выбирая между исторической достоверностью и исторической «справедливостью», он явно отдает предпочтение последней. Конечно, он знает, что реальный исторический Батый долгие годы благополучно властвовал над Русью из Сарая, но «правильнее» было бы, если б он погиб от руки русского князя. И Батый погибает!

Был подписан Тильзитский мир, общество захлестнули чувства унижения и обиды. Потребность в духовной компенсации, во «врачевании» ощущалась остро, и Глинка с готовностью возложил на свои плечи обязанности «врачевателя» — он начал выпускать журнал «Русский вестник» (1808 г.). Программными были строки Державина, взятые в качестве эпиграфа к журналу:

Мила нам добра весть о нашей стороне,
Отечества и дым нам сладок и приятен.

В советской историографии «Русский вестник» оценивался не слишком высоко, как журнал казенно-патриотический и консервативный. Глинке ставились в вину квасной патриотизм, искренний монархизм и воинствующий национализм. Отчасти все это имеет основание, но вот эпитет казенный здесь вряд ли применим: официальному Петербургу журнал был даже неудобен. При этом «Русский вестник» имел громадную популярность и большое количество подписчиков. Существует множество свидетельств восторженного отношения современников к журналу и глубокой признательности к его издателю. М. П. Погодин уже в 40-е годы, узнав, что Глинка интересуется «Москвитянином», прислал ему подписной билет и написал: «Ваш „Русский вестник“ 1808 года с портретами царя Алексея Михайловича, Дмитрия Донского и Зотова возбудил во мне первое чувство любви к Отечеству, русское чувство, и я благодарен вам во веки веков»²². А ведь Мише Погодину, когда он зачитывался «Русским вестником», было 8 лет, и его отец лишь недавно перестал быть крепостным. К. Ф. Калайдович был уже юношей, но и он позже писал Глинке: «С каким-то особенным чувством, для меня еще в то время непонятным, читал Ваш „Русский вестник“: я тогда учился исторической критике у великого Шлецера в его „Несторе“, а у Вас — святой любви к отечеству»²³.

Вяземский, человек острого ума и тонкого вкуса, видел «перехлест» в позиции Глинки и отдавал себе отчет в его слабостях, недаром в его «Записных книжках» мы находим колоритную сцену — Глинка, стоя, гоняет на дрожжах по Москве накануне ее сдачи Наполеону и кричит: «Бросьте французские вина и пейте народную сивуху. Она лучше поможет вам!» Но и Вяземский был согласен, что Глинка в свое время выполнял важнейшую задачу — «знакомить русских с Россией... тогда Россия еще не была отыскана: История Каразмина не была обнародована. К стыду и к сожалению должно нам признаться, что мы все очень худо знали отечество свое и его историю. Любовь к отечеству была у нас, так сказать, отвлеченная и умозрительная»²⁴.

Первые годы издания «Русского вестника» были для Глинки временем наивысшего успеха, когда он ощущал, что выполняет миссию огромной важности. Весь комплекс журнальных статей составляет как бы единое целое. Попытаемся выделить основные элементы этого целого, принимая во внимание, что «Русская история» Глинки фактически выростала из «Русского вестника».

Журнал обличал те черты русского общества, которые Глинка считал причинами провалов России. Главную трагедию и опасность Глинка видел в том, что «в недрах отечества возникло общество людей, от всех прочих сословий отличенное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России *область иноплемennую*. Кто суть члены этого общества? Большая часть помещиков и богатых людей». Глинка развенчивает, высмеивает, обличает эту оторванность дворянства от «почвы»: роскошь моды, иноземное воспитание, заемные убеждения. Но одновременно ему необходимо представить положительный идеал, к которому обществу следует стремиться, и доказать реальность, достижимость этого идеала. Именно поэтому на страницах журнала огромное место занимают русская история, русская старина и добродетели предков. Знание истории Глинка ставит неременной обязанностью каждого человека: «В наше время страсть к политическим известиям сделалась почти общею страстью. Но можно ли заключать без знания Истории не только о важных, но и о мелких обстоятельствах? Прошедшее учит судить о настоящем и угадывать будущее. И так для чтения политических известий необходимо надобно иметь хотя поверхностное понятие об Истории». В этом нет ничего необычного, об истории как кладезе полезного опыта рассуждали все деятели, затронутые рационалистическим духом Просвещения. Но Глинка отличается тем, что на первое место по значимости всегда ставит отечественную историю. Вспомним, Карамзин во введении к «Истории государства российского» доказывал, что русская история не менее интересна, чем история греков или римлян. Для издателя «Русского вестника» этого мало, он убежден, что для *русского* она гораздо интереснее и нужнее. Каждая страна, по мнению Глинки, имеет свои, отличные от других, нравы, обычаи, правительственна, поэтому русский найдет то, что делает его *счастливым*, именно в своих отечественных летописях²⁵.

Вот она — главная задача русской истории в глазах Глинки. Русский, узнавая свою историю, должен ощущать, как в нем растет чувство благоговения и гордости от осознания своей принадлежности к этому народу; размышления об историческом пути России должны приводить к тому, чтобы в горле у него появлялся комок, а на глаза наворачивались слезы. Эти чувства Глинка и называет национальным духом, которого недостает русскому обществу.

Описанию русской истории и добродетелей предков в «Русском вестнике» были

посвящены сотни страниц. Перед читателем развевалась галерея исторических лиц, перед его взором проходили описания различных эпох и событий. Русская история в журнале Глинки действительно представляла такую, что будила счастливую гордость за отечество. Предки выглядели скромными, умеренными и благородными, храбрыми на поле брани и великодушными к побежденным, мудрыми и исполненными достоинства. Глинка уверен, что только русский в состоянии проникнуть в *коренные начала* русского национального духа, не столько понять русскую историю головой, сколько прочувствовать ее сердцем. Именно поэтому он, даже признавая некоторые научные достоинства тех или иных иностранных исторических сочинений, всегда стремится опровергнуть мнение иностранного историка и вообще любого иностранца²⁶, если только иностранец не отзывается о России с похвалой. Глинка по любому поводу подчеркивает преимущества России перед другими государствами. Эта пристрастность приводила его к наивным до комизма утверждениям. Установления Кормчей Книги он сравнивал с идеями Ш.Монтескье и Ф.Р.Шатобриана и приходил к выводу, что русские средневековые узаконения во многом опередили французских мыслителей. Рассказывая о юности Петра I, он утверждал, что дьяк Никита Зотов, воспитатель царя, своими педагогическими воззрениями превосхитил идеи Ж.Ж.Руссо и Дж.Локка.

Воинственный дух Глинки и подчеркнутое русофильство его «Русского вестника» были неудобны для официального Петербурга: получалось, что какой-то московский журналист, частное лицо, не спросившись императора и правительства, рискнул перехватить знамя патриотизма и раздувает искры национального духа, выступая живым укором тем, кому это знамя полагалось вздымать «по должности». К тому же терпели ущерб дипломатические хитросплетения российской внешней политики после Тильзита: Наполеон выразил неудовольствие антифранцузской линией журнала, и Александру приходилось выслушивать укоры от французского посланника А. Коленкура²⁷.

Но пробил звездный час — наступил двенадцатый год! Можно без преувеличений сказать, что это было самое яркое и насыщенное время в жизни Глинки. То, чего он так долго добивался, произошло: нация слилась в едином порыве, и он сам приложил к этому руку. Глинка мечется по Москве: он после воззвания императора, в 5 часов утра, врывается к Ростопчину и первым записывается в московское ополчение, он произносит зажигательные речи в Дворянском собрании, на свои деньги снаряжает 20 ополченцев. И наконец происходит главное: рескриптом от 18 июля император награждает Глинку орденом Владимира 4-й степени «за любовь к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями». Ростопчин ему объявил: «Священным именем Государя Императора связываю вам язык на все полезное для Отечества, а руки на триста тысяч рублей экстраординарной суммы»²⁸. Глинка не подвел, он развил бешеную деятельность. Книжки «Русского вестника» за август, сентябрь и октябрь были выданы читателям уже в августе, до оставления Москвы. Сразу же после отступления французов из Москвы печатание журнала было возобновлено.

Теперь на страницах журнала разворачивалась современность, на глазах становившаяся историей. Яркие картины и описания сражений, подвиги генералов и солдат, жертвенный героизм простого народа — все это выкристаллизовывается в некий символический образ. Вот М. И. Платов привел 20 полков ветеранов-донцов, за плечами которых уже по 40 лет службы. Вот Д. С. Дохтуров в сражении под Малоярославцем провозглашает: «Наполеон хочет пробиться, но не пройдет, а если пройдет, то через труп мой».

Вот генерал Н. Н. Раевский, встав во главе атакующих со своими сыновьями, произносит: «Я и дети мои откроют вам путь». Вот А. И. Остерман-Толстой отдает приказ своим солдатам: «Стоять и умирать!» Глинка целенаправленно создает на страницах своего журнала прекрасный патриотический миф, историю, которая действительно «делала русских счастливыми».

Мог ли Глинка при этом переступать через факты или даже исказить их? Не только мог, но и делал это. Усомниться в этом не позволяет ни его настроение, ни мировосприятие, да и время для рождения патриотического мифа было как нельзя более подходящим. Созданный в Петербурге осенью 1812 г. журнал «Сын Отечества», у руководства которым стояли люди гораздо более трезвые, нежели Глинка, — и тот не всегда считался с фактами, преследуя главную цель — помещать все, что может ободрить дух народа. М. А. Дмитриев в своих неопубликованных мемуарах сообщал о том, как А. И. Тургенев, А. Ф. Воейков и Н. И. Греч «выдумывали» и печатали в журнале патриотические анекдоты о крестьянине, отрубившем себе руку, на которой французы поставили свое клеймо (русский Сцевола), о старостихе Василисе, взявшей в плен французов, и т. п.²⁹

Сотворение мифа, разумеется, нельзя оценивать в узко рационалистических рамках исторической достоверности: люди выдумали старостиху Василису — значит, это ложь. Коллективное историческое сознание и факты прошлого находятся в более сложной взаимосвязи: людям, пережившим события двенадцатого года, требовалось увидеть их и себя именно под таким углом зрения. В любой стране в таких условиях причудливо переплетаются история и предания, рождающаяся легенда исключительно устойчива, а красотой, выразительностью и колоритностью превосходит любой научный анализ. Усилиями своих лучших умов нация создавала свой образ, внедряемый в массовое сознание; крестьянин, отрубая себе руку, тиражировался в стихах и гравюрах, в лубочных картинках и украшениях на тарелках и становился *реальностью* исторического сознания.

Однако вести с полей боев в 1815 г. иссякли, русская армия триумфально вступила в Париж, и Глинка решает в стройном и целостном виде представить русскому обществу то, что фрагментарно уже так или иначе получало освещение на страницах его журнала, а именно — напечатать свою Русскую Историю. В 1816 г. это сочинение появлялось частями в «Русском вестнике», а в 1817 г. вышло отдельное издание. Чтобы поместить в «Московских ведомостях» объявление о выходе книги, следовало получить разрешение полицейского начальства. В воспоминаниях Глинка изобразил сцену: «Иду в полицию, представляю мою рукопись и слышу: «Нельзя пропустить». — «Почему?» — спрашиваю. «Карамзину поручено писать историю». — «Да разве есть особенное предписание, чтобы кроме нашего историографа никто не занимался отечественной историей?» — «Нет, однако ж вашей истории не пропустим». Не пускаясь в рассуждения, я взял перо и написал: „В пользу воспитания“. — «Вот это другое дело, — отвечали мне, — ваша история для детей»»³⁰.

Очевидно: Глинка изначально не предполагал, что его история будет предназначена исключительно для юношества. Автор скорее адресовал ее широким кругам читающей, но не искушенной в научных сочинениях публики. Чтение его истории делалось увлекательным благодаря склонности Глинки к драматизации — опыт сочинений для сцены не прошел для него даром.

Глинка стремился оживить повествование, вкладывая в уста исторических деятелей вымышленные речи. «Вы видели, сколь лагубно правление, зависящее от произвола и прихотей народа, — обращается к славянам Гостомысл. — Вам нужно правление наследственное, вам нужны князья, уполномоченные спасительной властью... У руссов княжат три брата, сыны средней моей дщери, но не родство с ними, а польза славян побуждает меня говорить о моих внуках»³¹. Сколько ни повторял Глинка общие слова о необходимости изображать «подлинный дух времени», но принцип историзма оставался ему совершенно чужд. Этакого Гостомысла легко представить в сюртуке, произносящим речь на торжественном университетском акте, но никак не в условиях IX века. Однако этого мало: он драматически изображает даже размышления. Например, князь Яков Шаховской, получив после прихода к власти Елизаветы приказ арестовать Миниха, отправляется выполнять распоряжение и по пути думает: «Увы! Вот убедительное зрелище, научающее, чтобы никогда не полагаться на счастье и на расчеты ума. Герой теперь преступник, осужденный к ссылке». «...с сими словами Шаховской отворил дверь Миниховой казармы»³². Это уже готовая театральная мизансцена. И какой юноша, получив на выбор тяжеловесного Татищева или яркие описания Глинки, не склонился бы на сторону последнего.

Тот «русский дух», которым была проникнута вся деятельность Глинки, в полной мере отразился в его Истории. К числу сторонников норманнской теории Глинка никак не мог принадлежать. И действительно, он гладко объясняет, что руссы были одним из славянских племен, переселились за Ладожское озеро, соседствовали с варягами и немного «оваряжились», но не переняли грабительские нравы последних. Отсюда-то, из варяго-руссов, принадлежавших к славянскому корню, и был призван Рюрик³³. На первый взгляд создается впечатление, что в его труде находится место и для мнений В. Н. Татищева. Г. Х. Байера, И. Н. Болтина и М. М. Щербатова; приведены свидетельства из летописей и хроник. Однако то, что противоречило бы его мнению, он объявляет темным и неясным, а то, что подкрепляет «славянскую версию», представляет как незыблемую истину. Точно так же, в русле патриотической версии, он решает все привычные вопросы догосударственного периода: этимологию «славян» он производит от славы, Киев — от славянского князя Кия, и расцвет славянских земель относит ко времени за несколько веков до Рюрика.

Сомнения насчет варягов ему не были чужды, но вся его сущность восставала против открытого их признания. В воспоминаниях он оставил любопытное и поражающее своей искренней наивностью признание: «Не знаю, почему мне не хотелось приурочить начало

земли Русской к племени варягов, ходивших по морям и известных захватами и грабежами. А потому и любопытствовал я узнать, какого придерживается мнения наш историограф Карамзин. Николай Михайлович охотно читал рукопись свою приятелям и знакомым, но, подготавливая статьи для своей русской истории, мне как будто совестно было самому выкрасть его мнение. Вследствие этого упросил я Константина Федоровича Калайдовича допытаться, откуда Карамзин производит начало земли Русской. Дня через два узнаю, что Карамзин придерживается мнения Шлецера». В этом пассаже Глинка, как будто ненароком и одновременно с полной откровенностью, разоблачает свои принципы в работе над русской историей. Как ни велик в его глазах авторитет Карамзина, но и этот авторитет не заставит Глинку отказаться от своего мнения, хотя оно сложилось у него не в результате глубокой работы над источниками и напряженных размышлений над работами ученых-историков. Автору просто «не хотелось» видеть иноземцев при начале российской государственности.

Для историка-профессионала такой подход был бы неприемлем, как неприемлемым уже становилось тогда приводить чье-либо мнение, не давая точной ссылки. Но Глинка чувствовал себя свободным от ученого педантизма и с легкостью признавался в том, что вызвало бы негодование у историка. «Слышал я, что один почтенный профессор, занимавшийся исследованиями о России, крайне досадовал, для чего не указал я на сочинения поименованных мною писателей. В молодости моей я читал, что один пылкий итальянец девять раз выходил на поединок за честь Ариоста и, получа в девятый раз смертельную рану, признался, что никогда не читал Ариостовых писем. Не опоясываясь рыцарским мечем за приведенных мною авторов, откровенно признаюсь, что я в глаза не видал их книг. Стало быть, я выдумал их имена? Нет, существуют и они, и книги их, но я вычитал только то, где была на них ссылка»³⁴.

Это вызывающее заявление не следует принимать за чистосердечное признание: если бы Глинка вообще не читал исторических книг, он был бы просто не в состоянии написать свою «Русскую историю». Как упоминалось, еще в бытность свою на военной службе, он читал Болтина. Заметно его знакомство с основным кругом сочинений по истории России — работами Татищева, Щербатова, А.-Л. Шлецера и др., с приведенными в них описаниями событий, фактами и именами. Процесс же узнавания истины, научная критика источников его интересовали в последнюю очередь. Можно с уверенностью утверждать, что Глинка, упоминая в своей Истории «Бертинские анналы» или хронику Георгия Амартола, не только не видел в глаза самих источников, но и вряд ли представлял, с какими трудностями сталкивались историки, пытаясь раскрыть их содержание. Нужно учиться еще и то, что Глинка писал свои воспоминания в середине 30-х годов и притом для себя. Лучшие дни его уже миновали, «Русская история» давно была раскритикована и забыта, так что ее автор мог позволить себе откровенность. Но публикуя свое сочинение, Глинка утверждал, что пользовался всеми старыми летописями и работами новейших авторов, примечаний же не делал лишь для того, чтобы не затруднять читателя³⁵.

Главный принцип, положенный им в основу своей работы, заключался в прямолинейном дидактическом толковании цели изучения истории. С наивной искренностью он утверждал, что история всегда в конце концов воздаст должное злу и добру либо судом потомков, либо неисповедимыми путями Божьего промысла. Примеров он приводит множество. Б. Годунов, например, при всех своих достоинствах, пошел на преступление ради царского венца — и сколь страшна была участь его детей и жены. А Филарет многие годы страдал и терпел гонения — и сын его был избран на царство. В таком дидактизме выпукло отразились как личные черты мировоззрения Глинки, так и дух времени со свойственной ему наивной сентиментальностью. Познания Глинки, при всей их обширности, имели поверхностный характер. Русскую историю он прежде всего воспринимал как «училище отечественной нравственности»³⁶.

С точки зрения Глинки, весь опыт изучения развития России служит в первую очередь для понимания коренных начал национального духа; россиянам посчастливилось жить в государстве с порядками, которые можно уподобить семейным. Если Бог выступает в роли Отца для всех людей, то царь — для своих подданных, генерал — для солдат, помещик — для крестьян. Как и в семье, здесь не может быть отношений равенства, но зато царит гармония, основанная на взаимном служении. Монарх в России имеет нравственный авторитет, который вытекает не из «внешней, бюрократической» законности, а из признания тождества общего и частного блага.

Глинка убежден, что сама российская история с непреложностью раскрывает причины возвышений или упадка в развитии страны. Россия, по мнению Глинки, сохранялась

и усиливалась Верой, Единодушием и Общей пользой. На противоположном полюсе стоят Своеволие, Разномыслие и Личная выгода, которые и приводили к потрясениям, хаосу и насилию. Временным торжеством этих отрицательных начал Глинка объясняет и междоусобицы удельного времени и ужасы Смуты. Для него безусловной истиной является благодетельность самодержавия, не дающего своеволию и личным выгодам подтачивать здание государства. Но Глинка не выводит самодержцев за скобки, у него и государь может служить источником потрясений, если его действиями руководят своеволие и личные страсти.

Подробно описывает он языческие жестокости Владимира, преступления первых московских князей и, конечно, опричнину Грозного. С его точки зрения, своеволие и жестокость отделили этого царя от народа, из мудрого и справедливого правителя он превратился в тирана и деспота. Однако Глинка, соглашаясь принять патологическую жестокость отдельного человека, внутренне сопротивляется тому, чтобы признать ее чертой характера народа. У него не укладывается в голове, как могли опричники (русские!) безжалостно расправляться со своими же соотечественниками. Выход, найденный им, нетрудно предугадать: опричники не были русскими. «Опричные состояли из татар. Сии иноплеменики, как будто бы мстя за падение областей своих, непрестанно возмущали Иоанна доносами и клеветами. Подданные стали казаться ему врагами, а иноплеменики учинились друзьями и поверенными». Глинка согласен признать жестокость правителя и как силу благодетельную — если власть монарха «смиряет своеволие к общей пользе». И тогда, рассказывая о восстании новгородцев против переписи в число, он не скрывает, что Александр Невский жестоко подавил его, но вкладывает в уста князя слова, которые полностью оправдывают его поступки. Александр обращается к новгородцам, протестующим против обложения данью: «В чем упорствуете вы? Жизнь братьев ваших гибнет, а вы жалеете золота и серебра! Отшлите сии приманки разврата к татарам; пусть они обессилят их мужество»³⁷. Но в опричнине Грозного наш автор не видит никакого положительного смысла, и царь в этом случае своими действиями сам порывает ту связь, которая в периоды «нормального, правильного» развития соединяет в России народ и самодержавие.

Более того, Глинка стремится подчеркнуть, что весь комплекс положительных черт, который он вкладывает в понятие «русский», в большей мере свойственен простонародью, не подпорченному иноземным влиянием и соображениями личной выгоды. Описывая, как безвестный крестьянин спас истекающего кровью кашинского князя, прятавшегося в лесу после битвы с родным братом, Глинка именно в нем видит пример нравственной высоты: «И под рубищем поселян скрываются человеколюбивые и сострадательные сердца. История, сохраняющая имена извергов, к сожалению не упоминает о имени сего поселянина, но подвиг его известен Богу и потомству»³⁸.

От всех предыдущих официальных учебных книг по истории работу Глинки отличает еще одна характерная черта: как это ни странно, он относительно мало внимания уделяет войнам и сражениям. Вернее, он с увлечением описывает битвы, в которых ему видится дух национального единения (Казань, Полтава, Ледовое побоище), но лишь вскользь говорит о движении армий, когда это движение предстает лишь как механический результат официальных распоряжений правительства. В этом, конечно, тоже сказывалось непосредственное влияние эпохи 12-го года.

Поняв особенности «Русской истории», легко объяснить популярность этого сочинения. Оно было написано легко, интересно и увлекательно, к тому же удовлетворяло потребность общества, рожденную эпохой наполеоновских войн, — увидеть в своей истории основание для гордости и счастья, почувствовать красоту этой истории и силу национального духа. Эта эстетическая составляющая много значила в обществе, которое еще переживало воспоминания о недавних опасностях и эйфорию победоносного шествия по Европе.

Но чувство эйфории преходяще, опасность тоже миновала. Тот градус патриотического порыва, которым Глинка заражал общество в 1812 г., теперь начинал казаться неуместным. Кто-то из московских острословов пустил в публику выражение: «Глинка был бы недурен, если б у него не было соуса из веры, верности и донцов»³⁹, который и хорош для винегрета, а он обливает им все блюда»⁴⁰. Жизнь входила в устойчивую колею, и нерасчетливый, пламенный, даже взбалмошный Глинка должен был раздражаться сам и раздражать многих окружающих. Колоритная сцена, описанная в воспоминаниях М. С. Щепкина, позволяет хорошо почувствовать перемену в чувствах публики: «Когда кончилась кампания 12 года, ополченцы возвратились домой, а крепостные к своим господам; за тех, которые не возвратились, правительство выдало рекрутские квитанции, и одна дама, очень об-

разованная по времени и обществу (даже крепостные отзывались о ней как о доброй женщине), за обедом у графини, не краснея, позволила себе сказать в разговоре о прошедшей кампании: „Вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу: он отдавал в ополчение девять человек, а возвратился всего один, так что он получил восемь рекрутских квитанций и все продал по три тысячи, а я отдавала двадцать шесть человек, и, на мою беду, все возвратились — такое несчастье!“ При этих словах ни на одном лице не показалось даже признака неудовольствия против говорившей. Все согласилось, а некоторые даже прибавили: „Да, такое счастье, какое Бог дает Ивану Васильевичу, немногим дается“»⁴¹. Подобные веяния подвергали жестокому испытанию приверженность принципу национального единения в качестве коренного исторического начала России.

Но было и другое. После победных салютов у юного поколения просыпалась потребность критически переосмыслить настоящее и прошлое. В обществе рождались настроения, которые привели к оформлению декабристской идеологии. Для тех, кто был затронут этими критическими веяниями, восторженные фанфары Глинки должны были казаться фанфаронством. Именно в это время, после победы над Наполеоном, появился злой и желчный памфлет Воейкова «Дом сумасшедших». Воейков был человеком противоречивым, вольтерьянцем с налетом цинизма, комфортно чувствовавшим себя в омуте журнальной войны; его «Дом сумасшедших» широко разошелся в рукописных списках. Глинка здесь удостоился злых и едких строк⁴²: «Нумер третий: на лежанке // Истый Глинка восседит; // Перед ним „дух русский“ в склянке // Не закупорен стоит. // „Книга Кормчая“ отверста // И уста отворены, // Сложены десной два перста, // Очи вверх устремлены. // О Расин, откуда слава? // Я тебя, дружок, поймал: // Из российского „Стоглава“ // Ты „Гофолию“ украл! // Чувств возвышенных сиянье, // Выражений красота // В „Андромaxe“ — подражанье // „Погребению kota“»!

Более изящно, но не менее зло высмеял Глинку К. Н. Батюшков в своем «Видении на берегах Леты». Вскоре подключились и журналы. Если раньше писали, что «всякому отцу семейства надлежало бы иметь ее (Историю Глинки.— Т. В.) для чтения своим детям», то теперь приговор был суров. Первым в «Московском телеграфе» выступил Н. А. Полевой. Явно метя в «Русский вестник», он пренебрежительно отзывался об издателях, старающихся ориентироваться исключительно на все отечественное: «У нас, едва начавших учиться и писать, возможно ли это?.. Нам необходимо не одно русское, но все, что заслуживает внимания и в отечественной и в иностранной литературе, что необходимо знать должно европейскому человеку». В этом же номере журнала, обращаясь к разбору исторических сочинений, Полевой писал о «Русской истории» Глинки, печатавшейся в это время четвертым изданием: «Сочинитель ее не исправил самых явных несообразностей, говорит не шутя такие вещи, о которых никто уже и не спорит — и если он назначает свою историю для детей, можно посоветовать родителям и наставникам отметить при чтении все, что может внушить детям понятия неправильные; а без того не давать им *Историю Русскую С. Н. Глинки*»⁴³.

Из Петербурга Полевому вторил Воейков: «Многотомная история г. Глинки заставляет зевать самых пламенных патриотов при рассказе о подвигах Минина, Пожарского и других великих россиян... Издатель „Русского вестника“ в совершенстве овладел искусством переводить читателя от скуки к зеванию, от зевания к дремоте, и от последней к сладкому и глубокому сну»⁴⁴. Глинка пытался спорить, напечатал запальчивую брошюру, где отстаивал достоинства своей работы и подчеркивал, что три издания ее разошлись без остатка. Он искренне не понимал, что произошло. Прочему то, что еще недавно хвалили, теперь отвергают с порога? Но толку от этого было мало. История была напечатана, пылилась на складе, и автор не мог вернуть даже тех денег, что затратил на типографские расходы. Сам Глинка вспоминал об этом: «Одним почерком пера мою Русскую Историю беспощадно разобрали так, что она уснула навеки, осталась ничтожным хламом. К какому ни сунуль книгопродавцу, везде слышу громоносное: — Не надобно! Мы читали об ней в „Телеграфе“»⁴⁵.

Историкографическое время действительно переломилось. На страницах журналов уже начался поход против Истории Карамзина; его противники усматривали в работе историографа недостатки как в научном, так и в политическом плане. На что было рассчитывать младшему подмастерью, если критики осмелились трепать имя мэтра? Но и те, кто встал на защиту историографа, видели теперь в работе Глинки жалкие потуги дилетанта и оценивали ее гораздо строже. «История государства Российского» уже фактом своего появления как бы задавала масштаб для оценки исторических сочинений. Один из апологетов Карамзина напечатал в 1820 г. книгу, посвященную разбору критических мнений по адресу историогра-

фа, в которой «прошелся» и по Глинке. Автор видел у Карамзина массу достоинств — глубокую проработку источников, требование достоверности и т. п. — и в качестве отрицательного примера для сравнения приводил Историю Глинки. Издатель «Русского вестника» запальчиво принялся возражать на страницах своего журнала, пытаясь доказать, что его труд отличается во мнениях от Истории Карамзина только потому, что он, Глинка, работал совершенно самостоятельно и написал свою Историю раньше Карамзина: «Я занимался моей историей 15 лет, был знаком с Карамзиным, но никогда не читал и даже не любопытствовал узнать о его положениях... Крайне было бы бесстыдно выпытывать у сочинителя то, на что хотим возражать»⁴⁶. Здесь, конечно, он лукавил. Но суть не в этом. Он просто не понимал, почему ему достается с обеих сторон — и от критиков Карамзина и от его защитников.

Рассчитывать Глинка мог только на вмешательство властей. Причем привередничать не приходилось. Его «Русский Вестник» окончательно пришел в упадок, История мертвым грузом лежала на складах, денег и поместий не было, а долгов в избытке, и на руках находилось многочисленное семейство. Он решил ехать в Петербург «хлопотать», хотя надежд было не много. В мемуарах Глинка назвал те подводные камни, которые ему предстояло обойти. Уже давно в глазах властей за ним утвердилась не слишком выгодная репутация: «Со времени издания „Русского вестника“ выдумали, что будто бы я отголосок какого-то невидимого общества». Глинка отрекся от этого и утверждал, что журнал стал выходить потому, что издатель его ознакомился «с духом сословий всего народа русского. Он („Русский вестник“. — Т. V.) не мой, он принадлежит тогдашней године нашего отечества»⁴⁷.

Положение дел стало еще хуже в последние годы царствования Александра I, когда знакомые прямо не советовали Глинке появляться в Петербурге, охваченном настроениями религиозного мистицизма. Кроме крайнего политического консерватизма, мистический период царствования Александра I был ознаменован уклоном в сторону идеи сближения всех направлений в христианстве. Император был увлечен христианством в чистом виде, признавая веру прежде всего как веру и не придавая особого значения догматам, а это ставило в одну плоскость и православие, и католичество, и лютеранство. Александр милостиво принял у себя делегацию квакеров, в России начало действовать Библейское общество, которое готовило выход в свет Священного писания в переводе на современный русский язык. В этих обстоятельствах Глинка должен был казаться слишком легкомысленным, слишком светским и слишком русским.

Однако мистические увлечения императора вызывали беспокойство и неприятие как со стороны света, так и со стороны иерархов православной церкви. В результате этого ощутимого давления министр просвещения А. Н. Голицын был вынужден уйти в отставку, а его место занял Шишков. По части консерватизма новый министр не уступал Голицыну, но зато его религиозным фундаментом было православие без всякого опасного налета «внутреннего христианства». Именно от него Глинка и получил в конце 1824 г. известие, в котором сообщалось, что российская академия «не преминет обратить внимание» на новое издание «Русской истории». В феврале 1825 г. Глинка отправился в Петербург.

По представлению Шишкова Александр I распорядился погасить из государственных средств его долг университетской типографии за печатание Русской истории (шесть тысяч рублей) и наградить перстнем. Однако это не решало всех проблем, материальное положение его по-прежнему оставалось шатким и неустроенным. Здесь-то и вмешался в судьбу Глинки Карамзин. Он принял у себя Глинку, с которым был знаком по Москве, тепло и приветливо. Глинка вспоминал: «Николай Михайлович, указывая на мою Русскую Историю, лежавшую у стены на столике, сказал: „Сергей Николаевич, вы обогнали меня в истории“. Я отвечал: „В продолжении годов, а не в славе пера вашего“». Конечно, эту сцену можно было бы объяснить как ничего не значащую светскую любезность хозяина по отношению к гостю, если бы не ее продолжение. Как раз в это время до Петербурга дошел «Московский телеграф» с убийственным отзывом Полевого о сочинении Глинки. «Прочитав это в „Телеграфе“, — вспоминал Глинка, — Николай Михайлович прислал ко мне следующую записку: „Иду сейчас к министру просвещения“. И он пошел. На другой день перед кабинетом министра просвещения встретил я Василия Андреевича Жуковского и услышал от него, что Н. М. Карамзин в докладе своем изъяснил, что моя Русская История, по изложению происшествий и по нравственной цели, заслуживает быть классическою книгою, за что и ходатайствует о предоставлении мне награды». Факт такого ходатайства подтверждается письмами самого Карамзина⁴⁸.

Что же означало применение термина «классический» к Русской истории Глинки? Еще

в самом начале царствования Александра I были законодательно установлены основания для награждения орденом Св. Владимира тех авторов, чьи труды могли быть причислены к разряду «классических»⁴⁹. В реальности дело было не столько в ордене, сколько в официальном присвоении статуса «классического»: такие сочинения направлялись в гимназические и университетские библиотеки, авторы их удостоивались пенсии и т.п. Но ни ордена, ни статуса «классика», ни пенсии Глинка не получил; император отказал, заметив, что автор нигде не служил и не служит. Единственным результатом всех хлопот было место в Московском цензурном комитете; но там Глинка испытал немало превратностей судьбы — вплоть до ареста за слишком либеральное исполнение обязанностей цензора.

Сентиментальностью и открытостью характера Карамзин не отличался, так что нельзя объяснить его поступок только сочувствием запутавшемуся в долгах человеку. Почему же он, будучи несоизмеримо тоньше, умнее и талантливее Глинки, видя все просчеты и недостатки его работы, тем не менее ходатайствовал о присуждении ей статуса «классической»? Прежде всего, он и сам в это время подвергался жесткой критике со стороны Полевого, Каченовского и др., но старался не втягиваться в полемику, себя защищать он не желал; другое дело — защитить от грубых наветов неудачливого собрата. Действовал и другой фактор. Между Историей Карамзина и Историей Глинки была «дистанция огромного размера» в проработанности источников, в глубине осмысления и постижения исторического развития России. Но было и то, что их роднило: убеждение в особенной роли самодержавия, эстетизация истории, модернизация изображаемых исторических событий и неприкрытое морализаторство. Кроме того, оба перешли к истории от литературных занятий и не мыслили исторического сочинения без «художественности»: российская история разворачивалась как пышное театральное представление с величественными сценами, героическими характерами и яркими монологами.

В конечном счете исторические сочинения Карамзина и Глинки, при всем различии их «качества», были порождены потребностью общества осознать себя и свое прошлое и подготовлены XVIII столетием: победной мощью империи, развитием литературного языка, трудами в истории. Творимая в тиши кабинетов немногими любителями, наука истории стремится пробиться в массовое сознание, а оно, в свою очередь, готово и жаждет воспринять плоды науки, но в яркой и драматической форме. И если Карамзин делал шаг навстречу массовому историческому сознанию, представляя в своем лице науку, то Глинка был частью самой «публики», пытавшейся ухватить и приспособить для своих целей приобретения этой науки.

В сочинениях Глинки, пусть и в не сложившемся окончательно виде, различимы уже многие составляющие той идеологии, которая впоследствии пронизывала и одухотворяла саморефлексию русского общественного сознания. Россия — это особый мир, который понять можно не «умом», а только «сердцем», причем — русским сердцем. Особый путь России определяется внутренним духовным строем национального характера, в основе которого лежит слияние индивидуальностей в единое целое. Благодаря этим коренным свойствам национального характера Россия и обладает несомненными преимуществами перед Западом.

Этот образ национальной идеи, порожденный общественным сознанием, впоследствии пророс в различных течениях общественной мысли. Сильнейшие умы будут пытаться укрепить ее и развить, поколебать или разрушить, но свободным от нее не будет никто. Не обладая большим талантом и глубоким умом, издатель «Русского вестника» чутко уловил веление времени, приступив к созданию исторического мифа, окрашенного в тона романтического национализма.

Примечания

Исследование проведено при поддержке РГНФ.

1. См.: МЕЖОВ В. И. Русская историческая библиография. Т. 1. СПб. 1892, с. 159—168.
2. ANDERSON B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Lnd. 1983; ГЕЛЛНЕР Э. Нации и национализм. М. 1991; SMITH A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford. 1986; HOBBSAWM E. The Invention of Tradition. Cambridge. 1983; GREENFELD L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge. 1992; и др.
3. ДОЛГОРУКОВ П. Сказания о роде князей Долгоруких. СПб. 1840 с. 176; КАРАМЗИН Н. М. Бумаги для моих сыновей, когда они вырастут. СПб. 1825, с. 8, 7.
4. ГЛИНКА С. Н. Записки. СПб. 1895, с. 66.

5. Цит. по: Отечественная война и русское общество. Т. 2. М. 1912, с. 196.
6. КАРАМЗИН Н. М. Письма русского путешественника. М. 1980, с. 355.
7. ГЛИНКА С. Н. Ук. соч., с. 194.
8. ВИГЕЛЬ Ф. Ф. Записки. Ч. 3. М. 1891, с. 151.
9. ВОЕЙКОВ А. Ф. Дом сумасшедших. М. 1911, с. 6.
10. АКСАКОВ С. Т. Воспоминание об А. С. Шишкове. В кн.: АКСАКОВ С. Т. Собр. соч. Т. 2. М. 1986, с. 279.
11. Цит. по: ШИЛЬДЕР Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб. 1897, с. 294.
12. РОСТОПЧИН Ф. В. Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева. В кн.: Ох, французы! М. 1992, с. 151.
13. ВИГЕЛЬ Ф. Ф. Ук. соч. Ч. 3, с. 26, 64.
14. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Старая записная книжка. В кн.: ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Полн. собр. соч. Т. 8. СПб. 1883, с. 255.
15. ГЛИНКА С. Н. Ук. соч., с. 248.
16. Там же, с. 173—174, 191.
17. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. С. Н. Глинка. Некролог.— Санкт-Петербургские ведомости, 1847, № 277.
18. ГЛИНКА С. Н. Ук. соч., с. 208—209.
19. КАРАМЗИН Н. М. Пантеон российских авторов. В кн.: КАРАМЗИН Н. М. Избр. соч. Т. 2. Л. 1964, с. 170; Вестник Европы, 1807, № 5, с. 47—54.
20. АКСАКОВ С. Т. Ук. соч., с. 277.
21. Цит. по: ВСЕВОЛОЖСКИЙ-ГЕРНГРОСС В. Н. И. А. Дмитриевский. Берлин. 1923, с. 148.
22. Цит. по: ФЕДОРОВ В. Глинка. Пятидесятилетие литературной деятельности. СПб. 1844, с. 30.
23. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1862, кн. 3, с. 23—24.
24. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Старая записная книжка, с. 365; его же. С. Н. Глинка. Некролог.
25. Русский вестник, 1808, № 4, с. 38; 1809, № 2, с. 347; 1808, № 1, с. 44.
26. См. например: Догадки и замечания на «Нестора» Шлецера.— Русский вестник, 1811, № 4, 9, 11.
27. См.: ГЛИНКА С. Н. Ук. соч., с. 237.
28. ФЕДОРОВ В. Ук. соч., с. 8.
29. См.: ИЛЬИН-ТОМИЧ А. Кто придумал русского Сцеволу? — Родина, 1992, № 6-7.
30. ГЛИНКА С. Н. Ук. соч., с. 303.
31. ГЛИНКА С. Н. Русская история. СПб. 1817. Ч. 1, с. 53.
32. ГЛИНКА С. Н. Русская история. Ч. 7, с. 253.
33. См.: ГЛИНКА С. Н. Русская история. Ч. 1, с. 6—18.
34. ГЛИНКА С. Н. Записки, с. 303, 304.
35. См. ГЛИНКА С. Н. Русская история. Ч. 1, с. XIV.
36. Там же, с. XVI.
37. Там же. Ч. 4, с. 111; ч. 3, с. 43.
38. Там же. Ч. 3, с. 133.
39. Здесь имеется в виду книга Глинки «Вера, верность и слава донцов», в которой он рассказывал об участии Донского казачьего войска в войне 1812 года.
40. АКСАКОВ С. Т. Литературные и театральные воспоминания. В кн.: АКСАКОВ С. Т. Собр. соч. Т. 2. М. 1986, с. 367.
41. ЩЕПКИН М. С. Записки актёра. М. 1988, с. 102—103.
42. ВОЕЙКОВ А. Ф. Ук. соч., с. 17.
43. Сын Отечества, 1817, ч. 42, № 47, с. 62; Московский телеграф, 1825, № 1, с. 10, 79.
44. Славянин, 1828, № 30, с. 150.
45. ГЛИНКА С. Н. Записки, с. 329.
46. РУССОВ С. В. Обзорение критики Ходаковского на историю Российского государства, соч. Н. М. Карамзина. СПб. 1820; ГЛИНКА С. Н. Ответ на укоризны, делаемые мне в том, что История моя во многом несогласна с Историей Н. М. Карамзина.— Русский вестник, 1820, кн. 4, с. 87—88.
47. ГЛИНКА С. Н. Записки, с. 333.
48. Там же, с. 336; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб. 1866, с. 392; Российский архив. Вып. 2—3. М. 1992, с. 39—40.
49. См.: Полное собрание законов Российской империи. Изд. 3-е. № 20074.

Великой Отечественной войне посвящено огромное количество литературы. Однако сохраняется острый дефицит книг, рассчитанных на массового читателя и в то же время научных, профессионально придерживающихся фактологической точности и корректных в оценках. К такого рода изданиям может быть отнесена книга кандидатов исторических наук, старших научных сотрудников Института всеобщей истории РАН Е. Н. Кулькова, М. Ю. Мягкова и доктора исторических наук, заведующего отделом истории войн и геополитики этого института О. А. Ржевского.

Авторы видели свою задачу в том, чтобы донести до широкой аудитории необходимую информацию о Великой Отечественной войне, опираясь на основные достижения исторической науки последних полутора десятилетий и обозначив наиболее важные, в том числе дискуссионные проблемы. Им удалось нарисовать достаточно полную картину военных событий, показать их политическую подоплеку. Они не обошли своим вниманием и весьма острые вопросы, постановка которых стала возможной лишь в последние годы, как в связи с общественными изменениями, так и в результате введения в научный оборот ранее закрытых документов и материалов. Авторы не поддаются конъюнктуре и эмоциям. Они спокойно и взвешенно излагают канву событий и анализируют их причины.

Книга выполняет прежде всего информационно-просветительскую функцию, ориентируясь на вдумчивого читателя, желающего получить достаточно полную, связанную картину войны и необходимый материал для собственных размышлений. Этой цели вполне способствует структура книги, состоящей из краткого очерка истории войны, и приложения, включающего документы и материалы, а также библиографию.

В первой части, построенной по проблемно-тематическому принципу, освещаются политическая предыстория второй мировой войны, решающие битвы на Восточном фронте, ход и характер освободительной миссии в Европе и Азии, взаимоотношения членов антигитлеровской коалиции.

Рассматривая истоки второй мировой войны, авторы подвергают анализу сложнейшие политико-дипломатические коллизии накануне ее начала, показывая «закулисные игры» не только Сталина с Гитлером, но и фашистской Германии с Великобританией, Францией и другими участниками буду-

щего конфликта, вскрывая запутанный узел международных отношений того времени. Они оценивают политику советского руководства и его действия на международной арене и внутри страны, показывая как всю драматическую сложность обстоятельств, в которых приходилось принимать решения, так и ошибки и преступления сталинского режима. «Ни с одной из возникших задач политическое руководство страны, не располагая необходимым временем и ресурсами, отягощенное грузом просчетов и беззаконий, в должной мере не справилось», подчеркивается в книге (с. 45). Вместе с тем, авторы характеризуют и политику интриг «западных демократий», направленных против СССР и грозивших ему военно-политической изоляцией в условиях надвигающейся мировой военной катастрофы. Политико-дипломатический аспект войны выступает на протяжении всей книги как один из важнейших и в той или иной степени рассматривается при освещении каждого из ее периодов.

Охарактеризованы политические, военные, кадровые и другие истоки катастрофы, которую потерпел СССР в начале Великой Отечественной войны, освещаются стратегические планы Германии, соотношение сил сторон к июню 1941 г. и в первые военные месяцы, нарисована картина драматических событий, приводятся обширные статистические и многие документальные свидетельства.

Ключевым блоком в книге являются главы «Решающие битвы» и «Освобождение стран Европы и Азии». Используя значительный документальный материал и результаты новейших исследований, авторы рассматривают ход войны и основные сражения с участием Советского Союза, приводят немало фактов, дают новую характеристику известных событий. Большой интерес представляет глава «Народ и война», где помимо традиционных сюжетов о трудовом подвиге советского тыла и партизанском движении на оккупированной территории, затрагиваются такие вопросы, как общественное сознание в СССР в годы войны, отношения государства с церковью, трагедия плена, коллаборационизм, репатриация и др.

Некоторые важные сюжеты авторы могли бы дать более развернуто. Так, например, неудачной наступательной операции Западного и Калининского фронтов в районе Ржевского выступа в конце 1942 г. в зарубежной историографии посвящено немало исследований, причем западные историки

характеризуют операцию «Марс» как «крупнейшее поражение маршала Жукова». В российской историографии еще не решен такой принципиальный вопрос, как оценка этой операции в целом, говорится лишь о ее незавершенности. По мнению авторов, «в развернувшемся сражении ценой огромных потерь советскому командованию удалось решить главную стратегическую задачу операции»: в период контраступления под Сталинградом сковать силы крупной группировки противника на центральном участке советско-германского фронта и лишить его возможности перебросить войска на сталинградское направление (с. 91). Думается, что этот сложный, во многом дискуссионный вопрос требует дальнейшего изучения.

К сожалению, очень лаконичны авторы и при рассмотрении такой острой проблемы, как деятельность в период войны националистических бандформирований на Северном Кавказе, которую активно использовал в своих целях противник (с. 89—90). Сегодня эта тема приобрела особую актуальность.

В приложении собрано свыше 70 документов, в которых представлены обе противоборствующие стороны, причем не только СССР и Германия, но и их союзники по военно-политическим блокам. Здесь воспро-

изведены как уникальные архивные материалы, впервые введенные в научный оборот, так и ранее опубликованные в различных журналах и сборниках, в том числе в зарубежных изданиях, и впервые переведенные на русский язык. Многочисленные карты, схемы и фотографии, как и документы, собранные в приложении, способствуют самостоятельному осмыслению читателями истории войны.

Жанр книги можно определить как своего рода эксперимент. С одной стороны, это серьезное, аргументированное исследование, обобщающее в концептуальном плане достижения новейшей историографии. С другой, по «очерковому» построению, легкости языка и стиля изложения материала, рассчитанным на массового, в том числе «неподготовленного» читателя, книгу вполне можно отнести к научно-популярным изданиям, а в какой-то мере даже к учебным пособиям, особенно если рассматривать ее внушительное документальное приложение как своего рода хрестоматию. Рецензируемая книга восполняет пробел в научно-популярной и учебной литературе, посвященной второй мировой войне.

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

Роль религии в формировании южнославянских наций. Эдиториал УРСС. М. 1999. 262 с.

Книга, выпущенная Институтом славяноведения РАН (ответственный редактор И. В. Чулкина), преследует цель выявить роль конфессионального фактора в формировании южнославянских наций. По существу же это история балканских славян, рассмотренная сквозь призму религиозного начала. Под таким углом зрения изучается и христианизация славянства в Юго-Восточной Европе, и история его епархий, и славянское возрождение, и борьба южных славян за создание (или воссоздание) своей государственности. Рассматривая тенденции в формировании славянских этносов, авторы подчеркивают наличие различных подходов к данной проблеме: складывание отдельных народностей и наций, формирование единой южнославянской нации, образование югославянской нации западной части полуострова, или вообще создание единой славянской народности или нации, в состав которой вошли бы все славянские племена и народности. Стремясь выявить все эти тенденции, авторы пытаются

уловить соответствующую роль религиозного и церковного компонентов — то ли в ускорении тех или иных процессов, то ли, наоборот, в их замедлении, поскольку в разных регионах и на разных этапах можно обнаружить и различные на них воздействия.

Авторам приходится решать довольно сложную задачу: какой фактор играет большую роль в формировании наций — язык, культура, религия, самосознание и т. д. Приводятся различные мнения многих общественных и политических южнославянских деятелей. Так, уже в конце XIX в. словенские радикалы полагали, что национальная церковь играет более важную роль в сохранении национальности, чем язык и культура (с. 50). В свою очередь, видные хорватские общественные деятели Й. Ю. Штроссмайер и Ф. Рачки, известные как сторонники идеи единого славянского народа, в который они включали и болгар, считали, что именно религиозные отличия препятствовали сплочению южных славян в их борьбе за наци-

ональную свободу (с. 70). Примечательное отличие прослеживается между социал-демократами Хорватии и Славонии, рассматривавшими религию как препятствие к объединению рабочих разных стран, и членами Хорватского рабочего союза, выступавшими против безверия (с. 101). В книге подчеркивается, что у сербов Австрийской империи в гораздо большей степени, чем у хорватов, религия выполняла этнообразующую функцию, а церковь — национально-политическую. «В отношениях с мусульманством и католичеством и православие выполняли этнозащитную и этнодифференцирующую функции» (с. 108). Еще в большей степени подчеркивается значительная роль православной церкви для сербов, проживавших в Османской империи. Как отмечается в книге, сохранение христианской веры (православия) стало для сербов основным условием поддержания национальной общности (с. 141); сербская православная церковь в Сербском княжестве явилась притягательным центром для всех сербов (с. 171). В отношении болгар отмечается гипертрофированно высокая степень значимости конфессионального фактора после завоевания османами во всех областях жизни общества (с. 196).

При некотором разбросе в оценке религиозно-церковного фактора для того или иного района или народа, в целом признается значительная роль конфессий в деле формирования наций. Важное достоинство книги — конкретное рассмотрение роли религии у словенцев, хорватов, сербов, босняков, болгар, с учетом их проживания в той или иной провинции. Фактически в книге идет речь о четырех религиях исповедовавшихся южными славянами: православии, католичестве, протестантизме и мусульманстве, а также о дохристианском периоде и религиозных движениях типа богомилства. Авторы стараются объяснить такую пестроту и разобраться во влиянии той или иной конфессии.

Дохристианскому периоду следовало бы уделить несколько большее внимание. Дохристианские верования у словенцев вообще обойдены, за исключением лишь упоминания о карантанских язычниках (с. 12). Подчеркиваются долговременные остатки язычества у сербов, а также, что «христианство являлось важным стимулятором нивелировки сознания народных масс» (с. 136—137). Относительно болгар обоснованно утверждается: «верность традиционным формам язычества стала одним из факторов взаимного разобщения народов в рамках единого государства. В этих условиях

именно введение единой религии, в данном случае христианства (864—865 гг.), стало важным средством преодоления «этнического дуализма в стране и важнейшей ступенью в формировании единой болгарской народности» (с. 195).

Рассматривая христианизацию славян Юго-Восточной Европы, как важный этнообразующий фактор, авторы не отрицают и некоторых ее негативных сторон, особенно, для словенцев (две трети их подверглось ассимиляции и, вообще, они в результате экспансии, в том числе и религиозной, оказались под угрозой полного исчезновения как самостоятельного народа, было потеряно и общее самоназвание карантанцы) (с. 14).

Авторы отнюдь не становятся на сторону какой-либо одной из конфессии. Так, например, показаны позитивные результаты деятельности протестантов среди словенцев, прежде всего в области культуры, да и развития национального самосознания. Подчеркивается большая роль протестантов не только в деле создания словенской письменности, но и их попытки формирования словенской церкви. Лютеранские идеи стали проникать на словенские земли в первой половине XVI в. и деятельность протестантов привела к началу использования словенского языка в качестве богослужебного. Большую роль в деле перевода религиозной литературы на словенский язык сыграл П. Трубар — протестантский суперинтендант (глава протестантской церкви) в Крайне, сын словенского деревенского ремесленника. Как отмечается в книге, реформация связала словенский народ с помощью созданного ее деятелями единого литературного языка — словенского и поставила вопрос о словенской школе и словенской церкви. После этого и католические типографии пытавшиеся на стыке XVI и XVII вв. конкурировать со словенцами-протестантами, были вынуждены издавать богослужебные книги на словенском языке. Победа контрреформации привела к прекращению печатания словенских книг, возобновившемся только в 1672 году.

Значению языкового вопроса и роли в нем соответствующих церквей в книге уделяется большое внимание. Язык и церковь рассматриваются в неразрывной связи. Немалое место занимает в этом контексте проблема алфавита. Например, в главе о формировании хорватской нации специально рассматривается история глаголической письменности у хорватов и то, как далматинские хорваты вели борьбу с римской церковью за право пользоваться глаголицей, впервые запрещенной для использования

еще в 925 году (с. 57). Однако, глаголическая литература развивалась, что было явным свидетельством наличия славянского этнического самосознания. Последний глаголический текст был написан в Хорватии в 1864 г., а в 1905 г. в Риме последний раз издается текст хорватской глаголической мессы, использовавшейся до 1927 года.

Не последнее место занимал вопрос об алфавите и у сербов, проживавших в пределах Австро-Венгрии. В мае 1887 г. на митинге избирателей-сербов принимается постановление, которое можно считать первой программой Сербской национальной партии независимости, где, среди прочего, присутствовали требования равноправия латиницы и кириллицы и признания православной церкви национальной. Требование о равноправии латиницы и кириллицы сербские политические деятели выдвигали неоднократно, поскольку сербский кириллический алфавит рассматривался ими как существенная черта и этнической, и конфессиональной общности (с. 80, 103). Болгары-павликиане, то есть католики, вели борьбу против кириллицы, за латынь. Особенно в этом отношении заметно старание католических миссионеров из ордена пасионистов, предпочитавших не употреблять имя «болгары», заменяя его турецким — «карагауры», видевших в кириллице особую опасность. Они ее тщательно заменяли латиницей, опасаясь, как бы первая не стала важным фактором сближения болгар (с. 225).

В книге получили отражение и другие вопросы, связанные с самосознанием славянских наций, — язык богослужения и прочие языковые проблемы. У хорватских иллиров первой половины XIX в. «язык стал окончательно восприниматься как основной признак этноса и политической нации» (с. 66), а в 1850 г. заключено было примечательное соглашение между сербами и хорватами о наличии у хорватов и сербов единого литературного языка и правописания (с. 67). Но еще до этого, в результате поражения революции 1848—1849 гг., Венский сабор 1849 г. осудил национальные требования и объявил различие языков пережитком язычества (с. 68—69). А ведь еще в XVII в. возникает термин «хорватский язык» (с. 64) и в Боснии, соответственно, «боснийский язык». Последний представлял собой некую причудливую смесь сербо-хорватского языка с примесью турецкой лексики, а также слов из арабского и фарси. И еще одно характерное для балканского региона своеобразие отмечается в книге: во второй половине XIX в. в Боснии начался переход мусульман на кириллицу и латиницу (с. 117).

Значительную роль языка и происхождения отметил видный сербский общественный деятель Д. Обрадович, прямо подчеркивавший, что сербскую общность определяет не религия, а происхождение и язык (с. 165). Большое внимание уделено в книге языковому вопросу в Болгарии, где обострялись противоречия между греческими и болгарскими церковными деятелями; церковный вопрос обострялся, приобретая международное звучание. Константинопольская патриархия становится силой враждебной болгарскому национальному возрождению, но в книге справедливо показано, что еще за 22 года до перевода на новоболгарский язык Евангелия в 1840 г., что не одобрил константинопольский патриарх, в 1818 г. константинопольский клир враждебно отнесся к переводу Библии на новогреческий, выполненному Илларионом Критским (с. 208).

В работе значительное внимание естественно уделяется национальным церквям, их влиянию на национальное самосознание и национальные движения югославянских народов. В условиях потери своей государственности, церковь стала хранителем этничности, переняв у государства некоторые организаторские функции. Но в разных регионах Балкан роль национальной церкви была различной. У словенцев никогда не было своей национальной церкви, у хорватов существовали лишь отдельные местные церковные центры, в частности, церковь глаголическая. Иная картина была, например, у сербов и черногорцев. По мнению авторов, благодаря тому, что сербы и черногорцы имели свою национальную церковь, они смогли самостоятельно добиться освобождения от иноземцев (с. 260). В XIX в. сербская и черногорская церкви были автокефальными, ориентировавшимися на Россию. Складывалась иногда парадоксальная ситуация: сербский князь Милан Обренович ориентировался на Австрию, а церковь — на Россию.

Многие священники принимали активное участие в борьбе за политическое возрождение нации, вплоть до активного вооруженного сопротивления иноземцам (ряд представителей церкви участвовал в Первом сербском восстании, многие черногорские священники — в вооруженной борьбе народа). Черногорский священник, в соответствии со сложившимися традициями, должен был быть прежде всего храбрым воином, а потом уже добрым пастырем (с. 191). Вообще черногорская церковь была весьма специфична. Постоянная военная опасность, непрерывные боевые действия породили особый тип черногорских церквей, имевших

весьма скромное убранство и ограниченное количество церковной утвари и богослужебных книг.

В книге довольно подробно рассказывается о взаимодействии или, напротив, противоречиях между различными конфессиями. Показана связь богомильского движения с балканским мусульманством и павликианством. То что в Боснии мусульманство пустило заметные корни, авторы связывают с существованием здесь богомильских центров.

Не прошла мимо внимания авторов деятельность болгарских помаков и болгар-павликиан. Наличие трех конфессий у одной этнической общности чрезвычайно усложняло формирование единой нации, сковывало проявление общего национального самосознания. Благодаря многовековому конфликту болгар-павликиан с православной церковью успешно действовали католические миссионеры. Важной особенностью болгарских павликиан эпохи османского владычества, на которую обратили внимание авторы, заключалась в непочитании креста, отрицании церковных таинств и церковной иерархии, а из священных книг признавались лишь Евангелие, послания апостола Павла, апостольские деяния и Книга откровений (с. 221). Нечего удивляться довольно напряженным их взаимоотношениям с православными болгарскими. Пожалуй еще более сложные отношения были у последних с помаками, что и вызвало довольно значительное

переселение их в пределах Османской империи после 1878 года.

С созданием Болгарского княжества позиция болгарской православной церкви заметно укрепляется, но примечательно, и это отмечается в книге, что роль ее в укреплении национального самосознания начинает падать, а государственного начала усиливается (с. 247).

Авторы не могли не коснуться и дискуссии по поводу самого понятия нации. Несправедливо утверждение, будто в нашей стране на протяжении 75 лет существовало одно единственное определение нации, высказанное И. В. Сталиным (с. 4). В действительности же, со второй половины 50-х годов получили возможность хождения и другие определения. Во все большей степени уделяется внимание самосознанию, как важному, даже определяющему компоненту нации. Авторы книги, подчеркивая, что наиболее универсальным свойством нации является язык, прямо отмечают в качестве самого существенного компонента нации именно национальное самосознание (с. 6). При всех сложностях, которую идея югославизма испытывает сегодня, вряд ли, как делают авторы, ее можно отнести к идеям иллюзорным (с. 111).

Книга стала и первым историческим трудом, где основательно прослежено влияние конфессий на процессы формирования наций на Балканах.

В. Я. ГРОСУЛ

Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. Исторические очерки. М. Эдиториал УРСС. 2001. 784 с.

Коллективная монография о русской усадьбе — заметная веха в отечественной историографии. До недавнего времени эта тема привлекала внимание достаточно узкого круга историков и краеведов. С возрождением краеведения серьезный интерес к этой теме стабилизировался. На рубеже 1980—1990-х годов в Москве образовалась группа энтузиастов-историков, искусствоведов, музейных работников, вузовских преподавателей, приступивших к комплексному исследованию русской дворянской усадьбы. Инициатором этой общественно-научной деятельности стала Л. В. Иванова, вскоре возглавившая возрожденное Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), которое в 1990-е годы провело ряд научных конференций и издало семь объемистых сборников «Русская усадьба». Эта тематика стала постоян-

ной на страницах провинциальных изданий. Появились соответствующие источниковедческие и историографические работы, а также труды, посвященные историко-культурному значению русской усадьбы.

Одновременно стал остро ощущаться недостаток в исследованиях социальной и хозяйственной жизни усадьбы, в фундаментальных трудах комплексного характера. Именно таковым и является рецензируемая книга. Руководителем создания такого обобщающего труда стала Иванова. В состав авторского коллектива вошли исследователи, уже много лет занимающиеся демографическими, экономическими, социокультурными проблемами отечественной истории. В восьми главах коллективной монографии раскрывается история зарождения, развития и гибели сельской усадьбы. Широкие хроно-

логические рамки, вместе с оригинальным пониманием самой усадьбы, определили новизну труда. Иванова выдвинула, а авторы поддержали, представление о сельской усадьбе, как своеобразном населенном пункте, подобном городу (посаду) и крестьянскому поселению (село, сельцо, деревня), но отличающимся внешним видом, населением, хозяйством и бытовым устройством. Это позволило изучить усадьбу в виде автономного многофункционального социально-хозяйственного и культурного организма, а также наметить основные этапы ее эволюции, связать развитие усадьбы с историей землевладения и сельскохозяйственного производства, дворянства и крестьянства. В итоге разработка усадебной тематики обогатила понимание всего аграрного строя России, его особенностей.

В книге помещены приложения: «Усадебные библиотеки в России XVIII — начала XX вв.», «Основные направления хозяйственной деятельности владельцев имений с усадьбами в конце XIX в.», «Музеи в сельских усадьбах России»; карты уездов и губерний Европейской России. Книга иллюстрирована рисунками из источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

На основании разнообразных источников (демографические данные, статистика землевладения, материалы генерального межевания, топографические описания и др.) установлена численность усадеб: в середине XVI в. насчитывалось 16 тысяч, в 1700 г. — 23 тысячи, в 1800 г. — 35 тысяч, а в конце XIX в. — 61 тысяча усадеб. К 1917 г. сохранилось около 40 тысяч усадеб.

Авторы использовали документальные комплексы РГАДА, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, областных архивов, рукописных отделов центральных музеев и библиотек. Делопроизводственные документы удачно дополняются многочисленными мемуарами, произведениями художественной литературы, широким кругом исследований усадеб, появившихся в последнее десятилетие. Используются воспоминания современников, документы личных фондов.

В монографии — в контексте политической, экономической и культурной жизни государства — раскрываются важнейшие аспекты многообразной усадебной жизни. Детально прослеживается генезис господской усадьбы в XVI в. (Е. И. Колычева), показано умножение сельских дворянских дворов в XVII в. в связи с развитием вотчинной системы (О. А. Шватченко). Выяснена эволюция

усадебного строя в XVIII в. (Ю. А. Тихонов), учтен важный ее рубеж — Манифест о вольности дворянства 1762 года. В. С. Дедюхина обобщила материал о быте и духовной жизни в дворянской усадьбе на протяжении XVIII столетия. Э. Г. Истомина выявила основные черты расцвета помещичьей усадьбы в первой половине XIX в. и первые признаки ее угасания в хозяйственном отношении. По-новому представлен усложнившийся усадебный строй в дворянских владениях второй половины XIX — начала XX вв. (И. М. Пушкарева). Прослежено возрастающее хозяйственное значение дворянских экономий рыночного направления, использование наемной рабочей силы, а также разорение значительной части усадебовладельцев. Показано начало губительного для усадеб времени, связанного с крестьянскими волнениями 1905—1907 годов. Становление купеческой усадьбы в пореформенное время, покупка предпринимателями дворянских земель, используемых в хозяйственных целях и ради отдыха, рассмотрены Л. И. Зозулей. Судьба усадеб в 1917 г. и последующие годы детально изучена Ивановой.

Авторы охарактеризовали роль усадеб как проводников западноевропейской культуры и обычаев, описано превращение скромных вотчин с деревянными постройками в каменные особняки, окруженные парками, оранжереями, прудами. Специальные разделы посвящены архитектурному виду и интерьеру усадебного дома, повседневной усадебной жизни, представлениям об идеальном устройстве хозяйства и быта, содержащимся в сочинениях публицистов и писателей.

Многие усадьбы имели храмы, игравшие существенную роль в жизни владельца, его семьи, местного населения. В условиях энергичного распространения западноевропейского влияния церкви были своеобразными проводниками православной культуры. Думается, впрочем, что эта сторона усадебного уклада представлена в монографии недостаточно.

На конкретных примерах авторы показывают, что многие усадьбы становились подлинными культурными центрами. Показана география культурных гнезд в ряде губерний. Детские и юношеские годы в сельской усадьбе заметно влияли на формирование характера и духовного облика многих выдающихся деятелей Российского государства, корифеев русской культуры.

Историко-культурная сторона русской усадьбы активно разрабатывается в последние годы. Однако гораздо меньше внимания уделяется экономическим и социальным аспектам ее

развития. Авторы подробно исследовали экономическое пространство дворянских усадеб, появление в некоторых промышленных предприятий и мастерских. Ранее так глубоко не рассматривалась проблема взаимоотношений помещика и крепостного крестьянина. В специальных разделах раскрывается сложный мир контактов помещиков с дворовыми. Хорошо показаны усадьбы в Подмоскowie, в окрестностях Петербурга в XVIII веке. Пристальное внимание проявили авторы к малоисследованному пореформенному периоду. Им удалось развеять расхожее мнение о глубоком кризисе, охватившем будто бы подавляющее число дворянских усадеб, показать их немаловажное значение для экономики страны как хозяйственных центров. Любопытны наблюдения над изменением облика дворянских усадеб, перешедших в купеческие руки. Ряд предпринимателей, например, Алексеевы, Бахрушины, Мамоновы, Якунчиковы и др., сохраняли и поддерживали традиции усадебного устройства, хозяйства и быта. Их усадьбы вновь приобретали значение очагов культуры.

Показана роль в истории отечественной культуры особо знаменитых усадеб: (Архангельское, Введенское, Горенки, Знаменское-Губайлово, Красный Рог, Кусково, Марфино, Марьино, Мураново, Полотняный Завод, Поречье, Премухино, Овстуг, Останкино, Остафьево, Отрада-Семеновское, Суханово, Талашкино, Узкое, Ярополец, Ясная Поляна, крымские усадьбы — Алупка, Орехово-Александровское и др.).

Интересно исследуется усадьба в контексте нарастания социальных конфликтов в деревне на рубеже XIX—XX вв., потрясение, перенесенное ею во время революций. Впечатляют примеры жестокого отношения крестьян к помещичьим усадьбам.

В главе, посвященной трагической послереволюционной судьбе русской усадьбы, последовательно раскрыты как механизм гибели замечательных памятников русской провинции, так и зависимость этого процесса от политических бурь и конфликтов.

Гибель усадебного мира России тяжело отозвалась не только на сохранности памятников истории, архитектуры и искусства.

Уничтожение, целиком или частично, 40 тысяч усадебных поселений способствовало деградации сельской жизни. Резко упал хозяйственный и культурный уровень сельского населения. Разгром усадеб вкупе с государственным атеизмом способствовал огрублению нравов местных жителей. Произошло отторжение отечественной культуры от ее важнейшего компонента. Нацеленность государственной политики на утилитарное использование хозяйства при забвении культурного значения усадеб привело к большим утратам.

Уничтожение усадебных архивов и документальных коллекций отразилось и на историческом источниковедении. Подвижническая деятельность сотрудников Наркомпроса, общественных организаций, деятелей культуры и науки позволила сохранить лишь часть (хотя и значительную) культурных ценностей сельских усадеб. Большое значение имело также превращение знаменитых усадеб в музеи.

Фундаментальный труд сотрудников Института российской истории РАН является серьезным вкладом в комплексное изучение сельской усадьбы. Необходимо усиливать внимание ко многим поставленным в нем проблемам. Авторы в своих выводах опираются в основном на фактический материал, относящийся к усадьбам нескольких центральных губерний, что обусловлено слабой исследованностью областных архивов. Между тем в последние годы во многих областях публикуется немало сообщений по усадебной тематике и лишь малая часть их известна столичным исследователям. Больше внимания следует уделять анализу региональных особенностей усадеб, выяснению их места в хозяйственной, социальной и культурной жизни края, их судьбе после 1917 года. Важной задачей является составление списка усадеб по регионам (как это сделано по Московской области).

Рецензируемый труд будет полезен как образец для региональных исследований. Книга может быть рекомендована и как своеобразное учебное пособие.

В. Ф. КОЗЛОВ

О Шарле де Голле написана масса книг. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН М. Ц. Арзаканян нашла свою нишу в этом океане литературы. Главный объект ее исследования — три важнейших органичных компонента голлизма — личность генерала де Голля, голлистское движение и идеология голлизма. Особое внимание уделено деятельности самого де Голля. Голлизм в целом, как историческое и общественно-политическое явление, рассматривается поэтапно, в рамках борьбы де Голля за признание и власть.

Арзаканян прослеживает духовное формирование, эволюцию военных воззрений и общественно-политических взглядов генерала до второй мировой войны, разбирает историю голлизма военных лет и сложный путь борьбы генерала за признание его движения союзниками. Рассмотрены развитие политических идей де Голля, эволюция голлистского движения в годы Четвертой республики и показана определяющая роль его в ходе крушения последней. Автор исследовал основные вехи формирования Пятой республики на базе голлистской доктрины и борьбу де Голля и его соратников за то, чтобы окончательно утвердиться в институтах власти. Должное внимание обращено и на преемственность основных голлистских объединений, а также характеристики главных фигур этого движения, их отношению с лидером.

Важный компонент, основа голлистской идеологии — идея «национального величия» Франции — получил достойное отражение в монографии. Однако, рассматривая путь де Голля и его единомышленников к власти в этом ракурсе, автор не уделил необходимого внимания другому аспекту этой проблемы, тесно связанному с курсом на независимую внешнюю политику Франции в условиях формирования в послевоенной Европе блока западных государств — механизму противовеса в балансе сил в системе международных отношений.

Процесс европейской интеграции, пожалуй, самый значительный феномен истории XX века. Мысль о возможности «европейского строительства» была впервые высказана генералом еще в 1943 г. в беседе с членами Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в Алжире. Однако, в ту пору не все во Франции разделяли планы де Голля, стремившегося к созданию независимой межгосударственной

конфедерации в противовес сторонникам наднациональных форм европейского объединения под эгидой США. В первые послевоенные годы, отмеченные острыми конфликтами с политическими партиями, планам генерала не суждено было сбыться. Созданные стараниями «европеистов» в масштабе шести стран экономические структуры — Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии — сочетали в своей основе два принципа — межгосударственный и наднациональный. И только после двенадцати оппозиционных лет, с приходом де Голля к власти в 1958 г. им была выработана принципиально новая концепция Европы, базирующаяся на государственном национальном суверенитете. Во главу угла была поставлена особая роль Франции в мировом сообществе.

Выдвинутая впервые президентом Пятой республики форма политического союза — конфедерации независимых держав — получила наименование «Европы отечеств». Другими словами, голлистская конфедеративная концепция основывалась на принципе: нация — единственный легитимный фундамент европейского объединения.

С точки зрения де Голля, сотрудничество европейских государств предполагает координацию их действий как для защиты их собственных интересов, так и во имя обще-европейских задач. Следуя этой концепции, генерал рассчитывал на возвращение Франции положения великой державы, проводящей самостоятельную политику. Недостаточная, в сравнении с другими странами экономическая мощь, вполне могла быть компенсирована политическими преимуществами: положением державы-победительницы, статусом постоянного члена Совета безопасности ООН и обладанием собственным ядерным оружием.

Создание политического союза на межгосударственном уровне предполагало дальнейшее закрепление этого принципа и в уже существующих экономических сообществах. Таким образом, де Голль намеревался создать в Европе «третью силу», способную стать уравновешивающим центром между двумя ядерными державами — СССР и США. Однако, после ряда неудач в попытке реализации своих проектов в начале 60-х годов, когда де Голлю и его сторонникам («план Фуше») стало очевидно, что условия для создания автономного от США в экономическом и военном отношении союза стран

«малой Европы» еще не созрели, генерал решается подойти к этой проблеме с другого конца. Он выступает с рядом инициатив, направленных на изменение климата отношений между Востоком и Западом. При этом Франции отводилась роль посредницы, обеспечившей ей, в конечном счете, европейское лидерство.

Монография отличается широтой и новизной источниковой базы. Основу исследования составили многочисленные произведения самого де Голля, а также архивные материалы, часть которых использована впервые (фонды, так называемого «Трофейного архива», Российского государственного военного архива, а также документы и материалы Архива внешней политики Российской Федерации, отражающие развитие отношений СССР со «Свободной Францией», «Сражающейся Францией», «Французским комитетом национального освобождения»). Большой интерес представляют и материалы из архива Коминтерна, (Российский государственный архив социально-политической истории). Автор уделил внимание взаимоотношениям де Голля с коммунистами. Опирались Арзаканян и на материалы французской прессы, парламентские дебаты, политическую публицистику, протоколы судебных процессов над ультраколониалистами. Историографическую ценность представляют записи личных бесед автора с известными деятелями голлистского движения — премьер-министрами М. Дебре и Ж. Шабан-Дельмасом, министрами Л. Терренуаром, Р. Трибуле и др.

Исследование выстраивается вокруг острой политической проблемы — соотношения власти и общества, сложность которой во многом определяется традиционными для французов этико-юридическими

нормами — уважением к закону, с одной стороны, а зачастую негативным отношением к его применению, с другой. Уместно здесь вспомнить изречение самого де Голля: «Франция и французы — не одно и то же», произнесенное после уроков майского кризиса 1968 года.

В дальнейшем автор мог бы обрисовать образ де Голля и голлистского движения в период пребывания у власти, на этапе «испытания властью». Очевидно это потребует перенесение акцента на взаимодействие голлизма с другими политическими силами, что нашло в монографии лишь конспективное освещение. Послесловие позволяет надеяться, что Арзаканян продолжит исследование современного голлистского движения, значительно преобразованного лидерами нового поколения. Можно сказать, что являясь опорой режима Пятой республики вплоть до начала 70-х годов, Союз в защиту республики (ЮНР) действовал в полном консенсусе с генералом де Голлем. Однако, позже наметилась определенная идеологическая дистанция, связанная в значительной степени с интернационализацией французской экономики, на которую ориентировались отдельные фракции внутри голлистского движения. Постепенное втягивание их в орбиту мировой экономической системы сопровождалось известным разочарованием в некоторых принципиальных установках, собственных политической философии де Голля. В частности, речь идет о его концепции национальной независимости, исключавшей интеграцию Франции в наднациональные структуры. Этот «новый голлизм» требует объективного анализа в политическом контексте современной Франции.

Е. М. МАКАРЕНКОВА

В. П. БУДАНОВА. *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. М. Наука. 2000. 544 с.

Монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН В. П. Будановой продолжает серию ее исследований, посвященных Великому переселению народов¹. В центре внимания автора находятся важнейшие проблемы этого чрезвычайно сложного и внутренне противоречивого периода, связанные с эволюцией этноисторической и социальной структуры варварского мира, основными тенденциями и направлениями многочисленных и многообразных по своему типу мигра-

ций, формы взаимодействия варварства и цивилизации, преемственность и вариативность этнонимию племенных названий. Книга отличается новизной в методологическом и фактографическом отношении и является отсутствовавшей до сих пор в отечественной историографии систематизированной и целостной характеристикой этой эпохи в истории Евразии и Северной Африки.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу и включает приложение — библиографический словарь антич-

ных и раннесредневековых авторов, обширную библиографию, указатели. Иллюстративно-картографический материал помогает читателю путешествовать по этногеографическому и антропонимическому пространству, исследованному автором. Буданова скрупулезно и мастерски обработала исторические материалы, включающие труды греческих, римских и ранневизантийских историков, публицистов, схоластов, грамматиков, деятелей церкви, а также сочинения раннесредневековых писателей, административно-правовые документы «варварских» королевств и археологические источники.

Уже постановка основной проблематики исследования позволяет Будановой отметить непродуктивность традиционного подхода к интерпретации Великого переселения народов, в соответствии с которым это многоплановое явление сводится всего лишь к военно-миграционным процессам. Сформулированное автором определение Великого переселения включает в себя не только его разностороннее влияние на крушение античного мира, но и учитывает роль хозяйственно-экономических, политико-правовых и этнокультурных факторов взаимодействия Барбарикума и Империи в эволюции самих варваров. При этом указанные факторы рассматриваются не в рамках привычного европоцентристского стереотипа, но вплетаются в общеисторический контекст, что приводит к необходимости типологических обобщений и выделению пересекающихся, но самостоятельных «моделей» Переселения — европейской (скорее афроевропейской) и азиатской. Подчеркиваемый автором тезис о сочетании переходности и самодостаточности в характеристике рассматриваемого периода (II—VII вв.) и введение понятия «этническое пространство» являются тем парадигматическим стержнем, который дает возможность отказаться от крайностей как формационного, так и цивилизационного подходов и сформулировать собственную концепцию Великого переселения, как особого этапа исторического развития, когда «взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия явилось зарождение нового типа цивилизации» (с. 7).

Дальнейшее изложение исходит из подробно обоснованной автором периодизации Переселения: на каждом из этапов своеобразными «лидерами» движения попеременно становились этнические объединения германцев (II—IV вв.), гуннов (IV—V вв.) и славян (VI—VII вв.). Каждый из этапов, в свою очередь, отличался не только этническим составом участников, но и важней-

шими компонентами противостояния и взаимодействия варваров и Империи, а также направлениями миграций и их результатами.

Рассматривая III век, как ключевую фазу первого этапа Великого переселения народов, Буданова первостепенное внимание обращает на лидирующий этнос этого времени — готов. На примере готов в круг осмысления важнейших процессов в Империи и в среде варваров ставятся такие проблемы, как влияние последних на начавшуюся политическую дезинтеграцию римского государства, особенности поселения в Империи во II—IV вв., потестарное развитие и этническое своеобразие самих германцев. Образование гуннского племенного союза на Дунае стало апогеем второго этапа Переселения и, одновременно, высшей точкой германских миграций в целом, поскольку гуннское давление на германцев привело в движение весь Барбарикум и способствовало концентрации в Галлии и Испании наиболее мобильных его представителей. Венчающая этот этап битва на Католаунских полях стала, как убедительно показано автором, не столько столкновением фактически уже разрушенной имперской военной машины с варварами, сколько пиком противоборства в среде самих германцев, использовавших лавинообразное снижение авторитета власти в Западной империи для расширения своих владений. Именно начиная с этого события, в этнополитический контекст происходящего в качестве доминирующей тенденции входит феномен варварских «королевств». Сначала еще в рамках Империи, а затем, после ее падения, на территории ее бывших провинций. «Лидеры» последнего, третьего, этапа Великого переселения — славяне — активно участвовали в морских и сухопутных вторжениях варваров в Римскую империю еще на предшествующих этапах движения, однако в наибольшей степени проявили себя в ходе массового расселения на Балканах. Несмотря на разнообразие выявленных автором форм миграционных движений славянских племен, все они, в конечном итоге, как точно подмечено Будановой, способствовали формированию постримской этнополитической карты Европы: на одном полюсе происходит консолидация германских племен в рамках Франкского королевства, а на другом становление византийской цивилизации, в котором славяне также играли не последнюю роль.

Переходя от конкретно-исторических наблюдений к типологическим обобщениям, автор справедливо сосредоточивает внимание на этносоциальном аспекте описываемых событий и последовательно прослежи-

вает эволюцию как этнического облика самого *Ното Germanicus*, так и воздействие этих изменений на окружающий мир. В поле зрения исследователя — и чрезвычайно интересный аспект истории германцев II—VII вв., связанный с развитием их собственного этнического самосознания. До появления трудов Будановой эта сторона проблемы затрагивалась в общем плане Н. Ф. Колесницким², а на примере англосаксов — Е. А. Шервуд³. В отличие от своих предшественников, автор демонстрирует более комплексный подход к ее решению, доказательно реконструируя и внутреннюю (этносоциальное развитие) и «внешнюю» (набеги, войны) историю большинства германских племен. Перспективность такого подхода очевидна: он открывает возможность анализа племени в двух его важнейших ипостасях, как этнического объединения, с одной стороны, и как социально-потестарного образования, с другой. Рассматривая различные формы миграционных движений германцев — от передвижения с целью тривиального грабежа, до расширения границ уже имеющихся владений варварского «королевства», Буданова приходит к аргументированному выводу, что все они, так или иначе, способствовали усилению влияния варваров на механизмы имперской власти, а также формированию варварской государственности, как таковой. Нельзя не согласиться и с тем, что довольно часто оборотной стороной этого процесса было превращение миграционной мобильности из фактора этнополитической консолидации германцев в причину внутренней нестабильности и непрочности большинства варварских «королевств». Проведенный автором анализ во многом объясняет, почему именно германцы стали той силой, которая нанесла первый удар Империи, а затем, вписавшись в ее государственно-политические структуры, погибли или трансформировались вместе с ней.

Особое место принадлежит главе, представляющей лексикон этнонимов, созданный на основе обобщения свидетельств более трехсот греческих, римских, раннесредневе-

ковых и анонимных авторов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. По сравнению с предыдущими изданиями словаря⁴, он значительно расширен и дополнен новыми этнонимами, политонимами и полисонимами; ссылки на соответствующие источники сгруппированы хронологически, что значительно облегчает поиск нужной информации.

Книга представляет интерес и ценность не только для историков, но и для археологов, этнологов и лингвистов. Она написана ясно и четко. Исключением является указание на с. 74, что к середине V в. саксы окончательно утвердились в Британии, тогда как военно-колониционное движение англосаксонских племен в то время лишь только начиналось и до окончательного утверждения их господства на Британских островах было еще очень далеко.

А. Г. ГЛЕБОВ

Примечания

1. См.: БУДАНОВА В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М. 1990; 2-е изд. СПб. 1999; ее же. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М. 1991; 2-е изд. М. 1993; БУДАНОВА В. П., ГОРСКИЙ А. А., ЕРМОЛОВА И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М. 1999.
2. КОЛЕСНИЦКИЙ Н. Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I—V вв.— Средние века. Вып. 48. М. 1985.
3. ШЕРВУД Е. А. Некоторые особенности этнических процессов у германских племен в период разложения первобытнообщинных отношений: к становлению этнического самосознания англосаксов VI—IX вв.— Проблемы романизации, этногенеза и городского устройства. М. 1977, с. 117—145; ее же. От англосаксов к англичанам: к проблеме формирования английского народа. М. 1988.
4. См. БУДАНОВА В. П. Этнонимия племен Западной Европы.

A. BERELOWITCH. *La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe — XVIIe siècles)*. Paris. Seuil. 2001. 475 p.

А. БЕРЕЛОВИЧ. *Иерархия равных. Русское дворянство при Старом порядке (XVI—XVII вв.)*

Преподаватель Сорбонны А. Берелович ставит сразу несколько сложных задач. Основу его книги составляет исследование русской знати в царствование первого из Романовых (1613—1645). Однако, поскольку французская литература по русскому средневековью и раннему новому времени представлена лишь немногими наименованиями, Береловичу пришлось не только дать популярный очерк Смутного времени, но и составить целый франко-русский словарь социально-политических терминов и учреждений Московской Руси (с. 423—433).

Авторская сверхзадача состояла по-видимому в том, чтобы предложить общую концепцию иерархического устройства русского общества и, прежде всего иерархии местнической. Автор отталкивается от предложенного французским историком Л. Дюмоном понятия «иерархическое общество», в котором ценности превалируют над функциями. В подобных обществах «иерархия самоценна» и не смешивается ни с «управленческой лестницей», ни с «социальной структурой». В отличие от «чисто» иерархических обществ (например, основанных на системе каст), московское общество, согласно Береловичу, является «смешанным» (с. 25—26, 258). В этом смысле, «местничество» и московская иерархия чинов представляют собой два различных мира, которые сосуществуют, не сталкиваясь друг с другом. Чин не является аргументом в местническом конфликте, и не чин является ставкой в нем» (с. 291).

Автор утверждает, что московскому обществу было известно изученное Ж. Дюмезилем и Ж. Дюби общее для индоевропейских обществ деление на три чина: тех, кто молится, кто сражается и кто трудится (с. 272—273, 336—338). Несмотря на то, что в допетровской Руси дворянство (как и духовенство) не сложилось в единое сословие, существовало четкое представление о грани, отделяющей привилегированных от непривилегированных. Эту грань Берелович восстанавливает двойким путем — с одной стороны, по вопросам, задававшимся в Посольском приказе иностранцам, приезжавшим в Россию на службу, с другой — по высказываниям самих служилых людей, свидетельствующим о том, кого они считали себе равней, а кого — нет. Пытаясь выделить общее, объединявшее выходцев из привилегированных слоев всех чуждых им обществ, дьяки По-

сольского приказа спрашивали у «выезжавших» об их принадлежности к знаменитому роду, службе в кавалерии и вознаграждении за нее земельными владениями, которое было гораздо важнее, чем денежное жалованье (с. 153). В свою очередь, расспрашиваемые «иноземцы» пытались более или менее правдоподобно подстроиться к этой шкале ценностей.

Гораздо сложнее с высказываниями самих «служилых людей по отечеству». Берелович приводит в качестве примера челобитную Дмитриевых, которые требовали, чтобы их отличали от многих дворянских родов, носивших ту же, достаточно распространенную фамилию (в результате челобитчики стали Дмитриевыми-Мамоновыми). Здесь во главе угла поставлено происхождение от общего предка (с. 149—150). Однако эту челобитную, поданную в 1688 г., было бы, может быть, не совсем оправданно представлять результатом развития самосознания знати. Скорее, она испытала на себе влияние Палаты родословных дел, в которой на смену сложному замыслу, подразумевавшему сочетание служебных и генеалогических критериев, пришел чисто генеалогический принцип (в результате чего Бархатная книга оказалась просто продолжением родословной составленного за сто тридцать лет до этого Государева родословца, а выдвинувшиеся за последующее время «новые роды» туда не попали).

Автор выступает здесь с изящной концепцией, подразумевающей сближение «дворянства» и «родословных людей» (тех, кто записан в родословные книги). Отсюда следует и закономерный вывод — поскольку родословные книги не фиксируют демографического взрыва в семьях «родословных людей», значит, численный рост отдельных привилегированных групп тождественен притоку новых людей (с. 167). Приводимые автором данные свидетельствуют, что рост государева двора продолжается до конца XVII в., в то время как численность провинциальных дворянских корпораций стабилизировалась в середине века, что «объяснялось широким набором в армию помимо дворянства» (с. 159).

Согласно Береловичу, внутри всех сословных групп, связанных с более или менее «родовитым» происхождением и военной службой, в XVII в. происходит резкое усложнение

иерархии. Это — и дробление «десятен» (списков служилых людей городских чинов) на «статьи», и все более и более дифференцирующаяся лестница поместных и денежных окладов. В результате такие понятия, как «корпорации» и «сообщества» (*corps et communautés*), характерные для Франции и XVII—XVIII вв., оказываются чуждыми для «управляющих и управляемых» в России XVII в. — царь правит отдельными индивидуумами, «поскольку любое другое положение означало бы в его глазах умаление его собственного авторитета» (с. 256).

Реализацией этого, по сути дела «индивидуального» подхода к подданным становится «верстание», которое может обозначать как «раздачу» (в том числе и раздачу земель), так и «классификацию» верстаемого (с. 260). Одновременно, «быть в версту» с кем-либо значило «быть равным» ему. «Соседство «версты» и «верстания» в процитированных пассажах позволяет предположить, что оба слова были связаны в сознании говорящих: классифицировать кого-либо, значило установить между ним и другими персонажами, служащими образцом, равенство статуса. Напротив, равенство статуса означало на деле принадлежность к одному и тому же уровню вознаграждений, характерному для определенного уровня «родовитости и службы», — пишет Берелович (с. 262). Только в процессе «верстания» достигается та крайне редкая ситуация, когда два персонажа оказываются в принципе равными друг другу (автор прослеживает это на примере родных братьев). Равенство оказывается крайне важным для понимания местничества, направленного на установление старшинства, то есть «неравенства».

В поисках аналогов местнической иерархии Берелович выделяет три типа иерархий — армянскую, византийскую и характерную для Франции и Священной Римской Империи в XVII веке. В Армянском царстве в V—VI вв. каждую из высших должностей занимает представитель одного и того же рода, что делало местнические конфликты невозможными. Византийская иерархия заключалась в том, чтобы создать как можно более широкую лестницу чинов, позволяющую точно определить место в иерархии возможно большего числа лиц (с. 277—279). Для Франции в XVII в. характерны были конфликты, в ходе которых речь шла о иерархическом месте как целых групп, так и отдельных индивидуумов. Эти конфликты разрешались чаще всего судами, иногда дуэлями, и, очень редко, королевским вмешательством. Каждый конкретный случай решался с опорой на прецедент, причем никакой общей системы,

при которой сами конфликты служили бы для уточнения и усовершенствования иерархии, не возникало. В России же в ходе местнических споров происходила «постоянная и всеобщая классификация дворянства, которая носила самодовлеющий характер и не отсылала к чему-либо, кроме самой себя» (с. 293).

Последнее противопоставление кажется мне оправданным. В то же время, противопоставление «армянской» и «византийской» иерархии и местнической иерархии выглядит несколько риторически. Действительно, пример иерархии первого — «армянского» — типа можно найти и в истории с московскими тысяцкими — чином, передававшимся по наследству от одного представителя боярского клана Вельяминовых к другому (после того, как Дмитрий Донской в 1374 г. не назначил преемника умершему Василию Васильевичу Вельяминову, ему ничего не оставалось, как казнить его сына Ивана Васильевича). Представляется, что подобное же совмещение чина и рода могло существовать и при других русских княжеских дворах. Что же касается иерархии «византийского» типа, то не случайно обращение именно к ней в канун отмены местничества — идея совмещения «чина» и места в иерархии лежала слишком на поверхности, чтобы ускользнуть от внимания московских политиков. Иначе говоря, родство обоих типов иерархии с местнической еще раз заставляет задуматься об общих традициях «византийского сообщества».

Местничество изучено Береловичем на основе 260 дел, относящихся к периоду между 1613 и 1627 гг., причем несколько дополненными оказались данные списка Ю. М. Эскина¹. Можно сказать и о том, чем является местничество в освещении Береловича, и чем оно не является: оно, во-первых, не политично, и, во-вторых, не исторично. Берелович сравнительно мало интересуется вопросом о возможной инструментализации местничества в политической борьбе. Здесь автор оказывается в русле общей тенденции к «деполитизации» местничества, сопровождавшейся интересом к стоящей за ним структуре ценностей и представлений². В центре его внимания оказываются принципы местнической иерархии, восходящие к архаическим понятиям (превосходство правой стороны над левой, превосходство «прямого» стола над «кривым» во время царских приемов пиров и т. д.).

Берелович описывает местничество первой половины XVII в. как устоявшуюся систему, которая в таком же виде будет существовать вплоть до его отмены в 1682 году.

Здесь примечателен тонкий анализ поведения князей Г. Г. Ромодановского и В. В. Голицына, в ходе которого автор показывает, что поведение этих деятелей не свидетельствует «ни о малейшем ослаблении местничества» по сравнению с предыдущим поколением русской знати (с. 393—394). Эволюция местничества в XVII в., ставшая предметом исследования Р. Крами³, остается за рамками исследования автора, хотя он и делает здесь ряд важных замечаний. Например, Берелович пишет, что, во избежание местнических конфликтов между многочисленными стольниками патриарха Филарета и другими служилыми людьми, принято было решение о равенстве службы царю и патриарху (с. 165). Ясная линия, ведущая от этого, вполне «технического» по своему замыслу, решения, к властолюбивым притязаниям Никона, вполне очевидна. В конце концов, не показательно ли, что в отношениях царя Алексея Михайловича и патриарха Никона решающим оказалось именно «бесчестье» царским боярином патриаршего служилого человека?

К делам о «бесчестье» Берелович обращается для того, чтобы восстановить позитивные представления, связанные с «честью» служилого человека XVII века. Анализ оскорблений приводит автора к выводу о том, что целью их было «атаковать то, что было наиболее ценным для соперника — честь имени, честь женщин клана» (с. 367). «Мы узнаем, таким образом, что «честь» для москвитя XVII в. значила отомстить за смерть родственника, добившись наказания его убийц, одержать военной успех, или, в более скромном случае... завершить восстановление плотины,— пишет Берелович,— Бесчестье значило быть бедным и обойденным, прослыть погорельцем... или быть лишенным шатра, соответствующего чину». Согласно автору, для русского общества XVII в. было характерно то же самое чувство чести, которое было знакомо скорее героям «Илиады», нежели французским аристократам века Просвещения, которое позволяло «каждому не терять лицо, выгодно выглядеть в чужих глазах», способствуя усвоению коллективной морали, мало задумывающейся о совести или намерениях, и, прежде всего, нацеленной на то, чтобы заставить уважать нормы поведения» (с. 362). При всей обоснованности подобных выводов, представляется, что они относятся ко всему московскому обществу, а не к дворянству (точно так же, как и дела о «бесчестье», в отличие от местнических дел, были распространены по всей социальной шкале).

Наиболее спорным оказывается первый раздел книги, в котором автор вкратце зна-

комит читателя с основными событиями Смутного времени. Здесь характерно восходящее к С. Ф. Платонову деление Смуты на династический, социальный и национальный этапы, причем последний заканчивается у Береловича в 1613 году. Кажется, здесь не были вполне учтены работы А. Л. Станиславского, показавшего как значение событий 1613—1618 гг., так и их несводимость к «национально-освободительной борьбе». Утверждая, что Лжедмитрий I «действительно прибежал к магии, так же, как и Иван IV и Борис Годунов, но при этом обладал меньшими правами на трон» (с. 82), Берелович приравнивает политическое поведение всех трех царей. Как показал В. И. Ульяновский, практика Бориса Годунова была здесь почти скандальной, в то время как именно Лжедмитрий, которому приходилось «играть» в «настоящего царя», вел себя как образцовый православный⁴. Маски, будто бы найденные в покоях самозванца, скорее всего могли быть осмыслены современниками как скоморошья, а не как «халдейские» из «пещного действия», как полагает автор (с. 84). Крайне сомнительным является то, что халдеи, как участники церковного действия, вообще могли носить маски — церковь в своем осуждении маскирования была достаточно последовательной. Что же касается приведенного сообщения Адама Олеария о масках халдеев, то оно отсутствует в немецком издании 1656 г., считающемся каноническим текстом⁵. Впрочем, вопрос о том, откуда взялись маски во французском переводе Вифорта (1659), не так прост, и окончательное его выяснение требует сверки всех прижизненных публикаций Олеария.

А. С. ЛАВРОВ

Примечания

1. ЭСКИН Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
2. KOLLMAN N. S. Ritual and Social Drama at the Muscovite Court. — *Slavic Review*. 1986, Vol. 45, № 3, p. 486—502; KLEIMOLA A. Boris Godunov and the Politics of Mestnichestvo. — *Slavonic and East European Review*, Vol. LIII, № 132, July 1975, p. 355—369.
3. CRUMMEY R. O. Reflections on Mestnichestvo in the 17th Century. — *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 27. Brl. 1980.
4. Средневековое православие от прихода до патриархата. Вып. 2. Волгоград. 1998.
5. OLEARIUS A. Vermehrte Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persischen Reyse. Schleswig. 1656, S. 283—284.